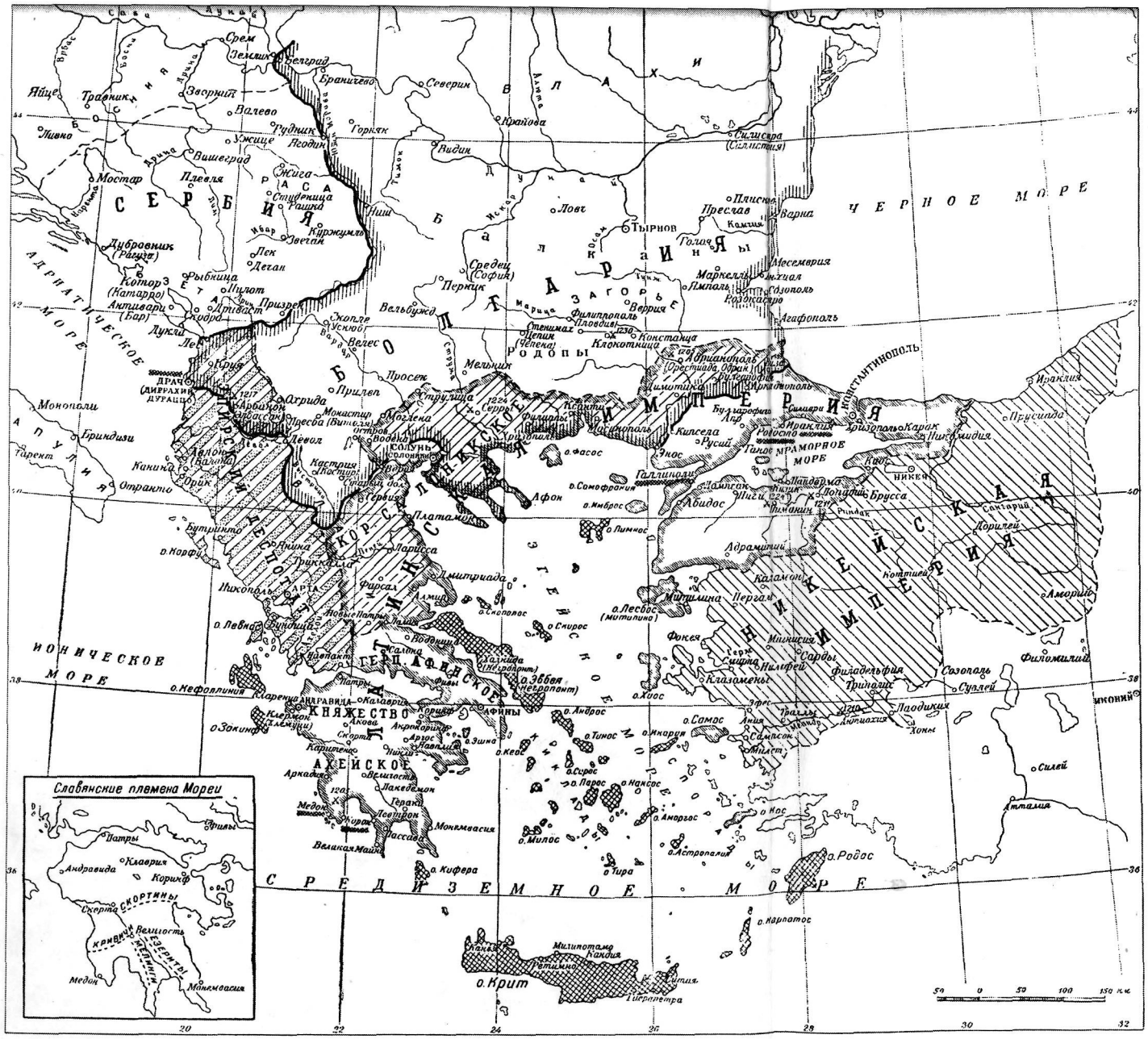
ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

С. П. КАРПОВ

ЛАТИНСКАЯ РОМАНИЯ

Латинская Романия
в XIII в.
– Латинская империя и ее вассалы
– Никейская империя
– Эпирский деспотат
ок. 1214 г.
– Эпирский деспотат при Феодоре Ангеле (до 1230 г.)
– Болгарское царство при Иване II Асене (ок. 1230)
– Владения венецианцев
Славянские племена Морей
СЕРБИЯ
БОЛГАРИЯ
ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ФЕССАЛОНИКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
ЛАТИНСКОЕ КНЯЖЕСТВО
АХЕЙСКОЕ
ГЕРЦОГСТВО АФИНСКОЕ
НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ЭПИРСКИЙ ДЕСПОТАТ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
МРАМОРНОЕ МОРЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ИКОНИЙ
о. Крит
о. Родос
о. Кипр
50 0 50 100 150 км

Латинская Романия в XIV в.

▭ – Византийская империя около 1340 г

▨ – Византийская империя

▨ – Государства Стефана Душана

▥ – Болгария

▦ – Владения турок-османов

(ок 1350)

▩ – Византия около 1402 г

▤ – Владения Анжуйского дома

▦ (Вен) – Владения венецианцев

▒ (Ген) – Генуэзские владения

(1360) – Даты завоевания османами главнейших городов (до 1402 г.)

▩ – Владения иоаннитов

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко (сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель), С. С. Аверинцев, М. В. Бибиков, С. П. Карпов, Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский, И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров, А. А. Чекалова, И. И. Шевченко

С. П. КАРПОВ

ЛАТИНСКАЯ РОМАНИЯ

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000

УДК 940.1
ББК 63.3(0)4
К 26

С. П. Карпов.
К 26 Латинская Романия. — СПб.: Алетейя, 2000 — 256 с.
ISBN 5-89329-247-2

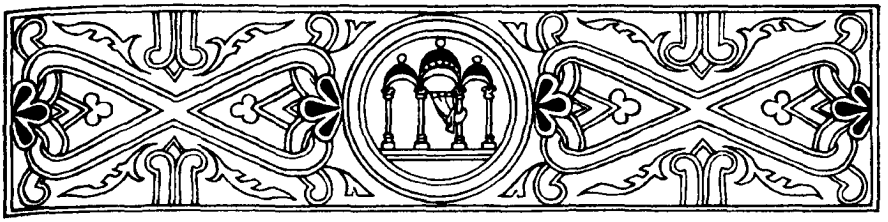
В книге известного отечественного медиевиста и византиниста С. П. Карпова впервые в комплексе исследуется история государств, основанных в XII–XV вв. западноевропейскими рыцарями, а также венецианцами, генуэзцами, каталанцами на завоеванных у Византии или полученных по договорам территориях. Земли Латинской Романии были разбросаны на большом пространстве — от Адриатики до Северного Причерноморья. Их судьбы причудливо переплелись с историей соседних стран и народов, включая Палеологовскую Византию, Золотую Орду, Древнюю Русь... Среди них – и крупные феодальные сеньории (типа Ахейского княжества) и торговые поселения, превращавшиеся подчас в большие города (Кафа, Пера), и небольшие фактории и замки на «чужой» земле. Книга, построенная как система очерков, знакомит читателя с феноменом Латинской Романии, ее своеобразной культурой, с дорогами, связывавшими Запад и Восток, с судьбами людей той далекой эпохи. Среди них и свидетели захвата Константинополя турками в 1453 г., и знатные патриции, служившие трапезундским императорам, и генуэзские консулы, и дерзкие пираты. В книге широко использованы неизданные документы Венецианского, Генуэзского архивов, Петербургских рукописных собраний. Большое внимание уделено межэтническим отношениям, проблемам семьи и брака, формированию новой культуры на основе синтеза византийских и западноевропейских традиций, борьбе и сотрудничеству греков и «латинян» в период классического средневековья.

Книга предназначена специалистам, студентам гуманитарных факультетов вузов, а также самому широкому кругу читателей. Она познакомит Вас с неизвестной стороной истории Византии и Запада.

УДК 940.1
ББК 63.3(0)4

На форзацах: Латинская Романия в XIII в.; Латинская Романия в XIV в. (Карты составлены А. П. Левандовским и опубликованы в издании: Ф. И. Успенский. История Византийской империи. Т. 3. М.-Л., 1948.)

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2000 г.
© С. П. Карпов, 2000 г.

ВВЕДЕНИЕ

Латинская Романия мало известна отечественному читателю. Под этим именем ее не знали и в средневековье. Тогда скорее говорили об империи Романии, просто о Романии, подразумевая под этим достаточно расплывчатые политико-географические реалии[1]. В имени Романия скрыто одно из названий Византии. Эту великую державу впервые разрушили участники Четвертого Крестового похода в 1204 г. и Романией стали обозначать не просто владения «императора греков» или «ромеев», но захваченные и поделенные западноевропейскими рыцарями и венецианцами земли бывшей империи, и прежде всего — новую Константинопольскую (или Латинскую) империю. Постепенно экспансия расширялась, в захватах стали участвовать новые силы (Сицилийское королевство, Генуэзская республика, каталанцы и др.). Натиск с Запада встречал сопротивление греческого Востока. Византийская «реконкиста» вернула в 1261 г. Константинополь и перешла в наступление на Балканах. В XIV–XV в. на арену вступили новые могущественные силы, прежде всего — османы, и история Восточного Средиземноморья изменила свое течение. Греки и «латиняне» нередко выступали теперь союзниками против общей угрозы.

Таким образом, Латинская Романия — это не одно государство, а вся совокупность «западных» владений на византийском Востоке и в Причерноморье. Совокупность пестрая, включавшая и относительно крупные государства и отдаленные маленькие торговые фактории. У нее не было одного политического центра. Даже венецианский и генуэзский колониальные домены были относительно децентрализованы. Самих колонистов и завоевателей на греческом Востоке также называли по-разному: и «франками», и «латинянами», и италийцами и, если на ум приходила античная топика, — авзонами. Католи-

[1] Для генуэзского хрониста начала XV в. Джорджо Стелла, например, понятие Романия, осознаваемое как просторечие, на языке вольгаре *(nunc vulgari nomine,* или *vulgariter)* прочно соединено с понятием Греция (т. е. Византия): *«Grecia que Romania dicitur»*. См.: *Balletto L.* La colonisation orientale dans les «Annales» Génoises de Giorgio Stella // Le Partage du monde. Échanges et colonisation dans la Méditerranée médiévale / sous la direction de M. Balard et A. Ducellier. Paris, 1998. P. 37–38, 45.

ческая церковь в лице папства и монашеских орденов не обладала идеологической монополией, а стремилась максимально приспособиться к сложившимся порядкам и традициям для расширения своего влияния и распространения унии. Она также не стала объединяющим началом. Итак, мы пользуемся условным научным понятием, но близким по духу и словоупотреблению к идентификациям современников.

В регионе, простиравшемся от Ионических островов до устья Дона, от Фессалоники до Кипра, в полиэтничной и многоязыкой среде, проходил сложный процесс культурных взаимодействий, включавший как поиски синтеза в разных сферах жизни и творчества, так и непримиримую борьбу и взаимное неприятие. Экономическое развитие Средиземноморья все более интегрировало Латинскую Романию, включая и ее северо-восточные, Причерноморские области, в относительно унифицированную систему товарно-денежных отношений, усиливая тенденции культурной диффузии[2]. Огромное историческое значение Латинской Романии состояло в передаче византийского культурного наследия Западу и в подготовке там новой, ренессансной культуры. С привезенными рукописями античных авторов, шедеврами искусства, с впечатлениями от увиденных величественных памятников древней и средневековой греческих цивилизаций, с осознанием высоты эллинского гения Европа открывала новые творческие горизонты[3]. Их расширяли и сами греческие ученые, эмигрировавшие в Италию, Францию, на Русь после османских завоеваний. Но это уже другая тема...

Влияние Латинской Романии на культуру Византии и поствизантийского греческого мира также было велико. Вспомним хотя бы крито-венецианскую школу в живописи, подготовившую появление Эль Греко, или знаменитый Ренессансный театр на том же Крите...

Это книга не претендует на систематическое и полное изложение всей многогранной истории Латинской Романии[4]. Она родилась из раз-

[2] *Laiou-Thomadakis A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, XIIIth–XVth Centuries // DOP, 1982, T. 34–35. P. 177–222; *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990; *Крамаровский М. Г.* Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 152–180; *Kramarovsky M.* The Golden Horde and Levant in the epoch of Fr. Petrarca: trade, culture, handcrafts // Rivista di bizantinistica. 1993. T. 3. P. 249–280.

[3] Часто, особенно на первых порах, это наследие не всегда точно оценивалось и атрибуировалось. Это не мешало, однако, его культурному освоению и осмыслению. См.: *Cutler A.* From Loot to Scholarship: Changing Modes in the Italian Response to Byzantine Artifacts, ca. 1200–1750 // DOP. 1995. T. 49. P. 237–267.

[4] См. обзор литературы последних лет по истории Латинской Романии (исключая Причерноморье): *Balard M.* État de la recherche sur la Latinocratie

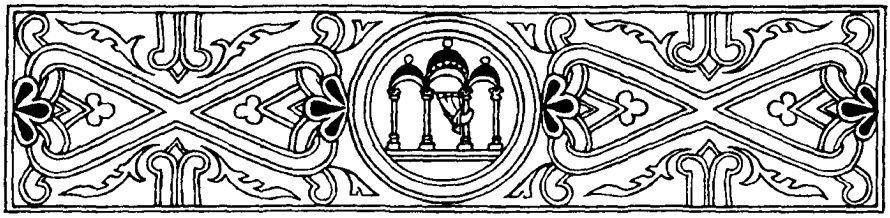
ных очерков, написанных в разные годы. Некоторые из них были опубликованы на иностранных языках и не всегда доступны отечественному читателю. Теперь они переведены или, точнее, представлены в иных авторизованных вариантах. Все разделы значительно обновлены, внесены некоторые поправки и сделано посильное библиографическое обновление, где учтены важнейшие работы, появившиеся в последние годы[5]. Разумеется, идти дальше по этому пути означало бы писать уже другую книгу. Здесь же я ограничивался скромными задачами: попытаться дать представление о Латинской Романии, о системе ее коммуникаций, показать основные тенденции в развитии ее культуры, а также посмотреть на происходящее в ней как бы изнутри — через судьбы людей, через их подвиги и преступления, через культуру повседневности и экстремальные ситуации, через отношение к «другим», к семье и браку. Быть может, именно это придаст некую объемность видения того далекого мира и оправдает метод, соединяющий обобщающую историю с историей людей на основе прежде всего новых архивных материалов, часть которых публикуется в оригинале. Так как книга построена в виде очерков, я не стремился везде исключить возможные повторения.

Сергей Карпов
Москва

en Méditerranée Orientale // Ricchi e Poveri nella Società dell'Oriente Grecolatino. Simposio Internazionale / a cura di Chryssa A. Maltezou. Venezia, 1998. P. 17–36.

[5] Первоначальная публикация указывается в сноске, в начале соответствующего раздела.

Часть 1

ФЕНОМЕН ЛАТИНСКОЙ РОМАНИИ

Латинская Романия[1]

Трагические события апреля 1204 г. отдали Константинополь в руки участников Четвертого Крестового похода[2]. Катастрофа, казавшаяся многим современникам столь неожиданной и невероятной, была подготовлена длительным процессом децентрализации Византии, усилившимся с конца XII в.[3] В 1204 г. западноевропейские рыцари и венецианцы подписали договор о разделе земель империи Романии, ставший юридической основой предстоящих территориальных захватов[4]. Впрочем, они начались еще ранее. С 1185 г. Ионические острова, Кефалония, Закинф и Итака были отторгнуты у Визан-

[1] Первоначальная публикация (с сильно сокращенным библиографическим аппаратом) в кн.: Культура Византии. XIII–первая половина XV в. М., 1991. С. 12–31.

[2] Из многочисленнейших работ о Четвертом Крестовом походе назовем лишь последнюю, синтезирующую результаты многих исследований при четко выраженной собственной позиции авторов: *Queller D. E., Madden Th. E.* The Fourth Crusade. The Conquest of Constantinople. 2 ed. Philadelphia, 1997.

[3] *Удальцова З. В.* Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071–1261) // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976; *Каждан А. П.* Центростремительные и центробежные силы в византийском мире (1081–1261 гг.) // Ibid; *Oikonomidès N.* La décomposition de l'Empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée: à propos de la «Partitio Romaniae» // Ibid.; *Savvides A. G. C.* Βυζαντινά στασιαστικά και αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκάνησα και στη Μικρά Ασία 1189-c. 1240 M. X. Athenai, 1987; *idem.* Internal Strife and Unrest in Later Byzantium, XI th–XIII th Centuries (A. D. 1025–1261). The Case of Urban and Provincial Insurrections (Causes and Effects) // Σύμμεικτα. 1987. Т. 8. Σ. 237–274; *Cheynet J.-C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990. [Byzantina Sorbonensia, 9.]

[4] *Carile A.* Partitio terrarum Imperii Romanie // SV. 1966. T. VII. P. 125–305.

тии норманским королем Вильгельмом II (с 1194 г. там утвердилась итальянская династия Орсини). В 1191 г. английский король Ричард Львиное Сердце захватил Кипр, затем продал его госпитальерам, которые, в свою очередь, через год уступили остров бывшему иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну. Но после 1204 г. завоевания византийских земель осуществлялись планомерно, что привело к созданию целой сети «латинских» государств и владений на значительной части бывшей империи ромеев. Этот процесс не завершился в начале XIII в. Постепенно ослабевая, перемежаясь с греческой «реконкистой» утраченных территорий, он продолжался вплоть до XV в., когда предел ему положила османская экспансия.

Совокупность владений западноевропейских феодалов, а также итальянских морских республик, Генуи и Венеции, на территории Византии получила название Латинской Романии[5]. Ее крупнейшими государствами были: Латинская империя с центром в Константинополе (1204–1261)[6], Фессалоникское государство (1204–1224, с 1209 г. королевство)[7], Ахейское (Морейское) княжество на Пелопоннесе (1205–1432)[8], Афинская сеньория (1205–1456, с 1260 г. — герцогство)[9], владения рыцарского духовного ордена госпитальеров (иоаннитов) на Родосе и островах Додеканеса (1306–1522)[10]. Помимо крупных государств, на территории Греции было немало семейных держаний, как графства Водоницы и Салоны, обычно зависевших от сеньоров Афин

[5] К вопросу о термине см.: *Wolff Lee R.* Romania: the Latin Empire of Constantinople // *idem.* Studies in the Latin Empire of Constantinople, 1976, N II. P. 1–32; *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959 (repr.: 1975). P. 1–3; *Carile A.* Impero romano e Romania // La nozione di «Romano» tra cittadinanza e università. Napoli, 1984. P. 247–261.

[6] См. о ней: *Belin F. A.* Histoire de la latinité de Constantinople. Paris, 1894; *Gerland F.* Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Hamburg, 1905; *Longnon J.* L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. Paris, 1949; *Wolff R. L.* Studies in the Latin Empire of Constantinople. London, 1976; *Carile A.* Per una storia dell'Impero latino di Costantinopoli. Bologna, 1978; *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя (1204–1261). София, 1985; The Latin Empire. Some Contributions / ed. by V. D. van Aalst, K. N. Cigaar. Hernen, 1990; *Lock P.* The Franks in the Aegean. London; New York, 1995.

[7] *Wellas M. P.* Das westliche Kaiserreich und das lateinische Konigreich Thessalonike. Athena, 1987; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224–1242). Thessaloniki, 1996.

[8] *Bon A.* La Morée franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430). Paris, 1969; *Медведев И. П.* Мистра. Л., 1973; *Ilieva A.* Frankish Morea (1205–1262). Athens, 1991.

[9] *Setton K. M.* Athens in the Middle Ages. London, 1975

[10] *Delaville le Roulx J.* Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre (1100–1310). Paris, 1904; *idem.* Les Hospitaliers à Rhodes jusqu'à la mort de Philibert de Naillac (1310–1421). Paris, 1913 (repr.: London, 1974); *Luttrell A.* The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West (1291–1440). London, 1978; *idem.* The Hospitallers of Rhodes and their Mediterranean World. London, 1992.

или Фив. Таким образом, Южные Балканы представляли собой пеструю картину различных «франкских» и греческих владений[11]. Несколько особое положение занимало Кипрское королевство Лузиньянов (1192–1489), унаследовавшее традиции государств крестоносцев в Святой Земле[12].

Большое стратегическое и торговое значение имели приобретения Венецианской республики. Помимо части Константинополя, Венеция удерживала купленный у одного из вождей Четвертого Крестового похода и будущего правителя Фессалоники Бонифация Монферратского остров Крит (1206–1669)[13], а также остров Корфу (1207–1214, 1386–1797), важнейшие порты Южного Пелопоннеса Корон и Модон (1207–1500), крепости Навплий (1389–1540), Аргос (1394–1463), Навпакт (Лепанто, 1407–1499 гг.), Монемвасию (1464–1540). Короткое

[11] Лучшей обобщающей работой о «франкскской Греции» в целом на сегодняшний день является кн.: *Lock P.* The Franks... См. также важные исследования о государствах крестоносцев в различных частях Балкан и Эгеиды: *Buchon J. A.* Histoire des conquêtes et d'établissement des Français dans les États de l'ancienne Grèce sous les Villehardouin à la suite de la Quatrième croisade. Paris, 1846. T. 1; *Miller W.* The Latins in the Levant. A History of Frankish Greece (1204–1566). London, 1908; *Loenetrz R.* Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970–1978. T. 1–2; *Jacoby D.* La Féodalité en Grèce médiévale. Paris, 1971; *idem.* Société et démographie à Byzance et en Romanie latine. London, 1975; *idem.* Social Evolution in the Latin Greece // A History of the Crusades / ed. K. M. Setton. Madison, 1989. Vol. VI. P. 175–221; *Topping P.* Studies on Latin Greece A. D. 1205–1715. London, 1977; *Dennis G. T.* Byzantium and the Franks, 1350–1420. London, 1982; *Μπούτσικας Α.* Η Φραγκοκρατία στην Ηλεία, 1205–1428. Athenai, 1985; *Kordoses M. S.* Southern Greece under the Franks (1204–1262). Ioannina, 1987; Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204 // Mediterranean Historical Review, 1989. T. 4; *Kedar B. Z.* The Franks in the Levant, 11th to 14th Centuries. London, 1993; *Ченцова В. Г.* Города Греции в системе торговых связей Восточного Средиземноморья (XIII–XV вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1995. Общий обзор состояния исследований по истории Латинской Романии в последние годы см.: *Balard M.* État de la recherche sur la Latinocratie en Méditerranée Orientale // Ricchi e Poveri nella Società dell'Oriente Grecolatino. Simposio Internazionale / a cura di Chryssa A. Maltezou. Venezia, 1998. P. 17–36.

[12] *Mas-Latrie L.,de.* Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. Paris, 1852–1861. Vol. 1–3; *Hill G.* A History of Cyprus. Cambridge, 1948. Vol. II, Parts 1–2 (repr.: London, 1972); *Richard J.* Les relations entre l'Occident et l'Orient au Moyen Âge. London, 1977; *idem.* Croisés, missionaires et voyageurs. Les perspectives orientales du monde latin médiéval. London, 1983; *idem.* Croisades et États latins d'Orient. London, 1992; *Kyrris C.* History of Cyprus. Nicosia, 1985; *Близнюк С. В.* Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре, 1192–1373. М., 1994; Ιστορία της Κύπρου. Nicosia, 1995–1996. T. 4–5; *Coureas N.* The Latin Church in Cyprus, 1195–1312. Ashgate, 1997; *Edbury P.* The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374. Cambridge, 1991; *idem.* Kingdoms of the Crusaders. From Jerusalem to Cyprus. Ashgate, 1999; Les Lusignans et l'Outre-Mer. Poitiers, 1995.

[13] О венецианском Крите см.: *Borsari S.* Il dominio veneziano a Creta nel XIII secolo. Napoli, 1963; *Zachariadou E. A.* Trade and Crusade. Venetian Crete

время, с 1395 по 1402 г., венецианцы управляли Афинами. В 1209–1211 гг. Венеция установила свой протекторат над тремя ломбардскими сеньорами (терциариями), правившими Негропонтом (Эвбеей), а с 1390 по 1470 гг., непосредственно включила остров в состав своих колониальных владений. Ряд городов, правда недолго, принадлежал Венеции и в Малой Азии, главным образом близ Геллеспонта. Это Лампсак, Галлиполи и Ираклия (1205/6–1224/5).

Создавая свою колониальную империю, Республика Св. Марка ограничивалась прямым захватом тех территорий, которые являлись узловыми пунктами мировой коммерции, имели решающее значение для установления торговой монополии Венеции в Восточном Средиземноморье. На большие территориальные приобретения не хватало людских и материальных ресурсов. Поэтому Венеция первоначально поощряла колониальные захваты, предпринимавшиеся отдельными патрицианскими семействами, предоставляя им право на собственные средства снаряжать экспедиции и овладевать беззащитными островами Эгеиды. Таким способом Марко Санудо основал герцогство Архипелага (1207–1566), включавшее наиболее значительные острова Киклад Наксос, Парос, Тиру, Милос, Сифнос, Андрос (в 1207 г. переданный во фьеф другому патрицию, Марино Дандоло) и др. Филокало Навагайозо в 1207 г. захватил остров Лемнос, остававшийся во владении его потомков до 1277–1279 гг., когда он вновь перешел под власть Византии, вместе с Кеей, Серифосом, Тирой и пр. Еще одной островной династией стал род Гизи, завоевавший в 1207 г. Спорады (Скирос, Скиафос и Скопелос), а также Тинос и Миконос. Род Веньеров до 1363 г. коллективно владел островом Китира. Первоначально независимые, враждовавшие друг с другим правители Эгеиды, стремившиеся к самостоятельности и потому приносившие сначала оммаж латинскому императору (как Санудо в 1207 г.), или иным государям, постепенно признали протекторат Венеции, а принадлежавшие им острова либо включались в состав прямых владений Республики (как, например, земли Гизи в 1390 г.), либо раздавались в качестве феодальных держаний. Последним крупным приобретением Венеции стал Кипр (1489 г., под протекторатом Республики с конца 60х годов XV в.)[14]. В годы существования Латинской империи (1204–

and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983; *Gallina M.* Una società coloniale del Trecento. Creta tra Venezia e Bisanzio. Venezia, 1989; *Maltezou Chr. A.* The Historical and social context // Literature and Society in renaissance Crete / ed. D. Holton. Cambridge, 1991. P. 17–47; *eadem.* Creta fra la Serenissima e la Superba // Oriente e Occidente tra medioevo ed età moderna. Studi in onore di Geo Pistarino / a cura di L. Balletto. Acqui Terme, 1997. T. 2. P. 763–774; *eadem.* Η Κρήτη στη διάρκεια της περιόδου της Βενετοκρατίας (1211–1669) // Κρήτη. Ιστορία και Πολιτισμός. Κρήτη. 1988. T. 2. Σ. 105–161; Venezia e Creta. Atti del Convegno int. di studi/ a cura di G. Ortalli. Venezia, 1998 (там и библиография осн. исследований).

[14] О Венецианской Романии см.: *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; *Thiriet F.* La Romanie Véni-

1261) венецианские купцы, как показал недавно Д. Якоби, развернули в Константинополе активную предпринимательскую деятельность и располагали значительными капиталами[15]. В XIV в. Венеция смогла также закрепиться в Причерноморье, где устроила укрепленные фактории в Трапезунде и Тане, выдерживая жесткое сопротивление соперников-генуэзцев[16].

Генуя не являлась участницей Четвертого Крестового похода. Ее проникновение на византийскую территорию было облегчено мирным договором с никейским императором Михаилом VIII Палеологом (1261 г.), вскоре после этого соглашения отвоевавшим Константинополь. Генуэзцы основали крупные фактории, превратившиеся затем в большие, хорошо укрепленные городские центры: Перу в Галате (1267–1453) и Каффу (Феодосию) в Крыму (60-е годы XIII в.–1475 г.). Все побережье Черного моря было усеяно генуэзскими поселениями, факториями, крепостями, лежащими часто на территории, принадлежавшей местным греческим, мусульманским и грузинским правителям. Их предоставление регулировалось первоначально договорами с ханами Золотой Орды, трапезундскими и византийскими императорами, но постепенно они расширяли свою автономию, обретая, как Каффа или Пера, все большую автономию, в том числе, и от метрополии. Так в Крыму возникла генуэзская Газария — комплекс городов, крепостей и деревень (казалий), находившихся под юрисдикцией консула Каффы. Наибольшее значение там играли мощные крепости Солдайи (Судак), Чембало (Балаклава) и Воспоро (Керчь). В Западном Причерноморье генуэзцы опирались на фактории, расположенные в

---

tienne...; *idem.* Études sur la Romanie gréco-vénitienne (Xe–XVe siècles). London, 1977; *Loenertz R. J.* Byzantina...; *Borsari S.* Studi sulle colonie Veneziane in Romania nel XIII secolo. Napoli, 1966; *Maltezou Chr.* Ὁ θεσμὸς τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Βενετοῦ βαΐλου (1268–1453). Athenai, 1970; *Frazee Ch., Frazee K.* The Island Princes of Greece. The Dukes of the Archipelago. Amsterdam, 1987; *Ravegnani G.* La Romania Veneziana // La Storia di Venezia dalle origini alla caduta della Serenissima. T. 2: L'età del Comune / a cura di G. Cracco — G. Ortalli. Roma, 1995. P. 183–231; *Jacoby D.* La Venezia d'Oltremare nel secondo Duecento // ibid., P. 263–269.

[15] *Jacoby D.* Venetian Settlers in Latin Constantinople (1204–1261). Rich or Poor? // Ricchi e Poveri... P. 181–204.

[16] *Ковалевский М. М.* К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905. Т. 2. С. 109–174; *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe–milieu XVIe siècle) // Turcica, 1976, T. VIII/1. P. 110–201; *Papacostea Ş.* «Quod non iretur ad Tanam». Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // RESEE. 1979. T. XVII, N 2. P. 201–217; *Martin M.* The Venetians in the Black Sea: a general Survey// Rivista di Bizantinistica. 1993. T. 3. P. 227–248; *Карпов С. П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.,1994. См. также прим. 17.

устьях главных рек — Днепра (Илличе), Днестра (Монкастро — Белгород), Дуная (Килия, Ликостомо). В Восточном — на Тану (Азов), Матрегу (Тмутаракань, на Таманском полуострове), Мапу (Анапа), Севастополис (Сухуми), Фассо (Поти), Ло Вати (Батуми). Наконец, в Анатолии генуэзцы создали важнейшие торговые фактории в Трапезунде, Синопе, Симиссо (Самсун), Понтираклии (Эрегли). Многие из них являлись терминалами сухопутных дорог к побережью и имели большое значение не только в местной, но и в международной посреднической торговле. Каффа и Тана, кроме того, были главными центрами работорговли в регионе[17]. В Эгейском море генуэзцам принадлежали остров Хиос (1346–1566) и Фокея с богатыми месторождениями квасцов. С 1384 по 1464 г. они владели также крупнейшим портом Кипра Фамагустой. Генуэзская фамилия Гаттилузи правила островами Митилена (Лесбос, 1355–1462 гг.), Фасос (с 1427 г.), Лемнос (с 1453/6 г.), Самофракия и Имврос (1409–1456), городом Энос на Фракийском побережье (с 1383 г.)[18].

Характерной особенностью генуэзской колонизации было то, что она осуществлялась в основном не государством (слабым и раздираемым внутренними противоречиями), а различными объединениями

[17] *Мурзакевич Н. Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Paris, 1885–86. T. 1–2; *Bratianu G.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929; *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 72–129; *Malowist M.* Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947; *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М., 1973; *Karpov S. P.* L' impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986; *Gjuzelev V.* Medieval Bulgaria. Byzantine Empire. Black Sea — Venice-Genoa. Villach, 1988; *Гюзелев В.* Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII–началото на XV век). София, 1995; *Strässle P. M.* Der internazionale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261–1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern — Frankfurt a. M., NY-P.,1990; *Balard M.* Byzance et les régions septentrionales de la mer Noire (XIIIe–XVe siècles). // Revue Historique, 1993, t. 288, N 1, p. 19–38; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995; *он же.* Образование городской коммуны Кафы (до сер. XV в.). Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 1997; *Cristea O.* Bibliografia istorică românească a Mării Negre. Bucureşti, 1996; Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. М.-СПб., 1991–1998. Вып. 1–3. См. также прим. 18.

[18] О Генуэзской Романии см.: *Lopez R. S.* Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938 (repr.: Genova, 1997); *idem.* Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978, T. I–II; *idem.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIII–XVe siècles). London, 1989; *Stringa P.* Genova e la Liguria nel Mediterraneo: insediamenti e culture urbane. Genova, 1982; *Balletto L.* Genova Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII–XV). Genova, 1976; *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988; *idem.* Genovesi d'Oriente. Genova, 1990; *idem.* I Signori del mare. Genova, 1992; *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994.

генуэзских граждан-предпринимателей, патрицианских и пополанских семейств (альберги), торговыми компаниями, ассоциациями финансистов — кредиторов государства (компере), специально создаваемыми обществами по эксплуатации доходов той или иной территории (маоны, особенно известна маона Хиоса). В XV в. в генуэзской колониальной политике огромную роль играл знаменитый Банк Сан-Джорджо, которому с 1453 г. принадлежали все черноморские владения генуэзцев. Распыленность поселений, городов и колоний, отсутствие четких политических границ, разнообразие форм управления, широкая автономия отдельных факторий, объединенных в лучшем случае вокруг какого-либо крупного регионального центра (как, например, Каффа), а не вокруг метрополии, сохранившей лишь политический суверенитет и некоторые контрольные административно-финансовые функции, делали Генуэзскую Романию непохожей на колониальную империю типа венецианской, с ее жесткой централизованностью. Не без основания Дж. Пистарино назвал совокупность генуэзских поселений, разбросанных на большой территории от Британских островов до Азовского моря, «федерацией» (commonwealth)[19]. Она основывалась на общности генуэзского гражданства правящих слоев, торгово-предпринимательских интересов, обычаев и юридической практики.

На Ионических островах с 1357 г. установилось господство неаполитанского рода Токко. Основатель династии Леонардо I, «палатинский граф Кефалонии, Итаки и Занты», в 1362 г. стал сеньором Левкадии и Водицы. А один из его преемников, Карло I, овладев Яниной, получил в 1415 г. титул деспота от византийского императора Мануила II Палеолога. Захватив в следующем году Арту, он воссоздал под латинским владычеством Эпирское государство. Впрочем, судьба последнего не была долговечной: в 1430 и 1449 гг. обе его столицы были завоеваны османами. Токко же признали суверенитет Венеции, к которой в 1482 г. отошли их последние владения — Ионические острова. Такой в общих чертах была политическая картина Латинской Романии.

Латинские завоевания, и прежде всего взятие Константинополя, привели к перемещению колоссальных материальных и культурных ценностей. Участник похода рыцарь Робер де Клари полагал, что «и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе» крестоносцами[20]. Того же мнения придерживался и один из вождей похода, маршал Шампани и хронист Жоффруа де Виллардуэн: в Константинополе была взята самая крупная добыча со времен сотворения мира. Лишь официальному распределению между франками и венецианцами подлежала неве-

[19] *Pistarino G.* Gente del Mare nel Commonwealth genovese // Le Genti del Mare Mediterraneo. Napoli, 1981. Vol. I. P. 203–204; *idem.* Comune, «Compagna» e Commonwealth nel medioevo genovese // *idem.* La Capitale del Mediterraneo: Genova nel Medioevo. Bordighera, 1993. P. 105–126.

[20] *De Clary R.* La Conquête de Constantinople. Paris, 1924. P. 80–81; *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / Пер., ст. и комм. М. А. Заборова. М., 1986, С. 58.

роятная сумма — 900 тыс. марок серебра (ок. 215 т) и 10 тыс. сбруй[21]. Но это лишь часть того, что досталось победителям после грабежей и расхищений, остановить которые было невозможно[22]. Католическое духовенство присваивало многочисленные реликвии, которые ценились ничуть не меньше драгоценных металлов и так же, как они, служили объектом торговли. Подчас между победителями разыгрывались целые баталии за наиболее ценные греческие святыни. Так, например, в 1206 г. венецианский подеста Константинополя, ворвавшись с отрядом воинов в храм Св. Софии, силой отнял у клириков переданную императором Генрихом I латинскому патриарху Томмазо Морозини почитаемую икону Одигитрии, по преданию писанную евангелистом Лукой, оклад которой был усыпан драгоценными камнями. Икона эта затем, вплоть до 1261 г., хранилась в принадлежавшей венецианцам церкви Пантократора в Константинополе, несмотря на анафему, торжественно произнесенную патриархом и подтвержденную в 1207 г. папой Иннокентием III[23].

Сокровищницы стран Западной Европы, особенно Венеции, также интенсивно пополнялись большими и малыми памятниками древнего и византийского искусства[24]. Никита Хониат нарисовал впечатляющую картину разграблений и нередко уничтожений произведений искусства и привел длинный список погибших памятников, в числе которых были расплавленные на металл знаменитые античные статуи[25]. Судьба Константинополя повторялась затем, хотя и в неизмеримо меньших масштабах, при захвате Фив, Афин и других балканских городов. В Афинах, в частности, была разорена митрополия, находившаяся в Парфеноне, и опустошена библиотека, которую годами собирал брат Никиты Хониата митрополит Афинский Михаил. В одном из писем Михаил жалуется епископу Эврипскому Феодору: «Тебе известно, что я привез с собой немало книг из Константинополя в Афины, да и там еще приобретал новые. И не представлял я никогда, для кого собираю эти сокровища. Да и могло ли мне, несчастному, на ум прийти, что я делаю это не для своих соплеменников, а для италийских варваров: ведь они не в состоянии ни читать в подлиннике эти творения, ни разуметь их с помощью перевода. Скорее ослы постигнут гармонию музы и скорее навозные жуки станут наслаждаться благовонием мирт, чем латиняне проникнутся

[21] *Villehardouin G., de.* La Conquête de Constantinople. P., 1939. T. 2. § 250, 254–255.

[22] *Ferrard Ch. G.* The Amount of Constantinopolitan Booty in 1204 //SV. 1971. T. 13. P. 95–104.

[23] *Wolff R. L.* Footnote to an incident of the Latin occupation of Constantinople // Traditio. 1948. T. 6. P. 319–328.

[24] *Riant P., de.* Exuviae Sacrae Constantinopolitanae. Genevae, 1877. T. 1; *Pertusi A.* Exuviae Sacrae Constantinopolitanae. A proposito degli oggetti bizantini esistenti oggi nel Tesoro di San Marco // SV, n. s. 1978. T. 2. P. 251–255.

[25] *Nicetae Choniatae* Historia / rec. I. A. van Dieten. Berlin; NY, 1975. P. 647–655.

очарованием красноречия»[26]. Такое суждение было характерно для образованного грека в эпоху завоевания.

Завоевание, осознанное как глубокое социальное и культурное несчастье, сразу же вызвало «исход» из многих захваченных городов. Из Константинополя в первую очередь уходили люди состоятельные, принадлежащие к высшей административной и церковной верхушке империи. Жители окрестных деревень встречали их с презрением и ненавистью, видя унижение гордой константинопольской знати, повинной, по их мнению, в бедствиях, постигших империю[27]. Постепенно город стали покидать и другие категории населения, чему способствовала религиозная и экономическая политика завоевателей. Вынужденная эмиграция укрепляла очаги сопротивления латинянам и была опасна для их господства. Дело в том, что после взятия Константинополя количество крестоносцев едва ли значительно превышало 50 тыс. человек, среди которых было лишь несколько тысяч рыцарей[28]. В Адрианопольской битве 14 апреля 1205 г., когда войска Латинской империи были разгромлены болгарами, крестоносцы потеряли, по оценке Виллардуэна, 7 тыс. человек[29]. И императору Балдуину I (взятому в плен и погибшему там) и тем более его преемнику Генриху I было ясно, что рассчитывать на захват всех византийских земель с такими силами не приходится. А надежды на приток с Запада и из латинской Сирии воинов, клириков и колонистов не оправдывались. Напротив, нередко, а особенно при осознании опасности захвата Константинополя, рыцари покидали город, реже — феоды в Греции, и возвращались на Запад. Так, например, по подсчетам Д. Якоби, в Морее около 1205 г. насчитывалось всего около 450, а к 1338 г. — 1000 рыцарей. В Афинах в конце XIV в. было лишь несколько сотен «франков»[30]. Немногими переселенцами приехавшими в завоеванные «франками» земли были выходцы из гибнувших латинских государств в Сирии, из Бургундии, Шампани, Фландрии, Ломбардии, Монферрата, немногие — из Флоренции и Пизы, после 1302 г. — каталанцы, а также гасконские и наваррские наемники. Ожидавшегося массового притока воинов с Запада не произошло[31].

---

[26] Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου Τὰ σωζόμενα / ed. Sp. Lampros. Athenai, 1879. T. II. P. 295.

[27] *Nic. Chon.* Historia, P. 587–591, 593–594, 644–645.

[28] *Carile A.* Movimenti di popolazione e colonizzazione occidentale in Romania nel XIII secolo alla luce della composizione dell' esercito crociato nel 1204 // BF. 1979. Bd. 7. P. 5–22: *Hendrickx B.* À propos du nombre des troupes de la IV-ème Croisade et de l'empereur Baudouin I //Byzantina. 1971. T. 3.

[29] *Villehardouin G., de.* La Conquête... § 376.

[30] *Jacoby D.* Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe–au XVe siècle. London, 1979. N I P. 20–21.

[31] *Lock P.* The Franks... P. 10–12; *Balard M.* L'emigrazione monferrino-piemontese in Oriente (secc. XII–XV) // Atti del Congr. Int. «Dai feudi monferrini

Венецианская колонизация, как и генуэзская, в основном носила торговый характер[32]. В ней участвовало довольно ограниченное число людей, оседавших на постоянное жительство в колониях и факториях. Наиболее интенсивно осуществлялась военная колонизация Крита, хотя и она не была массовой. По оценкам Ф. Тирье, к 1211 г. на острове было 1080, к 1252 г. — немногим более 2000 коренных венецианцев, к концу XV в. — 7000. Д. Якоби оценивает колонизацию XIII в. еще скромнее: к 1252 г. — 640 колонистов, некоторые — с семьями. В целом, по данным Ф. Тирье, возможно даже несколько завышенным, на Ионических островах и Корфу венецианцы составляли половину населения, или 1–1,5 тыс. человек, в Короне и Модоне 10 тыс. (включая и «натурализованных» венецианцев, т. е. местных жителей, получивших венецианские привилегии), в Константинополе — 2 тыс. человек, в Тане и Трапезунде — 800. В середине XIV — середине XV в. в Венецианской Романии жило около 20 тыс. западноевропейцев[33]. Постепенно на подвластных Венеции территориях Латинской Романии возрастало присутствие западноевропейцев невенецианского происхождения (каталанцев, фламандцев, выходцев из разных городов Северной Италии и Южной Франции)[34].

В Генуэзской Романии число выходцев из Лигурии было значительным в крупных городах, как Пера и Каффа, на Хиосе, но и там генуэзцы оставались в меньшинстве, по сравнению с местным греческим, армянским, татарским и иным населением. Вместе с генуэзцами в процессе колонизации принимали участие и переселившиеся в Геную жители других североитальянских городов. Однако преобладание среди переселенцев на Восток лигурийцев было значительным[35]. Относительно многочисленным, от 25 до 30 тыс. человек, было ла-

---

e del Piemonte ai nuovi mondi oltre gli Oceani». Alessandria, 1993. T. 1. P. 249–261; *idem.* Génois et Pisans en Orient (fin du XIIIe-début du XIVe siècle) // Genova, Pisa e il Mediterraneo tra Due — e Trecento. Genova, 1984. P. 179–209; *Balletto L.* Piemontesi del Quattrocento nel Vicino Oriente // Rivista di storia, arte e archeologia per le provincie di Alessandria e Asti. Annata XCIX, 1990. P. 21–108.

[32] *Stöckly D.* Aspects de la «colonisation vénitienne»: commerce d'État et mobilité sociale au XIVe siècle // Le Partage du monde. Échanges et colonisation dans la Méditerranée médiévale / sous la direction de M. Balard et A. Ducellier. Paris, 1998. P. 49–61.

[33] *Thiriet F.* Recherches sur le nombre des «Latins» immigrés en Romanie Gréco-Vénitienne aux XIIIe — XIVe siècles //Byzance et les Slaves. Paris, 1979. P. 421–436; *Jacoby D.* La colonisation militaire Vénitienne de la Crète au XIIIe siècle. Une nouvelle approche // Le Partage du monde... P. 297–313.

[34] *Dourou-Iliopoulou M.* Δυτικοί στη βενετοκρατούμενη Ρωμανία (Κρήτη, Μεθώνη, Κορώνη) από το 1261 ώς το 1386. Γενική επισκόπηση // Thesaurismata. 1997. T. 27. Σ. 37–64.

[35] *Balard M.* Les Génois en Crimée aux XIIIe-XIVe siècles // АП. 1979. T. 35. P. 2–1–217; *idem.* La Romanie... T. 1. P. 229–269; *Racine P.* De la plaine à la mer: les gouvernements communaux et les problèmes d'émigration outre-mer // Le Partage du monde... P. 9–21.

тинское, в XIII–XIV вв. преимущественно французское, население Кипра. Однако, и в этом случае оно не превышало четверти всего населения острова[36].

Малочисленность завоевателей делала их господство непрочным. В условиях, когда создавались очаги сопротивления их власти, в Малой Азии и на Балканах образовывались греческие государства, объявлявшие себя наследниками Византии, латинские правители должны были идти на уступки: поддерживать и консервировать старые общественные отношения, временами смягчать религиозный гнет и все шире привлекать к сотрудничеству греческих архонтов, включая их в новый господствующий класс в качестве его особого слоя[37]. Там, где устойчивого союза хотя бы с частью прежнего господствующего класса не удавалось достигнуть, господство «франков» становилось особенно шатким. Так, например, император Балдуин I изначально в самой резкой форме отклонил предложение византийских чиновников и воинов служить ему как новому государю, а затем столь же неосмотрительно отверг мирные предложения болгарского царя Калояна[38]. Это привело к страшному разгрому его войск при Адрианополе (1205 г.)[39], поставившему Латинскую империю на грань катастрофы. Преемник погибшего Балдуина Генрих I, умный и осторожный политик, меняет курс, стремясь привлечь на свою сторону жителей Константинополя. Он назначает правителями областей греческих архонтов Феодора Врану, Георгия Феофилопула и др. Становилось очевидным, что латинское господство не могло существовать без сотрудничества местной знати. А на то, что у ее части имелись такие настроения, указывает так называемое письмо греков к Иннокентию III (1204 г.)[40]. И тем не менее в самой Латинской империи такого союза с греческой верхушкой не сложилось: преемники Генриха I с крайним недоверием относились ко всем грекам. Балдуин II, в частности, в письме к французской королеве Бланш в 1243 г. с жаром уверял, что не пользуется никакими советами греков и прислушивается лишь к мнению «знатных и добрых мужей Франции», которые находились при нем. Слухи же о том, что у него было два советника-грека, ложны[41].

---

[36] *Rudt de Collenberg W. H.* Le déclin de la société franque de Chypre entre 1350 et 1450 // Κυπριακαί Σπουδαί. 1982. Т. 46. P. 76.

[37] См., напр.: *Ferluga J.* Aristocrazia bizantina e crociati agli inizi del secolo XIII // Östliches Europa, Spiegel der Geschichte. Festschrift für M. Hellmann. Wiesbaden, 1977, S. 108–124; *idem.* L'aristocratie byzantine en Morée au temps de la conquête latine // BF. 1972. Bd. 4. S. 76–87; *Gounaridis P.* Οι πολιτικές προϋποθέσεις γιά την αντίσταση στους Λατίνους το 1204 // Σύμμεικτα. 1983. Т. 5. Σ. 143–160.

[38] *Nic. Chon.* Historia, P. 598. 83–89, 612. 46–52, 613. 58–63.

[39] См. об этом: *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя... С. 60–73.

[40] PG, t. 140. P. 293–296; *Горянов Б. Т.* Религиозно-полемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в Византии XIII–XV вв. // ВВ. 1956. С. 135.

[41] *Teulet A.* Layettes du trésor des chartes. Paris, 1866. Т. 2. P. 518–519.

Несколько иначе обстояло дело на Балканах и в других районах Латинской Романии. После завоевания большей части Пелопоннеса в 1205 г. начался раздел его территории на фьефы между участниками похода Гийома де Шамплита и Жоффруа Виллардуэна. Секвестру подлежал бывший императорский домен и владения фиска, поместья крупнейших представителей византийской аристократии, а также средних и мелких архонтов, отказавшихся подчиниться завоевателям и покинувших Морею. Отчуждалась и часть земель архонтов, признавших новый социальный порядок. Вместе с угодьями латиняне получали и крестьян-париков. За единицу рыцарского феода принималась земля с доходом 300 анжуйских ливров в год. Большие сеньоры получали столько феодов, сколько у них было рыцарей, а также земли для собственного домена[42]. В домен князя Мореи из династии Виллардуэнов вошли Коринф, названный хронистом «ключом ко всей Морее»[43], бóльшая часть Элиды и ряд замков, управлявшихся кастелланами. Князь признал себя сначала вассалом латинского императора, затем — неаполитанского короля. Но он был связан не столько выполнением обязательств по отношению к сеньору (его власть в XIII в. была номинальна), сколько соблюдением многообразных кутюм княжества и прав своих вассалов, которым он приносил присягу. Монарх не распоряжался территорией своего государства, и лишь парламент — ассамблея всех сеньоров (иногда вместе с представителями городов) — был правомочен вносить изменения в порядок распределения земель, мог отчуждать часть территории княжества. Верхушку иерархии составляли бароны, считавшиеся пэрами князя. Они имели от 4 до 24 рыцарских феодов. Далее, по системе иерархии, следовали рыцари-лигии (ближние вассалы), приносившие вассальную присягу (оммаж) князю или какому-либо барону. Лигии располагали собственной феодальной курией, могли иметь вассалов и, если владели фьефом «по праву завоевания», т. е. изначально, могли по своему усмотрению передать его по наследству. Воинская служба лигия в пользу сеньора составляла 4 месяца в походе и 4 — в пограничном гарнизоне или крепости ежегодно. Какие это были месяцы, определял сеньор. Без особого разрешения вассал не мог покинуть территорию княжества и уехать «за море». Право суда над ним принадлежало не князю, а баронской курии или курии лигиев. Низшим слоем господствующего класса были щитоносцы-сержанты, использовавшиеся как вспомогательное войско и наделявшиеся половиной рыцарского феода.

Особую группу феодалов составляли вассалы «простого оммажа», К ней относились почти все греческие архонты, включенные в состав господствующего класса. Их возвышение до положения лигия или барона (например, семья Мисито) было редчайшим исключением и

[42] См.: *Carile A.* Per una storia... P. 203–204, 387.

[43] Livre de la conqueste de la princée de l'Amorée. Chronique de Morée (1204–1305)/ publ. par J. Longnon. Paris, 1911. § 94.

могло произойти не ранее XIV в., когда первоначальные установления уже начали подвергаться эррозии[44]. Слой архонтов был весьма влиятелен и играл важную роль в экономике и военной жизни княжества. Греческие архонты сражались под знаменами морейского князя даже против византийцев (в частности, во время войн 1259 и 1263–1264 гг.). Новым в положении архонтов по сравнению с византийскими порядками было то, что они за владения, бывшие в их собственности, приносили оммаж (по-гречески: 'ανθρωπεία). Но их зависимость от сеньора оформлялась письменным договором и была менее жесткой, чем зависимость лигия. Зато и объем юридических и «рыцарских» прав и привилегий был для вассалов «простого оммажа» сужен. Византийское влияние сказалось на порядке наследования имущества: если для лигиев действовало право майората, когда наследником земельной собственности становился старший сын умершего, то в среде греческих архонтов, а также при браке греческой «феудатарии» и латинянина правами на наследство обладали в равной мере все сыновья и дочери умершего[45]. Статус их владений восходил к пронии. На территории Мореи, пограничной с Византией, существовала и особая форма феодальной собственности, когда латинские и греческие сеньоры совместно и нераздельно владели территорией деревни (casaux de parçons) и поровну взимали феодальную ренту с крестьян[46].

Многочисленный слой греческих феодалов сохранился и на ряде островов Эгеиды, а во владениях Гизи господствующий класс был представлен почти исключительно греками, которые являлись прямыми вассалами правителя и несли в его пользу воинскую службу. Иерархической лестницы там не существовало[47]. На Крите, после восстаний 1211 и 1219 г., Венеция постепенно переходит от политики подавления и притеснений местных архонтов, имевших большие владения на острове и тесно связанных с Церковью, к договорным отношениям, признававшим их права и привилегии. Начиная с 1219 г., владения греческих архонтов стали подтверждаться договорами дуки острова с местными землевладельцами. Условием держаний земель была уплата архонтами ежегодно 1/5 доли урожая, 1/5 приплода скота и 1/5 производимого в их хозяйствах сыра[48]. Подобный же договор в

[44] *Topping P.* Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete // XVe Congrès Int. d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P. 7.

[45] *Parmeggiani A.* Libro dele uxanze e statuti delo Imperio de Romania. Edizione critica. Spoleto, 1998 (издание Ассиз Романии, далее — AR), § 138. P. 183. Ср.: *Jacoby D.* La Féodalité... P. 33–35; *idem.* Les «Assises de Romanie» et le droit vénitien dans les colonies vénitiennes // Venezia e il Levante... T. I, 1. P. 347–360.

[46] *Jacoby D.* Société... N VIII. P. 111–125.

[47] *Jacoby D.* La Féodalité... P. 310.

[48] См.: *Дмитриев Г. А.* К вопросу о положении крестьян в латинской Греции // ЗРВИ. 1973. Т. 14/15. С. 58; *Cosentino S.* Aspetti e problemi del feudo veneto cretese (secc. XIII–XIV). Bologna, 1987.

1346 г., сразу после завоевания, был заключен генуэзским предводителем Симоне Виньозо с греками Хиоса. Владения греков, кроме 200 домов внутри крепости, не подлежали отчуждению, а за указанные дома была выплачена сумма, определенная согласительной греко-генуэзской комиссией. Были сохранены и владения Церкви, глава которой, однако, назначался теперь маоной Хиоса. На Хиосе греческие феодалы остались вне рамок господствующего класса, по тесно сотрудничали с ним, сохранив часть своих прав и привилегий. Они довольно активно участвовали в сбыте местного сырья, в совместных с генуэзцами торговых операциях[49]. Первоначально генуэзцы стремились обособить укрепленный центр, где они селились, от предместий — бургов, где жило местное население. Так было на Хиосе, в Пере, в Каффе. Но постепенно это разграничение становилось все более условным, и огромное число исключений из установленного ранее порядка уничтожило саму систему. Этническая сегрегация умирает при сохранении и углублении четких разграничений жителей по социально-имущественному признаку[50].

Примечательная эволюция колонизационных методов произошла и на Родосе. Сперва орденские власти для упрочения военного могущества иоаннитов предоставляли приглашенным на остров западным переселенцам землю в постоянный феод за воинскую службу и охрану территории. Но число прибывавших на остров по приглашению было весьма ограниченно: итальянские купцы предпочитали селиться в городах, а не в сельской местности, а собственно рыцари прибывали редко; сказывались и отдаленность, и нестабильность политического положения. И тогда иоанниты перешли к другой практике — предоставлению земель в эмфитевтическую аренду как латинянам, так и грекам. На полученные от арендной платы деньги приглашали наемных воинов — стипендиариев. Такая практика обеспечивала бóльшую поддержку местного населения, чем и объясняется отсутствие серьезного сопротивления господству иоаннитов на острове[51]. Сильная эллинизация господствующего класса произошла и на Кипре после политического кризиса середины XIV в. и «Великой схизмы», ослабившей связи острова с Западом. Лишь в Латинской империи не сложились устойчивые отношения между представителями старого и нового господствующего класса, что и было одной из причин ее быстрого падения.

Но если архонты нашли свое место в структуре господствующего класса большинства государств Латинской Романии, то не так обсто-

[49] О генуэзском Хиосе см.: *Argenti Ph. P.* The occupation of Chios by the Genoese and their administration of the island: 1346–1566. Vol. 1–3. Cambridge, 1958 (2 и 3 тома содержат издание документов); *Balard M.* Les Grecs de Chio sous la domination génoise au XIVe siècle // BF. 1977. Bd. V. P. 5–15; *Pistarino G.* Chio dei Genovesi // Studi medievali. 1969. T. X/1. 1970. P. 3–68; *idem.* Genovesi d'Oriente... P. 243–280.

[50] См.: *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 312–315.

[51] *Luttrell A.* Feudal tenure and Latin colonization at Rhodes: 1306–1415 // *idem.* The Hospitallers in Cyprus, Rhodes... N III. P. 755–775.

яло дело с высшим слоем византийской знати. Ее представители, как, например, владевший Навплием, а затем и Коринфом Лев Сгур, включились в активную борьбу с завоевателями и стремились создавать или сохранить собственные апанажи[52]. Подчас они возглавляли и выступления народных масс. Но эта группа либо исчезала под ударами более сильных противников, либо эмигрировала в греческие земли (Никею, Эпир, затем в Византию). Некоторые представители старой знати могли опускаться до положения архонтов Латинской Романии. Но ни одно из ее государств не допускало греческих апанажей на своей территории.

Социально-экономический строй, установленный на территории Латинской Романии, своеобразно сочетал в себе в разных пропорциях формы западноевропейской феодальной организации с византийскими аграрными порядками, сложившимися в эпоху Комнинов и Ангелов. Наиболее радикальным изменениям подвергались формы организации политической власти, в то время как хозяйственные отношения изменились меньше. «Франки» не привнесли феодализма. Однако после 1204 г. интенсифицировался процесс укрепления частноправовых форм эксплуатации крестьянства, получила развитие иерархическая структура земельной собственности, система вассально-ленных отношений. Повсеместно усилилась личная зависимость крестьян, ибо правилом стало положение «нет земли без сеньора», возросла социальная обособленность феодалов от других слоев населения, усугубленная чужеземным происхождением и иноверием большинства из них.

На Балканах основной категорией зависимого крестьянства были парики, называемые теперь также вилланами и лишенные личной свободы. Вилланами автоматически становились все крестьяне княжества Мореи, прожившие на земле сеньора 1 год и 1 день[53]. Виллан-ский статус был пожизненным. «Случайное» (а сахо) убийство виллана лигием не преследовалось по суду, и убийца лишь возмещал хозяину стоимость виллана[54]. Виллан мог быть брошен в тюрьму своего господина на короткий срок или, на более длительный, в тюрьму сеньора его господина[55], подарен, продан, обменен, передан в наем[56]. Кутюмы позволяли сеньору забрать движимое имущество своего виллана или его участок (стась) и передать их другому, оставив виллану лишь минимум для прокормления, «дабы фьеф, с которого был вил-

[52] *Cheynet J C* Pouvoir et contestations .., *Savvides A G K* A note on the death of Leo Sguros in A. D. 1208 // Byzantine and Modern Greek Studies. 1988 T. 12. P. 289–295.

[53] AR, § 188. P. 205.

[54] AR, § 151. P. 189.

[55] AR, § 187, 206. P. 204–205, 210–211.

[56] См., напр.: *Buchon J A.* Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée et ses hautes baronnies. Paris, 1843 T. 2. Doc. LXVI, P. 285–286: 7/XII 1424.

лан, не уменьшился»[57]. Виллан-грек не мог заключить брачного договора без согласия сеньора, возбудить иск против него, давать свидетельские показания против лигия[58]. Свободная женщина, вышедшая замуж за виллана, становилась вилланкой сеньора своего мужа и обретала свободу лишь после смерти мужа. Их дети становились виллани[59]. Беглого виллана разрешалось искать в любом месте княжества и возвращать господину[60]; лишь после 30 лет со дня переселения виллана на землю другого феодала его прежний сеньор утрачивал право сыска[61]. Для возвращения беглых вилланов морейские князья в XIV в. объявляли общегосударственный сыск. Это, а также большое число пустующих крестьянских стасей свидетельствуют о широких масштабах бегства вилланов[62]. Все имущество виллана, умершего без наследника или казненного по суду, принадлежало исключительно его сеньору[63]. Вместе с тем морейские вилланы пользовались ограниченной свободой в продаже движимого имущества (скота и сельскохозяйственного инвентаря) и без согласия господина, но они были обязаны сохранить как минимум пару волов и осла для работы на сеньора[64]. С согласия последнего виллан мог заниматься торговлей, а если он попадал в долговую зависимость от кредитора, то отчуждению за долги подвергалась лишь часть имущества, в основном нажитая торговлей, но не надел. Если заем был сделан без ведома сеньора, то кредитор не имел права что-либо взыскивать с крестьянина или посадить его в долговую тюрьму[65].

Общей тенденцией феодального законодательства Мореи, закрепленного позже и на греческих землях, принадлежащих Венецианской республике, было усиление личной зависимости крестьян, обеспечение феодального поместья рабочими руками и средствами производства. Отсюда, казалось бы, внешне противоречивые тенденции: ограничение имущественной свободы крестьян и предоставление им некоторой хозяйственной самостоятельности в рамках сеньории. По сравнению с предыдущей эпохой, крестьянин лишился доступа к государственному суду и был более зависимым от господина во всех отношениях. Появились у него и новые, принесенные из Франции и неизвестные ранее формы личной зависимости, как мэнморт, формарьяж и другие, по сути уже архаичные, и в самой Франции изжитые или изживавшиеся.

---

[57] AR. § 197, P. 208.

[58] AR, § 189, 198. P. 205, 208.

[59] AR, § 78, 180. P. 159, 201.

[60] AR, § 188, 203. P. 205, 209–210.

[61] AR, § 176, 182. P. 200, 202.

[62] *Buchon J. A.* Nouvelles recherches..., doc. XXVIII. P. 157–158: 4/XI 1358.

[63] AR, § 185, 219. P. 203–204, 216.

[64] AR, § 187. P. 205.

[65] AR, § 215. P. 214–215. Ср.: *Дмитриев Г. А.* Долговая тюрьма в Латинской Морее // BS. 1969. 30/1. P. 73–76.

Основным видом феодальной ренты был акростих, взимавшийся в деньгах в зависимости от величины крестьянской стаси. Как показывает тип платежа и его название, он был генетически связан с традициями византийского налогообложения. Помимо акростиха, существовали и другие платежи, а также ангарии, отработочные повинности. По документам начала XV в. количество барщинных дней колебалось от 12 до 53 в году. Ангарии государственных крестьян (париков-димосиариев) включали работы по ремонту и сооружению крепостей, мостов, колодцев, и объем отработочной ренты мог существенно возрастать. Так было и в венецианских владениях на Пелопоннесе: в 1414 г. в ответ на жалобы крестьян области Модона венецианский Сенат установил для них единую барщину — 24 дня в году[66]. Однако потребности в хлебе и в Венеции, и в городах Леванта, а также заинтересованность феодалов в торговле зерном приводили к тому, что барщина просуществовала в Морее вплоть до падения княжества, на Кипре и Крите — до XIV в., на Корфу — до XIV–XV вв. и даже количественно возрастала. В венецианских владениях, в частности в области Корона и Модона, взимался также аэрикон — некогда судебная пошлина, ставшая, однако, еще в X в. регулярным налогом. Свободные крестьяне — явление чрезвычайно редкое на латинском Востоке. Наиболее значительную их прослойку составляли, пожалуй, обитатели гор Тайгета, обязанные несением воинской службы. Освобожденные же от фискальных повинностей парики (homines francati) оставались в феодальной зависимости, а парики, освобожденные от барщинных обязанностей (incosati), несли взамен этого воинскую службу. Даже если феодал Мореи предоставлял виллану свободу (что было редким явлением и сопровождалось сложной процедурой), он оставался в зависимости от прежнего сеньора. Земельные дарения, полученные освобожденным крестьянином, оставались в силе лишь в течение жизни сеньора-дарителя и могли быть отобраны последним в любой момент[67].

С развитием товарно-денежных отношений в деревне углубляется имущественная дифференциация крестьянства, но этот процесс далеко не всегда приводил к выкупу крестьянских повинностей, как это наблюдалось в странах Западной Европы. В Морее феодальные отношения отличались архаичностью. Имущественная дифференциация вела к появлению различных категорий зависимого крестьянства без прекращения или существенного смягчения самой зависимости. От обеспеченности землей и скотом зависел лишь характер ренты[68].

На территориях, находившихся под непосредственным управлением Венеции, земля была распределена между колонистами-вене-

[66] См.: *Carile A.* La Rendita feudale nella Morea Latina del XIV secolo. Bologna, 1974. P. 99–101.

[67] AR, § 139. P. 183–184.

[68] *Carile A.* La Rendita...; *idem.* Per una Storia... P. 250–254; *Дмитриев Г. А.* К вопросу...

цианцами, коммуной, Церковью и местными архонтами. На Крите Венеция унаследовала значительный фонд земель с государственными париками, превратившимися теперь в вилланов коммуны. Главным видом их повинности, как держателей стаси, была уплата продуктовой ренты, акростиха (1 перпер с боваты), специальной личной подати — vilanazio — 12 гроссов в год, а также исполнение барщины — ангарии. Большинство этих видов повинностей восходило к византийской налоговой практике. В 1313 г. Венеция разрешила государственным парикам, вилланам коммуны, проживать как в своих селениях (казалиях), так и в городах. Однако им запрещалось покидать свои стаси и остров вообще. Вилланы коммуны обладали известными имущественными правами. Ограничивалось лишь отчуждение ими недвижимого имущества. Сравнительно лучшее положение этой категории крестьянства, ее связь с рынком приводили к выкупу вилланов коммуны на волю. Но вплоть до XV в. свободных крестьян на Крите было немного. Среди них имелись и освобожденные самой коммуной парики мятежных греческих архонтов. Вольноотпущенников ограничивали в выборе места жительства и за нарушение предписаний властей немедленно возвращали в состояние вилланов. В наихудшем положении находились частнособственнические вилланы. Помимо указанных выше повинностей, они платили налог на очаг, производный от византийского капникона (capinichio), делали обязательные подношения земельному собственнику (caniscae—подарки от греч. κανίσκια). Для этой категории был характерен повышенный уровень эксплуатации, главным образом через отработочные повинности. Кроме того, Республика требовала от своих колонистов-феодалов (или феудаторов, как они назывались в источниках), чтобы они поставляли часть своих париков для службы на галерах.

Венецианские колонисты, нобили и пополары, составлявшие от 2 до 6% населения Крита[69], находились в более привилегированном по сравнению с греческими архонтами положении. Они фактически монополизировали управление островом, построив его по подобию управления самой Венеции. Однако в условиях, когда нарастало сопротивление подвергавшихся жестокой эксплуатации вилланов, недовольство греческих архонтов существовавшими экономическими и политическими ограничениями было весьма опасно для венецианского владычества. С 1212 по 1367 г. на Крите произошло 12 крупных антивенецианских выступлений. Их возглавляли именитые греческие архонты (Айостефаниты, Скордилы, Мелиссины, Каллерги и др.)[70]. Встретившись с такой стойкой оппозицией, в которую постепенно включались и венецианские колонисты, Республика Св. Марка стала расширять практику заключения индивидуальных договоров с мест-

[69] *Topping P.* Co-existence... P. 10–11.

[70] *Borsari S.* Il dominio...; *Bapt J.* Venise en Crète: révoltes et soumissions // Coloniser au moyen âge. Paris, 1995. P. 359–366.

ной знатью, включая видных архонтов (например, род Каллерги и др.) в состав привилегированного чиновничества, предоставляя им большие территории с правом инфеодации, делая иные экономические уступки и разрешая брачные союзы этих семейств с представителями венецианского нобилитета. Эти представители высшей местной знати стали получать от венецианских властей статус *nobili cretensi*, даваемый за заслуги и венецианским колонистам непатрицианского происхождения. В XV в. ассимиляция внутри господствующего класса достигла значительных масштабов; лишь к вершине власти допуск был затруднен для греков: только нобили, достигшие 25 лет, допускались в высший орган власти на острове — Большой Совет Кандии, столицы Крита.

На венецианском Крите оставалась византийская система сельских поселений — хорионов. Однако они все шире втягивались в систему интенсивного товарообмена. Спрос на сельскохозяйственную продукцию Крита на венецианском рынке стимулировал торговлю зерном, знаменитыми винами и сырами, произведенными как в поместьях колонистов, так и в крестьянских хозяйствах. Крит стал важным звеном и в системе венецианской международной коммерции, резко усилился экспорт его сельскохозяйственной продукции во всем Восточном Средиземноморье, что способствовало динамичному росту торгово-ремесленных слоев острова с середины XIV в., однако под неусыпным и строгим регламентирующим контролем властей Республики Св. Марка. Вместе с тем, положение Крита на перекрестии морских дорог способствовало и усилению его значения как центра международной посреднической торговли[71].

На островах Эгеиды, управлявшихся венецианскими патрициями, аграрные порядки нередко отличались своеобразием. Так, например, остров Китира (Цериго) был разделен на 24 участка (карата), принадлежавших четырем братьям из рода Веньеров, каждый из которых владел фьефом в 6 каратов. Масса греческого населения стала, как и везде, вилланами под юрисдикцией сеньора. Однако статус мелких архонтов остался практически без изменений, и они заняли положение мелких вотчинников, с которыми Веньеры делили политическую власть и не чурались вступать в родство. Крестьяне же, кроме традиционной десятины, если они сидели на домениальной земле, платили продуктовую (1/3 урожая) или денежную ренту, которая взималась вперед, до сбора урожая. Захватив политическую власть над островом в 1363 г. (после того как Веньеры приняли участие в антивенецианском восстании на Крите), Республика Св. Марка лишила Веньеров 13 каратов их владений, но не изменила сущности сложившихся поземельных отношений. Разница заключалась лишь

[71] См.: *Laiou A.* Quelques observations sur l'économie et la société de Crète vénitienne (ca. 1270–ca. 1305) // Bisanzio e l'Italia. Milano, 1982. P. 182–193; *Jacoby D.* Creta e Venezia nel contesto economico del Mediterraneo Orientale sino alla metà del Quattrocento // Venezia e Creta. Venezia, 1998. P. 73–106.

в том, что теперь сама Республика стала феодальным собственником части территории острова[72].

Византийские аграрные порядки в значительной мере удержались и на Кипре[73]. Правда, в XIV–XV вв. число селений здесь сократилось из-за опустошительных нападений мамлюков, пиратов, неудачной для Лузиньянов войны с генуэзцами. Большое место в экономике Кипра занимали виноградарство и виноделие, изготовление сахара, выращивание злаков. Эти продукты широко экспортировались. Парики, именовавшиеся на Кипре сервами, с рождения записывались в практик домена. Они выплачивали церковную десятину, натуральную или денежную ренту в пользу сеньора, выполняли ангарии. Уплата подушной подати рассматривалась как признак серважа. Горожане Кипра также должны были вносить эти платежи. Они являлись несвободными и квалифицировались как перпериарии. Развитие товарно-денежных отношений способствовало освобождению крестьян за выкуп в XIV–XV вв. В XV в. число «франкоматов» уже превышало число сервов. В качестве ренты сервы отдавали треть урожая, а франкоматы — либо фиксированный оброк, либо от 1/10 до 1/4 урожая. Франкоматы несли и другие повинности как в пользу сеньора, так и короля. Они были феодально зависимым крестьянством, но обладали бóльшим объемом личных прав, чем сервы, включая право перехода в другую деревню. Частновладельческие сервы, отбывавшие барщину, получали питание и небольшое денежное вознаграждение (20 денье в день — мужчине и 10 — женщинам и детям). Барщина на Кипре была значительной: от 2 до 3 дней в неделю. В XV в. — 104 дня в году[74]. Права феодала отчуждать серва в любой форме, с землей или без земли, не ограничивались законом. Серва можно было даже обменять на коня или сокола и заставить принять монашеский постриг. На землях феодалов трудились также рабы, освобождение которых переводило их в категорию сервов[75].

---

[72] *Thiriet F.* À propos de la seigneurie des Venier sur Cerigo //SV. 1970. T. 12. P. 199–210; *Maltezou Chr.* Cythère. Société et économie pendant la période de la domination vénitienne // Balkan Studies. 1980. T. 21, N 1. P. 33–43; *eadem.* A contribution to the historical geography of the island of Kythira during the Venetian Occupation // Charanis Studies. New Brunswick, 1980. P. 151–175.

[73] *Richard J.* Le droit et les institutions franques dans le royaume de Chypre // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976; *idem.* Une économie coloniale? Chypre et ses resources agricole au moyen âge // BF. 1977. Bd. V. P. 331–352; *Меженин В. М.* Социально-экономические отношения на Кипре в XV в. Автореф. канд. дисс. Горький, 1981; см. также прим. 12.

[74] *Дмитриев Г. А.* Термины серв (serf) и виллан (vilain) на латинском Востоке // ЗРВИ. 1971. Т. 13. С. 136.

[75] *Меженин В. М.* Категории кипрских крестьян в XV в. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький. 1982. Вып. 3. С. 36–38, 40–41; A History of the Crusades / ed. K. M. Setton...T. V. P. 273.

На генуэзском Хиосе главной формой крестьянских обязанностей была уплата акростиха, высокой и особенно ненавистной подушной подати — по 6 перперов в год (капникон), и других более мелких прямых и косвенных налогов. Бывшие государственные крестьяне должны были также выполнять ангарии. Не выдерживая высокой эксплуатации, крестьяне Хиоса стали убегать с острова. Этот процесс удалось приостановить лишь после замены в 1396 г. капникона таксой в 2 перпера с каждого мужчины до 70 лет. Фиксированной стала денежная и натуральная рента (главным образом — поставки мастики, основного экспортного продукта Хиоса)[76].

Особенно тяжелым было положение греческого населения Центральной Греции после ее завоевания Каталанской компанией, в Афино-Фиванском герцогстве (1311–1388) и герцогстве Неопатр (1319–1394)[77]. Уже само завоевание вызвало массовое бегство населения, сопровождалось обращением части крестьян в рабство, опустошением больших территорий, привело к длительному демографическому спаду. Чисто грабительские функции особенно четко просматриваются в этом варианте латинского господства. В каталанских герцогствах возрос уровень эксплуатации крестьян и вместе с тем резко тормозилось развитие товарно-денежных отношений. Грекам запрещалось наследовать, покупать, продавать имущество, даже владеть собственностью, если они не имели статуса каталанских граждан, который давался в виде редчайшего исключения. Более того, Фивы превратились в центр работорговли, объектом которой являлось коренное крестьянское население государства[78]. Барщинные обязанности крестьян Аттики и Беотии были весьма велики. Браки между каталанцами и греками строжайше воспрещались. Единственной публичной должностью, которую могло занять привилегированное греческое население, оставалась должность нотариев[79]. Сама постановка вопроса об «аккультурации» греков каталанцами лишена смысла[80]. Никакого культурного интереса

[76] См.: *Balard M.* Les Grecs de Chio sous la domination génoise au XIVe siècle // BF, 1977. Bd. V. P. 5–15; *idem.* Le mastic de Chio, monopole génois (XIVe–XVIe s.) // Res Orientales VI. Itinéraires d'Orient. Hommage à Claude Cahen. Bures-sur-Yvette, 1994. P. 223–228.

[77] См.: *Rubió i Lluch A.* Los catalanes en Grecia. Madrid, 1927; *Loenertz R. J.* Byzantina... T. 2. P. 183–393; *Setton K.* Catalan domination of Athens, 1311–1388. London, 1975.

[78] *Verlinden Ch.* Orthodoxie et esclavage au bas Moyen Âge // Mélanges E. Tisserant. 1964. T. V. P. 427–431; *Laiou-Thomadakis A. E.* Saints and Society in the Late Byzantine Empire // Charanis Studies. New Brunswick, 1980. P. 92; *Heers J.* Esclaves et domestiques au Moyen Âge dans le monde méditerranéen. Paris, 1981. P. 72–73; *Karlyn-Hayter P.* Les Catalans et les villages de la Chalcidique // Byzantion. 1982. T. LII. P. 244–263.

[79] *Setton K.* Catalan domination... P. 219; *Jacoby D.* Recherches... N I. P. 33.

[80] Ср.: *Lewis A. R.* The Catalan Failure in Acculturation in Frankish Greece and the Islamic World during the Fourteenth Century // Viator. 1980. T. 11. P. 367–368.

к греческому наследию каталанцы не проявляли. И после завоевания Аттики каталанцы, как и наваррцы, опустошившие Западную Грецию, Албанию и закрепившиеся частично в Морее на рубеже XIV и XV вв., образовав новый господствующий класс, сохранили свою организацию как наемного войска (exercitus, societas) во главе с капитаном[81].

Итак, почти повсеместно в Латинской Романии возрастает эксплуатация крестьянства, укрепляются формы личной зависимости. Лишь в некоторых областях, преимущественно со второй половины XIV в., начинается освобождение крестьян за выкуп. Новые франкские феодальные институты наслаивались на экономическую систему, унаследованную от предшествующей византийской эпохи. Византийские «обычаи» внедрялись в судебную практику Латинской Романии[82]. В течение XIII–XV вв. наблюдается медленный переход от сегрегации к кооперированию латинян с греческими архонтами, торгово-ремесленным населением. Греческие налоговые чиновники и нотарии, предводители местной милиции, командиры небольших воинских отрядов вливаются в аппарат управления, созданный завоевателями. В этом смысле можно говорить об известном синтезе общественных институтов и о симбиозе внутри господствующего класса, не достигшем, впрочем, зрелой стадии[83]. Однако никакого симбиоза не существовало в отношениях между массой эксплуатируемого греческого населения и незначительным меньшинством латинян. Примером возрастающего сопротивления греческих крестьян иноземному экономическому, социальному и политическому угнетению, помимо восстаний на Крите, может служить мощное народное движение на Кипре (1426–1427)[84].

Долговременным следствием латинского господства в Романии было также постепенное создание такого экономического порядка, когда при доминировании итальянского купечества греческое торговое население все шире кооперировалось с венецианцами и генуэзцами, инвестируя деньги в совместную торговлю, сообща владея товарами, транспортными средствами, капиталами. В различных местах степень и масштабы этого сотрудничества были неодинаковыми; оно нередко перемежалось и со столкновением интересов, с открытой взаимной враждебностью. Однако очевидно, что, несмотря на все эко-

[81] См.: *Luttrell A.* Appunti sulle compagnie navarresi in Grecia: 1376–1404 // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1984. T. 3. P. 114.

[82] *Maltezou Chr. A.* Byzantine «consuetudines» in Venetian Crete // DOP. 1995. T. 49. P. 269–280.

[83] См.: *Литаврин Г. Г.* Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии // *его же.* Византия и славяне. СПб.: «Алетейя», 1999. С. 167–179.

[84] *Меженин В. М.* Крестьянское восстание на Кипре в 1426–1427 гг. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1975. Вып. 2. С. 108–121.

номические, политические и конфессиональные противоречия между греками и латинянами, ведущим фактором было складывание единой торгово-экономической системы в рамках всего Средиземноморья, от Италии до берегов Черного и Азовского морей. На практике это означало, что греческое купечество, не оттесненное, а ассоциированное в эту торговую систему на правах младших партнеров, получило доступ к более прогрессивным формам предпринимательства. Без локальной греческой торговли, пусть и подчиненной международной коммерции итальянцев, стала бы невозможна и сама предпринимательская деятельность венецианцев и генуэзцев в Романии[85].

Национальное и экономическое угнетение сочеталось в Латинской Романии с формально-юридическим подчинением Греческой церкви католическому епископату и папскому престолу. По соглашению 1206 г., в Латинской империи Церкви должна была принадлежать 1/5 часть всех земель, городов и замков. Византийское церковное имущество передавалось латинским епископам, но при условии, что епископы должны были вносить акростих в пользу государства, как это было до 1204 г. Соглашение 1206 г., достигнутое между императором Генрихом и патриархом Томмазо Морозини, не всегда выполнялось. Нередко бароны, особенно князья Мореи и правители Афин, конфисковывали церковные владения, вступая в конфликты с папами и местным католическим епископатом[86].

Во главе Церкви Латинской империи стоял католический патриарх Константинополя. Этот сан традиционно принадлежал венецианским клирикам, однако папские легаты, посылаемые в Константинополь, существенно ограничивали юрисдикцию патриарха и отменяли его отдельные постановления, идущие вразрез с политикой и волей понтификов. С другой стороны, Венецианская республика настойчиво стремилась обособить, создать на своем домене собственную систему церковного управления, связанную со светской администрацией[87].

В целом латиняне унаследовали и закрепили ту структуру Константинопольского патриархата, которая существовала ранее, произведя лишь некоторые перестановки мест отдельных епископий в иерархии и заменив не признавших папский примат и основные католические догматы архиереев (со временем практически всех) латинскими епископами. Низшее же звено старой церковной организации во мно-

[85] Рассмотрение проблемы и обзор литературы см. в: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 276–291; *Balard M.* Les hommes d'affaires occidentaux ont-ils asphyxié l'économie byzantine? // Europa medievale e mondo bizantino / a cura di G. Arnaldi e G. Cavallo. Roma, 1997. P. 255–265.

[86] *Charanis P.* Social, Economic and Political Life of the Byzantine Empire. London, 1973. N I. P. 95–97.

[87] *Соколов Н. П.* Колониальная политика Венеции в сфере церковных отношений // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1982. С. 53–65.

гом функционировало по-прежнему. Но контроль за его деятельностью находился в руках латинской церковной и административной иерархии даже тогда, когда Греческая церковь была формально отделена от параллельно существовавшей латинской[88]. В самом Константинополе был произведен своеобразный раздел храмов между католиками и православными. Из 300 церквей 7 отдали венецианцам, около 30 — французам, 2 церкви (Богородицы во Влахернах и св. Михаила в Буколеоне) являлись императорскими, и там утвердились фламандцы. Не менее 250 церквей сохранили за греками, хотя часть их была закрыта либо из-за плохого состояния зданий, либо из-за исхода клириков и мирян из соответствующего прихода. Ряд церквей находился в совместном использовании как православных, так и католиков, и служба в них, как, например, в храме Св. Софии, происходила поочередно для представителей обеих конфессий[89].

Характерным примером отношений Греко-православной и Римско-католической церквей является Негропонт (Эвбея). На острове православный клир был подчинен римско-католическому патриарху Константинопольскому (чья резиденция после восстановления Византийской империи находилась на Эвбее) и был обязан также уплачивать фиксированные суммы в пользу латинского епископа. Но даже выполнение этих требований не спасало от многочисленных дополнительных взысканий, и клирики в 1333 г. были вынуждены обратиться за защитой к Венеции. Сенат Республики использовал этот повод для укрепления своего протектората над островом и счел целесообразным поддержать петицию греков и поручить своим официалам следить за соблюдением прав местного духовенства[90]. В целом же Латинская церковь не имела прочных корней на греческом Востоке и жила на доходы, собираемые с враждебного или, в лучшем случае, безразличного к католицизму населения. Она обслуживала духовные потребности иноземных феодалов и колонистов[91].

Стойкая приверженность греческого населения православию делала его знаменем скрытой оппозиции, а иногда и сопротивления «франкам», служила выражением внутреннего неприятия завоевания,

---

[88] О политике папства и католической церкви в Латинской Романии см. обобщающую работу: *Setton K. M.* The Papacy and the Levant (1204–1511). Philadelphia, 1976–1978. T. 1–2; *Fedalto G.* La Chiesa Latina in Oriente. Verona, 1976. Vol. 1–3; *Frazee A.* The Catholic Church in Constantinople, 1204–1453 // Balkan Studies, 1978. T. 19. P. 33–49; *Wolff R. L.* Studies...

[89] *Janin R.* Les sanctuaires de Byzance sous la domination latine // Études Byzantines, 1944. T. 2. P. 135–136; *Dalleggio d'Alessio E.* Les sanctuaires urbains et suburbains de Byzance sous la domination latine (1204–1261) // REB 1953. T. 11. P. 50–61; *Thiriet F.* La symbiose dans les États Latins formés sur les territoires de la *Romania* Byzantine (1202 a 1261). Phénomènes religieux // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P. 22–23.

[90] *Thiriet F., Wirth P.* La politique religieuse de Venise a Négropont à la fin du XIVe siècle // BZ. 1963. Bd. 56. S. 297–303.

[91] *Dennis G. T.* Byzantium and the Franks, 1350–1420. London, 1982. N XVI. P. 285–286.

коллаборационизма части греческой знати большинством жителей Эллады, Эгеиды и Кипра. Не случайно, само слово 'εφράγκεψες (ставшие франками) являлось в средневековой Греции оскорбительным эпитетом. Таким же ругательным словом, обозначавшим жестокого и уродливого человека, стало «каталанец»[92]. Религиозный консерватизм, верность старинным традициям, языку были в тех условиях средством поддержания единства и сохранения самосознания греческого народа. Именно поэтому посягательства латинян в религиозной и бытовой сферах встречали особенно резкий отпор и нередко порождали непримиримое и открытое сопротивление. С этим приходилось считаться латинским государям. И император Генрих I, и кипрские Лузиньяны, и князья Мореи нередко пытались сдерживать и умерять попытки пап и их легатов решительными мерами добиться принятия греческим клиром унии и католической обрядности. А архонты Мореи почти сразу же добились от князя Жоффруа Виллардуэна письменных гарантий сохранения в незыблемости их веры и обычаев[93].

Утвердившиеся на греческих землях католические духовные ордена не изменили существенным образом конфессиональную ситуацию на Балканах, массовых обращений греков в католичество не происходило. Однако они, особенно францисканцы и доминиканцы, содействовали подготовке унии между Греческой и Римско-католической церквами[94]. Скорее, напротив, можно говорить об обратных влияниях, заимствованиях греческих обычаев, литургической практики иноземцами вплоть до обращения их в православие, как, например, на Крите, где выходцы из Италии быстро эллинизировались[95]. Аналогичные явления наблюдались и в Морее: в 1322 г. папа Иоанн XXII порицал латинян княжества за то, что те придерживались греческих церковных обрядов[96]. Основной воспринимающей стороной все чаще становились сами завоеватели. Суть происходившего была хорошо понята знаменитым венецианским писателем и ученым Марино Сану-

[92] *Nicol D. M.* The Byzantine View of Western Europe // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1967. T. VIII. P. 338–339; *Setton K.* Catalan domination of Athens... P. 247–248.

[93] *Gill J.* Innocent III and the Greeks: Aggressor or Apostle? // Relations between East and West in the Middle Ages / ed. D. Barker. Edinburgh, 1973. P. 95–108; *Cronț G.* Crises idéologiques // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. P. 10–11, 14; *Papadopoullos Th.* Chypre: frontière ethnique et socio-culturelle du monde byzantin // ibid. P. 26–27.

[94] О деятельности католических монашеских орденов см. особо: *Loenertz R.* Les missions dominicains en Orient et la Société des Frères Pérégrinants pour le Christ // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1932. T. 2. P. 1–83; 1933. T. 3. P. 5–55; *idem.* La Société des Frères Pérégrinants. Rome, 1937. T. 1; *idem.* La Société des Frères Pérégrinants de 1374 a 1475 // ibid. 1975. T. 45. P. 107–145; *Matteucci G.* La missione francescana di Costantinopoli. Firenze, 1971–1975. Vol. 1–2; *Delacroix Besnier C.* Les dominicains et la chrétienté grecque aux XIVe et XVe siècles. Rome, 1997; *Panagopoulos B. K.* Cistercian and mendicant monasteries in Medieval Greece. Chicago; London, 1979.

[95] *Buchon J. A.* Histoire... T. 1. P. 238–239.

[96] *Jacoby D.* Recherches... N 1. P. 25–26.

до Старшим: «Допустим, что мы могли бы захватить даже бóльшую часть земель империи, но этим не склонили бы сердца народа к послушанию Римской церкви»[97]. Казалось бы, путь к сближению лежал через заключение смешанных браков. Но в брак вступали почти исключительно мужчины-латиняне с гречанками, и очень редко греки с латинянками. Оседавшие в Латинской Романии воины и купцы редко решались брать с собой на Восток, где их ждала полная трудностей и опасностей жизнь, представительниц слабого пола. В основном же колонисты были неженатыми юношами, и часто их пребывание на землях Эллады венчал брак с гречанками. Потомство их именовалось гасмулами[98]. Гасмулы не обладали сословной полноправностью. Если они не находили себе подходящего применения (чаще всего — в качестве наемных воинов или моряков), то становились пиратами, угрозой для городов и кораблей Романии[99]. Латиняне проклинали гасмулов, давали им нелестные характеристики, зато византийцы ценили их воинские качества и привлекали на службу. Экипаж флота, построенного Михаилом VIII, например, состоял преимущественно из гасмулов[100]. Георгий Пахимер отмечал, что гасмулы соединяли ромейскую предусмотрительность и благоразумие в битвах со стремительностью и дерзновением латинян[101]. Некоторые из гасмулов оседали на земле, занимались торгово-предпринимательской деятельностью[102]. Благодаря своему билингвизму они оставили свой след и в культуре Латинской Романии, из их среды выходили авторы хроник и других литературных произведений. Вслед за гасмулами греческий язык перенимали представители франкской аристократии.

На территории Латинской Романии существовали и значительные еврейские общины. Особенно богатыми и многочисленными были общины в Кандии и на Негропонте[103], заметными были и общины Причерноморья — в Каффе, Тане и Севастополе (Сухуми). В Каффе сложилась и росла мощная армянская община[104]. Как правило, венецианские и генуэзские власти проявляли веротерпимость, при условии признания суверенитета республик и уплаты налогов.

---

[97] См.: *Thiriet F.* La Romanie... P. 144, Note 1.

[98] См. о них: *Makris G.* Die Gasmulen // Thesaurismata. 1992. T. 22. P. 44–96; *Balard* M. La Romanie... T. 1. P. 320–322.

[99] *Buchon J. A.* Histoire... T. 1. P. 333.

[100] *Matschke K. P.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Burgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971. S. 140–142.

[101] *Georges Pachymérès.* Relations historiques / ed. par A. Failler. Paris, 1984. T. 1. P. 253

[102] См., напр.: *Jacoby D.* Les Vénitiens naturalisés dans l'Empire byzantin: un aspect de l'expansion de Venise en Romanie du XIIIe au milieu du XVe siècle // TM. 1981. T. 8. P. 222–223.

[103] *Borsari S.* Ricchi e poveri nelle comunità ebraiche di Candia e Negroponte (secc. XIII–XIV) // Ricchi e poveri... P. 211–222.

[104] *Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.* Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 210–233 (с указ. литературы вопроса).

Административный и правовой строй латинских государств был основан на западноевропейских институтах, модифицированных по византийскому образцу. В Латинской империи, как и в Византии, император избирался. Был сохранен византийский придворный церемониал, манера именования государя (хотя его титул был дополнен новыми элементами), обряд коронации василевса патриархом, обычаи аккламации, поднятия государя на щите, проскинесиса (правда, лишь для греков). Торжественным облачением императора были саккос, палий, пурпурные сапожки, венец с пропендулиями (подвесками). Но за внешней схожестью, быть может нарочито подчеркнутой в обрядовой стороне для придания видимости преемственности власти, сохранялись глубокие различия двух разных систем управления. Даже в теории латинский император не был самодержавным повелителем. Он не имел права вмешиваться в имущественные отношения на землях, не являвшихся его собственным доменом. Он мог распределять феоды только в $^1/_4$ части империи, которая ему принадлежала непосредственно. С рыцарством он был связан не отношениями подданства, а оммажем и при вступлении на престол произносил клятву *соблюдать соглашения со своими вассалами и их привилегии*. Особо оберегались права и преимущества Венеции. Ее владения не были подконтрольны императору, и главой их являлись дож и его наместник — подеста. В октябре 1205 г. в Константинополе был подписан акт, по которому император обязывался в случае возникновения разногласий с вассалами подчиняться выборному суду венецианцев и франков. Наконец, император избирался, и, в отличие от Византии, лишь тогда, когда имелось точное подтверждение смерти его предшественника[105]. Императрица вовсе не являлась сакральной особой. На нее взирали лишь как на жену государя. Словом, хотя византийские обычаи и повлияли на оформление власти, сама она оставалась типичной западноевропейской монархией периода феодальной раздробленности. Лишь внешняя опасность и признанье императора общим военным вождем, а также привычным для греческих подданных василевсом[106] обеспечивали относительную консолидированность и централизованность Латинской империи. Попытка в теории сочетать две идеи власти — западноевропейскую и византийскую — нашла отражение и в придворной иерархии, где соседствовали и ромейские, и французские титулы и должности. Высшее звание деспота с правом носить царские пурпурные сапожки присваивалось членам императорской фа-

[105] *Longnon J.* L'Empire... P. 129–130; *Hendrickx B.* Les institutions de l'Empire Latin de Constantinople (1204–1261) // Βυζαντινά. 1974. T. 6. P. 85–154; 1977. T. 9. P. 187–217; *Carile A.* La cancelleria sovrana dell'Impero Latino di Costantinopoli (1204–1261) //SV. 1978. n. s. T. 2. P. 37–73; *idem.* Per una storia... P. 325–361.

[106] Это обстоятельство настойчиво подчеркивали латинские императоры в формуляре официальных актов, в ссылках на добрые законы греков и в надписях на печатях, многие из которых имели греческую легенду, например: ΒΑΛΔΟΥΙΝΟΣ ΔΕΣΠΟΤΗΣ, Ο ΠΟΡΦΥΡΟΓΕΝΝΗΤΟΣ Ο ΦΛΑΝΔΡΑΣ. Греческий аверс таких печатей нередко сочетался с чисто западноевропейским по стилю ревер-

милии, венецианским дожу и подеста. Далее, с некоторым нарушением византийского чинопоследования, шли севастократор, кесарь, протовестиарий, великий дука. Ряд чинов имел двойное, как византийское, так и франкское, наименование: сенешаль — великий доместик, коннетабль — великий контоставл, маршал — протостратор и т. д. Некоторые ранги были созданы вновь и не имели византийских аналогов. Это прежде всего почетное звание венецианских дожей — «владыка (доминатор) четверти и еще полчетверти всей Романской империи». Подеста был вице-доминатором. Высшие чиновники и бароны составляли совет при императоре. Виднейшие из них — Конон де Бетюн и Жоффруа де Виллардуэн — в 1204 г. получили соответственно титулы протовестиария (с обязанностью охраны Константинополя в отсутствие государя) и маршала Романии. Для принятия важных решений император должен был испросить согласие баронского совета и венецианского подеста.

Делопроизводство Латинской Романии велось на основе западноевропейской практики, но и оно претерпело влияние византийской традиции[107]. Эта традиция была настолько привлекательной, что в XV в. афинские герцоги из флорентийского рода Аччайуоли вели документацию по-гречески, а жена правителя Эпира Карло I Токко Франческа Аччайуоли, подписав орисмос пурпуром, назвала себя «василисса ромеев»[108]. Управление в Венецианской и Генуэзской Романии в значительной степени основывалось на системе выборных советов и должностей, которые действовали короткий срок, обычно 1–2 года, и имели аналоги в коммунальном строе самих морских республик. Высшие официалы колоний и факторий именовались дуками, подеста, байло и консулами. В Латинской Романии протекали процессы, во многом аналогичные тем, что имели место и в самой Византии. Однако латинское господство углубило партикуляризм отдельных греческих областей, закрепило феодальную раздробленность византийского мира. Вместе с тем, Латинская Романия стала звеном, связавшим этот мир со странами Западной Европы, что имело немалые последствия для развития культуры как Византии, так и Запада. В немалой степени этому способствовали города Латинской Романии, сохранившие свое экономическое и культурное значение в ряде областей Латинской Романии[109].

сом, где государь был изображен в рыцарских латах, на боевом коне, с мечом и щитом. Изображение сопровождала легенда на латинском языке: «Балдуин, Божьей милостью император Романии и Фландрии». См., напр.: *Schlumberger G., Chalandon F., Blanchet A.* Sigilographie de l'Orient Latin. Paris, 1943. P. 165–167, NN 1–6; P. 171, N 16. См. также: *Lock P.* The Franks... P. 36.

[107] Регесты актов латинских императоров были недавно изданы Б. Хендриксом: *Hendrickx B.* Régestes des empereurs latins de Constantinople (1204–1261/1272). Thessaloniki, 1988.

[108] MM. III. P. 248–257, 260; *Bosch U.* Einige Bemerkungen zum Kanzleiwesen der Byzantinischen Kaiserin // Byzance et les Slaves. Mélanges Ivan Dujcev. Paris, 1979. S. 87.

[109] *Hrochová V.* Aspects des Balkans médiévaux. Praha, 1989; *Ченцова В. Г.* Города Греции в системе торговых связей...

Культура Латинской Романии[1]

Облик византийских территорий, которые вошли в состав различных государств Латинской Романии, существенно изменился. Приходили в запустение старые традиционные центры, такие, как Константинополь и Афины, отстраивались новые города: Андравида — столица Морейского княжества, Кандия — главный город венецианского Крита, Пера и Каффа — основные генуэзские торговые фактории Восточного Средиземноморья. В сельский пейзаж вписывались замки западноевропейских феодалов с их высокими башнями-донжонами, непривычными для византийского глаза. Лишь сами деревенские поселения в основном сохранили свой прежний вид, хотя и там в некоторых местах наблюдались перемены, связанные с убылью населения (каталанские Аттика и Беотия) или с введением монокультур (например, мастики на Хиосе).

В Константинополе городское строительство почти полностью прекратилось. Город опустел, часть его кварталов была испепелена пожарами и лежала в развалинах. Число жителей уменьшилось, и латиняне даже не предпринимали серьезных попыток ремонтировать или приводить в жилое состояние большое число разрушенных и заброшенных зданий. С трудом поддерживалась, но более не укреплялась великолепная крепость. Лишь немногие церкви Константинополя в этот период были перестроены или переоборудованы, украшены витражами. Легенда приписывает императору Фландрского дома, возможно Генриху I, постройку небольшой церкви или часовни в честь покровителя варягов-норвежцев св. Торлака. Но мы не знаем ни времени, ни места постройки, ни даже того, было ли это новое здание или же реконструкция прежнего[2]. Более типичным являлось основание латинских церквей на месте ранее существовавших греческих. Так, например, в 1232 г. во Влахернах таким образом устроили свой храм доминиканцы, посвятив его свв. Павлу и Марии[3].

Под натиском греческой «реконкисты» и под ударами болгар латиняне чувствовали себя на берегах Босфора весьма непрочно. К тому же строительной деятельности мешала крайняя скудость финансов. По мере нарастания военно-политического кризиса латинские императоры, правившие в городе, отрезанном от его традиционной аграрной периферии, должны были закладывать, а подчас и распродавать

---

[1] Первоначальная публикация (с сильно сокращенным библиографическим аппаратом) в кн.: Культура Византии. XIII–первая половина XV в. М., 1991. С. 138–187.

[2] *van Arkel de Leeuw- van Weenen A., Cigaar K.* St. Thorlac's in Constantinople built by a flemish emperor // Byz. 1979. T. 49. P. 428–446.

[3] *Frazee A.* The Catholic Church in Constantinople, 1204–1453 // Balkan Studies, 1978. T. 19. P. 33–49.

свое достояние. Последний государь Латинской империи Балдуин II продал даже знаменитую позолоченную свинцовую крышу своего дворца, а в качестве залога венецианцам за полученную от них ссуду отдал им собственного сына Филиппа[4]. И все же, несмотря на разорение, прекрасные памятники царственного града производили впечатление на крестоносцев. Знакомство с ними не прошло бесследно и для культуры Западной Европы, прежде всего Венеции, где византийское влияние после 1204 г. ощущалось особенно сильно[5].

Афины, как и Константинополь, в период латинского господства почти не знали гражданского строительства[6]. Город продолжал сокращаться в размерах, даже по сравнению с концом XII в., когда он уже испытывал явный упадок. На знаменитой афинской агоре пасли овец, а Одеон Аттика и стоя Эвмена были, возможно в XIV в., включены в состав оборонительных сооружений[7]. Еще Ф. Грегоровиус отметил любопытную деталь: слово и понятие акрополь совершенно исчезает из употребления. Как французы, так и каталанцы именуют афинскую цитадель Castel Setines, и даже Боккаччо в своей «Тезеиде» не назвал акрополь его именем[8]. Акрополь тем не менее стал чуть ли не единственным местом в Афинах, где продолжалось строительство. Северное крыло Пропилеев (бывший архиепископский дворец) было превращено афинскими герцогами в свою резиденцию. Реконструкция завершилась в XV в., в правление династии Аччайуоли (1388–1460). Этот флорентийский род довольно бережно обращался с древним памятником, возможно сознавая его историческое и культурное значение. Сооружение с как бы встроенными в него античными колоннами протянулось до Эрехтейона. Часть так называемой Пинакотеки стала капеллой св. Варфоломея. С самого начала французского владычества Парфенон был из православной митрополии обращен в латинскую с тем же посвящением Деве Марии. Он не подвергся существенной перестройке. На акрополе была воздвигнута высокая сторожевая квадратная башня (разобрана в 1874–1875 гг.), а также сооружен форт[9]. В ту эпоху, когда во Флоренции в полной мере ощущалось дыхание Ренессанса, флорентийское господство в Аттике не привело к какому-либо духовному обновлению. Правда, интерес к древним памятникам Афин заметен со второй половины XIV в.: в 1380 г. Педро IV Арагонский впервые описал акрополь как самую драгоценную в

[4] *Wolff R. L.* Studies in the Latin Empire of Constantinople. London, 1976. N 10. P. 150–151.

[5] См., напр.: Venezia e Bisanzio. Catalogo. Venezia, 1974; *Fugagnollo U.* Bisanzio e l'Oriente a Venezia. Trieste, 1974; *Pertusi A.* Cultura bizantina a Venezia // Storia della cultura veneta, a cura di G. Folena. Vicenza, 1976. T. 1. P. 326–349.

[6] *Setton K. M.* Athens in the Middle Ages. London, 1975. N 1. P. 252.

[7] *Setton K. M.* Catalan Domination of Athens 1311–1388. London, 1975. P. 227.

[8] *Грегоровиус Ф.* История города Афин в средние века. СПб., 1900. С. 270.

[9] *Полевой В. М.* Искусство Греции. Средние века. М., 1973. С. 259–266.

мире жемчужину[10]. Нотарий Николо Мартони, посетивший город в 1394 г., с проводником осматривал античные памятники: храм Зевса Олимпийского, который сочли большим дворцом императора Адриана, акведук Адриана (принятый за знаменитую школу Аристотеля с источником, вода которого способствовала овладению науками). Мартони всюду отмечал великолепие колонн и мраморных фрагментов, но уровень знаний о древнем городе был невелик[11]. Первым археологом античных Афин, восстановившим, кстати, и древнее именование акрополя, стал Чириако из Анконы (ок. 1391 — ок. 1455)[12].

Центры Латинской Романии возникают в новых местах или переносятся в древние, но захиревшие города. Так, например, при каталанцах столицей их герцогства становятся Фивы (с 1311 по 1379 г.), где была заново укреплена Кадмейская крепость. «Морейская хроника» именует Фивы «самой прекрасной и богатой сеньорией (manoir) всей Романии»[13]. Каталанские Фивы были резиденцией архиепископа и наместника герцога. В период правления Арагонского дома, в Фивах применяли нормы каталонского городского права.

Крупный город Патры после завоевания был центром баронии (1205–1267 гг.), однако, затем город был куплен у Гийома II Алемана латинским епископом за 16 тыс. перперов и вплоть до отвоевания византийцами в 1429 г. был полусамостоятельным государством под церковным управлением. Патры, контролировавшие плодородную долину, торговали местными продуктами: вином, зерном, маслом, а также шелком и хлопком. Основные торговые магистрали обходили город стороной, и хотя венецианцы и рагузанцы пользовались в нем значительными фискальными привилегиями, он не получил, при сравнительно большом числе жителей, особого значения в международной торговле, оставаясь локальным центром. Укрепления Патр состояли из внешнего пояса стен, цитадели и донжона. Внутри крепости находилось несколько домов, храм святых Феодоров, но архиепископский дворец, вместе с канцелярией, скорее всего, как и в византийские времена, располагался вне стен[14].

Важнейшими пунктами транзитной торговли, связывавшими Романию с Венецией, стали Корон и Модон. Там останавливались караваны галей, шедших из Адриатики в Александрию, Сирию, на Крит, в Черное море, совершалась закупка разнообразных товаров. Эти го-

[10] *Luttrell A.* The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece and the West (1291–1440). London, 1978. N XX. P. 402.

[11] Relations du Pèlerinage à Jérusalem de Nicolas de Martoni, notaire italien (1394–1395) // ROL. 1895. T. 3. P. 649–651.

[12] См. о нем: *Bodnar E. W.* Cyriacus of Ancona and Athens. Bruxelles-Berlin, 1960; *Colin J.* Cyriaque d'Ancône. Le voyageur, le marchand, l'humaniste. Paris, 1981.

[13] Livre de la conqueste de la princée de l'Amorée. Chronique de Morée (1204–1305)/ publ. par J. Longnon. Paris, 1911. § 554 (далее — CFrM).

[14] *Saranti-Mandelovici H.* À propos de la ville de Patras aux 13e–15e siècles // REB. 1980. T. 38. P. 219–232.

рода, имевшие небольшое население (в начале XV в. в Модоне, например, проживало ок. 2 тыс. жителей), были хорошо укреплены, но застроены преимущественно деревянными домами. Корон и Модон взаимодополняли друг друга, были тесно связаны с аграрным хинтерляндом и получали оттуда высококачественные вина, фрукты и зерно[15].

Резиденцией князей Мореи являлась Андравида, расположенная вдали от моря и гор, что защищало ее от неожиданных набегов пиратов и разбойников. Андравида не имела даже крепостных стен. Ее защиту обеспечивали крепости Кларенца и Клермон, стоявшие неподалеку. В Андравиде были построены княжеский дворец, церкви готического стиля, крупнейшая из которых была доминиканская — св. Софии, где проходили парламенты — ассамблеи княжества. Источники упоминают также храмы тамплиеров — св. Иакова, францисканцев — св. Стефана, кармелитов — св. Николая. К сожалению, большинство построек Андравиды не сохранилось[16]. Сообщение Андравиды с морем осуществлялось через крупный порт Ахейского княжества Кларенцу. Она имела удобную внутреннюю гавань и была защищена широким поясом стен толщиной до двух метров, охватывавшим территорию почти 9 тыс. кв. м. Стены были усилены угловыми башнями, перед ними был вырыт ров. Но возведены они были из непрочного материала: грубые брикеты необожженного кирпича укладывались на каменный цоколь. В 1428 г. Константин Палеолог, захватив город, повелел сломать стены, чтобы крепость не стала оплотом пиратов[17]. Хроника Токко сообщает, что в начале XV в. Кларенца отличалась красотой и обилием богатых домов, где жили владетельные архонты и зажиточные купцы. Там был построен и княжеский дворец. Кларенца изобиловала товарами, особенно драгоценными тканями[18].

Прочие города Мореи являлись просто более или менее крупными сторожевыми пунктами, лишенными большого экономического зна-

---

[15] Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the history of the Peloponnese in the 14th and 15th centuries / ed. by *J. Chrysostomides*. Athens, 1995; *Luce S. B.* Modon – a Venetian station in Medieval Greece // Classical and Medieval Studies in honour of E. K. Rend. Freeport (NY), 1968. P. 195–208; *Hodgetts C.* Land Problems in Coron, 1298–1347: a contribution on Venetian colonial rule // Byzantina. 1983. T. 12. P. 135–157; *Nanetti A.* Fonti notarili veneziane per lo studio del Peloponneso tra XIII e XV secolo. Quadro storiografico, aspetti quantitativi e prospettive euristiche // Thesaurismata. 1996. T. 26. P. 68–78; *Карпов С. П.* Порты Пелопоннеса в системе навигации венецианских торговых галей в Черном море (XIV–XV вв.) // СВ, Т. 59. 1997. С. 49–59.

[16] *Bon A.* La Morée franque. Recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430). Paris, 1969. P. 318–320.

[17] *Bon A.* La Morée... P. 320–324, 602–607.

[18] Ignoti auctoris Chronica Toccorum Cephallensium (Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo) / a cura di G. Schirò. Roma, 1975 (далее — Chr. Tocc.). P. 266, 268.

чения. Доныне хорошо сохранились постройки Клермона (Хлемутци). Этот замок был построен между 1220 и 1223 гг. и считался ключом к Элиде. Это типичное сооружение архитектуры крестоносцев на Востоке и напоминает знаменитый Крак де Шевалье, построенный в графстве Триполи. Грандиозное сооружение в форме многоугольника с двумя поясами стен и круглыми башнями возводилось целиком западноевропейскими мастерами и не имеет аналогов в византийской архитектуре. В помещениях крепости много печей: сказывалась привычка северофранцузских рыцарей к более холодному климату. Какие-либо декоративные элементы в постройке отсутствуют[19].

Крупной крепостью Мореи была также Каритена. С высоты птичьего полета она напоминала вытянутый многоугольник на вершине скалы. Вход защищал барбакан. Суровую архитектуру лишь изредка оживляли стрельчатые арки двери или окна[20].

В 1249 г. для контроля над горным районом Тайгета князь Ахайи Гийом II Виллардуэн построил замок в Мистре на 634-х метровой скале в пяти километрах от древней Спарты. Мощные крепостные стены окаймляли скалу. В северо-западной части, на плоской вершине, располагался дворец Виллардуэнов с донжоном. С юга возвышалась сторожевая башня. К первоначальной застройке относилась также капелла и 2 бастиона. Все было сделано из местного камня и, в отличие от Клермона, местными греческими мастерами, хотя и под руководством французских зодчих. Франкская крепость Мистры с дворцом Виллардуэнов хорошо сохранилась и была поэтично описана Гете во II книге «Фауста». По склонам холма «франки» начали строить жилища. И сам Гийом свой второй, двухэтажный городской дворец возвел там же. Но жить в нем князьям Мореи оставалось недолго. В 1262 г., по договору с Михаилом VIII Палеологом, Мистра была возвращена Византии. Ей предстояло стать последним выдающимся центром поздневизантийской культуры[21].

В Средней Греции крепостное строительство знало два этапа. В 1222 г., после падения Фессалоникского королевства, франкские владения южнее Фермопил оказались на переднем крае обороны. Пришлось активно укреплять границу. На втором этапе, во время каталанского господства (1311–1388), завоеватели оказались во враждебном окружении уже и с севера, и с юга и вынуждены были заботиться о защите, создавая продуманные системы обороны[22]. С конца XIV в., напротив, военное строительство испытывает упадок, а вскоре и прекра-

[19] *Bon A.* La Morée... P. 325–327, 619, 628–629; *Muller Wiener W.* Burgen der Kreuzritter im Heiligen Land, auf Zypern und in der Agais. Berlin, 1966. S. 84.

[20] *Bon A.* La Morée... P. 629; *Muller Wiener W.* Burgen... S. 86.

[21] *Bon A.* La Morée... P. 678; *Медведев И. П.* Мистра...; *Lohneysen W. F., von.* Mistra. Griechenlands Schicksal im Mittelalter. Munchen, 1977. S. 42–44; *Runciman S.* Mistra. London, 1980.

[22] *Bon A.* Fortresses médiévales de la Grèce Centrale // BCH. 1937. T. 61. P. 138.

щается вовсе: османские завоеватели лишь поддерживали часть старых сооружений для размещения внутренних гарнизонов и не нуждались в новых фортециях на территориях, ставших в XV в. их глубоким тылом.

Водоница была стратегически важной крепостью, контролировавшей выход из Фермопильского ущелья. Она была центром одноименного маркизата (1205–1410) и резиденцией епископа. Цитадель с трехэтажной главной башней (постройка первой половины XIII в.) была окружена двумя рядами стен и усилена квадратными башнями и барбаканами[23]. По тому же плану была построена еще более могучая крепость Салоны (античная Амфисса). В ее цитадели было два внутренних двора. Один служил для размещения гарнизона, складов, конюшен, другой — центральный — для апартаментов сеньора, капеллы, колодца с водой. Укрепленная каталанцами, Салона выдержала суровую осаду наваррцев в 1382 г. и была захвачена османами в 1394 г. лишь благодаря измене[24].

Вся территория франкской Греции была усеяна мелкими замками. Они контролировали дороги и доминирующие высоты (Андруса, Гераки и др.), были резиденциями баронов. Чаще всего — это весьма примитивные строения. Их форму определял рельеф местности, очертания вершины холма. Среди многочисленных небольших укреплений Центральной Греции преобладали отдельно стоящие башни. Это были сооружения закрытого типа, в несколько этажей. Их планы варьировали от простой башни с внутренним двором (подчас центра феодального поместья) до ансамбля с внешним поясом стен, образующих нижний двор, с цитаделью, донжоном и редутами. Иногда основная башня (чаще квадратная, реже и позже круглая) помещалась не в центре крепости, а на углу, в наиболее уязвимом для обороны месте. Кладка не отличалась аккуратностью, за исключением углов, где использовали монолиты и каменные блоки, плотно подогнанные друг к другу и нередко заимствуемые из других, в том числе — древних построек[25]. Подчас франкские замки строились и на сохранившихся фундаментах византийских или античных укреплений с использованием части древних стен (Патры, Акрокоринф, Кадмея, Каламита). Но большинство сооружений возникало на новых местах. В строительстве применялась грубая кладка небольших, плохо отесанных блоков местного камня-известняка в сочетании с кирпичами из обожженной глины (по византийскому образцу). Хорошо отесанные камни более твердых пород встречаются в основном в Морее в венецианских постройках XV–XVI вв.[26]

---

[23] *Muller-Wiener W.* Burgen... S. 83–84, Bild 118; *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 214–215; *Полевой В. М.* Искусство Греции. Средние века... С. 259.

[24] *Bon A.* Fortresses... P. 164–186.

[25] *Lock P.* The Frankish Towers of Central Greece //Annual of the British School at Athens. 1986. T. 81. P. 101–123; *Bon A.* Fortresses... P. 145–148.

[26] *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 213–221; *Andrews K.* Castles of the Morea. Princeton, 1953 (repr.: Amsterdam, 1978).

В XIV–XV вв. ворота крепости редко защищались двумя башнями, как это стали делать позднее. Чаще всего для этой цели использовалась одна боковая башня, или редан. Для снабжения гарнизона и населения водой в донжоне помещались врытые в землю цистерны или строились акведуки (как, например, в Кадмее). В целом крепости Мореи и Центральной Греции были архаичнее своих прообразов во Франции и Италии того же времени. Эстетическая оценка сугубо утилитарных и лишенных декоративных элементов крепостей вряд ли может быть высокой[27].

На Кипре, в отличие от Мореи, строить замки могли лишь король и орден тамплиеров, имевший на острове значительные владения[28]. Лузиньяны унаследовали большое число византийских крепостей, которые реконструировались и поддерживались с учетом местных традиций и навыков крепостного строительства крестоносцев в Сирии. На Кипре было три типа крепостей: городские укрепления, замки на доминирующих высотах (главным образом, прибрежных) и отдельные сторожевые башни. Наиболее укрепленными городами были Никосия (ее старые стены не сохранились, они были снесены еще при венецианской реконструкции в 1567 г.), Фамагуста, Лимассол, византийский замок, затем — замок тамплиеров (разрушен генуэзцами в 1373 г.), Буффавенто, Кирения, контролировавшая две бухты[29]. До произошедшей во второй половине XV в. «революции» в фортификации, вызванной применением осадной артиллерии и изменившей облик крепостей, оборонительные сооружения Крита и Кипра мало отличались от византийских.

Современники считали королевский дворец в Никосии (разрушен в 1576 г.) одним из самых красивых в мире. В нем был прекрасный большой клуатр с источником лучшей питьевой воды, парадная зала с балконами, колоннадой, резным троном. Дворец утопал в роскоши мозаик, ковров, терм, садов. Был там и зверинец с 24 леопардами и другими животными и птицами, в основном охотничьими[30]. Гражданские постройки средневекового Кипра сохранились лишь фрагментарно. Виной тому — непрочность материалов: мягкого кирпича и песчаника. Но черты готического стиля — стрельчатые арки, лепнина, угловые колонны с готическими капителями и базами — адаптировались к местным условиям и оказались очень живучими в позднейших строениях[31].

---

[27] Хорошие фотографии крепостей Пелопоннеса см. в: *Plehn C.* Kreuzritterburgen auf dem Peloponnes. Munchen; Zurich, s. a. [1977].

[28] *Luttrell A.* The Hospitallers in Cyprus... N II. P. 162–171.

[29] *Enlart C.* Art gothique et la Renaissance en Chypre. Paris, 1899. Vol. 1–2; *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 196–207; *Muller-Wiener W.* Burgen... S. 37–38; 87–88 etc.

[30] Relations du Pèlerinage à Jérusalem de Nicolas de Martoni... P. 634–635; *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 175.

[31] *Jeffery G.* The Survival of gothic architecture in the island of Cyprus // Architectural review. 1900. T. 8. P. 128–136; *idem.* A description of the historic monuments of Cyprus. Nicosia, 1918.

Фамагуста, унаследовавшая в 1269 г. номинально роль столицы Иерусалимского королевства, сохраняла, с одной стороны, облик города-крепости, города-дворца, с другой — крупного торгового эмпория, с многочисленными рынками-площадями, торговыми кварталами, разноязыким населением. Сохранялось ее соперничество с Никосией, подчеркиваемое и церковным строительством: кафедральный собор св. Георгия в Фамагусте, построенный на средства греческих «деловых людей», по размерам и декору уподоблялся латинскому храму св. Николая в Никосии[32]. После перехода под власть Генуи в 1383 г. Фамагуста получила особый юридический статус, который, однако не способствовал ее экономическому процветанию. Торговое значение Фамагусты и ее роль в Средиземноморской коммерции постепенно снижалась, чему способствовало и ухудшение международной ситуации (рост конфронтации с султанами Египта)[33].

Столицей венецианского Крита, резиденцией дуки, была Кандия (Ираклион), оживленный центр торговли, игравший первостепенную роль как в транзитной коммерции, так и в снабжении Венеции сельскохозяйственными продуктами. Город был окружен длинными стенами. О масштабах военного строительства говорит лишь одна цифра: на реставрацию после землетрясения 1303 г. Сенат выделил 30 тыс. дукатов[34]. Большие суммы и в дальнейшем расходовались на ремонт стен. От порта через весь город шла главная улица (корсо), приводившая на южную площадь с церковью св. Марка (1239–1244), дворцом дук, лоджией, башней с часами — совсем как в самой Венеции. В храме св. Марка, символизировавшим, как и в Венеции, идею государственности, приносили присягу вступавшие в должность оффициалы. Кафедральным же собором был храм св. Тита, расположенный в центре города. В восточной части порта, у арсенала, находился дворец советников. Сам порт неоднократно расширялся, хотя никогда не был особенно большим. Реконструкцией порта с 1333 г. занимался знаменитый венецианский инженер Франческо делле Барке, изобретатель механических лопат для чистки и углубления лагуны. Для защиты от сильных северо-западных ветров был удлинен прежний мол, бухта расширялась и углублялась, однако работы шли медленно и растянулись на века: мешали войны, эпидемии, материальные трудности. В арсенале Кандии производили не только ремонт, но и постройку галей. Вне стен Кандии, особенно к западу, располагались многочисленные предместья — бурги города, которые почти в два раза превышали его

[32] *Близнюк С. В.* Городской пейзаж Фамагусты в XIII–XIV веках // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1. С. 363–369.

[33] *Richard J.* La situation juridique de Famagouste dans le royaume des Lusignans // *idem.* Orient et Occident au Moyen Âge. London, 1976. N XVII. P. 221–229; *Balard M.* Note sull'amministrazione genovese di Cipro nel Quattrocento // Storia dei Genovesi. Genova, 1992. T. 12. P. 83–93.

[34] *Laurentii de Monacis* veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis / rec. F. Cornelius. Venetiis, 1758, P. 174.

площадь. В XV–XVI вв. они, в свою очередь, были окружены стеной с бастионами в форме неправильного многоугольника, а старая стена стала использоваться под склады, лавки, казармы и т. д. В XVI–XVII вв. город украсился дворцами и прекрасными постройками в стиле итальянского Возрождения[35].

Только три города Крита — Кандия, Канеа и Ретимно — были относительно крупными центрами, с удобными портами, арсеналами и акведуками, с большими католическими храмами с традиционной венецианской высокой кампанилой, придававшей городской площади венецианский облик. Канеа, на полуострове Акротири, начала перестраиваться венецианцами по регулярному плану с 1252 г., когда дож Марино Морозини направил туда колонистов-венецианцев. В 20-е годы XIV в. венецианцы построили там сначала северную часть мола, в 1389 — северо-западную, и в 60-е годы XV в. — юго-западную. В XV в. там также был построен арсенал. Канеа стала важным портом Крита. На ее главной улице возводились дворцы знати, стремившейся надолго обосноваться в стратегически важном центре. В самой возвышенной части города находился дворец венецианского «ректора» и собор. Основная застройка города по венецианскому образцу была предпринята в XVI в. и он стал подобием Венеции, с ее узкими улицами — calle, крытыми переходами под арками, небольшими двориками с колодцами посредине, внешними лестницами домов. Но в XIII–XIV вв. Канеа оставалась по облику небольшим греческим городком[36].

Кроме городов в собственном смысле слова, венецианцы построили на Крите немало замков, где размещались резиденции администрации, стояли небольшие гарнизоны. Феодальные собственники в деревнях, как венецианцы, так и греки, возводили чаще всего просто высокую башню.

Наиболее совершенную крепость средневековья на греческой земле создали иоанниты острова Родос. Строительные работы в г. Родос велись с 1310 г. Сначала иоанниты перестраивали доставшуюся им византийскую крепость, сохранив ее фундамент и план. В течение XIV в. этот замок и весь город обнесли высокими стенами с угловыми башнями. Был укреплен порт и построен мол, затем еще один и сторожевые башни. Постепенно возникла сложная система обороны, включавшая внешние городские стены как со стороны моря, так и с суши, внутренние стены крепости кавалеров и замок (или дворец) великого

[35] *Gerola G.* Monumenti Veneti nell'isola di Creta. Venezia, 1905–1917. Vol. I–III; *Matton R.* La Crète au cours des siècles. Athènes, 1957; *Stefotou I.* Le fortezze del Regno di Candia. L'organizzazione, i progetti, la costruzione // Venezia e Creta. Venezia, 1998. P. 283–302; *Curuni S. A.* Candia: l'edilizia civile all'interno dei luoghi fortificati veneziani // ibid., P. 303–336; *Gertwagen R.* L'isola di Creta e i suoi porti (dalla fine del XII secolo alla fine del XV secolo) // ibid. P. 337–374; *idem.* The Venetian Port of Candia, Crete (1299–1363): Construction and Maintenance// Mediterranean Historical Review. 1988. T. 3, N 1. P. 141–158.

[36] *Gerola G.* Monumenti... T. 1. P. 23–24; *Gertwagen R.* L'isola di Creta e i suoi porti...

магистра — грандиозное центральное укрепление на месте древней цитадели. В качестве материала для стен использовали остатки античных и византийских строений, а также добываемый в близлежащих каменоломнях оолитный известняк. Часто в стены вставляли мраморные плиты с вотивными фигурами или гербами великих магистров и надписями. В XIV в. применяли так называемую высокую кладку: в башнях св. Георгия и Коскино, например, использовались каменные блоки высотой 40 см, тесно подогнанные друг к другу (что отличает строительную технику от той, что применялась в Морее). Стены, возведенные при великом магистре Жане де Ластине (1437–1454), составлялись уже из меньших по размеру блоков (высотой до 25 см). Кладка стала еще более плотной, почти монолитной, чтобы противостоять бомбардировке ядрами. В XV–XVI вв. перестройка крепости с учетом новой военной техники сделала ее неприступной[37].

Госпитальеры имели опыт крепостного строительства на Ближнем Востоке, но не только этим определялась их деятельность на Родосе. На острове обосновались рыцари из Северной и Южной Франции, Италии, Испании, Англии и Германии. В 1447 г. орден был структурно разделен на семь «языков», каждому из которых поручались охрана и укрепление участка стен и башен. Это обстоятельство само по себе обеспечивало разные национальные традиции в градостроении. Важная роль в выборе стиля постройки принадлежала и великим магистрам. В начале господства госпитальеров на острове ими являлись представители знати Прованса. Провансальское влияние укрепляли и связи с папским двором, находившимся в Авиньоне. Архитектура Прованса наложила отпечаток на облик некоторых башен крепости (Арсенальной, св. Георгия и др.): они были открытыми в горловине. По примеру папского дворца в Авиньоне строился дворец великого магистра Родоса, замок с четырьмя башнями (двумя квадратными и двумя полукруглыми), с внутренним двориком, окруженным аркадами. Наружная лестница вела в большой зал приемов, своды которого опирались на готические колонны, как и своды другого — трехнефного — зала орденского Совета. К последнему примыкали апартаменты великого магистра и капелла. Зал аудиенций был украшен фресками со сценами сражений. В цитадели Родоса находились лазарет и гостиницы для рыцарей. Лазарет принимал не только больных, но и пилигримов. Комнаты путешественников располагались на втором этаже, в то время как внизу, под арками, размещались склады товаров и конюшни. Традиции восточного караван-сарая не были забыты в этой постройке.

Госпитальеры жили в г. Родос как в большом монастыре, но каждое из землячеств имело свой дворец — «отель», «альберго», строив-

[37] *Gabriel A.* La Cité de Rhodes, MCCCX–MDXXII. Paris, 1921. Vol. 1: les remparts de Rhodes, 1310–1522; *Muller Wiener W.* Burgen... S. 38–40; *Butler L.* The Port of Rhodes under the knights of St. John (1309–1522) // Les Grands Escales. Recueil de la Société Jean Bodin. 1974. T. XXXII. P. 339–345.

шийся в архитектурных традициях Оверни или Прованса, Англии или Каталонии... В собственном смысле слова отелем эта резиденция была лишь для почетных гостей ордена, кавалеры же жили в отдельных домах и собирались сюда на ассамблеи и трапезы. Жилые дома рыцарей были построены в XIV–XVI вв. в основном на улице кавалеров, шедшей от моря к центру города. Готический стиль здесь господствовал вплоть до XVI в. Почти для всех светских построек Родоса характерны общие черты: нижние этажи были сводчатыми и там располагались склады и хозяйственные помещения, в то время как апартаменты находились на втором этаже. Дома имели одну большую залу и разное число жилых и подсобных помещений. Многие постройки Родоса возводились греческими мастерами, объединенными в артели во главе с протомастором. Естественно, что в новых условиях греческие мастера должны были усваивать изначально чуждую им строительную технику. Они обучались гладко обтесывать поверхность камня, делать кладку стен более упорядоченной, возводить готические арки и профили из малоподходящего для этого местного мягкого камня, облицовывать здания более высоким по качеству линдосским известняком или мрамором. Все это совершенствовало мастерство камнерезов. И все же и здесь, на Родосе, где господство госпитальеров было прочным, не произошло органического слияния разнообразных стилей и направлений[38].

Госпитальеры построили и другие крепости на византийской территории, например Бодрум на малоазийском берегу, на месте древнего Галикарнаса, и на острове Кос, напротив него[39]. Эти фортификационные сооружения существенно отличаются от укреплений Родоса. На Родосе крепость широким полукругом замыкала в своих стенах средневековый город. На острове Кос и в Бодруме, напротив, стояли изолированные замки, основной задачей которых являлась охрана морских владений и коммуникаций кавалеров. Выбор места для строительства крепости св. Петра был продиктован необходимостью контролировать водный путь между азиатским материком и островом Кос. Именно там, в узком проливе, несколько веков господствовали пираты, для защиты от которых и была воздвигнута древняя крепость на острове Кос. Теперь же Петрунион стал еще и форпостом госпитальеров на турецкой территории. Скалистый мыс полуострова и удобная бухта как нельзя лучше подходили для избранной цели. В начале XV в. госпитальеры, потеряв замок св. Петра в Смирне, приобрели этот, новый участок по договору с султаном Мехмедом I. Строительные работы начались с сооружения рва через перешеек, соединявший галикарнасский полуостров с материком. С начала XV в. и

[38] *Gabriel A.* La Cité... T. 2.

[39] Турецкое название Бодрум происходит от Petrunion, крепость Св. Петра. См.: *Maiuri A.* I castelli dei cavalieri di Rodo a Cos e a Budrúm (Alicarnasso) // Annuario della R. Scuola Argheologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. 1921/22. T. 4/5. P. 275–343; *Müller-Wiener W.* Burgen... S. 93–94.

до 1522 г. продолжались интенсивные фортификационные работы. Для постройки трех поясов обороны в качестве строительного материала использовали стены античной крепости и части древних сооружений, в том числе плиты знаменитого Галикарнасского мавзолея, одного из семи чудес света. В центре крепости, на вершине скалы, первоначально были построены 2 мощных башни простой кладки. В начале XVI в. их соединил центральный редут. Главный пояс стен, построенный во второй половине XV в., представлял собой замкнутый четырехугольник, укрепленный мощными бастионами. Передовая линия обороны, со стенами, башнями, рвами и контрэскарпами, защищала крепость с юга, наиболее уязвимого места. Строители крепости Бодрума решительно порвали с традициями византийского крепостного зодчества и создали более цельный и западный по облику комплекс, чем более эклектичная по архитектуре крепость самого Родоса.

Венецианское крепостное строительство в Латинской Романии можно условно разделить на три этапа: XIII–начало XV в.; XV–XVI вв.; вторая половина XVII в. От интересующего нас здесь первого периода венецианского крепостного зодчества в Романии сохранились лишь фрагменты строений, так как последующие радикальные перестройки и разрушения существенно исказили первоначальные сооружения. Венецианцы строили четыре основных типа укреплений: 1) защищенный стенами город с цитаделью (Кандия), где стеной обносились и предместья-бурги; 2) укрепленный с суши и с моря порт, иногда с фортами на молу (Канеа на Крите, Модон, Корон); 3) небольшие замки в сельской местности и в стратегических пунктах (на Эвбее (Негропонте), Крите, Наксосе и др.); 4) замки венецианских факторий, образовавшихся на чужой территории (например, Трапезунд или Тана).

Сначала венецианцы часто стремились лишь реставрировать и достроить прежние укрепления, возводили сооружения, не отличавшиеся существенным образом от предшествующих греческих. Их характеризовала предельная простота форм и планов. Нередко при достройке стен имитировалась прежняя кладка (что, кстати, затрудняет датировки). В замках, особенно в сельской местности, выкладывался лишь наружный контур стены, а изнутри она заполнялась землей. В горной местности крепость принимала форму скалы, сливаясь с рельефом. Если же сооружение было более сложным, то стена укреплялась башнями самой разнообразной формы. На Крите, например, встречаются и многоэтажные квадратные башни, и круглые, и многоугольные, и, наконец, угловые бастионы. Ворота редко располагались внутри башен, чаще рядом с ними. Иногда в центре крепости по франкскому образцу возводили донжон (как в замке Санудо на Наксосе)[40].

Лишь в крупных крепостях (Кандии, Канеа, Короне и Модоне) встречаются немногочисленные декоративные элементы; то скульп-

[40] О венецианских крепостях на Кикладах см.: *Eberhard H.* Mittelalterliche Burgen auf den Kykladen // Επετηρίς Εταιρείας Κυκλ. Μελετών. 1974–78. Т. 10. Σ. 501–585.

турное изображение крылатого венецианского льва[41], то завершение каменной крепостной стены зубцами в виде ласточкиных хвостов (Навплий, Старый Наварин), то стрельчатые арки ворот (Канеа).

В том случае, если венецианцы строили замок в своей фактории, находившейся на чужой территории, как, например, в Трапезунде, они следовали местной строительной технике и даже договаривались с императором, чтобы он на свои средства возвел для венецианцев часть стены с башней[42]. Словом, до XV в. резкого разрыва между венецианской и византийской техникой строительства не произошло. Революция в крепостной архитектуре свершилась в XV в. с появлением артиллерии. Вместо высоких башен стали возводить приземистые бастионы с толстыми стенами, широкими амбразурами и открытыми площадками для орудий, защищенными парапетами. Изменяется и план крепости для удобства стрельбы: он принимает форму многоугольника. Все большую роль в фортификации начинают играть рвы, эскарпы и контрэскарпы (Модон, Навплий, Навпакт-Лепанто)[43].

В 1267 г. император Византии Михаил VIII Палеолог предоставил генуэзцам для поселения территорию на противоположном от Константинополя берегу Золотого Рога в Галате — Пере[44]. В течение века генуэзская Пера расширила свои границы и превратилась из небольшого торгового квартала в богатый укрепленный город, имевший большее экономическое значение, чем сам Константинополь. К началу XV в. было завершено строительство стены вокруг Перы и ряда прежних бургов. Площадь фактории составила 37 га. С суши город защищал ров 15-метровой ширины, стена с рядом башен, средняя толщина которой составляла около 2 м. Огромный цилиндрический донжон возвышался на вершине холма. Он сохранился и доныне и называется Башней Христа. В центре города, делившегося на кварталы (contrade) находился двухэтажный дворец коммуны, построенный в готическом стиле. На его фасаде красовалось изображение патрона Генуи — св. Георгия. Средоточием деловой жизни была расположенная южнее лоджия генуэзцев: там составляли акты нотарии, взимали налоги чиновники, вершил свой суд подеста. Пера располагала прекрасным портом, который мог принимать более сотни судов, арсеналом и складами[45]. Кафедральным собором Перы был храм св. Михаила, но самой большой церковью всей Романии являлся кафоликон монастыря св. Франциска Ассизского, украшенный мозаиками (разрушен в

[41] *Rizzi A.* «In hoc signo vinces»: i leoni di San Marco a Creta // Venezia e Creta... P. 543–593.

[42] См.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 62–63.

[43] *Полевой В. М.* Искусство... С. 262–265; *Bon A.* Monuments... P. 49–67; *Gerola G.* Monumenti... T. 1.

[44] *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 112–114; *Origòne S.* Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P. 128–129.

[45] *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 190–194.

XVII в.). Превосходные мозаики, видимо еще византийского периода, украшали и храм бенедиктинского монастыря. И доныне в Галате сохранилась высокая готическая башня-колокольня храма св. Павла (Арап Джами) этого монастыря (XIII–начало XIV в.). В Пере было немало других церквей[46]. Современники свидетельствовали о богатстве и процветании Перы. Возможно, не без преувеличения Никифор Григора писал, что в XIV в. ежегодные доходы Перы от коммеркиев составляли около 200 тыс. перперов, в то время как в Константинополе едва собирали 30 тыс[47]. Но в то же время Пера и Константинополь были экономически очень тесно связаны друг с другом[48]. В первой половине XV в. все рельефнее проступают черты упадка экономики Перы, особенно ее финансов.

Следы генуэзского присутствия в Романии ныне нагляднее всего представлены в крепостном строительстве Крыма — Каффы и Судака (Солдайи). Хотя крепость Каффы защищала многотысячный и, наверное, самый большой на Черном море город (его население в XV в. достигало 60–70 тыс. человек), а Солдайя имела в основном дозорно-стратегическое значение, они были построены по общему плану, характерному для Латинской Романии. Оборонительные сооружения делились на три составные части: внешний пояс стен с башнями, перед которым с суши шел ров с перекинутыми через него каменными мостами, внутреннюю цитадель, где находились административные сооружения, и донжон. Портовая часть также защищалась башнями. Башни были чаще прямоугольные, иногда круглые. Выбор типа зависел от места в оборонительной линии и рельефа местности, а также от предшествующего типа башни, если таковая существовала в догенуэзский период. Башни возводились в основном трехэтажные, открытого типа (башни св. Антония[49] в Каффе, ранее 1346 г.; башня Джованни Марионе, 1388 г.; Бальдо, 1394 г., и большинство других в Солдайе). Приврат-

[46] *Belin F. A.* Histoire de la latinité de Constantinople. Paris, 1894; *Frazee A.* The Catholic Church in Constantinople...; *Matteucci G.* Un glorioso convento francescano sulle rive del Bosforo, il S. Franceso di Galata in Constantinopoli, c. 1230–1697. Firenze, 1967; *Polonio V.* Studi di storia monastica ligure. Monache cistercensi a Noli: Santa Maria del Rio; Santa Maria della Misericordia della Cisterna a Pera di Costantinopoli // Liguria monastica. Italia Benedettina. Cesena, 1979. T. 2. P. 359–421.

[47] *Nicephori Gregorae* Byzantina historia / a cura L. Schopeni. Bonnae, 1829–1830. T. II. P. 842.

[48] *Balard M.* La Romanie... T. I. P. 179–198; *idem.* Péra au XIVe siècle. Documents notariés des Archives de Gênes // *Balard M., Laiou A., Otten-Froux C.* Les Italiens à Byzance. Paris, 1987. P. 9–78; *idem.* Bilan des publications sur Péra-Galata à l'époque Génoise // Première Rencontre Int. sur l'Empire Ottoman et la Turquie Moderne. Istanbul-Paris, 1991. P. 5–15; *Oikonomidès N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe–XVe siècles). Montréal-Paris, 1979. P. 39–40; *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 199–228, 409–456.

[49] Ранее считалась башней папы Климента VI, новая атрибуция принадлежит А. Л. Пономареву.

ные башни, возможно, имели закрытым один (нижний) этаж. В Каффе главные ворота находились на северо-западном конце города. Близ них стояла башня Константина (XIV в.). Эта двухэтажная красивая башня была оборудована в соответствии с нормами тогдашней военной техники, перекрыта крестовым сводом и увенчана тройным арочным поясом. Сторожевые башни делались четырехстенными (портовая башня в Каффе, квадратная башня Астагвера и дозорная башня в Солдайе), равно как и башни, у которых размещали склады боеприпасов и продовольствия (башня Коррадо Чикало в Солдайе, 1404 г.). Перед внешними воротами с мостом дополнительно возводился барбакан. Для защиты обороняющихся от стрел служили зубцы — мерлоны и кремальеры, украшавшие как башни, так и стены. Строительство каффской крепости продолжалось с конца XIII в. по 1474 г., а солдайской — с 1371 по 1469 г.[50]

На острове Хиос генуэзцы обосновались не только в городе, но и в плодородной долине Кампос, поселяясь рядом с местной знатью[51]. Крепость г. Хиос была типичной большой фортецией Латинской Романии. Ее цитадель — кастро — была построена ок. 1328 г. на новом месте, в стороне от старого византийского замка — Палеокастрона,— и затем не раз перестраивалась. В ноябре 1464 г. контракт на проведение военно-инженерных работ с маоной Хиоса подписал знаменитый архитектор Микелоццо Микелоцци, но неизвестно, приступил ли он лично к осуществлению реконструкции замка. Стены его образовывали неправильный прямоугольник тремя сторонами обращенный к суше и двумя — к гавани и к морю. На равных расстояниях друг от друга поднималось 9 башен. Башни были построены и внутри цитадели. В случае необходимости кастро мог вместить всех жителей города. Внутри него находились административные здания: дворец подеста, лоджия, канцелярия маоны с портиком. Там же располагалась тюрьма и странноприимный дом, дома знати и высших оффициалов, собор св. Антония, резиденция епископа. Помещения в замке имели готические своды. В стены крепости и церквей, над вратами, в башни были вставлены мраморные плиты с гербами и скульптурными рельефами, сначала готическими, а потом и ренессансными. Одни

[50] См.: *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 199–215; *Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К.* Крепость в Судаке. Симферополь, 1980; *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М.,1973. С. 110–127; *Бочаров С. Г.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII–вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. М., 1998. Вып. 3. С. 82–116.

[51] О постройках генуэзского Хиоса см.: *Hasluck F. W.* The Latin Monuments of Chios // Annual of the British School at Athens. 1909/10. T. 16. P. 137–184; *Smith A. C.* The Architecture of Chios. London, 1962; *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 218–221; *Mortoudi-Gavala D.* Η πόλη της Χίο Κοινωνία, Πολεοδομία, Αρχιτεκτονική. Athenai, 1994. К сожалению, большинство старых построек Хиоса было разрушено землетрясением 1881 г. и позднейшими перестройками. Список церквей Хиоса приведен в кн.: *Argenti Ph. P.* The occupation of Chios... T. 1. P. 555–561.

из трех ворот замка выходили к гавани, защищенной с моря башней. Доступ в гавань мог также блокироваться цепью. В порту, рядом с восточной стеной замка, находилась таможня. На торговой площади, вне стен цитадели, размещались лавки и дома купцов, а поблизости — и резиденции корпораций торговцев мануфактурными товарами и шелком. Весь город, как кастро, так и бурги, согласно генуэзской практике, делился на кварталы. М. Балар насчитал около 40 таких кварталов, группирующихся вокруг какой-либо церкви или дворца[52].

Жилища греков и генуэзцев соседствовали друг с другом. Дома генуэзцев по виду были типичными итальянскими постройками. Открытый двор окружали аркады с колоннами, поддерживавшими второй этаж (так называемый пьяно нобиле), над которым нередко надстраивался и третий. Входные ворота вели во внутренний двор, из которого по высокой лестнице поднимались в апартаменты. Как и в Италии, ворота нередко оковывались медью или бронзой, их обрамляла каменная резьба. Такие усадьбы, особенно XV–XVI вв., походили на небольшие дворцы. Городские жилища генуэзцев имели островерхую крышу, тогда как их сельские особняки строились с плоской византийской крышей. Нередко в долине Кампос, к югу от столицы, резиденцией генуэзцев и греческих архонтов были пирги — башня с двумя этажами и съемной внешней лестницей. Нижний этаж традиционно использовался как склад для продовольствия и боеприпасов, в верхнем располагались жилые помещения. Подобные же башни для своей защиты строили и местные жители в центре села, на торговой площади. Такие пирги обычно вмещали все население деревни, и по их внешнему виду можно судить о размерах поселения. Наряду с ними строили и более мощные укрытия, с внешним поясом стен[53].

Большинство церковных построек Латинской Романии связано с деятельностью духовных орденов: цистерцианцев (в основном до 1276 г.), францисканцев и доминиканцев. Главным образом они вводили традиции архитектуры готики, которые никогда полностью не были ассимилированы на греческой земле. Вместе с тем сказывались и специфические эстетические принципы и критерии, выработанные отдельными орденами. Так, например, цистерцианцы и доминиканцы явно предпочитали длинные базиликальные строения с подчеркнутым геометризмом и строгостью форм, минимумом декоративных элементов. Доминиканцы, кроме того, в своих храмах возводили деревянные своды (только над хорами и апсидой они были каменными). Цистерцианцы стремились обосноваться в деревнях, уединенных долинах, окруженных лесистыми холмами, в то время как миссионерская направленность деятельности доминиканцев (проповедников)

[52] *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 221–223; *Origone S.* Chio nel tempo della caduta di Costantinopoli. Genova, 1981. P. 63–64.

[53] Ср.: *Tiberi C.* Architetture e memorie italiane in Grecia. Reciproche influenze di cultura // Il Veltro. 1983. N 3–4. P. 338–339.

и францисканцев побуждала их, напротив, основывать свои монастыри в городах[54].

В целом в церковной архитектуре Латинской Романии можно условно выделить: 1) храмы чисто западной архитектуры (в основном готические); 2) примитивизированные постройки западного типа, представлявшие провинциальную (колониальную) архитектуру; 3) церкви смешанного, так называемого «франко-византийского» стиля; 4) чисто византийские (в основном небольшие и деревенские) храмы.

К первому типу относятся весьма немногие большие соборы Кипра: св. Софии в Никосии (1209–1326) и св. Николая в Фамагусте (начало XIV в.), а также храм св. Георгия латинян в Фамагусте (40-е годы XIII в.), небольшая церковь св. Екатерины в Никосии (XIV в.) и постройки премонстрантского аббатства Беллапэ близ Кирении (XIII–XIV вв.)[55].

Собор св. Софии — типичное произведение готики Иль де Франса с единственным существенным отличием — отсутствием островерхой крыши. Это великолепный образец высокого искусства. В Фамагусте, в соборе св. Николая, происходила коронация Лузиньянов иерусалимской королевской короной. Трехнефный и трехапсидный храм, также в стиле французской готики, без трансептов, отличался богатым декором внешних стен, особенно западного фасада, напоминающего собор св. Урбана в Труа (1262 г.). К произведениям чистой готики, не тронутой признаками деградации, относится и латинская церковь св. Георгия. Сохранились одна стена и часть апсиды превосходной работы западноевропейских каменщиков.

Клуатр и трапезная монастыря Беллапэ отличаются особой изысканностью архитектурных форм. Удивительно изящны стрельчатые арки клуатра, опирающиеся на стройные колонны с небольшими капителями, орнаментированными листвой. Правда, в оформлении клуатра и трапезной имеются архаичные черты, которые к тому времени уже исчезли из архитектурной практики самой Франции и названы Дж. Хиллом «реликтом романского стиля»[56]. Речь идет о тяжелой зигзагообразной лепнине, орнаменте, напоминающем собачьи зубы и характерном для Северной Франции XII–XIII вв. Зато сама трапезная выгодно отличается от соборов Никосии и Фамагусты легкостью тонких колонн, поддерживавших свод, гармоничностью пропорций и торжественной красотой устремленных вверх линий.

Нетрудно заметить, что все эти памятники были построены в первый период франкского владычества на Кипре, в период относитель-

[54] *Brown E. A. R.* The Cistercians in the Latin Empire of Constantinople and Greece, 1204–1276 // Traditio. 1958. T. 14. P. 63–120; *Panagopoulos B. K.* Cistercian and Mendicant Monasteries in Medieval Greece. Chicago; London. 1979. P. XV–XVII, 26–27, 64–65; *Delacroix Besnier C.* Les dominicains..., passim.

[55] *Enlart C.* Art gothique...; *Francis R. B.* The Medieval Churches of Cyprus. London, 1949; *Jeffery G.* A description...; *Hill G.* A History of Cyprus... Vol. 3. P. 1123–1126.

[56] *Hill G.* A History of Cyprus... Vol. 3. P. 1126.

ного расцвета королевства. И королевская власть, и католическая церковь стремились утвердить на острове тот тип архитектуры, который наиболее соответствовал католической традиции и вкусам западноевропейских феодалов. Вместе с тем храмы были символом новой государственности.

С началом политического упадка в середине XIV в. в архитектуру, к тому времени все больше сбивавшуюся на эклектическую имитацию предшествующих образцов и тяготевшую к разным школам Юга Франции, Италии и Испании, внедряются греческие мотивы. Их носителями были местные мастера-каменотесы, их поддерживали вкусы греческого населения острова и эллинизировавшейся элиты. Происходила медленная ассимиляция готического и византийского стилей. Сначала это проявлялось в сочетании готической архитектуры церквей с византийским их интерьером. Затем — в комбинировании византийского купола и готического свода. И, наконец, в приближении готического декора к более привычным византийским скругленным формам. Процесс сближения был медленным и прошел несколько фаз. По мнению одного из лучших исследователей зодчества Кипра — К. Энлара, во второй половине XIV в. наблюдается общее огрубление архитектуры. Готический стиль лишается гармонии и выразительности (церкви Бедестан в Никосии, свв. Петра и Павла в Фамагусте). В конце XIV — начале XV в. происходит даже частичный возврат к конструкциям и декоративному оформлению романского стиля. На этом фоне эволюции собственно западной церковной архитектуры и произошло ее сближение с византийскими традициями, которые сохранила кипрская деревня. Однако и сельские храмы, в свою очередь, восприняли отдельные элементы готики. Иногда они сознательно внедрялись феодальным сеньором, иногда перенимались механически, как, например, стрельчатые арки, готические профили окон. Это не меняло прежнего стиля, но придавало постройке большую нарядность, франко-византийский стиль до конца не оформился на Кипре в XIII–XV вв. Существовала амальгама, не объединенная новой общей идеей. Возможно, одним из препятствий на пути к созданию более гармоничной архитектуры, помимо идейных разногласий и недостатка средств, с конца XIV в. было отсутствие на Кипре хороших камнерезов — об этом свидетельствует невысокое качество декоративной скульптуры и орнаментов[57].

Но если на Кипре все же имелись чистые образцы высокой европейской готики, то в других районах Романии не наблюдалось и этого. Раннеготические церкви Греции были чрезвычайно просты по замыслу и бедны по исполнению. Большинство из них плохо сохранилось[58].

[57] *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 185–188; *Hill G.* A History of Cyprus... Vol. 3. P. 1136–1137.

[58] *Bon A.* La Morée franque... P. 557–598; *Kitsiki Panagopoulos B.* Medieval Architecture in Greece: Western Monastic Orders in the Latin States formed on Byzantine Territory // XVe Congr. Int. d'Études Byzantines. III. Art et archéologie. Athènes, 1976.

Это довольно большие, прямоугольные в плане базилики, однонефные, без трансепта (церковь цистерцианского монастыря Богородицы в Исове, XIII в.; церковь в Кларенце, вторая четверть XIII в.), или трехнефные (храм цистерцианского монастыря Зарака у озера Стимфалии второй четверти XIII в.; доминиканская церковь св. Софии в Андравиде, между 1240 и 1264 гг.), с многоугольными (Исова) или прямоугольными (Зарака, св. София в Андравиде) апсидами, с островерхой деревянной крышей. Аркады церкви Зарака, разделявшие центральный и боковые нефы, опирались на мощные столпы, составленные из большой круглой колонны и связанных с ней четырех полуколонн на многоугольной базе. Такая форма была свойственна французской архитектуре первой половины XIII в. Такая важная черта готики, как последовательное применение оживального крестового свода, прослеживается лишь в церкви Зарака, отчасти в св. Софии и ныне разрушенной церкви Ипапанти в Афинах. Западный портал церкви Богородицы монастыря Исова завершался вимпергом, но он отнюдь не был ажурным, с богатой каменной резьбой и лепкой, как во французских церквах XIII–XIV вв. Свет попадал в храм через высокие узкие окна с полуциркульными или ломаными арками, иногда с витражами. Пристроив к западному фасаду храма монастыря Дафни близ Афин портик, цистерцианцы украсили его тремя стрельчатыми арками. На Эвбее, в Халки, церковь св. Параскевы (ранее 1279 г.) сохранила такой интересный элемент украшения интерьера, как готические фигурные розетки в замках свода в виде голов рычащих львов или орнаментов[59]. Сохранившиеся скульптурные фрагменты в св. Софии в Андравиде (возможно, они происходят из церкви св. Стефана) свидетельствуют о том, что капители и импосты колонн украшались эмблемами княжеского рода, орнаментировались листьями или изображениями человеческих голов. Франкские бароны любили помещать свои гербы на стенах их жилищ, основанных ими церквей, и на надгробиях. Но вот характерная деталь: нередко гербы, особенно с XIV в., сопровождают легенды на греческом языке, а флёрделисы начинают соседствовать с полумесяцами и звездами в восточном вкусе[60]. Незаурядным произведением франкской плоской скульптуры является надгробие Агнессы Виллардуэн (Анны Дукини ум. в 1286 г.) в Андравиде. Но на плите, напротив, французская надпись сочетается с византийским скульптурным орнаментом, изображающим сказочных животных и павлинов[61]. Генуэзские скульптурные орнаменты в Пере также создавались под воздействием византийских традиций, что отличает стиль их декора от аналогичных генуэзских орнамен-

[59] *Panagopoulos B. K.* Cistercian and Mendicant Monasteries... P. 56–59, 134–136.

[60] *Грегоровиус Ф.* История города Афин ... С. 205; *Bon A.* La Morée franque... P. 591–592.

[61] *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 224.

тов и плит в других городах Причерноморья (Амастриде, Каффе, Симиссо), где эти влияния выражены значительно слабее[62].

С середины XIV в. церковные постройки Греции нередко возводятся местными мастерами. Сохраняя типичные для Греции формы архитектуры, греческие церкви Мореи, как и Кипра, воспринимали декоративные элементы готического зодчества: стрельчатую и ломаную арки, скульптурные колонки, украшающие углы стен или обрамляющие окна. Иногда изменялся план постройки: она удлинялась, приобретая базиликальные черты, там и тут встречаются сводчатые перекрытия западного типа. С XIII в. в Греции распространяется не свойственная Византии многоярусная колокольня в виде квадратной башни, примыкающей к храму (Каритена, Мессения, Пантанасса в Мистре).

На Крите, так же как и почти во всей Латинской Романии, произведениями чисто западноевропейской церковной архитектуры можно считать лишь соборы, кафоликоны монастырей и капеллы в крепостях и дворцах сеньоров. Естественно, что в архитектуре Крита преобладают итальянские, а не французские традиции. Большинство же храмов Крита сохранило крестово-купольный тип, и иногда лишь встречается декор фасадов и окон по венецианскому образцу. Число церквей греческого типа постоянно увеличивалось. Сначала их строили в деревнях греческие церковные общины (в городах права таких общин были ограничены), затем — греческие архонты, богатые граждане острова и, наконец, быстро эллинизирующиеся колонисты венецианского происхождения[63]. Венецианское владычество на Крите отмечено распространением готического стиля. Формы, свойственные эпохе Возрождения, появились на острове с большим запозданием, что характерно для «колониальной» архитектуры. Даже знаменитая критская деревянная скульптура, расцвет которой пришелся уже на XVI век, изготовлялась в уже архаическом для самой Венеции стиле пламенеющей готики. Однако Крит прославился тем, что на острове в массовом масштабе делали целые иконостасы, оклады икон, сотни триптихов для всего православного Востока — от Афона до Иерусалима[64].

---

[62] *Matteucci G.* Un glorioso convento francescano sulle rive del Bosforo, il S. Francesco di Galata in Constantinopoli, c. 1230–1697. Firenze, 1967. P. 347; *Düll S.* Die lateinischen Inschriften aus Istanbul vor und nach der Osmanischen Eroberung // Epigraphik 1982. Wien, 1983. S. 101–118; *eadem.* Byzanz in Galata // Romische Historische Mitteilungen. 1987. 29. Bd. S. 251–280, Abb. 1–27; *eadem.* Das Wappenbild als Geschichtsquelle. Florentiner Kaufleute in der Genuesenfestung Samastri am Schwarzen Meer // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1989. 33. Bd., Heft 2/3. S. 369–378; *eadem.* Les Monuments des Génois en Turquie et leurs rapports avec Byzance // État et colonisation au moyen âge et à la Renaissance / éd. M. Balard. Lyon, 1989. P. 113–128.

[63] *Gerola G.* Monumenti Veneti... T. 2.

[64] *Chatzidakis M.* Essai sur l'Ecole dite «italogrecque» // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Venezia, 1973. T. 2. P. 71–72.

* * *

Завоевание Константинополя латинянами болезненно отразилось на художественной жизни города. Часть мастеров, покинувших Царственный град, успешно трудилась в Сербии (например, в Студенице) или Трапезунде. Но, по свидетельству сербских агиографов, и в самом Константинополе оставались мастера-мраморщики и живописцы[65]. К сожалению, следов работы первых в столице немного — в основном это надгробия франкской знати. Единственной росписью, достоверно относящейся к эпохе латинского господства, являются фрески в капелле св. Франциска Ассизского в церкви Христа Акаталептос (Календеране Джами), обнаруженные сравнительно недавно. Это фрагменты небольшой композиции из 11 сцен жизни св. Франциска, с монахами во францисканских облачениях. Перед нами один из первых памятников, созданных после канонизации св. Франциска (1228 г.), с его изображением. Как считают исследователи, цикл был создан в 50-е годы XIII в. рукой западного мастера, испытавшего византийские влияния или совместно западными и византийскими мастерами, руководствовавшимися итальянскими картонами (прорисями или иконописными подлинниками)[66]. Возможно, что фрески деисуса над одной из гробниц в церкви св. Евфимии в Константинополе, обнаруживающие немалое стилевое сходство с росписями Студеницы, также были созданы в период Латинской империи[67].

И все же отсутствие богатых донаторов и средств также способствовало глубокому упадку монументальной живописи и исходу основной массы живописцев или изменению характера их творчества: изготовлению книжных миниатюр или небольших икон. Но вопрос об атрибуции ряда сохранившихся иллюминованных рукописей XIII в. периоду Латинской империи или последующему весьма дискуссионен[68]. Сложность атрибуции заключается в том, что книжная миниа-

[65] *Djuric V.* La Peinture murale byzantine: XIIe et XIIIe siècles // XVe Congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. T. III. Art et archéologie. Athènes, 1976. P. 43–46.

[66] *Striker C. L., Dogan Kuban Y.* Work at Kalenderhane Camii in Istanbul // DOP 1968. T. 22. P. 185–193; *Dufrenne S.* Architecture et décor monumental d'art byzantin a l'époque de l'Empire Latin de Constantinople (1204–1261) // BF. 1972. Bd. IV. P. 66; *Cramer J., Dull S.* Beobachtungen an der Agap Camii in Istanbul // Istanbuler Mitteilungen. 1985, Bd. 35. S. 295–322. Taf. 61–73; *Dull S.* Byzanz in Galata... S. 251–280. Abb. 127.

[67] *Djuric V.* La Peinture murale... P. 47.

[68] *Weitzmann K.* Constantinopolitan Book Illumination in the Period of the Latin Conquest // Gazette des beaux-arts. 1944. Ser. 6. T. XXV. P. 193–214; *idem.* Studies in classical and byzantine manuscript illumination. Chicago; London, 1971. P. 314–339 [рец.: *В. Н. Лазарева* в ВВ. 1949. Т. 2. С. 367–373]; *Buchthal H., Belting H.* Patronage in the Thirteenth-Century Constantinople. An Atelier of Late Byzantine Book Illumination and Calligraphy. Washington, 1978. P. 62–64; *Demus O.* Die Entstehung des Palaologenstils in der Malerei // Berichte zum XI. Intern. Byzant. Kongress. Munchen, 1958. S. 15–17; *idem.* Studien zur

тюра той поры, являясь плодом переходной эпохи, сочетает разнородные элементы. Вероятно, греческие миниатюристы работали для латинян. К примеру, в рукописи № 118 Афинской Национальной библиотеки на миниатюрах евангелисты Матфей, Лука и Иоанн держат в руках свитки с надписями на латинском языке. Высокий художественный уровень этих книжных иллюстраций, манера письма указывают на константинопольское происхождение рукописи. Но нельзя исключить и возможности «дорисовки» в латинский период миниатюры предшествующего времени или вписывания нового текста[69].

Влияние крестовых походов на книжную миниатюру и византийскую икону может быть лучше всего изучено на материале не Константинополя, а Синая, где в XIII в. возникли своеобразные греколатинские иконописные центры. Они находились за пределами Латинской Романии, но возможно, именно они удовлетворяли потребности Греции, островов Эгеиды, латинского Константинополя[70].

Вернемся к искусству крестоносцев в Греции. Морейская хроника сообщает, что в Фиванском замке Никола де Сент-Омера зала дворца была украшена прекрасными росписями, изображавшими покорение Сирии франками[71]. В Патрах в архиепископском дворце находились фрески на тему осады и разрушения Трои[72]. К сожалению, все они не сохранились. Зато до нас дошли фрески церкви св. Георгия в Иераки (вторая половина XIII в.). На одной из них видно изображение Христа, выполненное раннеготическим мастером. Оно мирно соседствует с традиционными византийскими росписями, хотя и на них мы встречаем изображения воинов во франкских доспехах. На иконах той же церкви изображены гербы «франкских» феодальных сеньоров наряду с эмблемами византийских семейств[73]. Но те же франкские бароны снабжали возводимые ими храмы и греческими надписями, в стиле и орфографии которых, впрочем, ясно просматривается происхождение заказчика[74]. О. Демус справедливо замечает, что смешение стилей происходило в пограничных районах с менее стойкой византий-

byzantinischen Buchmalerei des 13. Jahrhunderts // JOBG. 1960. Bd. 9. S. 87–89; *Пуцко В.* Синайское Четвероевангелие X в. с миниатюрами эпохи крестоносцев (ГПБ, греч. 220) // RESEE. 1979. N 3. P. 537–538.

[69] *Weitzmann K.* Constantinopolitan Book Illumination... P. 197–201; *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 225. Круг рукописей с миниатюрами эпохи Латинской империи в последнее время был выявлен в работе: *Prato G.* La produzione libraria in area greco-orientale nel periodo del regno latino di Costantinopoli (1204–1261) // Scrittura e civilta. 1981. T. 5. P. 105–147.

[70] *Weitzmann K.* Studies in classical and byzantine manuscript illumination. Chicago; L 1971. P. 314–339 a. o.

[71] The Chronicle of Morea [Greek version] / ed. J. Schmitt. London, 1904. Vs. 8083–8085.

[72] Relations du Pèlerinage à Jérusalem de Nicolas de Martoni... P. 661.

[73] *Lafontaine J.* Le village «byzantin» de Jéraki // Reflets du monde. 1965. T. 40. N 9. P. 45–58.

[74] *Гregorовиус Ф.* История города Афин... С. 205.

ской традицией[75]. В искусстве же многочисленных маленьких церквей Аттики и Пелопоннеса в XIII в. преобладали фрески в старой, весьма консервативной манере, преодоление которой началось лишь с 80-х годов XIII в. под влиянием Палеологовского ренессанса. С другой стороны, в большинстве небольших церквей Крита, островов Эгеиды и Пелопоннеса в росписях наблюдается отход от комниновской линейности, стремление к упрощенному рисунку, лаконизму форм, даже примитивизации. Консерватизм, предпочтение темных тонов характеризуют греческое искусство Латинской Романии XIII в.[76] Старое закрепляется и поддерживается сначала как знак сопротивления вкусам и идеалам завоевателей, а затем, в конце XIII–XIV вв. немного модифицируется под влиянием сначала византийского Палеологовского ренессанса, а затем — исихастских настроений. Такое искусство вполне соответствовало мировосприятию заказчиков — клира и разбогатевших горожан. Донаторские портреты нередко украшают такие церкви на Кипре, Эвбее, Наксосе, в Аттике[77]. В алтаре небольшой церкви св. Петра близ деревни Каливия в Аттике в сцене поклонения Агнцу среди прелатов местных церквей изображен и знаменитый ритор, митрополит Афинский Михаил Хониат. Возможно, фреска была выполнена сразу после его смерти, в 30-е годы XIII в.[78]

Искусство Крита — особая страница в истории живописи Латинской Романии. Развитие художественных традиций в конце XIII–XV в. постепенно привело к формированию наиболее значительной школы изобразительного искусства — крито-венецианской[79]. На Крите около тысячи расписанных церквей[80]. Многие сотни икон, хранящихся в музеях Венеции, Москвы и других европейских городов,— с Крита

[75] *Demus O.* Die Entstehung... S. 36.

[76] *Djuric V.* La Peinture murale... P. 67–73.

[77] *Velmans T.* La peinture murale byzantine à la fin du moyen âge. Paris, 1977. T. 1. P. 86; *Dimitrokallis G.* Gli affreschi bizantini dell'isola di Nasso // Felix Ravenna. 1966. Fasc. 43 (XCIV). P. 53–72; *idem.* The Byzantine Churches of Naxos // American Journal of Archaeology. 1968. Vol. 72. N 3. P. 283–296; *Drandakis N. B.* Αι τοιχογραφίαι του ναού της Νάξου «Παναγία στης Γαλλούς» (1289/9) // ΕΕΒΣ 1964. Τ. 33. Σ. 258–269.

[78] *Djuric V.* La Peinture murale... P. 68.

[79] *Bettini S.* Ascendenze e significato della pittura veneto-cretese // Venezia, centro di mediazione tra Oriente e Occidente. Firenze, 1977. T. 2. P. 691–703; *Weitzmann K.* Crusader icons and maniera Greca // Byzanz und der Westen. Wien, 1984. S, 143–170; *Лазарев В. Н.* «Маньера грека» и проблема критской школы // *его же.* Византийская живопись. М., 1971. С. 378–399; *Mura po M.* Различные фазы византийского влияния в Венеции в XIV в. // Византия, Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 421–437; *Tsougarakis D.* La tradizione culturale bizantina nel primo periodo della dominazione veneziana a Creta. Alcune osservazioni in merito alla questione dell'identità culturale // Venezia e Creta... P. 509–522.

[80] *Gallas K., Wessel K., Borboudakis M.* Byzantinisches Kreta. Munchen, 1983.

или созданы критскими мастерами[81]. Все это говорит о том, что центр живописи на Крите был весьма мощным. Он функционировал вплоть до XVII в. Здесь рассматривается лишь первый период его истории — до 80-х годов XV в. Его, в свою очередь, можно подразделить на несколько этапов. Первый из них — XIII в. Непосредственно после венецианского завоевания в росписях церквей (их весьма немного), по определению Ш. Дельвуа, преобладает «монашеское народное искусство, опирающееся на византийские традиции XI–XII вв.»[82] По сути дела, это отстающая, периферийная школа. Доминируют линейность стиля, темные тона, статичность и скованность поз[83]. Следы латинских влияний единичны. Они зафиксированы лишь в зонах поселения венецианцев и коснулись иконографии. Например, в церкви деревни Племениана есть отсутствующий в византийской иконографии образ — св. Варфоломей, несущий на плечах содранную с него кожу[84].

Второй этап охватывает XIV в. Живопись Крита также следует в общем фарватере византийского искусства, с середины столетия все более испытывая влияния Палеологовского ренессанса. Старый стиль сосуществует с новыми тенденциями: стремлением придать больше естественности движению фигур, сделать их рельефнее; вместо подчеркнутых контрастов светлых и темных тонов найти более мягкие сочетания, перейти к усложненным системам светотеневой моделировки, более гармонично связать образ с окружающим архитектурным и ландшафтным фоном. Делались попытки так строить композицию, чтобы она наиболее естественно вписывалась в ограниченное пространство небольших церквей. В решении этих сложных задач многое зависело от индивидуального мастерства. Наряду с более совершенными росписями (храм Спасителя в Кидонии, Асоматос из Арханис) нередко встречаются невыразительные композиции, перегруженные фигурами, где преобладают линейность и темные тона. В XIV в. на Крите работают многие мастера-венецианцы, перенимающие местную манеру письма. Их творчество не отличается существенным образом от работ критских греков. Критская школа становится все более известной. Сюда приезжают учиться из разных областей Латинской Романии и даже из Константинополя. В XIV–XV вв. на Крите работали, а в XVI в. преобладали эллинизированные венецианцы. Именно из этой среды, где этническая принадлежность живописца уступала место общности критского происхождения и единству живописной манеры, вышли знаменитая плеяда мастеров семейства Греко, талантливый художник середины XV в., представитель знатной семьи Андреа Риццо и многие другие. Итальянский ученый М. Каттапан на основании архивных документов установил имена 116 ху-

[81] Поствизантийская живопись. Иконы XV–XVIII веков. М., 1991.

[82] *Delvoye Ch.* L'art byzantin. Paris, 1967. P. 352.

[83] *Kalokyris K.* The Byzantine Wall Paintings of Crete. NY, 1973. P. 161.

[84] *Chatzidakis M.* Essai sur l'École dite «italogrecque» // Venezia e il Levante... T. 2. P. 73–75.

дожников, работавших на Крите с 1303 по 1500 г.[85] Это уникальный случай, когда известно столько имен средневековых мастеров, и столь же уникальное свидетельство интенсивности художественной жизни, учитывая небольшую населенность острова.

В XIV в. венецианские влияния на живопись Крита были эпизодическими и касались в основном передачи деталей — предметов венецианского обихода, оружия и т. д. Вероятно, прав М. Хадзидакис, когда усматривает в этом не подражание, а известный реализм мастеров, изображавших окружавшую их действительность[86]. Примеры иконографического заимствования есть, но они немногочисленны (росписи церкви Богородицы Гуверниотиссы близ Кандии, св. Пелагии в селении Вианнос и др.)[87].

На третьем этапе, в XV в., и особенно после взятия Константинополя османами в 1453 г., на Крите сосредоточиваются основные силы византийского искусства, что и обеспечило расцвет этой школе в XVI столетии. Но до конца XV в. живопись Крита следовала традициям последней стадии палеологовского искусства. Серьезное взаимодействие их с западноевропейским, прежде всего венецианским, искусством начинается лишь с конца XV и продолжается вплоть до XVII в.[88]

Искусство Кипра развивалось по сходной модели. Основным хранителем старой ориентализирующей византийской традиции были и здесь небольшие сельские церкви и монастыри. Сопротивление латинской «аккультурации» выразилось в сохранении вплоть до конца XV в. архаического, консервативного жесткого стиля византийской провинции (пример: росписи часовни Панагии в деревне Мутулла 1280 г. и церкви Педулас 1474/5 г.). Вершина этого направления — фрески церкви Асину (ок. 1250 г.).В XIII и первой половине XIV в. западные влияния незаметны. Сами западные мастера работали под влиянием византийского искусства, притом в основном в крупных городских центрах. От их росписей мало что сохранилось. Некоторые кипрские фрески тронуты следами неоклассического стиля комниновского периода. И в этом случае прототип и идеал были в прошлом. Палеологовский ренессанс не оставил каких-либо заметных следов на

[85] *Cattapan M.* Nuovi documenti riguardanti pittori cretesi dal 1300 al 1500 // Πεπραγμενα Β Κρητολογικού Συνεδριού. Athenai, 1968. T. 3. P. 29–46.

[86] *Chatzidakis M.* Essai... P. 76; *idem.* Studies in Byzantine Art and Archaeology. London, 1972. N XV. P. 147–148; *Kalokyris K.* The Byzantine Wall Paintings... P. 171, 178.

[87] *Chatzidakis M.* Essai... P. 76–77; *Vassilakis Mavrakakis M.* Western Influences on the XIVth Century Art of Crete // JOB. 1982. Bd. 32/5. P. 301–311 (в отличии от Хадзидакиса, считает западные влияния более существенными, а не маргинальными, и до 1453 г.).

[88] *Chatzidakis M.* Essai... P. 78; *idem.* Icônes de Saint-Georges des Grecs et la collection de l'Institut Hellénique de Venise. Venise, 1962; *Bettini S.* Elementi favorevoli e contrari all'espansione dell'arte veneziana nel Levante // Venezia e il Levante... T. 2. P. 18; *Constantoudaki-Kitromilides M.* La pittura di icone a Creta Veneziana (secoli XV e XVI) // Venezia e Creta... P. 459–507.

стенописи Кипра, хотя, возможно, и воплотился в некоторых произведениях иконописи, которая до XIV в. также развивалась в русле византийских традиций XII в. Сказывалась оторванность острова от очагов поздневизантийской культуры[89]. В кипрских росписях (как и на Крите) можно обнаружить лишь фиксацию отдельных элементов одежды и быта европейских рыцарей (церковь св. Ираклида в монастыре Иоанна Лампадиста, деревня Калапанайотис). Мы видим на фреске французского льва — герб на щите центуриона в сцене Распятия — или черные перчатки на руках у детей, карабкающихся на пальму, в сцене Входа в Иерусалим. Симбиоз внутри господствующего класса приводил к тому, что латинские донаторы стали использовать греческие надписи, а греческие архонты изображаться в латинских одеяниях. Так, например, Михаил Кадзуритис на фреске в церкви св. Димитрия (1317 г.) представлен с французским чепцом (coiffe) на голове[90]. Постепенно, со второй половины XIV в., грани между разными стилями в искусстве начинают стираться. Базой сближения оставалось византийское искусство с привнесенными в него западными элементами, как из Франции и Италии, так и из государств крестоносцев на Ближнем Востоке (выходцами оттуда). Иногда получались неожиданные результаты. В монастыре св. Иоанна Лампадиста была «двойная» церковь. Часть ее предназначалась для греческого, часть — для католического, латинского богослужения. В конце XIV в. обе части были расписаны, причем западный мастер творил в византийской манере. Но его можно опознать, например, по использованию линейной перспективы, отсутствующей во фресках греческой части[91]. Стремление к синтезу на Кипре ощущалось повсеместно, но не приводило к значительным художественным результатам, к созданию органичного франко-византийского стиля, несмотря на усиление униатских тенденций после Ферраро-Флорентийского собора и особенно после падения Константинополя. Вот лишь несколько примеров. Донаторами капеллы св. Екатерины в Пирге (1421 г.) были король Янус (1398–1432) и королева Шарлотта. Мастер, исполнявший их заказ, стремится работать во франко-византийской манере, но живопись остается слабой и эклектичной[92]. Те же черты: стремление к синтезу и невозможность достичь его отличают и миниатюры греко-латинской псалтири, принадлежавшей королеве Шарлотте (1458–1464)[93]. В сере-

[89] *Hill G.* A History... Vol. III. P. 1138; *Stylianou A., Stylianou J. A.* The Painted churches of Cyprus. Treasures of Byzantine Art. London, 1985.

[90] *Stylianou A., Stylianou J. A.* Donors and dedicatory inscriptions, supplicants and supplications in the painted churches of Cyprus // JOBG. 1960. Bd. IX. S. 103.

[91] *Hill G.* A History... Vol. III. P. 1139–1140.

[92] *Stylianou A., Stylianou J. A.* Donors... P. 107; *Jeffery G.* A description... P. 340–343.

[93] *Spatharakis I.* The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden, 1976. P. 45–48.

дине XV в. мастера, покинувшие взятый османами Константинополь, расписали нартекс упомянутой церкви св. Иоанна Лампадиста. На фресках изображены православные священники — донаторы. Но на их головах мы видим тонзуры. И в жизни общества, и в живописи Кипра униатские тенденции заметно усиливаются, а западные влияния играют все большую роль[94].

В иконописи Кипра изначально поддерживался более высокий художественный стандарт и благодаря притоку константинопольских икон, и из-за меньшей связанности мастера со вкусами заказчика. Кипрскую живопись характеризуют прозрачные цвета и мягкость палитры[95]. Кипрские иконы XIII–XV вв. воплощают три тенденции в рамках византийской иконографии: монашеско-аскетическую, отмеченную движением в сторону Палеологовского ренессанса и, наконец, связанную с позднеитальянской готикой. Нередко на иконах можно увидеть портреты коленопреклоненных донаторов, в том числе католических монахов и франкских рыцарей. Иногда искусство средневекового портрета достигает совершенства и выразительности. Но подлинным явлением в искусстве кипрская икона стала позднее, в основном уже в поствизантийский период, когда она творчески использует достижения европейской готики и оказывает на нее влияние.

Иконописные мастерские Кипра были тесно связаны с монастырем св. Екатерины на Синае и развивали то же направление в искусстве Латинского Востока. Их произведения, иногда трудно дифференцируемые, вывозились и в государства крестоносцев Ближнего Востока, и в Латинскую Романию, и в Западную Европу.

В целом искусство Латинской Романии конца XIV–середины XV в. развивалось в общем русле с искусством Византии, хотя и испытывало все возрастающее влияние Запада. Именно в этот период во всем византийском мире совершался переход от перегруженного деталями эклектического поздневизантийского «маньеризма» (росписи Пантанассы, Мистра) к сдержанному, суровому, но спокойному и уравновешенному стилю Феофана Критского (XVI в.), высшему образцу критской школы[96]. Поздняя готика на территории Романии вступила во взаимодействие именно с этим направлением искусства. Следует признать, что место Латинской Романии в процессе эволюции греческой живописи конца XIV–XV в. было значительным, а в XVI столетии — выдающимся.

С другой стороны, известен процесс оживления «византинизирующей» живописи на Западе с XIII в. Здесь, особенно в Италии, формируется стиль, который писатели эпохи Возрождения назвали «ма-

[94] *Stylianou A.* Sociological reflections on the painted churches of Cyprus // XVI. Int. Byzantinistenkongress. Résumés der Kurzbeitrage. Wien, 1981. 10. 3.

[95] *Papageorghiou A.* Icônes de Chypre. Paris; Genève; Munchen, 1969. P. 79–80.

[96] *Gouma-Peterson T.* The brothers Phoka and Palaeologan painting in Crete // XVI. Int. Byzantinistenkongress. Résumés der Kurzbeitrage. Wien, 1981. 10. 3.

ньера грека»[97]. Роль Латинской Романии, особенно Крита и Кипра, в этом процессе была заметной и плодотворной.

* * *

Вступив на территорию Византии, гордые латинские рыцари называли себя «людьми, пришедшими для завоевания»[98]. Вследствие завоеваний французский язык стал в Греции принятым языком феодальной элиты. Трубадуры, вдохновлявшие вождей похода, отказывали грекам в воинской доблести. Соратник Бонифация Монферратского трубадур Раймбаут Вакейрасский, описывая сражение у стен Константинополя 17 июля 1203 г., высмеивал Алексея III Ангела и его воинов, у которых, по словам поэта, сердце уходило в пятки для того, чтобы быстрее пришпоривать коней. «Мы были соколами, а они — цаплями, и мы преследовали их, как волк преследует овцу»[99]. Прошло более 70 лет, и почти с таким же высокомерием, глядя у Неопатр на 30-тысячное войско византийцев, афинский герцог Жан де ла Рош произнес: «Людей много, а мужей мало». Ситуация была похожей: латиняне в меньшинстве противостояли намного превосходящему в силах противнику. Но отличие разительно: герцог привел слова Геродота (VII, 210) и произнес их по-гречески[100]. Еще ранее князь Ахайи Гийом II Виллардуэн по-гречески вел переговоры с севастократором Иоанном Палеологом и никейским императором Михаилом VIII (1259 г.). Он уже был женат на знатной гречанке — Елене Ангелине. За пройденные годы латиняне, как и весь господствующий класс, стали двуязычными, усвоив язык покоренного народа. На Кипре при короле Жане II (1432–1458), женатом на дочери деспота Пелопоннеса Елене Палеологине, греческое влияние стало столь значительным, что, по выражению хрониста, весь остров как бы вернулся под власть греков[101]. Преемница и дочь Жана II Шарлотта (1458–1464) чувствовала себя полностью гречанкой: она предпочитала греческий язык, усвоила эллинское красноречие, но с трудом писала по-французски и воспринимала его как иностранный язык. С другой стороны, киприоты, как сообщает хроника Леонтия Махеры, после перехода острова под власть Лузиньянов обучали детей как разговорному греческому, так и французскому языку[102]. Из их смеси формировался диалект, мало понятный для эллинского мира, но органичный в условиях острова.

[97] См. прим. 79.

[98] CFrM, § 55. P. 17.

[99] *Linskill J.* The Poems of the troubadour Raimbaut de Vaqueiras. The Hague, 1964. P. 305. 51–55.

[100] *Marino Sanudo Torsello.* Istoria del regno di Romania // *Hopf Ch.* Chroniques Gréco-Romanes inédits ou peu connues. Berlin, 1873. P. 121: «Poli laos, oligo atropi».

[101] См.: *Knos B.* L'histoire de la littérature néo-grecque. Uppsala, 1962, P. 176.

[102] *Leontios Makhairas.* Recital concerning the sweet land of Cyprus / ed. R. Dawkins. Oxford, 1932. T. 2. P. 142. (Далее — Makh.).

В XV в. в среде господствующего класса наряду с процессом эллинизации шел процесс вытеснения французского языка итальянским[103]. Своего рода «колониальный» язык складывался и на Крите при отсутствии тесных культурных связей венецианских поселенцев с метрополией.

Лингвистические барьеры, которые до XIII в. разделяли Восток и Запад, постепенно преодолевались. Латиняне довольно быстро приобщались к греческой культуре. В Морее и на Крите, на Кипре и на островах Эгеиды франкские бароны и венецианские колонисты, никогда не читавшие произведений афинского архиепископа Михаила Хониата, стихийно солидаризировались с высказанным им тезисом, что нельзя господствовать над народом, захватив замки, имущество и даже покорив людей, но не имея духовной власти над умами, достигнутой благодаря образованию[104], не понимая языка своих подданных и отставая от них в культурном отношении. Процесс лингвистического обмена поддерживало и католическое духовенство, изучавшее греческий (особенно в монастырях Перы), чтобы успешнее вести миссионерскую пропаганду. Не случайно граф Кефалонии Риккардо отправил послами к деспоту Арты именно двух миноритов, воспитанных в Галате и хорошо знавших греческий[105]. Обучать их греческому могли немногие греки по происхождению, принимавшие католичество и вступавшие в ордена нищенствующей братии. Одним из них был автор полемических трактатов против ошибок греков, доминиканец Симон Константинопольский. Он в оригинале читал труды греческих отцов церкви и мог их толковать. Современники говорили, что «он обучен греческой науке даже более, чем латинской»[106].

Естественно, в меньшей степени язык франков постигало население греческой деревни, но и оно было знакомо с определенным кругом французских или итальянских слов и выражений. Интенсивнее был обратный процесс — внедрения греческого языка в обиход франкского господствующего слоя. Это происходило и в результате сознательного заимствования латинянами византийской канцелярской практики, практики вотчинной администрации, городского управления, наконец, просто обычаев и традиций населения, среди которого в течение многих десятилетий им приходилось жить. Иногда, особенно на Крите, латиняне с рождения усваивали греческий язык как «свой» и даже принимали затем православие, полностью эллинизируясь (такие факты участились с конца XIV в.). В официальных актах Латинской империи греческий язык использовался в менологи-

[103] *Richard J.* Culture franque et culture grecque: le Royaume de Chypre au XVe siècle // BF. 1987. Bd. 11. P. 399–415.

[104] Ср.: *Успенский Ф. И.* Сочинения Михаила Акомината. Одесса, 1881. С. 198.

[105] CFrM, § 654.

[106] *Congourdeau M. H.* Frère Simon le Constantinopolitain. O. P. (1235?–1325?) // REB 1987. T. 45. P. 169–170; *Delacroix Besnier C.* Les dominicains... P. 189, 237–240.

ях, иногда в надписях на печатях[107]. В период каталанского господства греческие нотарии Афин составляли документы на латыни, на каталонском языке и по-гречески[108]. По-гречески велось официальное делопроизводство в Афинах в XV в., когда герцог Антонио Аччайуоли дал флорентийским купцам привилегии[109]. На Кипре греческий язык употреблялся в официальных дипломатических документах в сношениях с турками. На этом же языке были составлены Ассизы суда горожан, и он постепенно распространился и в высшей судебной курии феодалов[110].

С приходом латинян греческая литература стала заимствовать популярные среди западного рыцарства сюжеты и произведения (рыцарские романы, элементы куртуазной лирики и т. д.). Рыцарский роман появился в Латинской Романии уже с первыми поколениями завоевателей. Роман о Трое, например, достиг Константинополя не позднее 1205 г. Мощным передаточным звеном распространения в XIII в. рыцарских романов и шансон де жест была Южная Италия, где правила Анжуйская династия, вассалами которой были морейские князья. Эти произведения были особенно читаемы в феодальной среде, выражая, как и юридические памятники, этику и вообще менталитет латинского рыцарства[111]. Филипп де Новар, один из наиболее интересных и известных писателей и государственных деятелей Кипра и Иерусалимского королевства, превосходно знал и цитировал и «Роман о Розе», и «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора, и «Роман об Александре», и «Ланселота». Постепенно эта рыцарская куртуазная литература благодаря переводам становилась все более известна в греческой среде.

Прошлое Романии нередко представлялось западноевропейцам через призму рыцарского романа, переработанных легенд гомеровского эпоса и навевало знакомые образы и сюжеты из эпического цикла о короле Артуре. Венецианская крепость в Эврипе, у пролива, отделяющего Эвбею от побережья Аттики, казалась Николо ди Мартони сказочным замком Фата Морганы[112]. Культурные контакты греков и латинян стимулировали двустороннюю переводческую деятельность. Уже в начале XIII в. на французский язык был переведен знаменитый византийский роман о Варлааме и Иоасафе. В конце того же века

[107] *Hendrickx B.* Les institutions... T. 9. P. 189; *Schlumberger G., Chalandon F., Blanchet A.* Sigilographie... P. 165–167, 171, 174–175.

[108] *Setton K.* Catalan domination... P. 216, 219–220.

[109] MM. T. III. P. 251 (7/VIII. 1422).

[110] *Irmscher J.* Les Francs — représentants de la littérature en grec vulgaire // BF. 1979. T. 7. P. 62–63.

[111] *Jacoby D.* La littérature française dans les états latins de la Méditerranée orientale à l'époque des Croisades: diffusion et création // Essor et fortune de la Chanson de geste dans l'Europe et l'Orient Latin. Modena, 1984. T. 2. P. 617–646.

[112] Ср.: *Koder J.* «Fata Morgana» in Negroponte // JOB. 1975. Bd. 24. S. 129–135.

католический архиепископ Коринфа доминиканец Гийом из Мербеке настолько овладел греческим, что сам переводил на латынь Гиппократа, Галена, Аристотеля, Птолемея и Прокла, а также и теологические тексты для Фомы Аквинского[113]. Напомним, что в самой Италии первым знатоком древнегреческой литературы лишь век спустя стал Боккаччо.

Магистр ордена иоаннитов Родоса арагонец Хуан Фернандес де Эредиа (1377–1396) был инициатором первого перевода с греческого «Жизнеописаний» Плутарха и других античных текстов, неизвестных тогда на Западе. Собранная на Востоке и привезенная затем в Авиньон библиотека Эредиа была настолько богатой, что, по свидетельству итальянского гуманиста Колюччо Салютати, там имелось почти все, что могло интересовать гуманиста той эпохи. Посланные арагонскому двору манускрипты и переводы, сама деятельность Эредиа и его окружения сыграли важную роль в формировании гуманизма в Каталонии[114].

К явлениям иного рода можно отнести деятельность Симоне Атумано. Родителями Атумано были гречанка и турок. Он вырос и воспитывался в Византии, принял постриг в знаменитом Студийском монастыре в Константинополе, участвовал в религиозных спорах XIV в. на стороне противников паламитов, затем принял католичество и, постепенно продвигаясь по ступеням церковной иерархии, стал латинским архиепископом Фив (1366 — начало 80-х годов XIV в.). Он получил хорошее образование, владел греческим, латинским и древнееврейским языками и еще в Фивах начал составление Библии Триглотты. Этот труд был затем завершен им уже в Риме и доставил ему известность выдающегося в то время знатока библеистики. Еще ранее, в 1373 г., Атумано перевел на латинский язык сочинение Плутарха «О воздержании от гнева», и этим переводом пользовались итальянские гуманисты, браня, впрочем, как, например, Салютати, недостаточно классическую и полную вульгаризмов латынь фиванского архиерея. Вероятно, в греческом языке Атумано был ближе к пуризму классики и в силу традиций византийского образования, и из-за кропотливой работы с древними текстами. В его библиотеке имелись рукописи сочинений Гомера, Еврипида, Платона, Плутарха[115].

Через полвека после Атумано, в 20–40-е годы XV в., различные области Латинской Романии (острова Эгеиды, Афины, Кипр) посещал итальянский гуманист, купец и путешественник Чириако из Анконы. Он и стал первым собирателем античных древностей, автором первых научных описаний античных памятников и скульптур,

[113] См., например: *Boese H.* Wilhelm von Moerbeke als Übersetzer der Stoicheiosis theologike des Proklos. Heidelberg, 1985; *Delacroix-Besnier C.* Les dominicains... P. 5, 204.

[114] *Luttrell A.* The Hospitallers in Cyprus, Rhodes, Greece... N XX. P. 401–407.

[115] *Fedalto G.* Simone Atumano, monaco di studio, arcivescovo latino di Tebe (secolo XIV). Brescia, 1968.

исследователем монет и надписей. В поисках древностей Чириако производил даже археологические раскопки. Деятельность Чириако, его дружба как с правителями Латинской Романии, так и со многими итальянскими гуманистами способствовали росту интереса к греческой культуре, к изучению ее наследия в Италии[116]. И хотя такой интерес усиливался и на Западе, и в самой Латинской Романии, основная установка Католической церкви заключалась не в том, чтобы воспринимать чреватые опасностями ереси положения древних (языческих) писателей или современных схизматиков-греков, а, напротив, распространять среди них латинскую культуру и через нее католическое вероучение. Чтобы придать этой деятельности целенаправленный характер, папа Иннокентий III и император Балдуин I еще в 1205 г. сделали попытку открыть в Константинополе католический университет. Понтифик обратился к преподавателям и студентам Парижского университета с приглашением отправиться на Восток, где их ждало богатое воздаяние[117]. Попытка эта, видимо, осталась не осуществленной, зато в самом Париже при университете была учреждена греческая (константинопольская) коллегия, где получали образование принявшие католическую веру выходцы из Романии, дабы после обучения вернуться на родину. Коллегия пользовалась специальным покровительством пап[118]. Центром католической пропаганды в Византии стал доминиканский монастырь свв. Павла и Марии в Константинополе (после 1228–1261), затем, с 1299 г., открытый в Пере монастырь св.Доминика–св.Павла. В этом монастыре составлялись полемические произведения «против ошибок греков»; одним из известных авторов таких сочинений был монах Бартоломей[119]. Этими трудами, не всегда, впрочем, точно излагавшими взгляды оппонентов, воспользовался и Фома Аквинат для составления трактата «Contra errores graecorum» («Против ошибок греков»). Другой доминиканец Перы, инквизитор в Романии Филиппо ди Биндо Инконтри, автор полемических сочинений («Об исхождении Святого Духа», «О послушании Римской церкви» и др.), поддерживал тесные связи с византийскими политическими деятелями и учеными, в основном прола-

[116] См. прим. 12, а также: *Ciriacus of Ancona's* journeys in the Propontis and the Northern Aegean, 1444–46/ ed. E. W. Bodnar, Ch. Mitchell. Philadelphia, 1976; *Bodnar E. W.* Ciriaco d'Ancona e la Crociata di Varna // Il Veltro. 1983. Anno 27. N 1–2. P. 235–251.

[117] PL. T. 215. P. 636–638.

[118] *Jourdain Ch.* Un collège oriental a Paris au XIIIe siècle // *idem.* Excursions historiques et philosophiques à travers le moyen âge. Paris, 1888. P. 221–229; *Fuchs F.* Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig, 1926. S. 53–54; *Setton K. M.* The Byzantine background to the Italian Renaissance // *idem.* Europe and the Levant in the Middle Ages and Renaissance. London, 1974. N I. P. 31.

[119] *Loenertz R.-J.* La Société... T. 1; *idem.* Les etablissement dominicains de Péra-Constantinople // Echos d'Orient. 1935. T. XXXIV. N 179. P. 332–349; *Delacroix-Besnier C.* Les dominicains... P. 211–212.

тинской ориентации. При содействии Димитрия Кидониса, например, ему удалось найти акты так называемого Восьмого Вселенского собора (собора по делу патриарха Фотия 869–870 гг.) и на их основе написать в 1356–1357 гг. историю схизмы. Труды Инконтри, известные в Византии и на Западе, использовались Католической церковью для проведения униатской политики[120]. В Латинской Романии имелось немало и других монастырей католических духовных орденов Однако их влияние на греческое население было ограниченным и затрагивало в основном часть политической элиты и интеллектуалов, в то время как возрастала их роль в поддержании католической веры среди самих латинян.

Уровень образованности в Латинской Романии был весьма не одинаков как среди латинян, так и среди греческого населения, колеблясь в зависимости от социального положения, места, времени и обстоятельств. Но заботясь о посылке на Восток католических богословов, в основном францисканцев и доминиканцев, специально обученных греческому языку и знавших греческую теологическую литературу[121], латиняне в целом не стремились к развитию образования самих греков. Венецианский сенат прямо запретил жителям Ионического архипелага учреждать греческие школы и создавал льготные условия для обучения греческих юношей в Италии, в частности при Падуанском университете[122]. Естественно, такой привилегией могли воспользоваться лишь немногие.

Современники указывали на упадок культурной жизни в Аттике и на Пелопоннесе[123]. Только Крит и Кипр (и то лишь с XIV в.) находились в более благоприятном положении. В нотариальных актах Кандии нередко упоминаются учителя, дававшие частные уроки группам учеников, занимавшиеся репетиторством, преподававшие в школах[124]. На Кипре получила развитие астрономия, изучавшаяся греческими учеными. Здесь были составлены астрономические таблицы, превзошедшие своей точностью таблицы Птолемея, создавались оригинальные астрономические трактаты[125].

---

[120] *Loenertz R.-J.* Fr. Philippe de Bindo Incontri O. P. du couvent de Péra, inquisiteur en Orient // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1948. T. 18. P. 265–280; *Kaeppelli Th.* Deux nouveaux ouvrages de Fr. Philippe Incontri de Pera O. P. // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1953. T. 23. P. 163–183; *Delacroix Besnier C.* Les dominicains... P. 211–237.

[121] Примечательно, что еще при Иннокентии III латинская месса была переведена на греческий язык: *Панченко Б. А.* Латинский Константинополь и папа Иннокентий III. Одесса, 1914. С. 45.

[122] *Miller W.* The Latins... P. 541.

[123] *Setton K.* Catalan domination... P. 224.

[124] *Pertusi A.* Leonzio Pilato a Creta prima del 1358–1359. Scuola e cultura a Creta durante il secolo XIV // Κρητικά Χρονικά. 1961–62. T. 15–16, fasc. 2. P. 371–380.

[125] *Tihon A.* Un traité astronomique chypriote du XIVe siècle // Janus. 1977. T. 64. P. 279–308; 1979. T. 66. P. 49–81.

Важной страницей истории культуры Латинской Романии является история ее библиотек. Пока она совсем мало изучена, и в нашем распоряжении имеются лишь фрагментарные сведения. Известно, что крупными библиотеками располагали монастыри доминиканцев и францисканцев в Константинополе и Пере. Эти библиотеки создавались как в учебных целях, так и для нужд католической пропаганды[126]. Каталоги этих библиотек не сохранились. Более полную информацию мы имеем о библиотеке канцлера Мореи Леонардо ди Вероли (конец XIII в.). Канцлер обладал значительным состоянием: принадлежавшие ему земли простирались от Коринфа до Каламаты. Перечень книг его небольшой личной библиотеки обнаруживает явное пристрастие владельца к рыцарским романам (14 рукописей). В составе библиотеки — 4 церковные книги, книга о врачевании, 2 сочинения по медицине, конституция королевства Сицилии, 2 книги по гражданскому и каноническому праву, хроника, бревиарий, 1 книга (неизвестно какая) на греческом языке[127]. Состав библиотеки довольно ясно показывает вкусы высшей знати Мореи и занятия владельца. Вероли, по-видимому, владел греческим языком, был близко связан с неаполитанским двором, что позволило ему заказать копию трактата по медицине, только что переведенного с арабского по повелению короля Карла Анжуйского. Милостивое согласие короля было признанием заслуг канцлера, а выбор предмета копирования вряд ли был случайностью.

Несмотря на явный упадок культуры в Афинах при каталанцах, там продолжалась переписка книг. Книги были дорогими и оставались эквивалентом ценностей. Тем не менее, их было немало, особенно у высшего латинского духовенства. Так например, епископ Неопатр Матфей оставил в залог долга ларь, полный книг[128].

Крупнейшим центром греческой книжности стал венецианский Крит, где работали многочисленные переписчики и мастера книжной миниатюры. Здесь в XV в. Кристофоро Буондельмонте приобрел рукописи Аристотеля и Ливания; Франческо Барбаро получил оттуда «Илиаду» Гомера и тексты Лукиана. Группа рукописей Фукидида восходит к протографу критского происхождения. С Критом связана целая ветвь традиции текста Аполлония Родосского. Многочисленные греческие копиисты, работавшие в Италии в XV–XVI вв., были в массе своей выходцами с Крита. Видимо, с Крита происходила та рукопись «Одиссеи», которую итальянский гуманист Леонтий Пилат использовал для своего знаменитого перевода. А. Пертузи собрал данные о деятельности самостоятельного критского скриптория[129]. Впрочем,

[126] *Wolff R. L.* Studies... N VII. P. 230.

[127] *Miller W.* The Latins... P. 153–154; *Lognon J.* L'Empire... P. 213, 218; *Minieri Ricci C.* Il regno di Carlo I d'Angiò // Archivio Storico Italiano. 1879. 4 ser. T. IV. P. 182.

[128] *Setton K.* Catalan domination... P. 221–224.

[129] *Pertusi A.* Leonzio Pilato a Creta... P. 368–370.

таких скрипториев на Крите было несколько, включая и латинские. Вероятно, крупнейшим из них являлся скрипторий монастыря св. Франциска в Кандии, обладавшего большой библиотекой. Сохранилось три каталога кодексов этого монастыря (1417 и 1448 гг.), на основании которых немецкий ученый Г. Хофманн попытался реконструировать состав библиотеки в первой половине XV в. В наиболее полном реестре 1417 г. зарегистрировано 195 рукописей. В нем упомянуты материал, степень сохранности кодексов, имена донаторов и прежних владельцев, нередко — названия произведений и авторы текста и всегда — incipit кодекса. Перед нами типичная, довольно крупная библиотека монастыря Латинской Романии. В ней 9 списков Библии, 38 или 39 толкований Священного Писания, в том числе таких авторов, как папа Иннокентий III, Иоахим Флорский; 13 кодексов отцов церкви (более всего Августина, также — Григория Назианзина, Иеронима, Исидора Севильского и Иоанна Дамаскина). Греческие отцы, естественно, в латинских переводах. Большую группу манускриптов составляют сочинения по каноническому праву и моральной теологии (24), схоластической теологии, агиографии. Вместе с тем было здесь немало произведений греческих и латинских философов (Порфирий, Аристотель, комментарии к Аристотелю средневековых теологов: Августина, Оккама, Фомы Аквината, Аверроэса и др.). Имелись в библиотеке книги по медицине, астрологии, геометрии, грамматике, более суммарно описанные и в основном из круга, традиционного для западноевропейского читателя тех лет.

С 1417 по 1448 г. библиотека пополнилась 67 кодексами. В ней хранились ценные, украшенные миниатюрами манускрипты, полученные от дарителей. Но весьма примечательно, что в библиотеке нет греческих рукописей. Лишь в одном из 290 кодексов есть параллельный текст на греческом и латинском языках («Диалоги» св. Григория). Выдающиеся представители греческой культуры имеются в переводах. По подсчетам Хофманна, эти тексты составляют 1/28 часть библиотеки. Подбор книг ориентирован на теоретические проблемы богословия: в библиотеке почти нет сочинений даже по церковной истории, а 50 кодексов (1/5!) содержат тексты по схоластической теологии, где господствуют францисканские авторы. Среди светских произведений доминируют труды философов, представлявшие теологический интерес[130].

Несколько иного рода библиотека епископа Лимассола на Кипре доминиканца Ги Ибелина (1357–1367). В ней — 52 произведения: труды по философии и теологии (включая и «Сумму теологии» Фомы Аквината), литургические тексты, сборники проповедей и экземплов (примеров) из агиографии, сочинения по каноническому праву. Любопытным исключением из этого списка является трактат о лечении лошадей, быть может приобретенный для практических нужд. В биб-

[130] *Hofmann G.* La biblioteca scientifica del monastero di San Francesco a Candia nel medio evo // OCP. 1942. T. VII. N 2. P. 317–360.

лиотеке почти нет патристической литературы, нет авторов классической древности, нет исторических произведений. Нет в ней и следов принадлежности владельца к древнему роду крестоносцев, воевавших в Святой Земле. Анализируя состав собрания, Ж. Ришар подметил, что среди кодексов нет произведений, написанных после 1350 г. Напротив, большая часть рукописей относится к началу XIV в. Видимо, закончив учебу, епископ уже не приобретал новых книг, довольствуясь старым багажом[131].

До сих пор мы рассматривали библиотеки в более или менее крупных центрах латинской культуры в Романии. Нетрудно заметить, что в основном они имели сугубо практическое предназначение и не отразили уже проявившийся тогда в Италии ренессансный интерес к классическим древностям. Но как же обстояло дело в небольших факториях, оторванных от метрополий и находившихся на «чужой» территории? Благодаря находке итальянской исследовательницы Г. Айральди мы располагаем публикацией каталога книг библиотеки бенедиктинского монаха, генуэзца, епископа в Трапезунде Григория Корсанего (1429–1456)[132]. Корсанего, вероятно родившийся в Пере и проведший значительную часть жизни на греческом Востоке, скончался вблизи Милана 17 июля 1456 г. Инвентарь его имущества включает и указания на состав его библиотеки из 30 томов (24— пергаменных, 5 — написанных на бумаге, 1 — на бумаге и пергамене). Почти все кодексы для удобства пользования ими были переплетены в кожу разного цвета. Эта средняя по размерам частная библиотека создавалась, как и рассмотренные ранее книжные собрания, для сугубо практических целей. Не затухавшая полемика с греками по основным вопросам вероучения, и в частности по вопросу о filioque, побудила Корсанего обзавестись трактатами «Против ошибок греков» и «Об исхождении Св. Духа». Потребности миссионерской деятельности среди греческого населения привели к приобретению текста мессы на греческом языке и целых девяти кодексов проповедей, среди авторов которых особое место занимает соотечественник епископа, автор знаменитой «Золотой легенды» Якопо да Вараццо. Теологическая часть библиотеки Корсанего представлена «суммами», текстами отцов—Августина, Псевдо-Дионисия, Григория Назианзина, Амвросия Медиоланского. Видимо, для исполнения архиерейских обязанностей Корсанего были нужны книги по каноническому праву: они присутствуют в его библиотеке, как и в библиотеке Ибелина. Однако в отличие от последнего, у Корсанего имелся и греческий кодекс, и текст Саллюстия, и некая древняя «Theorica». Но литературная продукция гуманистов во всех трех церковных библиотеках отсутствует полностью. По сравнению с собранием Ибелина, у Корсанего шире круг авторов, ближе связь с греческим миром. Ясно, что между центрами Латинской Ро-

[131] *Richard J.* Les Relations... N V–VI.

[132] *Airaldi G.* Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Genova, 1974. P. 153–195.

мании и Западной Европой существовал налаженный книгообмен. Его последней фазой был вывоз в 1453 г. на генуэзских судах книг из гибнущей Византии, из Константинополя и Перы на Запад. Незадолго до падения Каффы, в 1467 г., там также велась книготорговля[133]. И все же отличавшиеся большим практицизмом генуэзцы вкладывание средств в собирание книг считали в XIV–XV вв. делом малопродуктивным: капитал активно инвестировался в торговые операции, наличных денег на Леванте хронически не хватало, и в приобретении книг лигурийцы руководствовались соображениями сугубо утилитарными. Иным стало положение в XVI в., когда гуманистическая страсть — библиофилия — затронула и Геную. Но тогда ее «колониальное» прошлое все больше становилось перевернутой страницей истории[134].

Ярким явлением в культуре Латинской Романии XIII в. было творчество трубадуров. Общеевропейское увлечение их поэзией не прошло мимо этого региона, где при дворах и на ипподромах устраивались спектакли жонглеров, где слагали и исполняли кансоны и на праздниках звучали одновременно греческие и западные музыкальные инструменты. Многие из трубадуров прибыли вместе с вождями Четвертого Крестового похода и более или менее долгое время жили и творили в новых для них условиях Латинской Романии, а некоторые осели там или сложили свои головы в сражениях. Все крупнейшие феодальные сеньоры франкской Греции считали долгом украсить двор присутствием известного трубадура, жонглера или менестреля. На Равенникском парламенте 1210 г., например, вокруг каждого сеньора были жонглеры и менестрели, облаченные в богатые праздничные одежды и получившие немалое состояние после падения Константинополя[135]. Некоторые из сеньоров и сами были известными поэтами. Так, например, сохранилась любовная кансона князя Мореи Гийома Виллардуэна (1245–1278)[136], участника Крестового похода Людовика IX в 1249 г., храброго, рыцарственного, запальчивого и гордого человека, чья дерзость и верность слову привели его и многих его рыцарей в византийский плен после несчастливой для них битвы при Пелагонии (1259 г.). Куртуазная поэзия, естественно, могла культивироваться при дворе этого государя, считавшемся лучшей школой для рыцарей и более блестящим, чем двор французского монарха. Сюда, в Морею, посылали юношей учиться как военному делу, так и благородным манерам[137].

[133] *Pistarino G.* Libri e cultura in Liguria tra medioevo ed età moderna // Atti e memorie. Società Savonese di Storia Patria. Savona, 1975. T. IX. P. 44–45; *Balletto L.* Genova. Mediterraneo. Mag Nero (secc. XIII–XV). Genova, 1976. P. 286–290.

[134] *Pistarino G.* Libri... P. 53.

[135] *Buchon J. A.* Histoire... T. 1. P. 137–138.

[136] *Buchon J. A.* Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française aux XIIIe et XIVe siècles dans les provinces démembrées de l'Empire Grec à la suite de la Quatrième Croisade. Paris, 1840. T. 1. P. 419; *Longnon J.* Le Prince de Morée chansonnier // Romania. 1939. T. 65. N 257. P. 95–100.

[137] *Miller W.* The Latins... P. 101–102.

Репутацию трубадура имел один из предводителей Четвертого Крестового похода Конон де Бетюн, не раз управлявший Константинополем в отсутствие императора и являвшийся, по сути, вторым лицом в Латинской империи. Еще в юности Конон составил знаменитые кансоны, обращенные к графине Марии Шампанской. Участнику Третьего и Четвертого Крестовых походов Конону де Бетюну к 1200 г. было около 50 лет. Красноречие и дар певца в сочетании с твердостью воина выдвигали его на самые сложные посольские должности: именно он вел переговоры с Венецией, а затем, накануне штурма Константинополя, с Ангелами[138]. Видимо, и после 1204 г. он писал кансоны[139]. Именно как к трубадуру к нему обращался поэт Элиас де Кайрель[140], а с Раймбаутом Вакейрасским Конон обменялся куплетами любовной тенсоны[141]. Труверами в Константинополе были знатные рыцари Робер де Блуа, Гуго де Сен-Кантен, граф Жан де Бриен, видам Шартрский Гийом де Форьер и менее знатные, такие, как Гуго де Брежиль[142]. Все они обогатились после захвата Константинополя и познали непривычную для них роскошь и негу. Бургундский рыцарь Гуго де Брежиль описал это в сильных и ритмичных стихах, где рассказывается, как после победы над врагами крестоносцы из бедности погрузились в невиданное богатство, в изумруды, рубины, пурпур, парчу, как они оказались в сказочных садах и мраморных дворцах вместе с дамами и красавицами-девами... Впрочем, Гуго отнюдь не склонен выражать восторг по этому поводу: ведь забытым оказался обет священной войны[143].

Одним из главных центров творчества трубадуров в Латинской Романии стало Фессалоникское королевство Бонифация Монферратского. Маркиз Монферрата Бонифаций (около 1152—1207) задолго до Крестового похода, который он возглавил, имел репутацию покровителя трубадуров. Он активно содействовал распространению провансальской поэзии в Северной Италии и уже в 1175 г. приблизил к себе рыцаря из Прованса Раймбаута Вакейрасского, впоследствии виднейшего трубадура латинской Греции. При дворе Бонифация в Монферрате находились и другие мастера куртуазной лирики, такие, как Пейро Видаль и Гаусельм Файдит[144]. На Востоке окружение Бонифация составляли Раймбаут, Элиас Кайрель и Гийом де Салоник — известные и прославленные трубадуры.

---

[138] *Longnon J.* Les compagnons de Villehardouin. Recherches sur les croisés de la Quatrième croisade. Genf, 1978. P. 146–149.

[139] См. публикацию: *Buchon J. A.* Recherches... T. 1. P. 419–423.

[140] *Jaeschke H.* Der Trobador Elias Cairel. Kritische Textausgabe mit Übersetzungen und Anmerkungen. Berlin, 1921. S. 13–15, 105–108.

[141] *Linskill J.* The Poems... P. 236–237.

[142] *Buchon J. A.* Recherches... T. 1. P. 423–426; *idem.* Histore... T. 1. P. 206; *Longnon J.* Les compagnons... P. 107.

[143] *Buchon J. A.* Histore... T. 1. P. 139; *Longnon J.* L'Empire... P. 67.

[144] *Hopf K.* Bonifaz von Monferrat der Eroberer von Konstantinopel und der Troubadour Rambaut von Vaqueiras. Berlin, 1877; *Schultz-Gora O.* Le epistole

Раймбаут Вакейрасский был личным другом Бонифация. Его средневековая биография («вида») сообщает, что он был сыном бедного рыцаря, подвизался жонглером у принца Оранского Гийома IV де Бо, затем отправился в Монферрат, где он заслужил почет и где его поэтический дар получил признание. По преданию, во время похода Бонифация, возглавившего один из отрядов войска императора Генриха VI, в Южной Италии в 1194 г. Раймбаут спас жизнь своему покровителю и затем, сопровождая его во время Четвертого Крестового похода, стал рыцарем, получив большие земли и доходы в Фессалоникском королевстве, где он и окончил свои дни. «Вида» описывает и галантные приключения Раймбаута, влюбленного (небезответно) в сестру маркиза красавицу Беатриче, которой он посвятил немало кансон, называя свою даму по обычаю трубадуров сеньялем «Прекрасного шевалье»[145]. В «Песне о величии и непобедимости любовного чувства» Раймбаут обращается к ней:

«На Беатрис из Монферрата, эта
Кансона льется вашей славе вслед,
Скрывая лучезарный ваш портрет
Под позолотой каждого куплета».[146]

«Вида» Раймбаута, передавая дух эпохи и характерные черты творчества трубадура, не лишена биографических неточностей. В частности, не бесспорно дворянское происхождение Раймбаута; вероятнее всего, он был жонглером не у Гийома IV, а у его брата Гуго де Бо в 1188–1189 гг. Доказано, что Раймбаут был посвящен в рыцари еще в 1194 г., что Беатриче являлась вовсе не сестрой, а дочерью маркиза, той самой, что после его смерти так покровительствовала трубадурам. Наконец, сомнительно отождествление Беатриче с «Прекрасным шевалье», сеньялем какой-то из знатных дам Монферрата[147].

---

del trovatore Rambaut de Vaqueiras al marchese di Monferrato. Firenze, 1898; *Crescini V.* Rambaldo di Vaqueiras a Baldovino imperatore // Atti del R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. 1900/01. T. 60. P. 871–919; *idem.* Rambaut de Vaquairas et le Marquis Boniface I de Monferrat. Toulouse, 1901; *Jeanroy A.* Les Troubadours dans les cours de l'Italie du Nord aux XIIe et XIIIe siècles // Revue historique. 1930. T. 164. P. 2–5.

[145] *Boutiure J., Schutz A. H.* Biographies des troubadours. Textes provençaux des XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1964. P. 447–449; Жизнеописания трубадуров. Жан де Нострдам. Жизнеописания древних и наиславнейших провансальских пиитов, во времена графов прованских процветших / изд. подг. М. Б. Мейлах. М., 1993. С. 283–284.

[146] Песни трубадуров / перев. со старопровансальского А. Наймана. М., 1979. С. 146.

[147] *Linskill J.* The Poems... P. 3–37; *Cerrato G.* Il «bel cavaliere» di Rambaldo di Vaquieras // Giornale storico della letteratura italiana. 1884. T. IV. P. 81–115; *Lecoy F.* Note sur le troubadour Raimbaut de Vaqueiras // Études Romanes dédiés a M. Roques. Paris, 1946. P. 23–38.

Раймбаут родился в Вакейрасе (Воклюз) ок. 1155 г., умер между 1205 и 1207 г., а возможно, был убит, как и Бонифаций, в битве с болгарами в Родопах в сентябре 1207 г.[148] Как поэту Раймбауту принадлежат уникальные жанровые опыты: он создавал кансоны, эстампиды, стихотворные послания, многоязычный дескорт[149]. Его стихи разнообразны по формам выразительности и ценились за изысканность и красоту.

Творчество Раймбаута ценно еще и тем, что дает представление о взглядах и настроениях крестоносцев. Он участвовал в боях 1203 г., при взятии Константинополя в 1204 г. был ранен, видел соперничество Бонифация Монферратского с только что избранным императором Балдуином Фландрским, отразил недовольство части рыцарей праздностью Балдуина, ничего *не предпринявшего для немедленного* продолжения Крестового похода к первоначальной его цели. Свою позицию Раймбаут излагает в «Совете императору», написанном в Константинополе летом 1204 г. Трубадур обвиняет Балдуина I в бездействии и нерешительности, в том, что тот всецело действует по указке ближайшего окружения и, проводя дни в дворцовой роскоши, наслаждаясь банями, не предпринимает ничего для исполнения обета и освобождения Гроба Господня от неверных. Осуждая, так же как и Гуго де Брежиль, но еще более резко, изнеженную жизнь в столице, Раймбаут предрекает войну со всеми окружающими народами: «влахами» и «куманами» (т. е. болгарами и половцами), русскими и турками, «неверными» и персами, объединившимися с греками. И тогда латиняне потеряют все, что было завоевано. Обвинением императора и его войска звучат слова Раймбаута о сожженных церквах и дворцах, ставших юдолью греха как для клириков, так и для мирян. Раймбаут предлагает Балдуину (человеку вовсе не робкому, как показала история) внимать советам не своих баронов, а того, кто более всех достоин (подразумевается, конечно же, Бонифаций Монферратский). Чтобы грядущий поход был успешен, государь должен быть отважным и великодушным, мудрым и щедрым, привлекая вассалов большими дарами и объединяя их, дабы они не покинули войско, а готовились к выступлению. Обращаясь к двум графам Большого совета, сенешалю Тьерри де Лоосу и Конону де Бетюну, Раймбаут побуждает их склонять сердце государя именно к таким действиям. Он разворачивает план экспедиции, которая должна будет начаться вой-

[148] *Lock P.* The Franks in the Aegean... P. 20; о биографии Раймбаута, помимо ук. выше литературы, см.: *Fassbinder K.* Der Trobador Raimbaut von Vaqueiras // Zeitschrift fur Romanische Philologie. 1929, T. 40. P. 129–190, 437–472; *Pillet A., Carstens H.* Bibliographie der Troubadours. Halle, 1933. S. 352–361; *Riquer M., de.* Los trouvadores. Historia literaria y textos. Barcelona, 1975. T. 2, P. 811–815. Основные издания: *Mahn K. A. F.* Die Werke der Troubadours in provenzalischer Sprache. Berlin. 1846. Bd. 1. S. 360–385; *De Bartholomaeis V.* Poesie provenzali storiche relative all'Italia. Roma, 1931. T. 1–2; *Linskill J.* The Poems...

[149] *Мейлах М. Б.* Язык трубадуров. М., 1975. С. 79.

ной против мусульман за Эдессой и окончиться в Каире и «Вавилонии». Но если поход не состоится, то осуждению подвергнется не только император, но и 12 его выборщиков, ибо избрали недостойного, а венецианский дож будет повинен в обмане, если пожелает отвратить императора от этого дела или оставит его без помощи. Раймбаут справедливо подозревал Энрико Дандоло во враждебности идее продолжения Крестового похода далее на Восток. Осуждением грозит трубадур и важнейшим сановникам империи: маршалу Жоффруа Виллардуэну и Милону Брабантскому[150]. Разумеется, предложение Раймбаута начать войну в Сирии было нереалистичным: от Святой Земли Латинскую империю отделяла широкая полоса враждебных и так никогда и не завоеванных греческих и мусульманских территорий. Но хмель блестящей победы вселял дерзновенные мечтания. Хотя и в поэтической форме, Раймбаут выразил устремление значительной части крестоносцев, не удовольствовавшихся захватом Константинополя или обделенных при распределении добычи, к захвату новых земель, а предводителей (типа маркиза Бонифация) — к основанию собственных королевств и княжеств. Сказывались и соперничество вождей похода, и, несомненно, страх перед неизвестностью, царившей в огромном и полуразрушенном восточном городе, окруженном многочисленными противниками. Судьба скоро повела Бонифация и его трубадура к новым завоеваниям, но не в Сирию, а в Грецию. Именно там в мае 1205 г. Раймбаут создал эпическое стихотворное послание маркизу, где вспоминает о совместных войнах в Италии, о событиях Четвертого Крестового похода, о завоеваниях в Греции[151]. Никто из трубадуров до Раймбаута не описал крестовые походы с такими подробностями, к тому же ясно изложив собственную позицию. Конечно, автор не стремился создать стихотворную хронику или шансон де жест, вовсе нет. Его цель в другом — подчеркнуть свои заслуги как певца в стане доблестного воинства, явить подвиги свои и своего патрона и добиться от него должного вознаграждения. По форме письмо написано в жанре любовного послания, которым трубадуры обычно требовали награды от дамы сердца. Раймбаут благодарит Бога, что он позволил доблестному маркизу завоевать и отдать в дар больше земель, чем любому другому христианину, не имеющему королевского венца. Для самого же трубадура маркиз был добрым сеньором, кормил его и давал все необходимое, возвысил из низов и сделал почитаемым рыцарем, угодным при дворе и превозносимым дамами. В ответ и сам Раймбаут служил верой и правдой своему господину, вместе с ним наносил удары врагам, опустошал их богатые владения, отступал и побеждал, получал и раздавал удары, дрался на воде и на мосту, штурмовал крепости, претерпевая большие опасности. И он помог Бонифацию захватить власть над этой землей и островом (имелся в

[150] *De Bartholomaeis V.* Poesie ... T. 1. P. 109–115; *Linskill J.* The Poems... P. 224–234.

[151] *Linskill J.* The Poems... P. 33–35, 301–344.

виду Негропонт) и пленить «королей и принцев», овладев многими замками, городами и дворцами. В Петрионе он осаждал севаста Ласкариса, и протостратора, и многих других отступников-«апостатов», преследовал до Филопатия императора Романии, которого Бонифаций сверг с трона, чтобы короновать другого[152]. «Таким образом, — продолжал Раймбаут, — если я, при вашей помощи, не сумею овладеть большими богатствами, то будет казаться, что я не служил вам, как я вам напомнил, и вы знаете, что я говорю всю правду, сеньор маркиз».

Описывая реалии, уже с первых дней латинского господства трубадур не чурается грецизмов (апостат, протостратор, севаст и др.). В 1205 г. в уже взятой Фессалонике Раймбаут создает еще одну кансону, где жалуется на разлуку с любимой, обращающую радость и приобретения в горе и утрату[153]. Воздавая дань подвигам крестоносцев, особенно Бонифация Монферратского, Раймбаут считает их выше деяний Александра Македонского, Карла Великого, Роланда, легендарного рыцаря Эмери Нарбоннского. Раймбаут все еще надеется на покорение Дамаска, Иерусалима, Сирии. Он пишет о том, что, наконец, получил большие богатства и много земель (обращение к маркизу не осталось втуне!). Но к чему эти богатства? Ведь он был богаче, будучи любим, и чем больше у него владений, тем грустнее ему становится вдали от «Прекрасного шевалье». Разлука усиливает грусть, а долг велит противостоять врагам. Но не только они повинны в тяготах жизни. Раймбаут гневно обрушивается на «пилигримов», бросивших в беде крестоносцев. Видимо, он имеет в виду события 17 апреля 1205 г., когда после проигранной Адрианопольской битвы флот с 7 тыс. крестоносцев отбыл из Константинополя, бросив город на произвол судьбы[154]. А Бонифаций Монферратский, находившийся тогда у стен Навплия, должен был спешить на север, чтобы спасти свои владения.

4 сентября 1207 г. Бонифаций Монферратский погиб. Его бароны создали две группировки. Одни поддерживали права на трон его сына, младенца Димитрия, под опекой императора, другие, в том числе ближайшее окружение и ломбардские рыцари, стремились к большей независимости от Константинополя и называли своим кандидатом нового маркиза Монферрата Гийома IV (1207–1255), старшего сына Бонифация. Гийом, человек осторожный и скаредный (его современник германский император Фридрих II говаривал, что, для того чтобы вытянуть из него взятые им в долг деньги, надо было применять железный крюк[155]), не спешил на Восток. После того как переговоры с ним баронов оказались безуспешными, был избран иной путь: с сирвентой к маркизу обратился трубадур Элиас Кайрель.

---

[152] Петрион — квартал у ворот св. Петра в Константинополе, протостратор — Феодор Врана, Филопатий — долина к западу от Константинополя, император Романии — видимо, Алексей V Дука.

[153] *Linskill J.* The Poems... P. 241–252.

[154] См.: *Villehardouin G., de.* La Conquête de Constantinople. P., 1939. T. 2. § 367–368, 375–379.

[155] *Jeanroy A.* Les Troubadours... P. 16.

«Вида» Кайреля рассказывает, что он происходил из Сарлата близ Перигора, был мастером — ювелиром и оружейником, а затем стал жонглером. Он плохо пел и музицировал (это свидетельство «виды», впрочем, оспаривается исследователями[156]), зато был превосходным сочинителем канцон и музыки к ним. Долгое время Элиас провел в Романии, откуда вернулся сначала в Италию, а затем — в родной Сарлат, где умер после 1225 г. Как и Раймбаут Вакейрасский, Кайрель был приближенным Бонифация Монферратского, вероятно, еще до Четвертого Крестового похода, хотя и не достиг такого высокого положения, как его рыцарственный собрат по перу[157].

В сирвенте, написанной осенью–зимой 1207/08 г.,[158] говорится:

«Теперь, когда с дуба опадает листва,
Я сложу новый и радостный сонет,
Который пошлю за Момбель
К маркизу, что отказался от имени
Монферратского и взял имя у матери[159]
И который бросил то, что завоевал его отец.
Как мало похож он на сына Роберта Гвискара,
Завоевавшего Антиохию и Монгизарт!
Маркиз, клюнийские монахи
Хотели бы вас сделать своим главой,
И вы станете аббатом Сито,
Так как ваша душа настолько низка,
Что вы предпочитаете пару быков и плуг
В Монферрате тому, чтобы стать в ином месте императором».

Заявив, что никогда ранее сын леопарда не вел себя, словно свернувшийся в норе лис, Кайрель упрекает маркиза в предательстве друзей, оставшихся без помощи, в то время как император Генрих не считается с ломбардскими сеньорами и изгоняет их из жилищ, чтобы потом и самому подвергнуться смертельной опасности. А маркиз Гийом мог бы получить все Фессалоникское королевство без усилий, без камнеметных машин и катапульт и мог бы забрать много замков своих врагов. Ныне же знатнейшие сеньоры (Кайрель пере-

[156] См., например: *Lavaud R.* Les trois trouvadours de Sarlat. Perigueux, 1912. P. 392.

[157] *Boutière J., Schutz A. H.* Biographies des troubadours... P. 252–253; Жизнеописания трубадуров... С. 136–137. См. о Кайреле: *Lavaud R.* Les trois trouvadours...; *Jaeschke H.* Der Trobador Elias Cairel...; *Bertoni G.* I trovatori d'Italia. Modena, 1915.

[158] Публикации: *Jaeschke H.* Der Trobador Elias Cairel... S. 149–156, *Lavaud R.* Les trois trouvadours... P. 406; *De Bartholomaeis V.* Poesie... T. 1. P. 174–180; *idem.* Un sirventés historique d'Elias Cairel // Annales de Midi. 1904. T. XVI. P. 469–472; *Riquer M., de.* Los trouvadores... T. 2. P. 1151–1153.

[159] Мать маркиза была родом из Савойи. В игре слов содержится намек на трусость Гийома: Savoie (Савойя) созвучно savai — трус.

числяет их имена) — фламандцы, французы, бургундцы и ломбардцы — называют маркиза Гийома бастардом, забывшим, что все его предки были храбрецами. И если он не приложит всех сил, чтобы вовремя прибыть в Грецию, то потеряет треть и еще четверть своих владений.

В то время, когда писалась эта сирвента, император Генрих I, зять Бонифация, возможно, уже выступил к Фессалонике. Начав марш в декабре 1208 г., 6 января 1209 г. он короновал Димитрия и 1 мая на созванном в Равеннике близ Ламии парламенте добился принесения ему оммажа местными баронами. В марте 1209 г. коронацию признал папа и взял младенца под свою защиту[160]. С заговором ломбардских сеньоров было покончено. Однако уже в 1210 г. во время осады города эпирскими войсками Генрих скончался в Фессалонике, а в 1224 г. все королевство было завоевано Феодором Дукой Комнином, государем Эпира.

Поэзия трубадуров не прошла бесследно ни для греческой, ни для романской литературы франкского Востока, оказав влияние и на греческий эпос, и на рыцарский роман XIII–XIV вв. Естественно, что на далеком Леванте в творчестве провансальских певцов куртуазной любви большое место занимают политические мотивы и преобладают сирвента и стихотворное послание.

Трубадуры не только открыли своими сочинениями первую страницу в литературе Латинской Романии. Мы встречаем их на всем протяжении XIII в., правда, все в меньшем числе. Одним из них, например, был знатный венецианский патриций и купец Бартоломео Дзордзи (родился между 1230 и 1240 гг.). В молодости, в 1263 г., он был захвачен генуэзцами в плен и прославился тем, что составил в лигурийской тюрьме довольно смелую сирвенту — ответ генуэзскому трубадуру Бенифаччо Кальво, где без обиняков напоминал о победах венецианского оружия над соперниками и утверждал, что генуэзцы торжествовали лишь тогда, когда действовали в значительном большинстве. После освобождения из плена (видимо, в 1270 г.) Дзордзи вернулся в Венецию, а затем занимал высокие посты кастеллана в Короне и Модоне, где и скончался на рубеже XIII и XIV вв.[161] К сожалению, неизвестно, какие именно из 17 его сохранившихся канцон были написаны в Греции. Возможно, что новые исследования откроют имена и других трубадуров Латинской Романии.

Характерным памятником литературы конца XIII–XIV в., порожденным той же средой, является Морейская хроника. Сохранились ее

[160] *Lock P.* The Franks in the Aegean... P. 58–59.

[161] *Boutiure J., Schutz A. H.* Biographies des troubadours... P. 576–578; Жизнеописания трубадуров... С. 254. *Levy E.* Der Troubadour Bertolome Zorzi. Halle, 1883. Публикация поизведений Дзордзи: *Bertoni G.* I trovatori d'Italia... P. 446–465; *Riquer M., de.* Los trouvadores... T. 3. P. 1527–1530; *De Bartholomaeis V.* Poesie... T. 2. P. 241–244, 270–274.

северофранцузская[162], греческая (в двух редакциях)[163], итальянская[164] и арагонская[165] версии. Большинство исследователей полагает, что греческая версия, охватывающая 1095–1292 гг., производна от более ранней французской или провансальской (1099–1305 гг)[166]; иные склоняются к предположению, что первый, несохранившийся, вариант был создан на итальянском языке для Бартоломео Гизи, коннетабля Мореи и кастеллана Фив, между 1327 и 1331 гг.[167]; третьи отдают пальму первенства греческой версии[168] или считают ее независимой[169]. На основании суммы новейших исследований гипотетически историю создания хроники можно представить так. Между 1292 и 1320 гг. в канцелярии одного из франкских сеньоров была составлена первая, несохранившаяся версия хроники (Д. Якоби полагает, что она была французской, на базе «книги регистров»; М. Джеффриз отстаивает положение, что оригиналом был греческий текст). На основе этого прототипа в первой половине 20-х годов XIV в. возникла прозаическая французская версия, а между 1341 и 1346 гг.— переработанный стихотворный греческий текст (Джеффриз полагает, что и французский, и греческий варианты основывались на греческой рукописи и возникли одновременно). Греческий текст испытал значительное влияние устной эпической традиции не позже начала XIV в.[170] Арагонская версия с ее более сухим и деловитым изложением, компиляциями из сочинений византийских историков и дополнениями была составлена значительно позднее по заказу магистра иоаннитов Родоса

[162] CFrM.

[163] The Chronicle of Morea [Greek version] / ed. J. Schmitt. London, 1904 (далее — CGrM). Англ. перевод: Crusaders as conquerors. The Chronicle of Morea/ transl. by H. E. Lurier. NY; London, 1964.

[164] *Hopf Ch.* Chroniques Gréco-Romanes...

[165] La crónica de Morea. / Estudio preliminar, texto y traducción J. M. Egea. Madrid, 1996.

[166] *Spadaro G.* Studi introduttivi alla Cronaca di Morea // Siculorum Gymnasium. 1959. T. 12. P. 125–152; 1960. T. 13. P. 133–176; 1961. T. 14. P. 1–70; *idem.* Τό «Χρονικό του Μορέως» στή Θήβα // Επετηρίς Εταιρείας Βοιωτικών Μελετών. 1988. T. 1. Σ. 445–455; Crusaders as conquerors... P. 52–54; *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. Munchen, 1971. S. 157–158; *Topping P.* Co-existence ... P. 7–8; *Lavagnini B.* La letteratura neoellenica. Milano, 1969. P. 28–29; *Irmscher J.* Les Francs... P. 60; *Jacoby D.* Quelques considérations sur les versions de la «Chronique de Morée» // *idem.* Société... N VII. P. 133–189; *Медведев И. П.* К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники // ВО 1977. С. 138–148; *Lock P.* The Franks... P. 22–24.

[167] CFrM, P. LXVIII–LXXXIX; *Bon A.* Morée... P. 245; *Carile A.* La Rendita... P.72–73.

[168] CGrM. P. XXXI–XLVI; *Шестаков С. П.* Рец. на: CGrM // ВВ. 1906. Т. XII. P. 243–247; *Jeffreys M. J.* The Chronicle of the Morea: Priority of the Greek Version // BZ 1975. Bd. 68. H. 2. S. 304–350; *idem.* Formulas in the Chronicle of the Morea // DOP. 1973. T. 27. P. 176.

[169] *Knos B.* L'histoire de la littérature néo-grecque. Uppsala, 1962. P. 101–102.

[170] Ср.: *Ilieva A.* Frankish Morea... P. 51–55.

Хуана Фернандеса де Эредиа. Работа над ней была завершена к 1393 г., возможно, в Авиньоне. Она содержит эксцерпты из византийских историков[171] и доходит до 1377 г. Наконец, уже в XVI в. был сделан пересказ эпизодов из греческой хроники (возможно, переработанной на рубеже XV и XVI вв.) на итальянском языке. Как бы то ни было, между двумя основными — прозаической французской и стихотворной греческой версиями существует очень тесная связь. Морейскую хронику можно определить как эпико-историческое произведение, опирающееся как на шансон де жест, так и на традиции греческого эпоса. Именно в этом жанре действительность, легенда и поэтическое воображение легко и почти неразрывно соединялись друг с другом. Но, несмотря на легендарно-эпический характер повествования, особенно при изложении событий до 40-х годов XIII в., хроника не уходит от достоверной основы, героизируя ее, давая ей довольно оригинальную и подчас вольную интерпретацию, проецируя в прошлое многие элементы современной составителям действительности.

Хроника начинается с описания начала Первого Крестового похода. За вводной частью следует повествование о Четвертом Крестовом походе и латинской Морее. Греческая версия доходит до 1292 г., французская — до 1305 г.[172], но обе упоминают о фактах, имевших место и позднее, вплоть до 30-х годов XIV в. Первая часть хроники, более пространно изложенная в греческой версии, изобилует фактическими неточностями и ошибками: автор относит начало подготовки Четвертого Крестового похода к 6716/1208 г., именует правящую до захвата Константинополя византийскую династию Ватацами, путает Михаила Комнина Эпирского с царем Болгарии Калояном; братом и наследником императора Балдуина, убитого в 1205 г. (по хронике, Адрианопольская битва произошла в 1208 г.), именуется Роберт, а не Генрих, о последнем вообще нет упоминаний[173]. Очевидно, что хронист помнил о Ватаце и Михаиле VIII Палеологе, доставившем столь много неприятностей латинянам, и идентифицировал с ними их предшественников. Во второй, более исторически достоверной части хроники главным ее героем становится князь Мореи Гийом Виллардуэн. Источниками хроники были как документы (регистры фьефов, акты княжества, кутюмы), так и устная традиция. Вполне вероятно, что автором хроники являлся гасмул или огреченный франк. Безусловно, он хорошо информирован, но не имел классического византийского образования. Он был католиком по вероисповеданию и, возможно, нотарием или легистом феодальной курии по профессии. В греческой версии мы встречаем почти параллельное употребление на

[171] *Pertusi A.* Le fonti greche del «De gestis, moribus et nobilitate civitatis Venetiarum» di L. de Monacis, cancelliere di Creta (1388–1428) // Italia medioevale e umanistica. 1965. T. VIII. P. 162; *Jacoby D.* Quelques considérations... P. 160–161.

[172] Ср.: *Nicol D.* The End of the Livre de la Conqueste: a Chronological Note // BF. 1987. Bd. XII. P. 211–220.

[173] CGrM, Vs. 116–131 etc.

соседних строках слов, почерпнутых из средневековой канцелярской практики, и их вульгарно-разговорных эквивалентов. Без перевода часто транскрибируются французские и итальянские термины и выражения. В значительной мере они брались из повседневной языковой практики, но в какой-то мере на их появление мог оказать влияние и первоначальный, негреческий текст. Большое место в хронике занимают речи. Их достоверность невелика, хотя нередко именно через них выражаются характер героя (этос), авторская позиция. Речи были нужны также, чтобы придать живость повествованию, рассчи танному на устную передачу. В греческих стихах обнаруживается знакомство с французским рыцарским романом. Однако в поэтическом отношении греческая версия хроники, написанная 15-сложным политическим стихом, — явно слабое произведение. Идейную позицию хрониста можно кратко определить как антивизантийскую, враждебную православию, с восхвалением доблести завоевателей и противопоставлением ей трусости и коварства «внешних» (т. е. византийских, а не живущих в Морее) греков[174]. Нельзя исключить, что греческая версия была официальным заказом, предназначенным для тех архонтов, которых призывали к тесному сотрудничеству с завоевателями, или же создана в среде архонтов-коллаборационистов. Показательно, что хулительные высказывания о ромеях приведены здесь гораздо полнее, чем даже во французской версии, где они нередко в тех же местах опущены. Хронист — знаток официальной идеологии, права и обычаев франкской Ахайи. Но он, безусловно, знаком и с византийскими политическими концепциями, нередко сталкивает между собой два идеала, два подхода. Словесная дуэль происходит между захваченным в плен князем Гийомом Виллардуэном и Михаилом VIII Палеологом. Византийский василевс требует от Виллардуэна за освобождение его и цвета французской знати из плена отдать Морею, обещая в обмен крупную сумму денег, чтобы князь приобрел себе земли во Франции. Гийом отвечает отказом: он не держит земли Мореи как свой патримоний, но лишь управляет ими по наследству от предков. Территория эта была завоевана всеми дворянами, пришедшими в Романию с отцом Гийома, и была разделена между ними. По письменным договорам князь не мог предпринимать что-либо без совета и воли своих «друзей», а тем более распоряжаться землями. Гийом лишь выражал готовность внести выкуп. Византийцы, как кажется, не желали понять условный характер земельной собственности князя, и Михаил Палеолог в гневе обвинял его в гордыни, свойственной франкам, и грозил, что никогда не отпустит его из тюрьмы за деньги[175]. Как известно, после бурных дебатов только «дамский» парламент в Никли принял компромиссное решение, по которому за освобождение князя и его рыцарей византийцам отдавались три главные крепости Мореи — Монемвасия, Великая Майна и Мистра[176].

[174] *Irmscher J.* Les Francs... P. 59–60.
[175] CGrM, Vs. 4255–4301; CFrM, § 310–315.
[176] CGrM, Vs. 4327–4331.

«Дамским» парламент был назван потому, что решающую роль в принятии на нем решения сыграли жены пленных кавалеров, голосовавшие вместо своих супругов. Участник парламента и ярый враг такой уступки афинский герцог пророчески предрек изгнание латинян из Пелопоннеса в результате этого решения. Лучше смерть одного, подобно Христу, говорил герцог, чем потеря многими их владений[177]. Жены сеньоров Мореи предпочли потери...

Но вот ситуация ненадолго изменилась, и в плену у франков оказался византийский полководец, великий доместик. В ответ на упреки Жоффруа де Брюйера он сказал: «Истина в том, что эта страна Морея, которой вы ныне владеете, никогда не была вашей ни по праву, ни на каком-либо другом основании, ибо она принадлежала и должна принадлежать империи ромеев, и наследственные права на нее [принадлежат] от предков государю святому императору. А ваши предки силой и тиранией удерживали ее неправедным и греховным образом. И за этот грех Бог предал вас в руки государя святого императора...». Относительно же победы князя над ним великий доместик изрек, совсем в духе своих победителей, что благородному человеку негоже бранить другого за превратности войны[178]. Здесь в полной мере и со знанием дела была сформулирована византийская позиция. Хронист не считал нужным скрывать обличительные аргументы противоположной стороны.

Морейская хроника — это целая энциклопедия быта Латинской Романии. В ней есть и захватывающие сюжеты, вроде дерзкой интриги сеньора Каритены, считавшегося одним из лучших рыцарей Мореи. Из любви к жене своего вассала он дважды изменил князю, в том числе нарушил запрет покидать территорию княжества. Во время войны, которую вел его государь, он отправился с дамой сердца в «пилигримаж» в город Бар и на гору Гаргано в Южной Италии. Но там он был осужден и обвинен в предательстве королем Манфредом, отославшим его в Ахайю. Вернувшись домой, сеньор Каритены по ходатайству других вассалов князя получил прощение и искупил свой проступок, умря позднее с репутацией «защитника сирот и справедливого воина». В ином случае его ждала бы потеря фьефов[179]. Характерен эпизод, рассказанный хронистом, как князь Гийом учил короля Карла Анжуйского византийскому способу нападения на врага с заманиванием в засады. Именно такая тактика была применена обоими союзниками в знаменитой битве при Тальякоццо (1268), доставившей Карлу Анжуйскому неаполитанскую и сицилийскую корону[180]. Не менее ярко описан в хронике суд баронов, прелатов и лигиев

[177] CGrM, Vs. 4376–4385. Возможно, скрытая аллюзия на текст Диона Кассия: «Справедливее умереть одному за всех, чем всем за одного» (64, 13).

[178] CGrM, Vs. 5515–5558; § 382.

[179] CGrM, Vs. 7200–7240; CFrM, § 399–407; *Marino Sanudo Torsello* Istoria... P. 116–117.

[180] CGrM, Vs. 6960–7050.

над самим князем по делу о правах на фьефы, отнятых князем у законной наследницы[181]. Если можно согласиться с часто встречающимся в литературе суждением, что язык греческой стихотворной версии хроники не отличается красотой и выразительностью, то этого никак нельзя сказать о ее художественных достоинствах в целом. Тон повествования, спокойный, иногда даже несколько монотонный, становится напряженно экзальтированным, когда автор бичует пороки основных врагов — ромеев. Психологические портреты героев нередко передаются через их речи. Хронист наблюдателен, хорошо знает вкусы своих читателей, не лишен лирического дарования. Долгожданный приход весны радует журчащими на заре ручейками воинов, собравшихся по призыву князя Гийома. Картина обновления и торжества природы созвучна их настроению. Все это оттеняет горечь предстоящих вскоре испытаний: жестокого разгрома в битве при Пелагонии и долгого для многих византийского плена[182].

С одной из греческих версий Морейской хроники тесно связано эпическое стихотворное повествование о деяниях дома Токко, графов Кефалонии и правителей Эпира. Автор Хроники Токко, как доказывает Й. Кодер, знал всю Морейскую хронику, подражал ей в выборе типа стиха, но стремился к его большему упрощению[183].

Хроника Токко охватывает 1375—1422 гг., особенно подробно повествуя о событиях начала XV в. (3742 стиха против 180 — о XIV в.). Возможно, хроника дошла в неполном виде[184]. Ее составление было завершено ранее 1429 г. Произведение — история династии, на службе у которой состоял автор. Он был современником описываемых событий, именовал себя ромеем, т. е. греком, и, скорее всего, происходил из города Янина, которым особенно гордится, называя его «корнем ромеев и всего деспотата», известным доблестью горожан и образованностью почтенных официалов. Янина противопоставляется другой столице государства — Арте[185]. Хроника Токко прочно связана с местной исторической традицией. Э. Захариаду полагает, что в своей первой части она прямо продолжает хронику янинцев[186]. Хронист не был профессиональным «грамматиком», ему чужды классицизирующие тенденции. Хроника написана на народном разговорном греческом языке с диалектными особенностями и значительными отклонениями от орфографических норм. Лингвистические влияния

[181] CGrM, Vs. 7420–7525; CFrM, § 514–521.

[182] CFrM, § 273.

[183] *Koder J.* Die Chronik der Tocco. Zum Metrum und zum Verhältnis zur Chronik von Morea // JÖB. 1981. Bd. 32/3. S. 383–391; Chr. Tocc. P. 169–170; *Schirò G.* Struttura e contenuto della cronaca dei Tocco // Byz. 1962. T. XXXII. P. 203–250, 343–344.

[184] Chr. Tocc. P. 7–9; *Kazhdan A. P.* Some Notes on the «Chronicle of the Tocco» // Bisanzio e l'Italia. Milano, 1982. P. 169–176.

[185] Chr. Tocc. P. 123–131.

[186] *Zachariadou E. A.* Οι χίλιοι στίχοι στην αρχή του Χρονικού των Τόκκο // Ηπειρωτικά Χρονικά. 1983. Τ. 25. Σ. 158–181.

романских языков в ней значительно слабее, чем в Морейской хронике. Хронист регистрировал события по мере того, как они развертывались, но затем, видимо после 1416 г., подверг хронику переработке. Основные сведения почерпнуты им из первых рук, и следов использования каких-либо текстов не обнаружено. Несмотря на морализирование, автор стремится к точному изложению фактов. Он осознает себя ромеем и нераздельно прилагает этот термин как к подданным Токко, так и к византийцам, но ему чужд имперский универсализм. Византийские монархи для него — авторитет далекий, хотя и признаваемый: именно они в 1415 г., возвели Карло I Токко в достоинство деспота, а его брата, великого контоставла, — в достоинство Кантакузинов, как если бы он был таковым по крови: родовое имя приравнивается к титулу[187]. Зато отношение к ромеям Мистры резко враждебное. Политический идеал хрониста — восстановление Эпирского деспотата во всей его первоначальной целостности; он сторонник централизации, но в масштабах региона, а не всей бывшей империи ромеев[188]. Основными врагами деспотата автор считает сначала албанцев, показывая настойчивое стремление ромеев не допустить существования отдельного албанского государства. Этот антагонизм смягчается после объединения Янины и Арты под властью Токко[189]. Затем главным врагом, с которым нельзя достичь примирения, объявляются турки. Горе христианину, принимающему помощь от турок! Сначала они окажут ему поддержку, а затем удушат его силой, коварством или любым другим способом[190]. «Никто не слышал, чтобы турки помогли хотя бы одному христианскому государю, если только не ради того, чтобы повредить ему»[191]. Хроника Токко — в полной мере средневековое произведение, со свойственным таковому провиденциализмом, верой в божественное предопределение[192]. Хронист рассказывает, например, что, в то время как албанцы осаждали крепость Роги, обороняющиеся выставили на башне жезл св. Луки. И когда он упал со стены, это было сочтено знамением взятия крепости, хотя жезл и удалось возвратить[193]. Вера в предзнаменование в полной мере разделяется хронистом. Претендуя лишь на то, чтобы досто-

[187] Chr. Tocc. P. 382.

[188] Chr. Tocc. P. 132. Ср.: *Kazhdan A. P.* Some Notes... P. 173–174.

[189] Chr. Tocc. P. 102–104, 133.

[190] Chr. Tocc. P. 135.

[191] Chr. Tocc. P. 256.

[192] Chr. Tocc. P. 334–336. Вряд ли правомерно связывать Хронику Токко с ренессансными этическими идеалами и пересматривать на этом основании саму проблему «греческого ренессанса начала XV в.» (*Kazhdan A. P.* Some notes... P. 175–176). Ренессансные веяния с большим запозданием доходили до Латинской Романии, а ренессансный скульптурный образ прекрасного и благородного всадника, которым якобы мог вдохновляться автор Хроники Токко (Ibid. P. 176), был создан и в итальянском искусстве трудами Вероккьо и Донателло не в начале, а во второй половине XV столетия!

[193] Chr. Tocc. P. 407.

верно изложить местную историю глазами верного слуги династии (автор приводит весьма надежную информацию о событиях и реалиях, а его описание крепостей может служить ключом к топографическим изысканиям[194]), хронист наглядно демонстрирует, как «ромеизировалась» власть итальянского дома Токко, отвечавшая, видимо, устремлениям провинциальной знати и городской верхушки Эпира и Акарнании.

Жанр византийских малых хроник не угасал почти нигде на территории Латинской Романии. Это были традиционные грекоязычные произведения, отражавшие историю местных династий и отдельных территорий[195].

Самостоятельная историографическая школа сложилась на острове Кипр. Ее крупнейшим представителем был автор «Повести о сладкой земле Кипр» Леонтий Махера (вторая половина XIV–начало XV в.). Махера, грек и сын священника, написал историю правления Лузиньянов на родном языке. Сам он происходил из среды служилого чиновничества, традиционно связанного с королевским двором и жившего от его щедрот[196]. Он не принадлежал к кипрской аристократии, хотя и вращался в привилегированной среде. Некоторое время Махера служил секретарем именитого вельможи Жана де Нореса, и тот однажды даже спас жизнь его брата Петра[197]. Но в целом Махера враждебно относится к франкской феодальной знати. Стойкий защитник централизации, прочной королевской власти и враг усобиц, разжигавшихся аристократами-латинянами, он не раз бранит последних за алчность, своекорыстие, развращенность. Махера сохранил верность православию и отстаивал его от всякого рода посягательств со стороны папства и латинского клира. Осуждение греков, изменивших вере своих предков, сочетается у Махеры с непримиримой ненавистью к исламу, к туркам, к мамлюкскому султанату. Махера привержен той системе ценностей, которую создала Византия. Он местный патриот и, служа Лузиньянам, делает это не столько из корыстного расчета, сколько из убеждения, что лишь сильная королевская власть способна поддержать процветание «сладкой земли Кипр». Этими эпитетами начинается и сама хроника[198]. И с тем большей грустью глядит автор на разорение острова войной с генуэзцами в 1373–1374 гг.,

[194] *Katsaros B.* Συμβολή στην ιστορια και μνημειακη τοπογραφία του χωρίου Κατοχη Ακαρνανίας. Νέα στοιχεία από το Χρονικό των Τόκκων // Ελληνικά. 1977–78. Τ. 30. Σ. 307–320.

[195] См. *Schreiner P.* Die Byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975–1979. Bd. 1–3, passim.

[196] См.: *Dawkins R. M.* The Nature of the Cypriote Chronicle of Leontius Machéras. Oxford, 1945; *Тивчев П.* Леонтий Махера как историк Кипра // ВВ. 1973. Т. 35. (ч. 1). С. 165–167; *он же.* Кипърската хроника на Леонтий Махера // Исторически Преглед. 1972. № 2. С. 77–98.

[197] Makh. T. 1. P. 618–619.

[198] Makh. T. 1. P. 2.

когда добычей врагов стала Фамагуста[199], на опустошительный набег мамлюков в 1426 г.[200], на феодальные смуты и, как следствие, рост налогов. По идейной направленности Хроника Махеры значительно отличается от Морейской, хотя они принадлежат примерно одному жанру. Махера не апологет франков. Он лишь готов принять их владычество как наименьшее зло, дабы предотвратить большее — феодальный разбой и генуэзское или мамлюкское завоевание. Несмотря на несколько высокомерное отношение к народу, он сочувствует его страданиям, хотя осуждает любые формы народных выступлений[201].

«Повесть о сладкой земле Кипр» начинается с легендарного сообщения о посещении острова императрицей Еленой, возвращавшейся из Иерусалима с реликвиями св. Креста, благодаря чему были построены церкви и остров был вновь населен покинувшими его ранее жителями[202]. Затем кратко рассматривается история Кипра в византийское время и при первых Лузиньянах вплоть до 1358 г. Подробное изложение начинается с правления Петра I (1359–1369) и доходит до 1432 г. Последняя книга хроники кратко повествует о правлении Жана II (1432–1458) и, видимо, принадлежит анонимному продолжателю Махеры.

Хроника написана на кипрском диалекте с частым употреблением грецизированных французских и итальянских слов. Махера, как почти все авторы так называемых «местных» хроник, не придерживается литературных норм архаизирующего языка. Он пишет сжато, его фраза неуклюжа и незаконченна при всем его стремлении к образности и живости изложения. И все же это не простонародная литература, как полагал П. Тивчев[203], а литературный вариант кипрского средневекового диалекта. К языку простонародья, как справедливо замечает Дж. Хилл, Махера не благоволит[204]. Махера использует документы королевского архива, нередко приводит их целиком без всякой обработки. Это действительно «повышает ценность хроники как исторического источника»[205], но снижает — как литературного произведения. Махера любит включать в текст небольшие рассказы-новеллы о жизни и приключениях отдельных лиц, чаще всего коронованных особ (ниже мы остановимся на одной из них), снабжая их морализирующими сентенциями вроде рассуждения о том, как опасно доверяться женщинам[206].

---

[199] Makh. T. 1. P. 336–547; *Tivčev P.* The War between Cyprus and Genoa in 1373–1374 and the participation of Bulgaria in it. // Études historiques. Sofia, 1966. T. 3. P. 125–144.

[200] Makh. T. 1. P. 650—673.

[201] *Tivčev P.* Tendances patriotiques dans la «Chronique chypriote» de Leontios Machaeras // Byzantino-bulgarica. 1978. T. V. P. 147–174; *Тивчев П.* Леонтий Махера... (ч. 2) // ВВ 1974. Т. 36. С. 125–126.

[202] Makh. T. 1. P. 2–9.

[203] *Тивчев П.* Леонтий Махера... (ч. 1). С. 165, 170.

[204] *Hill G.* A History of Cyprus... Vol. 3. P. 1106.

[205] *Тивчев П.* Леонтий Махера... (ч. 2). С. 131.

[206] Makh. T. 1. P. 574.

Продолжателем Махеры был потомок древнего испанского рода, полностью грецизированного на Кипре, Георгий Бустрон, друг и доверенное лицо короля Жака II (1460–1473). Он также писал на кипрском диалекте, но более сухо и невыразительно и охватил события с 1456 по 1489 г. Текст хроники содержит и краткие последующие дополнения вплоть до 1501 г. Рассказ Бустрона — это повествование в хронологическом порядке о придворных интригах, династических распрях, сопровождавших последние годы правления Лузиньянов, и переходе острова под власть Венеции[207].

Связь творчества виднейшего представителя кипрской историографии — Леонтия Махеры с народно-эпической традицией показывает следующий эпизод в его сочинении, посвященный истории трагической любви короля Петра I и знатной дамы Жанны л'Алеман, вдовы сира Жана де Монтолифа, сеньора Хулу. Однажды король Петр отправился во Францию, а оставшаяся на острове Жанна ждала в скором времени ребенка. Королева, Элеонора Арагонская, опасавшаяся возможности рождения королевского сына от другой женщины, приказала Жанне явиться ко двору и, набросившись на нее с грубыми оскорблениями, подвергла жестокой пытке, чтобы вызвать преждевременные роды. После двух дней терзаний, когда самые изощренные приемы не привели к желательному для королевы результату, она отпустила Жанну домой, приставив к ней служанок, которые должны были доставить ребенка во дворец, едва он появится на свет, что те вскоре и исполнили. О дальнейшей судьбе ребенка ничего более неизвестно, а Жанну, как только она разрешилась от бремени, королева приказала бросить в подземелье замка Кирении, где та тяжело страдала, лишенная пищи, постели и всего необходимого. Лишь через неделю принц, сменив прежнего капитана замка, несколько облегчил ее участь. Когда весть о случившемся достигла короля, он написал супруге: «Я узнал обо всем том зле, что ты причинила возлюбленной моей даме Жанне л'Алеман. И потому клянусь тебе, что, если с Божьей помощью я когда-либо вернусь на Кипр, я причиню тебе такое зло, что многие содрогнутся. Поэтому, пока я не возвратился, спеши совершить все худшее, что только можешь!» Получив письмо с такой угрозой, королева приказала освободить Жанну из подземелья, но заставила ее уйти в монастырь св. Клары. Махера пишет, что, несмотря на год, проведенный в подземелье и монастыре, ее красота не померкла[208]. Вернувшись на остров, король посетил Жанну, приказал ей покинуть монастырь, ибо она была пострижена вопреки своей воле, и наградил ее большой суммой денег[209]. История

[207] *Sathas K. N.* Μεσαιωνική Βιβλιοθηκή. Venezia, 1973. T. 2. P. 413–543; *Boustronios Georges* The Chronicle of George Boustronios, 1456–1489 / transl. by R. M. Dawkins. Melbourne, 1964; *Τιυćεν P.* Georges Bustron comme historien de l'ile de Chypre au moyen âge // Études Balkaniques. 1982. N 4. P. 59–83.

[208] Makh. T. 1. P. 214–219.

[209] Makh. T. 1. P. 226.

Жанны не была продолжена Махерой. Возмездие, впрочем, не постигло королеву, хотя она была к тому же изобличена преданным королю домоправителем Джованни Висконти в супружеской неверности. Однако Высокий суд (суд баронов) решил казнить доносителя, ибо бароны опасались, что родственники королевы, принадлежавшей к знатному роду каталанцев, которые не знают пощады, сочтут, что они осудили королеву по ненависти и, взявшись за оружие, опустошат страну. Вынести приговор королеве Петру I, видимо, помешало и то, что сам он был осужден папой и епископом за прелюбодеяние. Итак, добрый рыцарь Висконти был заморен голодом в тюрьме Буффавенто, а Махера скорбел о его судьбе, не упрекнув, впрочем, короля, который стал преследовать неугодных ему вассалов, бесчестить их жен и дочерей и нарушать кутюмы королевства, за что и поплатился вскоре жизнью[210].

Трагедия Жанны л'Алеман нашла интерпретацию также и в поэтичной народной балладе, возможно восходящей к XIV в., где она представлена под именем Ародафнусы (Лавророзы). Героиня была красивейшей из трех сестер, говорится в песне, а ее возлюбленный назван царем Востока и императором Запада. Злобная королева, узнав о любви супруга к Ародафнусе, также приглашает ее во дворец, куда Ародафнуса является в великолепном расшитом золотом туалете, еще более подчеркивающем ее красоту. Она ласково принята королевой, которая говорит, что пригласила ее, чтобы взглянуть на нее, вместе вкусить трапезу и совершить прогулку. Весь день они провели как сестры, и лишь тогда, когда королева не ответила на слова прощания, Ародафнуса, приняв это за пренебрежение, в гневе тихо сказала: «И об этой женщине, с крупным мужицким лбом, беззубой, этом хриплом петухе мне рассказывали столько прекрасного!» Служанки донесли королеве об этих словах, что еще более распалило ее гнев. На следующий день королева вновь призвала к себе Ародафнусу. В балладе приведена трогательная сцена прощания Ародафнусы с родным домом, когда она получила повеление королевы. На этот раз прием был иным. Королева, схватив Ародафнусу за волосы, в гневе сказала, что ранее она пощадила ее жизнь, но за дерзость ныне предает ее смерти. Ародафнуса умоляла лишь позволить ей проститься с королем и разразилась рыданиями... Почувствовав неладное, король, находившийся в дальних странах, приказал срочно привести своего лучшего коня. Мигом проскакав две тысячи верст, он ворвался во дворец, высадил ногой дверь, но, увидев окровавленную, уже обезглавленную Ародафнусу, упал без чувств. Придя в себя, он изгнал королеву из дворца, а останки Ародафнусы приказал похоронить с царскими почестями. Поступок реального исторического лица, как мы видели, был иным. Автор так заканчивает балладу: «Пусть долго живут те, кто прочтут эту песню, и пусть все, кто прочтет, уронят две слезы. И пусть все, кто читают, будут счастливы, а тот, кто женат,

[210] Makh. T. 1. P. 218–225, 230–269.

пусть простится с любовью»[211]. Такова неожиданная мораль баллады. В другой версии «Песни об Ародафнусе» королева толкает девушку в приготовленную печь, но и сама гибнет там же вслед за ней от рук короля[212].

Так история короля Петра и его возлюбленной дважды вошла в художественную литературу: один раз в виде новеллы, помещенной в исторический труд, другой — в виде баллады, сложенной народом. В балладе, впрочем, зло наказуемо. У Махеры же одно зло порождает другое, а в целом оно порождено кознями демона сладострастия.

В XIV в. патриотическую поэму об обязанностях гражданина написал на греческом языке Георгий Лапиф. Киприот адресуется не к феодальной элите, а к греческому народу, причем на простом, безыскусном языке. Для Лапифа греки его времени — наследники доблести живших в античности предков, и он рекомендует им прежде всего чтение древних историков о деяниях героев[213].

Кипр при Лузиньянах никогда не оставался в стороне от интенсивной литературной жизни своей эпохи. Сам Фома Аквинат сочинял по просьбе короля Кипра Гуго III трактат «De Regimine Principum». Джованни Боккаччо посылает Гуго IV свою «Генеалогию языческих богов», написанную по желанию короля[214], а Никифор Григора посвящает ему же в конце 1351–начале 1352 г. энкомий, где называет государя Кипра «высочайшим, почтеннейшим, благороднейшим, светлейшим и великим». Византийский писатель отдает дань прекрасному географическому положению острова, где с красотой природы гармонирует справедливое и добродетельное правление благородного и милостивого монарха, покровителя образования и блюстителя правосудия[215]. Несколько идеализированный образ Гуго IV нарисован Григорой и в его «Истории ромеев»[216].

Многие выдающиеся произведения кипрской литературы были созданы «франкоязычными» авторами. Этот ряд открывает творчество Филиппа де Новара (ок. 1195–после 1265). Выходец из ломбардского города Новара, еще в юности отправившийся на Восток, участник Пятого Крестового похода и осады Дамиетты (1218–1219), Филипп создал затем довольно большое литературное произведение — «Историю войны между императором Фридрихом и Жаном Ибелином», которое дошло до нас в составе второй книги обширной компи-

[211] *Makheiras Leontios.* Χρονικόν Κύπρου / ed. C. Sathas. Paris, 1881. T. 1. P. 395–397; T. 2. P. 400–405.

[212] *Makheiras Leontios.* Χρονικόν Κύπρου... T. 2. P. 408.

[213] См.: *Knos B.* L'histoire... P. 176.

[214] *Setton K.* A History... Vol. IV. P. 171.

[215] *Leone P. L. M.* L'encomio di Niceforo Gregora per il re di Cipro (Ugo IV di Lusignano) // Byz. 1981, T. 51, fasc. 1. P. 211–224. Рус. пер.: *Сметанин Г. В.* Энкомий Никифора Григоры королю Кипра Гуго IV Лузиньяну: Из истории кипрско-византийских идеологических связей середины XIV в. // АДСВ. 1987. С. 121–127.

[216] *Nicephori Gregorae* Byzantina historia... Bonnae, 1855. T. III. P. 27–28.

ляции, так называемых «Деяниях Киприотов» (ок. 1320 г.), а также (в переработанном виде) в составе позднейшей хроники Филиппо Амади (середина XV в.)[217].

В своей «Истории» Филипп де Новар описывает феодальные смуты и борьбу Ибелинов, в первую очередь правителя Бейрута Жана, с германским императором Фридрихом II Штауфеном. События, о которых он повествует, охватывают 20–40-е годы XIII в. Все симпатии автора при этом на стороне знатных феодалов Сирии и Кипра — Ибелинов, с которыми его связывают и служба, и дружба. Прозаическое повествование в «Истории» перемежается с канконами. Де Новар, видимо, был профессиональным трувером, владевшим разными жанрами куртуазной поэзии. Так, например, он пишет отчет Балиану Ибелину в виде стихотворного послания. А дело происходило в тот момент, когда Филипп был осажден в башне иоаннитов в Никосии. Полный оптимизма, де Новар просит патрона о помощи, высмеивает врагов, а себя шутливо именует «братом-иоаннитом». Ему же принадлежит и ряд политических сирвент. В одной из них рассказывается, как обрадовались враги, сочтя певца-насмешника убитым. Дело было при осаде замка Додамор. Чтобы досадить осажденным, раненый де Новар приказал отнести себя к самой стене замка и спел там два куплета канконы, где поносил защитников замка, называя их предводителя лисом, а его споспешников — одураченными простофилями[218].

Филипп де Новар был также крупным юристом. В его юридическом трактате (Livre en forme de plaid) подробно разбираются казусы межсеньориальных отношений. Трактат стал одной из частей свода феодального права крестоносцев — Иерусалимских Ассиз[219]. Де Новар написал и трактат по этике «О четырех возрастах человека», демонстрирующий его начитанность в западноевропейской романической литературе.

Литература Кипра отличалась жанровым разнообразием. В 1288 г. составитель фаблио Жан де Журни написал в Никосии большую аллегорическую поэму «Покаянная десятина», где предстает перед читателем в образе грешника. Поэму о взятии Александрии в 1365 г. королем Петром I, о его жизни и деяниях пишет Гийом де Машо, поэт из Шампани[220]. С Кипром связана деятельность и ревностного побор-

[217] Gestes des Chiprois, recueil des Chroniques françaises écrites en Orient aux XIIIe et XIVe siècles. Genève, 1887. P. 25–138.

[218] *Paris G.* Les Mémoires de Philippe de Novare // ROL. 1902. T. IX. P. 198–199.

[219] *Лучицкая С. И.* «Иерусалимские ассизы» — памятник средневекового права // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья. М., 1985. С. 79–95; *она же.* Источниковедческие особенности «Иерусалимских Ассиз» в медиевистике XIX–XX вв. // СВ. 1988. Т. 51. С. 153–166; *Медведев И. П.* Право в эпоху латинского владычества // Культура Византии. М., 1991. Т. 3. С. 191.

[220] *Capitanovici G. L.* Die Eroberung von Alexandria. Berlin, 1894.

ника крестовых походов Филиппа де Мезьера (ок. 1326–1405)[221]. Выходец из мелкого французского дворянства, участник экспедиции в Смирну (1346), затем один из предводителей и вдохновителей похода на Александрию в 1365 г., Филипп занимал высокий пост канцлера Кипра, был другом и единомышленником Петра I, неоднократно ездил на Запад, чтобы помочь Кипру в борьбе с мамлюками и организовать новую общеевропейскую экспедицию против «неверных». На самом Кипре Мезьер пытался создать новый рыцарский орден. Конец карьере Филиппа на Кипре положило убийство Петра в 1369 г. Сам рыцарь избежал расправы лишь потому, что в тот момент отсутствовал на острове. Надежда его на союз западноевропейских держав и Кипра исчезает, и Филипп проводит остаток дней в Венеции, Авиньоне и, наконец, при дворе французских королей Карла V и Карла VI. Он пользуется там репутацией одного из лучших знатоков восточных дел. Перу Филиппа де Мезьера принадлежит ряд произведений, в том числе «Житие» св. Петра Томаса монаха-кармелита, папского легата на Востоке, поборника, как и сам Мезьер, крестовых походов и советника Петра I[222]. Однако его самым известным сочинением является «Сон старого пилигрима» (1389), где в аллегорической форме автор представляет картину современного ему общества и дает советы французскому монарху, как исправить нравы и что сделать для успеха крестоносного движения. Вместе с Истиной и ее спутниками—Миром, Милостью и Справедливостью он отправляется в путешествие. Истина, показывая разные страны Востока, объясняет, в чем причина их несчастий. В храме Св. Софии Константинопольской она вспоминает, как управляла Византией и ей, как госпоже, был послушен весь мир. Так было при Константине, Ираклии, Феодосии и Юстиниане. Но когда произошла схизма, Истина была вынуждена удалиться из Св. Софии и вместе с ней империю покинули Мир, Милосердие и Справедливость[223].

Последнее произведение Филиппа де Мезьера — «Скорбное и утешительное письмо» — навеяно событиями Никопольской битвы (1396). Несмотря на тяжелое поражение крестоносцев, Мезьер не оставляет идеи крестового похода, а напротив, предлагает еще тщательнее подготовить его, создав для этого три больших войска: первое — из рыцарей Франции, Англии, Шотландии и Италии во главе с французским королем, второе — из северных стран (Германии, Венгрии, Польши и

[221] *Iorga N.* Philippe de Mezières (1327–1405) et la Croisade au XIVe siècle. Paris, 1896 (repr.: London, 1971).

[222] *Philippe de Mezières.* The Life of St. Peter Thomas /Ed. J. Smet. Roma, 1954. Cf.: *Burke T.* A medieval hero of Carmel, being an historical sketch of the life and times of saint Peter Thomas, carmelite, bishop and martyr, and patriarch of Constantinople, 1305–1366. Dublin, 1902.

[223] *Philippe de Mezières, chancellor of Cyprus.* Le Songe du Vieil Pèlerin / Ed. G. W. Coopland. Cambridge, 1969. T. 1. P. 233–234, 123; *Bell D.* Étude sur Le Songe du Vieil Pèlerin de Philippe de Mézières (1327–1405). Genève, 1955. P. 32.

Скандинавии), третье — из испанцев, чтобы отвлекать силы врагов на Пиренеях и в Северной Африке. Все три отряда после действий на Леванте должны соединиться в порту Трапезунда и оттуда, разгромив султана Баязида, направиться в Армению, Сирию и Палестину[224]. Филипп де Мезьер, до конца жизни продолжавший считать себя канцлером Кипра, скончался 29 мая 1405 г., возможно успев узнать о поражении ненавистного Баязида при Анкаре, но ясно осознав также неосуществимость тех планов, которые он лелеял всю жизнь. К концу жизни он плохо представлял происходящее на Леванте и во «Сне старого пилигрима», например, неверно полагал, что в 1389 г. султан Мурад взял Трапезунд, Константинополь, подчинил Болгарию и Сербию, хотя и был разгромлен в Албании, где вместе с сыном погиб в битве[225]. Впрочем, предчувствие исторической катастрофы Византии не обмануло канцлера, хотя она и произошла значительно позже.

Первый период венецианского владычества на Крите (XIII–середина XIV в.) не был временем плодотворного развития литературы: к нему относятся лишь немногие народные песни и баллады. Условия завоевания, восстания, политическая нестабильность не благоприятствовали подъему культуры. Возможно, к концу этого периода на Крит проникают и обретают там новую жизнь византийские рыцарские романы в стихах[226]. Критская литература начинает развиваться с того времени, когда между колонистами венецианского происхождения и коренным населением начинают стираться грани[227]. Характерный пример — жизнь и творчество Леонардо Деллапорты (ок. 1350—1419/20). Род Деллапорты, как свидетельствует само его имя, был итальянского, возможно генуэзского, происхождения. На Крите он известен с конца XIII в. Однако сам Леонардо, родившийся в Кандии, считал себя греком и был православным. Образование он получил и «франкское», и «ромейское»[228]. Во время восстания на Крите в 1364 г. Деллапорта за «оскорбительные слова» был ненадолго заключен венецианцами в тюрьму, затем стал купцом и патроном корабля,

[224] *Iorga N.* Philippe de Mezières... P. 499–503.

[225] *Philippe de Mezières, chancellor of Cyprus.* Le Songe... P. 501.

[226] *Knös B.* L'histoire... P. 189; *Manoussakas M. I.* La littérature crétoise à l'époque vénitienne // L'Hellénisme contemporain. 1955. T. 9. P. 96; *Matton R.* La Crète... P. 151–152.

[227] См. общий очерк развития критской литературы в свете новейших исследований: *Manoussakas M.* Cultura e letteratura greca nella Creta veneziana // Venezia e Creta... P. 443–458.

[228] См. о нем: *Manusacas M. I.* Un poete cretese, ambasciatore di Venezia a Tunisi e presso i Turchi // Venezia e l'Oriente fra tardo medioevo e Rinascimento. Firenze, 1966. P. 283-307; *idem.* Περί αγνώστου ποιητού πρό της Αλώσεως. Ο Λεονάρδος Ντελλαπόρτας και το έργον αυτού // Πρακτικά της Ακαδημίας Αθηνών. 1954. Τ. 29. Σ. 32–44; *idem, van Gemert A. F.* Ανέκδοτα έγγραφα (1324–1435) γιά τον Κρητικό ποιητή Λεονάρδο Ντελλαπόρτα και την οικογένεια του // Κρητικά χρονικά. 1987. Τ. 27. Σ. 86–178. Полное критическое издание стихотворных произведений Деллапорты: *Manusacas M. I.* Λεονάρδου Ντελλαπόρτα ποιήματα (1403–1411). Athenai, 1995.

много путешествовал. Нам удалось обнаружить архивные документы, засвидетельствовавшие его пребывание в Трапезунде и его первую официальную должность — переводчика с греческого языка у байло в венецианской фактории этого черноморского города в 1371–1372 гг.[229] Деллапорта не оставлял предпринимательской деятельности и, видимо, торговые интересы привели его к понтийским берегам. Пребывание в Трапезунде не было длительным, ибо уже во время Кьоджской войны (1378–1381) Деллапорта сражался против генуэзцев и венгерского короля, осадившего в 1378 г. Тревизо. Еще во время войны или вскоре после нее Деллапорта стал супракомитом военной галеры и в 1389 г. выполнял дипломатические миссии: от имени дуки Крита он вел успешные переговоры с султаном Мурадом I и затем представлял уже саму Венецию в Тунисе, где добился освобождения из тюрьмы венецианских купцов и моряков. По пути на Восток Деллапорта вел также переговоры с деспотом Мистры Феодором Палеологом. На этом дипломатическая карьера будущего поэта не заканчивается: в 1403 г. он послан в Пелатию, столицу турецкого эмирата Ментеше, настоящее пиратское гнездо в Малой Азии. Там он добился заключения выгодного для Венеции и Крита мирного договора. После 1389 г. постоянно пребывая на Крите, Деллапорта стал одним из 12 адвокатов Кандии. Однако на склоне лет ему пришлось вновь познать превратности судьбы. Более чем в 60-летнем возрасте он, вероятно по навету, был обвинен в незаконном сожительстве с женщиной, у которой якобы от него родился ребенок. Суровая венецианская Фемида осудила Леонардо, отрицавшего все как клевету, к тюремному заключению и лишению звания адвоката. Выйдя в 1414 г. из заключения, он скончался в конце 1419 или начале 1420 г.

Поэтические произведения Деллапорты были найдены греческим ученым М. Мануссакасом в рукописи Афонского монастыря Пантократора (№ 140, XV в.). Все они написаны на народном греческом языке, но без следов критского диалекта. Важнейшим и самым большим из них является «Диалог с Истиной». Он создан в тюрьме, где поэту, переживающему тяжелый моральный кризис, подавленному несправедливым обвинением, является в образе прекрасной девушки с мелодичным голосом, восседавшей на золотом троне, олицетворенная Истина. С ней он и ведет беседу в духе боэцианской традиции, закрепленной Петраркой в трактате «О презрении к миру», где Правда готовит диалог Франциска с Августином. У Деллапорты Истина разрешает сомнения поэта и воодушевляет его, объясняет, что такое клевета и как она при помощи лжи проникает в мир, как непрочно все, предоставляемое человеку людьми. Истина призывает к терпению, ибо только оно помогает выдерживать большие испытания. В связи с

[229] *Карпов С. П.* Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV–начало XV в.) // ВО. М. 1982. С. 193. Примеч. 6; *Manussacas M. I.* Ο ποιητής Λεονάρδος Ντελλαπόρτας διερμηνέας του βενετού βαΐλου στην Τραπεζούντα (1371–1372) // Thesaurisamata. 1991. Т. 21. P. 9–22.

тем что Леонардо был осужден своим прежним другом, известным судьей, в дидактической поэме приведены рассуждения о дружбе и лицемерии, о том, что знание имеет цену лишь тогда, когда оно добродетельно. На многих примерах Истина бичует взяточничество и коррупцию судей, приводит длинные рассуждения о добрых и злых женах. Леонардо отстаивает точку зрения, что лишь законный союз благословен Богом, в то время как множество людей стало жертвами лукавства женщин. Наконец, в третьей части поэмы Деллапорта останавливается на этических проблемах христианской веры, высказывая вполне традиционные для ортодоксально мыслящего христианина суждения. К спасению души более всего ведет милосердие, отвращают же от него семь смертных грехов. В конце Леонардо излагает свою биографию. Поэма его — спокойная медитация о судьбе человека, попавшего в несчастье. При этом автор часто приводит по памяти, а возможно, и добавляя при последующей литературной обработке поэмы цитаты из Библии, из отцов церкви, из сочинения Георгия Кедрина, из популярных тогда византийских поэм и романов, из западноевропейской средневековой легенды о Вергилии. Прямые и косвенные заимствования занимают в поэме большое место. При всей традиционности решения этических проблем Деллапорта все же обращается к сюжетам, интересовавшим итальянских гуманистов. Выбор излюбленной ими формы диалога, видимо, также примета времени. Деллапорте принадлежат и три другие, более короткие поэмы на темы страданий Христовых, раскаяния грешников и т. д. В его творчестве впервые встреча двух миров — латинского и греческого — завершилась созданием литературных произведений, отличающихся внутренним единством и целостностью мировоззрения. Но этот синтез достигнут на эллинской основе.

Отдельные поверхностные черты гуманистических влияний в несколько большей мере обнаруживаются в творчестве другого критского поэта — Марина Фальера (1395–1474)[230]. Он происходил из знатного венецианского рода, именовал себя «благороднейшим архонтом»[231] и одно время даже претендовал, правда безуспешно, на часть острова Андрос, так как был женат на единственной наследнице его правителя Пьетро Дзено. На Крите Фальеру принадлежал ряд феодов. Он, кроме того, активно занимался торгово-предпринимательской деятельностью, был, как и Деллапорта, супракомитом военной галеры, а также крупным налоговым чиновником. Отпрыск семьи венецианских патрициев, породненный с правящими домами венецианской Эгеиды (его матерью была Агнесса Гизи, а женой — Флорен-

[230] *Gemert A. F. van.* The Cretan poet Marinos Falieros // Thesaurismata. 1977. T. 14, P. 7–70. М. Мануссакас, однако, относит его творчество к началу XVI в.: *Manoussakas M.* Cultura e letteratura greca nella Creta veneziana... P. 449.

[231] *Bakker W. F., Gemert A. F. van.* The Λόγοι διδακτικοί of Marinos Phalieros. A critical edition. Leiden, 1977. P. 4.

ция Дзено), Фальер тем не менее был настолько эллинизирован, что безошибочно писал на греческом языке, без итальянизмов и даже с элементами восточнокритского диалекта. Но в отличие от Деллапорты он остался католиком, был сторонником Флорентийской унии и противником жесткого курса по отношению к православным грекам.

Марин Фальер известен как автор пяти стихотворных произведений. В первом из них, «Любовном сне», поэт рассказывает другу, как ему приснилось, что его посетила возлюбленная в сопровождении Купидона, который посвящал молодых людей в тайны любви[232]. Возможно, эта небольшая поэма представляет собой набросок ко второй — драматическому диалогу из 758 стихов «Рассказ и Сновидение», где к участникам первой поэмы присоединяется в качестве действующего лица Фортуна, а также служанка избранницы поэта Атусы Потула. Все, включая Фортуну, убеждают Атусу в искренности любви Марина, и когда наконец произносятся клятвы любви, автор просыпается, укушенный пчелой[233].

Совсем иного характера «Трен на страдания Иисуса Христа», большую часть которого занимает плач Марии и около трети — религиозная драма. По форме это довольно редкое произведение для средневековой греческой литературы, и навеяно оно, видимо, итальянскими образцами[234].

Наиболее интересны две дидактические поэмы Фальера: одна — в форме утешительного письма другу, Бенедетто де Молину, в одночасье потерявшему жену, детей и все состояние. Это первый пример утешительной поэмы о бренности всего земного на греческом языке[235]. Наряду с традиционными суждениями об изменчивости посюсторонней жизни, о том, что человек на земле лишь странник, который должен стремиться к равновесию между скорбями и радостями и презирать мир, о том, что для христианина смерть лишь освобождение от забот и суеты, о необходимости для человека быть благодарным Творцу за его милосердие и ежедневно молиться ему, дабы исцелиться от скорбей,— в поэме есть мысли, быть может созвучные этике раннего итальянского гуманизма или почерпнутые из нее. Фальер убежден, что человек наделен возможностью разумом контролировать свое тело, чувства и способности, отличать добро от зла, а потому не должен жить, подобно зверю. Чтобы познать те потенциалы, которые даны человеку Богом, он должен заниматься просвещением собственного разума, а от познания себя может затем подняться до познания законов естества и самого Бога. Страдание же дано челове-

[232] *Μαρίνου Φαλιέρου* Ερωτικά όνειρα / ed. *A. van Gemert*. Thessaloniki, 1980.

[233] *Gemert A. van.* Marinos Falieros en zijn beide liefdesromen. Diss. Amsterdam, 1973.

[234] *Bakker W. F., Gemert A. F, van.* The Λόγοι... P. 10–11, 16; *Bakker W. F., Gemert A. F, van.* ΡΙΜΑ ΠΑΡΗΓΟΡΗΤΙΚΗ of Marinos Phalieros. A critical edition// Studia Byzantina et Neohellenica Neerlandica. Leiden, 1972. P. 78–79.

[235] *Bakker W. F., Gemert A. F, van.* ΡΙΜΑ ΠΑΡΗΓΟΡΗΤΙΚΗ... P. 81–82, 103–117.

ку, чтобы развить умственную отвагу, и чем оно тяжелее, тем выше за него воздаяние[236].

«Поучительные слова» Фальера (написаны ранее 1430 г.) адресованы его сыну Марко. Главная их тема — также человек и его место в мире[237]. Но здесь автор развивает в основном домостроевские принципы, особенно в отношении к женщине, все желания которой он рекомендует смирять. Жена должна в полной мере разделять мнения своего супруга (так Марин понимает единодушие в семье). Фальер не советует что-либо доверять крестьянам; он против чрезмерных развлечений, к которым относит, например, охоту. В этой поэме Фальер следовал жанру Спанеаса, но не подражал автору этого широко известного дидактического стихотворения, а опирался как на источник в большей мере на венецианскую нравоучительную поэму[238]. Фальер не проявил большой поэтической фантазии: приводимые им примеры и образы банальны, метафоры ходульны и традиционны. Как справедливо полагают издатели его текста Баккер и ван Гемерт, Фальер не поднялся над уровнем представлений среднего купца своего времени[239]. Но как раз мировоззрение этого слоя было весьма противоречивым, обусловленным переходным характером самой эпохи.

К XIV в. относится творчество еще одного критского поэта — Стефана Сахликиса[240]. Хотя Сахликис был феодальным сеньором и крупным судебным чиновником, его произведения пронизаны «грубой реалистичностью, дидактическо-сатирической направленностью, ироническим отношением к духовенству, использованием народного языка и следованием фольклорным традициям»[241]. О характере творчества Сахликиса говорят сами названия его произведений: «Главные сводницы», «Собрание гетер» (сатиры, направленные против женщин), «О друзьях» (где дается картина всеобщего корыстолюбия). Сахликису принадлежит также ряд стихотворений об изменчивости судьбы, о тюрьме и тюремщиках и автобиографический «Странный рассказ», где кающийся поэт изображает себя слабым, безвольным человеком, бессильным противостоять козням судьбы — Тихи, увлекающей его на путь порока.

Заметный след в культуре как Крита, так и Западной Европы оставила деятельность венецианского нотария Лоренцо ди Моначи

---

[236] *Bakker W. F., Gemert A. F, van.* ΡΙΜΑ ΠΑΡΗΓΟΡΗΤΙΚΗ... Vs. 261–264, 279–286.

[237] *Bakker W. F., Gemert A. F, van.* The Λόγοι... P. 65–75.

[238] *Bakker W. F., Gemert A. F, van.* The Λόγοι... P. 28–30.

[239] *Bakker W. F., Gemert A. F, van.* The Λόγοι... P. 30.

[240] *Любарский Я. Н.* Критский поэт Стефан Сахликис//ВВ. 1959. Т. 16. С. 65–81 (автор ошибочно датирует творчество Сахликиса второй половиной XV–началом XVI в. — Там же. С. 81.). *Gemert A. F, van.* Ο Στέφανος Σαχλίκης και η εποχή του // Thesaurismata. 1980. Т. XVII. P. 36–130 (передатировал время жизни Сахликиса — не XV, а XIV в.); *Panagiotakis N. M.* Μελετήματα περί Σαχλίκη // Κρητικά Χρονικά. 1987. Т. 27. Σ. 7–38; *Manoussakas M. I.* Ο Στέφανος Σαχλίκης ποιητής του 14ου αιώνα // Ελληνικά 1990. Т. 41. Σ. 120–127.

[241] *Любарский Я. Н.* Критский поэт... С. 81.

(1351–1428), собирателя и знатока греческих рукописей, канцлера Крита с 1388 по 1428 г., дипломата, историка[242]. В обширном труде ди Моначи «О деяниях, нравах и благородстве Венецианской державы» (20-е годы XV в.) две книги специально посвящены истории Крита с момента его приобретения Венецией до 1363 г.[243] Для произведения, написанного на латинском языке, ди Моначи впервые привлек византийских историков и применил текстологический анализ их трудов. А. Пертузи выявил круг этих авторов: это Никита Хониат (из его «Хронографии» взяты данные об осаде и взятии Константинополя, на основании которых исправлена западная версия истории Четвертого Крестового похода), Георгий Акрополит и Георгий Пахимер. Последующие венецианские историки, не владевшие хорошо греческим материалом, например М.-А. Сабеллико, опирались на труды ди Моначи, уточняя данные венецианской хронистики. Канцлер Крита, кроме того, использовал документы административных архивов, к которым имел доступ, что еще более повышает значение его труда. Сочинение ди Моначи относят к первым произведениям ренессансной исторической литературы[244]. Лично знакомый со многими итальянскими гуманистами, в том числе и с Петраркой, он посылал им с Крита тексты древнегреческих авторов. Так, Франческо Барбаро он отправил «Илиаду» Гомера. Ди Моначи хорошо владел греческим языком, хотя в отличие от Деллапорты никогда не чувствовал себя эллином и не питал симпатий к греческому населению острова. Но он стремился постичь эллинскую культуру и понимал ее значение для ренессансных исканий.

С Критом был связан и другой представитель итальянского гуманизма XIV в., переводчик гомеровских поэм и трагедий Еврипида, ученик Варлаама, Леонтий Пилат. Пилат пробыл на острове более 10 лет, служил там учителем и стремился усовершенствоваться в языке[245]. С этой же целью, а также для собирания рукописей прибыл на Крит венецианский гуманист XV в. Лауро Квирини[246]. Кандия на Крите стала важным центром изучения древнего и нового греческого языка, латыни и даже древнееврейского, располагала хорошими библиотеками[247].

[242] *Pertusi A.* Le fonti greche del «De gestis. moribus et nobilitate civitatis Venetiarum» di L. di Monacis, cancelliere di Creta (1388–1428) //Italia medioevale e umanistica. Roma, 1965. T. 8. P. 161–211. *Poppi M.* Ricerche sulla vita e cultura del notaio e cronista veneziano Lorenzo de Monacis, cancelliere cretese (ca. 1357–1428) // SV. 1967. T. 9. P. 153–186.

[243] *Laurentii de Monacis* veneti Cretae cancellarii Chronicon...

[244] *Manoussacas M. I.* L'Isola di Creta sotto il dominio veneziano//Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973, T. 1. P. 476.

[245] *Pertusi A.* Leonzio Pilato a Creta prima del 1358–59// Κρητικά Χρονικά. 1961–1962. T. 15–16, Fasc. 2. P. 363–380.

[246] *Pertusi A.* Le epistole storiche di Lauro Quirini sulla caduta di Costantinopoli e la potenza dei Turchi // Lauro Quirini umanista. Firenze, 1977. P. 166–170.

[247] *Pertusi A.* Episodi culturali tra Venezia e il Levante nel Medioevo e nell'umanesimo fino al secolo XV // Venezia e il Levante... T. 2. P. 331–360;

Таким образом, во второй половине XIV–XV в. все более утверждается роль Крита как основного передаточного звена достижений греческой цивилизации итальянскому, прежде всего венецианскому, гуманизму. В то же время уроженцы острова итальянского происхождения обогащали своими трудами греческую культуру и способствовали перенесению в нее сюжетов и образов романских литератур Запада. В XIV и XV вв. Крит находился еще в орбите византийской, а не итальянской гуманистической культуры. Воздействие последней ощущалось слабо и лишь в отдельных аспектах и сферах. Однако процесс греко-латинского синтеза в развитии культуры именно там был наиболее глубоким и органичным. Он подготовил расцвет уже собственно новогреческой литературы на острове, особенно драматургии, в XVI–XVII вв.

Крит не был единичным явлением в развитии культуры на островах Эгеиды. Интерес к эллинской образованности, античному прошлому и настоящему Эгеиды проявлял эллинизировавшийся в XV в. генуэзский род Гаттилузи, при дворе которых в Эносе происходили диспуты греческих ученых, переписывались и иллюминовались греческие рукописи[248], составлялись хроники[249]. Почти одновременно с творчеством виднейшего поэта венецианского Крита Леонардо Делланорты в начале XV в. на другом конце Латинской Романии, в Каффе, произведение, несколько напоминающее «Диалог с Истиной», создал учитель грамматики Альберто Альфьери, ломбардец по рождению, но гражданин Генуи. В сходстве двух сочинений «виноваты», видимо, не авторы, ничего не знавшие друг о друге, а литературная мода, возникшая после «Божественной комедии» Данте, на форму мистических видений, философских бесед с духами и душами умерших. Произведение Альфьери названо «Огдоас», так как оно разделено на восемь глав, или сцен[250]. Его действие разворачивается на небесах, и оно построено как серия диалогов. Главным героем «Огдоаса» является казненный в Генуе французским наместником маршалом Бусико сын герцога Миланского 22-летний Габриэле Висконти. Диалоги между персонажами ведутся через два года после его смерти, в 1408 г. Душа юноши беседует с отцом, могущественным герцогом Джангалеаццо, и бывшим дожем Генуи Антониотто Адорно, которые спраши-

Santschi E. Contrats de travail et d'apprentissage en Crète Vénitienne au XIVe siècle d'après quelques notaires // Revue Suisse d'Histoire. 1969. T. 19. P. 34–74; *Manoussakas M.* Cultura e letteratura greca nella Creta veneziana... P. 446–447.

[248] *Медведев И. П.* Греческий писец XV в. Мефодий и его три рукописи // ВВ. 1988. Т. 49. С. 127–133; *Ganchou Th.* Héléna Notara Gateliousaina d'Ainos et le Sankt-Peterburg bibl. Publ. gr. 243 // REB. 1998. T. 56. P. 141–168.

[249] *Dennis G. T.* The short chronicle of Lesbos, 1355–1428 // *idem.* Byzantium and the Franks... N 1. P. 3–22; *Schreiner P.* Die Byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975. Bd. 1. S. 218–224, N 30–31.

[250] L'Ogdoas di Alberto Alfieri. Episodia di storia genovese nei primordii del sec. XV / A cura di A. Ceruti // ASLSP. 1885, T. 17. P. 253–320.

вают Габриэле о причинах происшедшего и затем пророчествуют о судьбах Генуи и Милана, решают этические проблемы. Часто в уста жестокого тирана (например, Бернабо Висконти) автор вкладывает вовсе не присущие ему сентенции о милосердии, доброте, правосудии. Его не заботят точные исторические соответствия. Его произведение — тенденциозный политический трактат, облеченный в форму мистического диалога. Первая часть трактата — прославление рода «сильного и мудрого дожа» Антониотто Адорно («Огдоас» посвящен члену рода Адорно, консулу Каффы, включенному затем в Совет старейшин Генуи, Якопо). Вторая цель — обличение тиранического правления Бусико в Генуе. Альфьери с сочувствием писал о миланской династии Висконти, недвусмысленно предпочитая ее власть французской. Содержащиеся в диалогах «пророчества» явно фиксируют многие уже свершившиеся события: издатель А. Черути датирует текст 1421 г. «Огдоас» написан на латыни. Цитаты из античных авторов, прежде всего Платона, Валерия Максима и Цицерона, и языческие мифологические реминисценции перемежаются с положениями католической догматики и морали, а классическая латынь — с канцелярским языком XV в. Дополнительную ценность диалогам Альфьери придает яркое описании столицы генуэзского Черноморья — Каффы, свидетельства о тесной связи политической жизни Италии и далеких черноморских факторий Крыма[251].

Определенное влияние на развитие греческой литературы периода франкократии и позже оказал и западноевропейский рыцарский роман, переводы и переработки которого были весьма популярны[252].

Во всех областях Латинской Романии народная поэзия (баллады, сказания, песни-трагуди, грубоватая, но меткая сатира) постоянно питала «высокую» литературу. Связь между ними на Крите, как и на Кипре, была тесной и плодотворной. В трагуди и эпосе, нередко создаваемых в Латинской Романии на базе «Дигениса Акрита», нашли отражение условия жизни и устремления греческого народа. Характерный пример — «Песнь о Генрихе Фландрском»[253]. Ее версия связана главным образом с Критом и Корфу. Император Генрих — довольно популярная фигура. Недаром он заменяет в «Песне» таких героев, как Дигенис или Александр. Скорее, всего, это объяснимо его веротерпимостью и лояльным отношением к греческим подданным, которых он нередко брал под защиту от непомерного униатского рвения папских легатов и латинского духовенства. Был Генрих и добле-

[251] *Pistarino G.* Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero // Byzantinobulgarica. 1981. T. VII. P. 45–46.

[252] *Bury J. B.* Romances of Chivalery on Greek soil. Oxford, 1911; *Manoussacas M. I.* Les romans byzantins de chevalerie et l'état présent des études les concernant // REB. 1953. T. X. P. 70–83; *Алексидзе А. Д.* Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). Тбилиси, 1979.

[253] *Manoussacas M. I.* Το ελληνικό δημοτικό τραγούδι γιά το βασιλία Ερρίκο της Φλάντρας // Λαογραφία. 1952 Т. 14. Σ. 3–52; *idem.* Και παλί το τραγούδι γιά Ερρίκο της Φλάντρας // Λαογραφία. 1954. Т. 15. Σ. 336–370.

стным воином, которого стихотворная греческая хроника Ефрема назвала «вторым Аресом»[254]. В Сен-Бертинской хронике зафиксировано предание, что Генрих I в возрасте 39 лет был отравлен своей женой, дочерью болгарского царя Борила[255]. А в «Песне» рассказывается о том, что доблестный король Эррик украл невесту, прекрасную Елену, и был убит ею, так как она не желала вступать в брак с поработителем отечества. Песнь написана рифмованным политическим стихом и в разных версиях содержит от 40 до 60 строк.

В другом интересном греческом стихотворении XV в. безыменный поэт восхваляет Венецию как связующее звено между греками и Западной Европой, воспевая ее дворцы и базилики (упоминая между прочим и знаменитых коней Лисиппа, увезенных крестоносцами из Константинополя)[256].

Становление культуры Латинской Романии было длительным и противоречивым процессом. В нем участвовали различные элементы, вступавшие друг с другом в сложные отношения, обусловленные конкретной культурно-исторической средой и обстановкой каждого района Романии. Далеко не всегда происходил синтез культур; далеко не всегда даже там, где он происходил, он был органичным и завершенным. Гораздо чаще он прерывался на полпути с изменением исторических судеб той или иной территории, с византийской «реконкистой» или османским завоеванием. Нередко иноземное владычество, особенно вначале, тормозило и консервировало развитие искусства и литературы. И только длительное пребывание латинян на греческой земле, их «врастание» в местную среду, с одной стороны, и интегрирование греков в новые системы социальных и экономических связей — с другой, приводили к более длительному и плодотворному культурному сотрудничеству, взаимообогащению духовными ценностями. Такие процессы порождались глубокой социальной трансформацией как греческого, так и латинского общества. Иногда, как, например, на Крите в XV–XVII вв., в результате этих процессов создавалось подлинно высокое и оригинальное искусство. В других случаях возникали лишь отдельные элементы нового. Эллинизируясь, латиняне проникались обаянием греческого гения, принимали язык народа, среди которого жили, и нередко, в свою очередь, вносили свежую струю в ограниченную прежде рамками византийского ойкуменизма и осознанием собственной исключительности культуру империи ромеев.

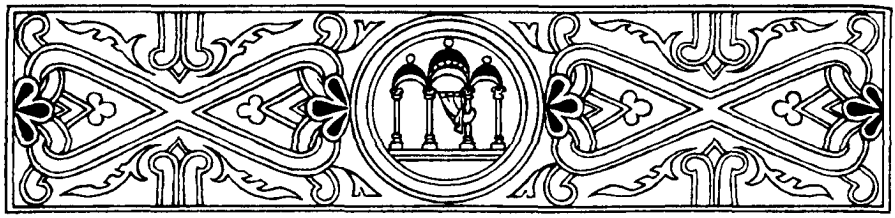
Латинской Романии принадлежит выдающаяся и еще не вполне по достоинству оцененная роль в передаче достояния античной и византийской цивилизации западноевропейской культуре, и прежде всего культуре итальянского Возрождения.

---

[254] *Ephraem Aenii* Historia chronica / rec. O. Lampsides. Athenis, 1990. P. 275. 7755–7759.

[255] *Beck H. -G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur... S. 110.

[256] Carmina Graeca medii aevi /ed. G. Wagner. Leipzig, 1874. P. 221–223.

Часть 2

ДОРОГИ ЛАТИНСКОЙ РОМАНИИ

Из Европы в Азию через Черное море[1]

Во времена наиболее активной торговли западноевропейцев с Востоком, с середины XIII в. до середины XV столетия, важными портами северного ответвления торговых путей Латинской Романии, через которые проходили потоки товаров и основная масса купцов и предпринимателей, были Каффа (Феодосия), Тана (Азов) и Трапезунд. Именно от этих портов начинались сухопутные дороги, связывавшие их с главными ближайшими торговыми центрами Востока, столицами Золотой Орды, государства ильханов (Солхатом-Сараем-Ургенчем; Тебризом и др.). По этим дорогам, хорошо охраняемым в период стабильности, двигались караваны западноевропейских, греческих и восточных купцов в Среднюю Азию, Индию и Китай. По Дону и далее на север шли пути в русские земли, связи с которыми усиливались с XIV и, особенно — XV в. Идущая от Трапезунда дорога пересекала Понтийские Альпы и, через перевалы (Понтийские ворота или Зиганский), вела к Аргирополю (Гюмюшхане), Пайперту (Байбурт), Эрзеруму и Тавризу (Тебризу)[2]. Кризис середины XIV в. и распад монголо-татарских империй дестабилизировал эти сухопутные пути, и с конца века западноевропейцы реже путешествовали вглубь континента и чаще ожидали прибытия восточных купцов и

[1] Вариант статьи на итальянском языке: Le Vie del Mar Nero, secc. XIII-XV: dall'Oriente all'Occidente per mare e per terra // Le Vie del Medioevo. Parma, 2000.

[2] *Karpov S.* L' impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986. P. 34–35; *idem.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. P. 58–63; *Ochoa J. A.* The way towards the Orient: the *Embajada a Tamorlán* from Trebizond to Tabriz // Η Επικοινωνία στο Βυζάντιο. Athena, 1993. P. 565–575.

караванов в портах Причерноморья. Кризис морского сообщения вызвало падение Константинополя в 1453 г. Тогда западноевропейцы стали предпринимать попытки наладить сообщение с Крымом, ставшим частью Латинской Романии, где обосновались многочисленные генуэзские фактории, через порты Молдовы (особенно — Монкастро) в Венгрию или Польшу, по Дунайскому пути. Однако эта дорога, длинная и трудная, никогда не имела того значения, что морские пути в предшествующий период[3].

Но и они занимали в среднем три месяца от Генуи до портов «Великого моря». Венеция снаряжала для регулярной ежегодной навигации караваны торговых галей, эскортируемых на наиболее опасных направлениях военными патрульными кораблями[4]. Генуя также прибегала к подобной практике объединения судов в конвои, но регулировалась эта навигация законодательными установлениями, а сами корабли принадлежали преимущественно не государству, а ассоциациям частных собственников-патронов[5].

Маршруты навигации от Венеции до Константинополя были традиционными. Корабли направлялись до г. Пола в Истрии, который был базой патрульных галер Гольфа (Адриатики). Именно от Полы обычно так называемые галеи «линии» сопровождались до острова Корфу, а оттуда — до венецианских портов на Пелопоннесе — Модона и Корона[6], Негропонта (Эвбеи) и Константинополя. Разного рода отклонения от маршрута были возможны в случае военных действий про-

[3] *Maiowist* M. Kaffa- kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947. P. 94–100; *Manolescu R.* L'importance économique et militaire des villes portuaires de la Valachie et la Moldavie aux XVe et XVIe siècles // Le pouvoir central et les villes en Europe de l'Est et du Sud-Est du XVe siècle aux débuts de la révolution industrielle. Les villes portuaires. Sofia, 1985 P. 171–190; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции. На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995; *Stromer W., von.* Handel zum Schwarzen Meer der Gesellschaft Clemens von Cadan, Johannes Zindrich und Nikolaus Zornberg von Breslau und Lemberg // Oriente e Occidente tra Medioevo ed età moderna. Studi in onore di Geo Pistarino. Acqui Terme 1997. Vol. 2. P. 1183–1184; *Niculescu A.* Vénitiens et Génois, acteurs de la colonisation dans les Pays roumains et aux bouches du Danube aux XIVe–XVe siècles // Le Partage du monde. Échanges et colonisation dans la Méditerranée médiévale / sous la direction de M. Balard et A. Ducellier. Paris, 1998. P. 233–258.

[4] *Карпов С. П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; *Stockly D.* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe–milieu XVe siècle). Leiden; NY; Koln 1995.

[5] Impositio Officii Gazarie / a cura di L. Sauli // Monumenta Historiae Patriae, Torino 1838. Vol. 2 , col. 338, 345–346; *Forcheri G.* Navi e navigazione a Genova nel Trecento. Il 'Liber Gazarie'. Genova, 1974; *Musso G. G.* Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (Secc. XIV–XV). Roma, 1975.

[6] См.: *Карпов С. П.* Порты Пелопоннеса в системе навигации венецианских торговых галей в Черном море (XIV–XV вв.) // СВ, Т. 59. 1997. С. 49–59.

тивников (генуэзцев, каталанцев, османцев и др.) или пиратов. Промежуточными портами, куда заходили венецианские суда были Рагуза (Дубровник), Зара (Задар), Кларенца, Монемвасия, Салоники, порты Крита[7]. Пунктами назначения в Черном море для венецианцев были прежде всего Трапезунд и Тана, для генуэзцев — их многочисленные фактории во всем Причерноморье, но прежде всего — Пера и Каффа.

Сенат Венеции тщательно регламентировал маршрут навигации галей «линии». Те отклонения, которые происходили, вызывались, как правило, необходимостью догрузки галей товарами, пополнением запасов воды и продовольствия или соображениями безопасности[8].

Средневековье сохранило немало ярких описаний путешествий западноевропейцев на Восток. Сейчас даже сделана попытка создать их классификацию, с выделением путеводителей для пилигримов и купцов, рассказов о пилигримажах, о крестовых походах, посольствах, миссиях, путешествиях и описаний мнимых странствий[9]. Впрочем, предлагаемое Ж. Ришаром название «путеводители для купцов»[10] неточно. Такого жанра не было, и описание путей неизменно включалось в более широкий контекст «торговой практики», где главным был рассказ о товарах, ценах, тарифах, пошлинах, условиях торговли в разных местах, и даже об используемой в общении с местным населением терминологии.

Наиболее читаемыми и известными были, конечно, описания походов и путешествий: от реальных, начиная с Плано Карпини, Марко Поло и Рубрука, до полулегендарных, расцвеченных рассказами обо всяких диковинах и богато иллюстрированных описаний (Космы Индикоплейста или «Книги чудес» Жана ле Лонга), и даже до вымышленных (многочисленные версии «Путешествий» сэра Джона Мандевиля[11]). Не о них сейчас пойдет речь — ведь целью этих сочинений были собственно не дороги, а заморские чудеса или политические, военно-стратегические, бытовые, культурно-религиозные данные о далеких странах. Сведения же о самих путях в них были отражением личного, но не обобщенного или типологизированного, опыта странствующих. Вряд ли какому-либо купцу Венеции или Генуи пришла бы в голову мысль точно руководствоваться сочинением Марко Поло или Одорико Порденоне в составлении маршрута и в подготовке

[7] См.: *Карпов С. П.* Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М.: МГУ, 1991. С. 82–97.

[8] См.: *Карпов С. П.* Путями...

[9] *Richard J.* Les récits de voyages et de pèlerinages. Brepols, 1996 [Typologie des sources du moyen âge occidental, fasc. 38]. Также: Reisen und Reiseliteratur im Mittelalter / hrsg. X. von Ertzdorf, D. Neukirch. Amsterdam, 1992; Der Reisebericht / hrsg. P. Brenner. Suhrkamp, 1989.

[10] *Richard J.* Les récits... P. 33–34.

[11] *Mandeville's* Travels / texts and transl. by M. Letts. London, 1953. T. 1–2; Sir John Mandevilles Reisebesschreibung in deutscher Übersetzung von M. Velser. Berlin, 1974.

к странствованию, хотя какие-то коррективы в замысел путешествия эти рассказы и могли внести.

Впрочем, сочинения, претендующие на роль справочников, дающих рекомендации, существовали. Кроме итинериариев и портуланов, где сведения в основном суммарны и чаще всего характеризуют морские сообщения, создавались советы купцам. Первым из текстов такого рода стала пизанская торговая книга 1278 г., а затем — наиболее знаменитое сочинение — «Практика торговли» флорентийца Франческо Балдуччи Пеголотти, составленное между 1310 и 1340 гг.[12] За ним последовали многие другие, но они нередко подражали прообразу, следовали заложенным клише и были менее яркими и конкретными. Возникает вопрос, насколько информация Пеголотти достоверна? Ведь сомнения в этом уже высказывались в литературе[13] и многочисленные хронологические[14], нумизматические[15] и иные уточнения предлагались разными авторами. Тем не менее, положения Пеголотти при их детальном анализе чаще всего подтверждались на материале разных стран, хотя и относились к разным десятилетиям[16].

Первые рекомендации купцам, путешествующим в глубь континента (после известной Книги Марко Поло, избравшего иной маршрут) дают торговые книги флорентийского анонима начала XIV в.[17] и

[12] *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura / ed. by A. Evans. Cambridge, Mass., 1936. О датах составления Пизанской книги, трактата Пеголотти в сравнении с другими аналогичными сочинениями см.: *Tucci U.* Tariffe veneziane e libri toscani di mercatura // Studi veneziani, 1968. T. X. P. 65–108; *Lopez R. S.* Un texte inédit: le plus ancien manuel italien de technique commerciale // Revue historique. 1970. T. 243, janvier-mars. P. 69–71; *Bautier R. H.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient, au moyen âge. Points de vue et documents // Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen Âge. L., 1992, N IV. P. 263–331.

[13] В последнее время, например: *Еманов А. Г.* Север и Юг... С. 73.

[14] Отнесение венецианской секции к периоду 1320–30 гг.: *Lane F., Mueller R. C.* Money and banking in Medieval and Renaissance Venice. Baltimore; London, 1985. Vol. 1. P. 291. Отнесение итинерария от Таны и Сарая к Ургенчу к 1315–20 гг.: *Lopez R. S.* Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi inediti // Studia slavica medievalia et humanistica Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. T. 2. P. 465. Информация о торговле в Трапезунде — ранее 1319 г.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: МГУ, 1981. С. 48.

[15] *Grierson Ph.* The Coin List of Pegolotti // Studi in onore di Armando Sapori. Milano, 1957. T. 1. P. 483–492; *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // Советская Археология. 1958. N 3. С. 65–72.

[16] См., выше, а также, напр., вывод о надежности информации Пеголотти о ценах на шерсть, проверяемой английскими архивными материалами: *Bischoff J. P.* Pegolotti: an honest merchant? // Journal of European Economic History. 1977. T. VI, N 1. P. 103–108.

[17] *Bautier R. H.* Les relations... P. 311–320. Сведения анонима, относящиеся к шелковому торговому пути, были недавно переведены А. Г. Емановым: *Еманов А. Г.* Север и Юг... С. 149–150.

Пеголотти. Обе они прямо называют отправными пунктами путешествия Геную и Венецию и сразу же советуют путешественнику в Китай закупить тонкое и грубое сукно на одном из наиболее выгодных рынков Запада. Далее его путь лежал в Каффу или Тану, а оттуда по суше на повозках, запряженных волами, лошадьми или верблюдами в Хаджитархан (Астрахань). Описание пути у Пеголотти и флорентийского анонима отличаются лишь в деталях и вариантах написания топонимов и этнонимов, что говорит об общем прототипе или, возможно, заимствованиях анонима у Пеголотти или наоборот. Дорога занимала от 12 (на верблюдах) до 25 (на волах) дней [18]. Тана являлась, таким образом, основным транзитным пунктом, своего рода воротами на Восток. От Хаджитархана дорога шла на Сарай — Сарайчик — Ургенч — Отрар — Алмалык (Бишкек) — Ханбалык (Пекин). Весь путь от Таны до Китая продолжался 284 дня по суше и по Волге.

Если избирался сухопутный маршрут от Каффы до Таны и далее, в Орду, то лошадей, повозки и припасы можно было взять в близком от Каффы региональном Центре Орды — Солхате [19].

Тана использовалась венецианскими купеческими обществами для поездок в Индию и Китай через Астрахань, Ургенч и Газну[20]. Тот же путь избирали татарские и западноевропейские послы, перемещавшиеся между Западной Европой и империей монголов[21]. Иногда купцам приходилось зимовать в Тане или Астрахани, если лед мешал им двигаться по рекам. Так, один караван венецианских купцов, направлявшийся в Ургенч и Дели, на 50 дней «застрял» в Астрахани из-за оледенения (propter glaciam). Купцы были принуждены резать и продавать кусками привезенные ткани по гораздо более дешевым ценам, чем те, которые они собирались назначить в Индии [22].

Пеголотти дает любопытные советы путешественнику. Прежде всего, он должен отрастить бороду и не бриться. В Тане ему следует нанять переводчика и двух слуг, также знающих «куманский» язык. Кроме того, желательно там же, в Тане, взять с собой женщину. Конечно, можно обойтись и без нее, рассуждает Пеголотти, но к купцу

[18] См. изображение купеческого каравана, направлявшегося из Таны в Китай на карте Каталанского Атласа 1375 г. (Der katalanische Weltatlas vom Jahre 1375. Stuttgart, 1977) и на карте Mecia de Viladestes 1413 г. из Национальной Библиотеки в Париже (La Roncière M., Mollat du Jourdain M. Les Portulans. Cartes marines du XIIIe au XVIIe siècle. Fribourg, 1984, N 12).

[19] *Morozzo Della Rocca R.* Notizie da Caffa // Studi in onore di A. Fanfani. Vol. 3. Medioevo. Milano, 1962. P. 277: doc. N 1 — сент. 1344.

[20] О путешествии шести венецианских купцов в Дели в 1338–1343 гг. см.: *Lopez R. S.* Da Venezia a Delhi nel Trecento // *Lopez R. S.* Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975. P. 137–159; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe–milieu XVIe siècle) // Turcica, 1976, T. VIII/1. P. 121.

[21] *Lopez R. S.* Nuove luci sugli Italiani in estremo Oriente prima di Colombo // *Lopez R. S.* Su e giù... P. 132 (Doc. IX–X): 22/XII 1338.

[22] *Lopez R. S.* Da Venezia a Delhi ... Doc., P. 153.

будет больше почтения, если его сопровождает женщина, особенно, если она знает куманский язык. В Тане следовало запастись мукой и соленой рыбой. Мяса же в изобилии можно было закупить во всех местах по пути следования. Дорога от Таны до Китая была безопаснейшей и днем и ночью (здесь Пеголотти воспроизводит ситуацию, существовавшую в начале XIV в., максимум до 1340-х гг.). В случае смерти купца, все его имущество собирают ханские чиновники и передают брату или ближайшему родственнику умершего. Опасность возникает лишь в случае смерти хана, до избрания его преемника. В такие моменты в прошлом «франкам» и прочим чужестранцам чинили разные насилия (novitade)[23].

Советы Пеголотти были вполне реальны и основывались на многолетней практике. После того, как первые поездки доминиканцев на Восток, к монголам, закончились неуспехом, доминиканские миссионеры решили предпринять второе путешествие, в 1235-37 гг., и для этого не только сменили привычные одежды ордена на одежду купцов, но и отрастили волосы и бороды, как отмечалось «на манер варваров»[24].

Итак, в Тане делались приготовления для далекого странствия и в ней кончался привычный морской путь и мир Средиземноморья и начинался новый, более непривычный мир степных просторов, мир Востока. Немного позднее свой пути по тому же маршруту описал францисканский миссионер, испанец по происхождению, Пасхалий из монастыря св. Виктора. Он, видимо в 1335–37 гг., отправился из Авиньона через Ассизи в Венецию, а оттуда — в татарские земли. От Венеции до Константинополя он плыл на борту каракки. Далее, пересев на лигнию, он продолжил путь до Газарии (Крыма) по глубоководному Черному морю (per mare Nigrum, cuius profunditas est abyssus) и по мелководному Азовскому (per aliud mare, cuius non est fundus) — до Таны. Отсюда лежал его путь к Сараю. Он без промедления отправился вместе с греками на повозках, запряженных лошадьми (cum Graecis in curribus equorum) и быстро прибыл к месту назначения, опередив спутника, Гонсальво Трансторна, медлившего с отправкой в Ургенч[25]. В этом тексте любопытны две детали — налаженность сообщения между Таной и Сараем и путешествие с греческим караваном. Греки, несомненно, не только посещали Тану, но многие и постоянно проживали там[26]. Более года миссионер провел в Сарае — для успеха мисси-

[23] *Pegolotti.* Op. cit. P. 21–23; *Bautier R.-H.* Les relations... P. 315–316.

[24] *Dorrie H.* Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // Nachrichten der Ak. der Wissenschaften in Gottingen. Philolog. -hist. Klasse, 1956. N 6. S. 152.

[25] Chronica XXIV Generalium OM // Analecta Franciscana, 1897. T. 3. P. 532–535; *Wyngaert.* Sinica Franciscana. Vol. 1. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi-Firenze, 1929. T. 1. P. 501–506 (10/VIII 1338); ср.: *Golubovich G.* Biblioteca Bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano. T. IV (dal 1333 al 1345). Quaracchi, 1923. P. 245–246.

[26] См.: *Королев В. Н.* К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII–XVI вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях

онерской деятельности ему посоветовали выучить «куманский язык и уйгурское письмо», распространенные по всей территории «Татарской империи» — до Персии и Китая. Преуспев в этом (per Dei gratiam didici), наш миссионер на корабле, вместе с армянами (вероятно, также купцами), спустился по Волге и берегу Каспийского моря до Сарайчика, что заняло 12 дней, а затем, на повозках, влекомых верблюдами, прибыл на пятидесятый день в Ургенч. Все, вплоть до повозок и верблюдов, соответствует Пеголотти! Но в Ургенче брат Пасхалий, вместе со своим слугой — зихом (по традиции, вероятно, нанятым в Тане) остался уже в окружении только мусульман, «агарян, последователей злоименного (maledicti) Магомета», и приступил к своей миссионерской деятельности, за которую затем претерпел немалые мучения. Век веротерпимости монголо-татар, длившийся до хана Узбека (1312–1341), прошел. Письмо было отправлено уже из Алмалыка, викариата «Катая»[27].

Купцы, в отличие от миссионеров, заботились об определенном удобстве своего путешествия. Советы путешественнику исполнялись купцами, иногда, впрочем, слишком буквально, вводя их в немалые траты, за которые трудно было оправдаться перед партнерами. Содержанка отправившегося ок. 1362 г. в Туркестан Франческино ди Нодеро, названная им Франческиной, обошлась ему в Ургенче в 1500 безантов. Чтобы оправдать свои невыплаченные компаньонам долги, купец заявил, что его караван был ограблен на пути из Ургенча в Тану. В то время безопасность путей уже не была столь же гарантированной, как в начале века. Но лукавство купца выявил встречавшийся с ним в Туркестане другой венецианец, Андреоло Дандоло, показавший на следствии, что Франческино передвигался с хорошо охраняемым караваном и даже предлагал Дандоло ехать с ним вместе. Дандоло не принял предложения, но позже рассказал суду историю с Франческиной.[28] Опять в независимом источнике мы видим практические подтверждения информации Пеголотти о торговле между Таной и Ургенчем.

Не только общество дамы, на чем настаивал Пеголотти, но и надежные спутники скрашивали и обеспечивали безопасность дальнего пути. Неслучайно рыцарь Арнольд фон Харфф из Кельна, направлявшийся в 1496 г. в пилигримаж на Восток, отмечал, что с купцами хорошо путешествовать. Они знают язык и дороги. Они берут сопровождение от одной страны до другой и составляют хорошую компанию (...dae it gar guet myt tzien ist; sij wyssent spraiche ind wege; sij nement geleyde vss deme eyme lande in dat ander ind doynt eyme gar gude geselschaft). Готовясь к плаванию, фон Харфф еще в Венеции

Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 122–128; *Карпов С. П.* Новые данные о православном приходе в Азове // Евангелие в контексте мировой культуры. М., 2000.

[27] Chronica... P. 533–535.

[28] *Lopez R. S.* Da Venezia a Delhi... P. 137–138.

закупал все необходимое — от матраца, рукомойника, легкого вина (на корабле дают крепкое), до таблеток от запора и поноса (нужных во время плавания и в чужих странах). В Венеции же он производил обмен монеты[29]. Веком раньше Пеголотти советовал заботиться об этом в Тане. Во время Харффа, увы, Тана уже была в руках османов. Но психология купца-пилигрима-путешественника изменилась мало. Так и в XIV веке, отправляясь в Святую Землю, флорентиец Лионардо Фрескобальди приобрел в Венеции тюфяки и одежду, необходимую для странствований по морю и по пустыне, добрую мальвазию, сундучок с потайными секретами[30]. Запад любил всегда путешествовать в чужих странах по возможности с комфортом.

Убеждаясь в высокой надежности Пеголотти и в том, что он типологизировал стандартные, а не экстраординарные ситуации, исследователь поневоле ищет другие, еще неизвестные, бытовые рекомендации путешественнику. Работая в архивах, историк всегда надеется найти не только важный, но «стандартный» материал для своего исследования, но и нечто особое, что может расцветить яркими красками уже привычные экономические или бытовые реалии, или открыть новые картины былого. Иногда эти поиски бывают плодотворны, но нередко они оказываются охотой за миражами. Кто знает, как причудливо переплетутся дороги современных путешественников по средневековым дорогам? Работая в Венецианском Государственном архиве с большим фондом Прокураторов св. Марка, где немало документов из частных фондов купеческих фамилий, нередко прилагаемых к завещаниям и иным документам по распоряжению наследством, я встретил указание на документ, как казалось, особого значения. В материалах прокурации венецианского нобиля Андриоло Малипьеро была упомянута «Инструкция по поездке в Тану» 1394 г.[31] Самого документа в папке не оказалось. Его замещала отсылка, что письмо находится в особой папке Documenti commerciali riservati, Busta 1. На ум сразу пришла мысль о путевой инструкции, чем-то похожей на наставления Пеголотти. Всегдашняя любезность венецианских архивистов вскоре доставила мне заветный документ (но не всю таинственную папку) на стол. Это было торговое письмо от купца Джакомо Брагадина своему племяннику Андриоло Малипьеро, отправлявшемуся через Константинополь в Тану. Письмо, на диалетто, было на-

[29] *Harff A., von.* Die Pilgerfahrt des Ritters Arnold von Harff von Coln durch Italien, Syrien, Aegypten, Arabien, Aethiopien, Nubien, Palastina, die Türkei, Frankreich und Spanien, wie er sie in den Jahren 1496 bis 1499 vollendet/ hrsg. E. von Groote. Coln, 1860, S. 4, 57–58; *Harff A., von.* The Pilgrimage of Arnold von Harff, knight /transl. by Malcolm Letts. L., 1946 (repr. 1967). P. 4–5, 70–71.

[30] Путевые записки итальянских путешественников XIV в. // Восток — Запад. Исследования, переводы, публикации. М., 1982. С. 18–20.

[31] Archivio di Stato di Venezia, Procuratori di San Marco, Commissarie Miste, N 104a.

писано в Венеции 13 апреля 1394 г. и начиналось, действительно, словом Rechordaxion[32]. Но эта памятка была отнюдь не наставлением по путешествию, но предписанием по ведению торговых операций с контрагентами купца. Брагадин лишь побуждал племянника не терять времени и немедленно отплыть из Константинополя в Тану. Торговля касалась типичного товара — реймского сукна, и, вроде бы, надежды не оправдались. И все же нет малозначимых документов средневековья. В письме содержались данные о торговле в Ургенче венецианского купца Антонио Dazinas. И это за год до захвата и сожжения Таны Тамерланом, уже во время войны Тамерлана и золотоордынского хана Тохтамыша[33], отнюдь не способствовавшей торговле[34]. Советы Пеголотти о пути из Таны в Ургенч были актуальны, очевидно, на протяжении всего XIV столетия и представления о «закрытии» торговых путей из Таны в Среднюю Азию после кризиса 1340–50-х гг.[35] быть может, нуждаются в корректировке...

Порты Пелопоннеса в системе навигации венецианских торговых галей в Черное море (XIV–XV вв.)[1]

Как известно, в XIV–XV вв. Венецианская республика наладила систему регулярных морских связей между столицей Адриатики и далекими портами Черного моря. Плавание к понтийским берегам, где Венеция располагала факториями в Трапезунде и Тане (Азове), обычно раз в год осуществляли сначала государственные, а затем сдаваемые в аукцион патронам галеи «линии»[2]. Такая длительная и слож-

[32] Archivio di Stato di Venezia, Documenti commerciali riservati, Busta 1, N 203.

[33] См. о нем: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 249–274.

[34] Другой документ о торговле венецианцев из Таны в Астрахани в 1391–92 гг. был выявлен и опубликован нами ранее: *Карпов С. П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 191–216.

[35] *Kedar B. Z.* Merchants in crisis. Genoese and Venetian men of affairs and the fourteenth-century depression. New Haven; London, 1976; *Romano R.* Tra due crisi. L'Italia del Rinascimento. Torino, 1976. P. 19–20; *Balard M.* Gênes et la mer Noire (XIIIe–XVe siècles) // Revue Historique, 1984. T. 270, N 1. P. 37–39; *Karpov S. P.* Black Sea and the Crisis of the Mid XIVth Century: an underestimated Turning Point // Thesaurismata. 1997. T. 27. P. 65–77.

[1] Первоначальная публикация в: СВ. 1997. Т. 59. С. 49–59.

[2] *Lane F. C.* Venice and History. Baltimore, 1966; *Tenenti A., Vivanti C.* Le film d'un grand système de navigation des galères marchandes vénitiennes,

ная навигация, занимавшая не менее 5–6 месяцев, не могла существовать без специальной и детально регламентированной системы обеспечения плавания, с опорными пунктами и базами снабжения на всем пути следования. Немаловажное значение среди них принадлежало портам Пелопоннеса, особенно Модону и Корону. Их история была предметом изучения, в том числе — в связи с венецианским судоходством[3]. Моя цель заключается в ином: попытаться установить, основываясь главным образом на документах Сената, хранящихся в Венецианском государственном архиве, в чем конкретно состояла роль портов Пелопоннеса в обеспечении плавания торговых галей[4].

Венецианцы называли Корон и Модон oculi capitales — главными очами республики на Леванте[5]. Биограф известного флотоводца Карло Дзено, архиепископ Якопо Дзено отмечал в XV в., следуя устоявшимся представлениям, что Модон был центром венецианских владений в Греции, базой флота, важной как для охраны принадлежавших венецианцам городов Эгеиды, борьбы со свирепствовавшим там

XIVe-XVIe siècles // Annales ESC. 1961. T. 16, N 1. P. 83–86, carte; *Thiriet F.* Les Vénitiens en Mer Noire. Organisation et trafics (XIIIe–XVe siècles) // AII. 1979. T. 35. P. 38–53; *Hocquet J.-Cl.* Le Sel et la fortune de Venise. T. 2: Voiliers et commerce en Méditerranée, 1200–1650. Lille, 1982; *Doumerc B.* Le galere da mercato // Storia di Venezia. T. XII: Il Mare. Roma, 1991. P. 357–395; *Карпов С. П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.,1994; *Stockly D.* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe–milieu XVe siècle). Leiden-N. Y. -Köln: E. J. Brill, 1995. XVIII, P. 434.

[3] *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Paris, 1885–86. T. 1–2; *Miller W.* Monemvasia during the Frankish Period (1204 to 1540) // JHS. 1907. T. 27. P. 229–241, 300–301; *Luce S. B.* Modon — a Venetian Station in Mediaeval Greece // Classical and Mediaeval Studies in Honour of Edward Kennard Rand. NY, 1938 (repr. in 1968). P. 195–208; *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959 (repr.: 1975); *idem.* Études sur la Romanie gréco-vénitienne (Xe–XVe siècles). London, 1977; *Evangelatou-Notara F.* Η Μεθώνη, σταθμός στα ταξίδια βυζαντινών αυτοκρατόρων στη Δύση // Πελοποννησιακά. 1985–86. Τ. 16. Σ. 97–107; *Gertwagen R.* The Port of Modon in the Venetian Commercial System of Foodstuff 1358–1500 // Food for the World. Maritime Trade and Shipping of Foodstuff / ed. C. Koninks. Brussels, 1990. P. 15–36; *Parmeggiani A.* La presenza veneziana a Corone negli atti del notaio Pasquale Longo (1289–1293) // Macro e microstrutture economiche nella società bizantina (XIII–XV secolo)/ a cura di A. Carile. Bologna, 1991. P. 97–105; *Ченцова В. Г.* К вопросу о формах организации городского ремесла в венецианской Романии в XIII–XV вв. // ВВ. 1991. Т. 51. С. 142–152.

[4] После первой публикации этой статьи вышло в свет издание венецианских источников, относящихся к истории Пелопоннеса. Некоторые из цитируемых ниже архивных документов отражены в этом издании: Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the history of the Peloponnese in the 14th and 15th centuries / ed. by J. Chrysostomides. Athens, 1995

[5] Archivio di Stato di Venezia, Senato. Misti (далее — SM), XXXV, f. 11r–12v (регесты: *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris — La Haye. 1958–1961. T. 1–III (далее — RS). T. 1. N 559): 30/III 1375.

пиратством, так и для ремонта и оснащения торговых и боевых судов[6]. Особое значение для Пелопоннеса и Аттики имели поставки через Модон и Корон железа и железных изделий, а также — в неурожайные годы — зерна, и вывоз вина, изюма, смоквы, других сельскохозяйственных товаров[7].

Порты Модона и, особенно, Корона, тем не менее, не имели хороших просторных гаваней. Их приходилось постоянно расширять и оборудовать, тратя на это немалые средства. Несмотря на это, в годы военных кризисов, например, конфликта с турками в нач. XV в., гавань Корона пришла в столь печальное состояние, что туда не могла войти даже небольшая грипария[8]. Все это не могло не ограничивать значение этих портов Мессении. Тем не менее, они не имели равноценной замены на протяжении маршрута торговых судов от Корфу до Негропонта и были наиболее посещаемыми портами. Расстояние между ними невелико, поэтому нередко они рассматривались в постановлениях Сената как альтернативные, хотя преимущество в качестве главного промежуточного порта отдавалось Модону. Корон, впрочем, имел более обширный аграрный хинтерлянд, и часть провизии мог направлять в Модон, аграрная периферия которого была более ограничена. Зато Корон чаще подвергался нападениям пиратов[9].

Сенат предписывал галеям «линии» делать остановки в Короне и Модоне для контроля[10]. Изредка там производили замены галей (меньших, типа sottili, на большие, типа grosse), если в арсенале Венеции к моменту отплытия не находилось подходящих судов или если основная погрузка осуществлялась в Нижней Романии. Такая ситуация складывалась в основном во второй половине XIV в. в условиях кризиса торговли[11].

Заходы в Модон со второй половины XIV и в XV в. были более регулярными, чем в Корон. При определенных обстоятельствах галеи Романии—Черного моря или Бейрута—Александрии могли вовсе не приставать в Короне. Иногда это наносило ущерб купцам и Сенат требовал хотя бы краткосрочной (до 4 часов) стоянки в Короне[12]. Впрочем, иногда роль Корона резко возрастала, как, например, в 1410 г. из-за эпидемии в Модоне. Галеи Романии—Черного моря получили предписание, запрещавшее им посещать Модон. Предназначенные для

[6] *Zeno Iacobo.* Vita Caroli Zeni / a cura di *G. Zonta* // RIS, 1940. T. XIX, P. 6. P. 22, 74, 104.

[7] Ср.: *Miller W.* The Latins in the Levant. London, 1908. P. 340.

[8] RS, N 1365: 23/I 1410.

[9] *Bon A.* Monuments vénitiens en Grèce Centrale et dans le Peloponnèse jusqu'au XVe siècle // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1974. T. 2. P. 62–63; *Cheetham N.* Mediaeval Greece. New Haven; London, 1981. P. 163.

[10] SM, XVII, f. 103r-v (*Blanc, baron.* Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896 (далее — *Blanc*). P. 57–58: 13/VII 1338.

[11] SM, XXXI, f. 143v–144r: 5/VII 1366.

[12] SM, XLIV, f. 4r-v: 14/VI 1397; ASV, Senato, Secreta, Commissioni Formulari (далее — SSCF), IV, f. 26r-v, N 100.

доставки туда товары должны были сгружаться в Короне и затем, при необходимости, доставляться в Модон купцами[13].

Помимо портов Мессении, галеи «линии», направлявшиеся в Черное море, иногда бросали якорь в Кларенце[14] и, со второй половины XIV в. — в Монемвасии. В Кларенцу венецианские купцы стремились прибыть к концу октября, когда там проводилась ярмарка св. Димитрия. Для доставки туда купцов подчас использовали даже патрульные суда эскадры Адриатики (Гольфа)[15]. Монемвасиоты в 40-е годы XIV в. проявляли враждебность к венецианцам, нападая и грабя их. После сбора должной информации в Короне и на Негропонте, Венеция вчинила иск по этому поводу византийскому василевсу[16]. В 1362 г. ситуация уже изменилась, и венецианские галеи «линии» смогли ненадолго зайти в порт Монемвасии по пути из Корона в Константинополь[17]. Впрочем, посещение венецианцами портов византийской Мореи было редким явлением. Разрешая грекам Мистры торговать в Короне и Модоне, Венеция предписывала своим гражданам сосредотачивать торговую активность в названных портах Мессении[18].

Стремясь ускорить ритм навигации, Сенат определял короткие сроки стоянки галей в Короне и Модоне: до одного[19] или до двух[20] дней. Лишь для тяжелых парусных судов — кокк, посылавшихся изредка в вояжи вместо галей «линии», назначались большие сроки стоянки: до трех[21] или даже до 6[22] дней. Это объяснялось иным, более продолжительным характером погрузки и оснащения.

Галеи «линии» на всем протяжении маршрута до Константинополя плыли, как правило, единой эскадрой, не отдаляясь друг от друга на большое расстояние. Этим обеспечивалась их большая безопасность. Такие меры были выработаны еще до начала регулярных «вояжей» государственных галей на Левант и в Причерноморье. Вене-

[13] SM, XLVIII, f. 150v–151v: 7–9/ VI 1410.

[14] SM, XXVII, f. 88r: 21/VII 1356; SM, XXVIII, f. 48r-v: 12/V 1358; SM, XXIX, f. 1r-v: 30/IV 1359, f. 74v–75v (RS, N 365): 2/VII 1360; SM, LIII, f. 48r–51v: 1/VI 1420; SSCF, IV, f. 24v, n. 88; SM, LIX, f. 52r–53r (RS, N 2349): 28/V 1434.

[15] SM, XVII, f. 112v (*Blanc.* P. 59; RS, N 81): 29/XI 1338. О ярмарке см.: *Lampropoulou A. I.* Οι πανηγύρεις στην Πελοπόννησου κατα τη μεσαιωνική εποχή // Η Καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1989. Σ. 291–310.

[16] RS, N 129: 23/VI 1341.

[17] *Fenster E.* Zur Fahrt der venezianischen Handelsgaleeren in das Schwarze Meer 1362 // BS, 1978. T. XXXIX, fasc. 2. P. 165–166; doc. 3, S. 171: 15/VIII 1362.

[18] RS, N 812: 21/III 1392.

[19] SM, LVIII, f. 58v–60r: 27/VI 1431; f. 116r–118r: 6/V 1432; f. 202r–204v (RS, N 2319): 16/V 1433; SM, LIX, f. 158r–159v: 21/V 1436; SM, LX,f. 11r–12v: 14/V 1437; f. 147r–148r: 30/V 1439; ASV, Senato, Mar (далее — SMar), I, f. 27v–29r: 31/III 1441; f. 90v–92v: 28/IV 1442; SMar, II, f. 3r–4r: 8/V 1444.

[20] SM, XLVI, f. 85v–86r: 31/V 1403; f. 138r-v: 14/VI 1404; SM, XLVIII, f. 85v–88v: 9–10/VI 1409: SM, LVI, f. 99r–101r: 6/VI 1427.

[21] SM, XLV, f. 53r-v: 11/II 1401.

[22] SM, LI, f. 120v: 10/IV 1411.

ция регламентировала и частную навигацию, требуя, чтобы купеческие суда составляли общие караваны для плавания в Эгейском море, шли «de conserva». Корон и Модон и были теми пунктами, где составлялись такие конвои под единым командованием. Кастелланы Корона и Модона совместно с Советом XII решали, должны ли частные суда или галеи «линии» идти de conserva и до какого пункта — от Модона к Константинополю и от Модона — в Венецию[23]. В Короне и Модоне к каравану галей Романии могли присоединяться и частные суда. Иногда от Венеции до Модона или до мыса Малея в общем караване могли следовать суда разных «вояжей», к примеру, Кипра и Черного моря[24]. Но такая практика, отмеченная для первой половины XIV в., затем отмирает с установлением разных сроков отплытия галей разных «вояжей».

Сложившейся системой было сопровождение торговых галей Романии—Черного моря в Адриатике и Эгеиде специальной патрульной эскадрой Гольфа под командой капитана Гольфа или одного из его помощников — супракомитов. Это делалось для защиты от нападений на венецианские суда пиратов или противников (генуэзцев, каталанцев, турок) в Эгеиде. Типичное решение по этому вопросу было принято Сенатом 16 июля 1336 г.: капитан Гольфа должен был сопровождать торговые галеи до Модона. Прибыв туда, он проводил совет с капитаном галей Черного моря, с кастелланами Модона и советниками об условиях дальнейшей навигации. В случае необходимости, эскорт продолжался до Негропонта, где собирался аналогичный совет и, если он считал это необходимым, патрульные и торговые суда плыли далее вместе до Константинополя. Модон был первым пунктом контроля для эскорта[25]. В 1336 г. военно-стратегическая ситуация осложнялась враждебными действиями 22 судов генуэзских гвельфов. Желая обезопасить галеи возвращавшиеся из Черного моря, Сенат поручил кастелланам Корона и Модона, а также капитану галер Гольфа усилить патрульную эскадру Гольфа торговыми галеями кипрского вояжа и послать общий флот к проливам[26]. В годы войны торговым судам запрещалось плыть далее Модона до прибытия туда командующего венецианским военным флотом — генерального капитана

[23] SM, XLVIII, f. 58v: 15/III 1409; SM, LIV, f. 23r: 21/IV 1422; SMar, II, f. 134r-v: 16/III 1446.

[24] Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato), Serie 'Mixtorum. Vol. 1: Libri I–XIV/ a cura di *R. Cessi e P. Sambin*. Venezia, 1960 (далее — DS), lib. VII, N 338, P. 273: август 1323; SM, XVII, f. 74r–75r (*Blanc*, P. 45–48): 8/V 1337.

[25] SM, XVII, f. 62r (*Blanc*, P. 40; RS, N 70): 16/VII 1336. Аналогичные решения: SM, XIX, f. 29r (*Blanc*, P. 71): 27/VII 1340; SM, XLVI, f. 92v–93v: 20/VII 1403. В 1403 г. из-за турецкой угрозы галеи не смогли плыть далее Модона. По решению совета в Модоне, товары были сгружены в этом порту и Сенат разрешил доставить их назад в Венецию без уплаты суммы фрахта: ibid., f. 103r (публикация: *Bertelé T.* Moneta veneziana e moneta bizantina (secc. XII–XV) // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. T. 1, parte 1. P. 51): 21/IX 1403.

[26] Ibid., f. 65v (*Blanc*, P. 42): 20/IX 1336.

Моря. Лишь он мог составить караван судов и сопровождать его до Константинополя[27]. Именно из Модона Венеция получала оперативную информацию о действиях флотов противника и предложения о необходимых мерах безопасности[28]. Этой информацией руководствовались и капитаны военных флотов Республики Св. Марка[29]. Корон и, особенно, Модон, были военными базами Венеции на Пелопоннесе. Галеи Гольфа, особенно когда на самом Пелопоннесе было неспокойно, не могли надолго покидать Модон[30]. Оттуда же координировались действия по борьбе с пиратством[31]. При нападении турецких пиратов на венецианские суда в Эвбейском проливе им предписывалось избирать другой маршрут (через пролив Серифос) и перегружать товары для Негропонта на патрульные галеры с торговых галей вояжа Романии[32].

Постановления о сопровождении торговых галей только до Корона/Модона принимались редко, и то с оговоркой о возможном продлении эскорта[33]. Более типичным вариантом было предписание о сопровождении сразу минимум до Негропонта[34], или чаще — до проливов и Константинополя[35]. Порты Пелопоннеса не стали конечным местом патрулирования. Напротив, иногда от Модона, а не от портов Адриатики, начиналось совместное плавание галер Гольфа или иных судов сопровождения и вооруженных торговых галей Романии — до Тенедоса или Константинополя[36]. От Модона на патрульных галерах доставлялись в случае опасности и высшие венецианские оффициалы

[27] SM, LV, f. 98v (частично отражено в RS, N 1974): 16/III 1425.

[28] RS, N 2720: 21–23/VI 1446 (действия османского флота).

[29] SSecreta, XII, f. 3r-v: 7/VIII 1431; f. 108r–109v (RS, N 2294; *Sathas C.* Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. Paris, 1880. T. 1. P. 193–197): 5/VIII 1432 (действия против генуэзцев в Черном море).

[30] SM, LII, f. 37r (RS, N 1664): 25/VII 1417.

[31] SM, XIX, f. 83r (*Blanc*, P. 50–51): 18/VIII 1337; f. 87v (*Blanc*, P. 52): 20/X 1337.

[32] SM, XX, f. 49r-v (*Blanc*, P. 86–88): 27/IV 1342. Некоторая модификация решений: SM, XX, f. 70v–71r (*Blanc*, P. 90–91): 17/VII 1342; f. 71v (*Blanc*, P. 91): 23/VII 1342. Аналогичные решения принимались и в 1343–44 гг.: SM, XXI, f. 45v–46v (*Blanc*, P. 98–99): 12/VII 1343; SM, XXII, f. 24r–25r (*Blanc*, P. 113–114): 20/V 1344.

[33] См. выше, а также: SM, XXI, f. 45v–46v (*Blanc*, P. 98–99): 12/VII 1343; SM, XXX, f. 10r: 23/VII 1361; SM, XLVII, f. 125v (*Noiret H.* Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 à 1485 tirés des Archives de Venise. Paris, 1892. P. 83): 23/VII 1407.

[34] SM, XIX, f. 29r (*Blanc*, P. 71): 27/VII 1340; SM, XXXI, f. 103v: 25/VII 1365 (сопровождение до Негропонта с возможным продлением маршрута до Авидоса и Константинополя).

[35] SM, XXI, f. 36v (*Blanc*, P. 96): 15/V 1343; SM, XXVI, f. 12r-v (RS, N 239): 6/IV 1350; SM, XXXII, f. 1r (RS, N 435): 20/VII 1366; SM, XLIII, f. 73v (RS, N 881): 23/VII 1395; SM, XLIX, f. 37v (RS, N 1431): 24–28/ VII 1411; ASV, Senato, Secreta (далее — SSecr.), X, f. 172v–173r (RS, N 2109): 3/VIII 1428; SMar, I, f. 106v–107v (RS, N 2583): 21–22/VII 1442; SMar, II, f. 92v–93r: 24/VII 1445 и др.

[36] SM, XLVIII, f. 63v–64r (RS, N 1348): 28/III 1409.

факторий к месту службы (как, например, подеста Навплия или байло и провведиторы Негропонта)[37]. С другой стороны, кастелланы и другие оффициалы Корона и Модона могли доставляться к месту службы на торговых галеях Романии—Черного моря[38].

Меры безопасности не ограничивались патрулированием торговых галей. В критических ситуациях кастелланам Корона и Модона поручалось поставлять на галеи и кокки дополнительные отряды воинов-арбалетчиков (баллистариев) с последующим погашением расходов за счет фрахта и иных поступлений[39]. Кастелланы следили за снабжением торговых и военных галей продовольственными запасами[40]. Так например, в 1332 г. капитан галей Романии должен был взять в Модоне сухари, необходимые для военного флота, действовавшего против турок, и доставить их на Негропонт[41]. Хлеб в Модон привозили либо из прилегающих областей Пелопоннеса, либо с Крита[42], либо даже из Венеции[43]. Нередко, особенно в XV в., сами порты Пелопоннеса испытывали голод и тогда провиант доставлялся морем. Кастелланы Корона и Модона должны были также давать все необходимое обеспечение торговым судам, вынужденным зимовать в причерноморских областях и возвращавшимся затем в Венецию. Такие ситуации, впрочем, были редки[44]. Меры безопасности включали предписание капитану галей Романии иметь специального лоцмана для плавания в Эгеиде до того времени, как караван покинет порты Модона или Негропонта[45].

Борьба с пиратами также была постоянной заботой кастелланов. В 1352 г. к борьбе с турецкими пиратами присоединились папство и Ахейское княжество, делившие с Короном и Модоном расходы по вооружению и содержанию военных и транспортных судов[46]. В конце XIV–XV в. угроза турецких нападений на южный Пелопоннес и на венециан-

[37] SM, XLVII, f. 59r (RS, N 1225; *Sathas C.* Documents... Paris, 1882. T. 2. P. 144): 15/VII 1406 (турецкие пираты опустошали окрестности Монемвасии и создавали угрозу как навигации вокруг Пелопоннеса, так и сухопутным коммуникациям в его прибрежной полосе). RS, N 1386: 5/VIII 1410; N 1537: 19/VII 1414; N 1776: 14/VI 1420; N 2224: 27/I 1431; N 2348: 12/IV 1434; N 2557: 9/IX 1441.

[38] SM, LII, f. 151r (*Sathas C.* Documents... T. 3. P. 193): 13/II 1419 (кастелланы); f. 155v (*Sathas C.* Documents... T. 3. P. 196): 17/III 1419 (проведитор Модона).

[39] SM, XLVIII, f. 3v–4r (RS, N 1302): 17/IV 1408 (по 12 дополнительных баллистариев на каждую из двух кокк, идущих в Тану, ввиду турецкой угрозы в округе Модона и далее в Романии); SMar, VI, f. 6v–7r: 26/III 1457 и др.

[40] Напр.: *Thiriet F.* Délibérations des Assemblées Vénitiennes concernant la Romanie. Paris—La Haye, 1966. T. I (далее — DA), N 129: 30/III 1307; N 168: 10/III 1309; N 215: 20–29/V 1310.

[41] SM, XV, f. 24v (RS, N 23): 20/VII 1332.

[42] Напр.: RS, N 252: 3/II 1351.

[43] Напр.: RS, N 595: 26/II 1378.

[44] SM, LVIII, f. 32r (*Sathas C.* Documents... T. 3. P. 395): 4/II 1431.

[45] SSCF, IV, f. 24v, N 91.

[46] RS, N 256: 24/VII 1352.

ские суда на всем маршруте Эгеиды еще более усилилась. Особые меры безопасности вновь осуществляла администрация Корона и Модона, а также Навплия[47]. Галеотта Навплия обеспечивала, наряду с патрульными судами Гольфа, безопасность плавания в прилегающей акватории[48].

Кастелланы Корона и Модона (наряду с байло Негропонта и Константинополя, консулом Таны и дукой Крита) исполняли также функции таможенного, полицейского и санитарного надзора за навигацией судов «линии». Они следили за выполнением предписаний Сената, чтобы серебро и драгоценные металлы и товары перевозились в Романию и на Левант не на невооруженных судах, но лишь на галеях «линии»[49]. Они же проверяли комплектность экипажа и достаточность вооружений на галеях, особенно в тех случаях, когда кораблю приходилось довооружаться в Истрии и Далмации[50]. В случае эпидемий чумы на Леванте и в Причерноморье, в Модоне проверялись суда возвращавшиеся в Венецию из пораженных эпидемией областей. Если кто-либо из членов экипажа или пассажиров умирал до прихода корабля в Модон, судно ставилось на карантин в Истрии с запретом до назначенного срока плыть в Венецию[51].

Транспортировка ценных грузов была привилегий аукционных галей «линии» и защищалась обязательным повышенным фрахтом, включавшим гарантии безопасности[52]. До того, как система регулярных вояжей на Левант и в Причерноморье сложилась окончательно, эту функцию осуществляли вооруженные самим государством суда. Купцы, желая гарантировать доставку сгруженных в Модоне дорогих, но не подпадавших под категорию «sottili», товаров с Леванта, подавали специальные прошения дожу и Сенату с просьбой разрешить доставить их на вооруженных коммуной галеях. Так поступили, например, в 1307 г. Паоло и Марко Морозини, просившие от имени купеческой компании доставить из Модона сгруженный там хлопок[53]. Корон и Модон начинали играть роль распределительных центров и регуляторов товаропотоков из Причерноморья, Константинополя, Нижней Романии — в Венецию. Привозимые туда товары одним вояжем галей (например, Александрии и Кипра) через определенное время доставлялись в Венецию судами другого вояжа (Романии—Черного моря или специальными судами)[54]. Так например, в

[47] RS, N 784: 21/II 1391; SMar, I, f. 100v: 30/VI 1442.

[48] RS, N 1326: 14/XI 1408.

[49] Напр.: SM, XXI, f. 45v–46v (*Blanc*, P. 98–99): 12/VII 1343.

[50] SM, LX, f. 57v (RS, N 2460): 14/II 1438; f. 161r: 20/VII 1439.

[51] SM, LIX, f. 137r (RS, N 2402): 27/XII 1435.

[52] SSCF, IV, f. 23r, N 71.

[53] *Minotto D.* Chronik der Familie Minotto. Beitrage zur Staats- und Kulturgeschichte Venedigs. Berlin, 1901. Bd. 1. S. 159: 5/IX 1307.

[54] Напр.: SM, XXXII, f. 52r–53r: 21/V 1367; SM, XXXIV, f. 45v: 22/IV 1373; SM, XLIII, f. 63r–v: 27/V 1395; SM, XLIII, f. 109v–110r: 18/II 1396; SM, XLV, f. 99v (RS, N 1024): 23/VIII 1401; SM, XLVI, f. 85v–86r: 31/V 1403; f. 138r–v: 14/VI 1404; SM, XLVII, f. 55r–v: 14/VI 1406; f. 116v–117r: 30/V 1407; RS, N 2104: 12/VIII 1428; RS, N 2176: 10/I 1430; RS, N 2458: 23/I 1438 и др.

1339 г. Сенат утвердил правило, по которому, если галеи Романии — Черного моря прибывали в Корон ранее галей Кипра, они не имели права брать на борт в Короне грузы, предназначенные для транспортировки на вооруженных галеях. Однако если они прибывали после галей Кипра, они могли брать в Короне все грузы, не поместившиеся на галеи Кипра и доставлять их в Венецию[55]. Целью такой регламентации было нормирование уплаты фрахта и регулирование аукционных платежей (инканти) галей разных вояжей. Если галеи Романии сильно опаздывали с прибытием в Модон, то вопрос о доставке ценных грузов из этого порта решался Сенатом специально и для этого либо посылалась специальная галея[56], либо это поручалось сделать иному каравану судов (например, Крита)[57]. В начале XV в. практика изменилась: галеи Романии прибывали в Модон раньше галей Кипра–Александрии и последние могли брать излишки товаров, оставленных в Модоне для транспортировки в Венецию. Если какая-та часть ценных грузов после этого все еще оставалась в Модоне, они могли быть перевезены в Венецию на частных судах[58]. В любом случае Модон был важным этапом, поворотным пунктом товаропотоков со специальной регламентацией порядка погрузки[59].

Корон и Модон рассматривались как пункты догрузки и перераспределения товаров между судами разных вояжей, особенно в тот период, когда черноморская торговля испытывала кризис и суда возвращались из Таны, Трапезунда и Константинополя полупустыми[60]. Суммы инканти тогда резко падали и, чтобы заинтересовать патронов в аукционе и повысить инканти, Сенат был вынужден вводить особое правило, по которому в пределах определенного фиксированного срока все товары типа sottile, доставленные в Модон из Сирии, Александрии и Причерноморья могли перевозиться в Венецию исключительно на галеях Романии[61].

В годы кризисов и войн, когда черноморские фактории венецианцев были на время отрезаны от метрополии, находившиеся там куп-

---

[55] SM, XVIII, f. 19r (*Blanc*, P. 59–61): 3/IV 1339. Аналогичное постановление: SM, XXIV, f. 59v: 3/II 1348.

[56] RS, N 564: 22/VII 1374; SM, LI, f. 85v (*Sathas C.* Documents... T. 3, P. 123): 4/I 1416.

[57] SM, XXXI, f. 80r (RS, N 421): 15/XII 1364.

[58] SSCF,IV, f. 22r, N 68.

[59] SM, XLVIII, f. 85v–88v: 9–10/VI 1409; f. 92v: 6/VII 1409; SM,XLIX, f. 30r–31r: 13/VI 1411; f. 116v–118r: 13/VI 1412; SM, LIII, f. 48r–51v: 1/VI 1420 и др.

[60] SM, XXVII, f. 88r: 21/VII 1356; SM, XXVIII, f. 48r–v: 12/V 1358; SM, XLIV, f. 4r–v: 14/VI 1397; f. 79v–80v: 7/I 1399; f. 107v: 19/VI 1399 (догрузка в Короне и Модоне товарами Нижней Романии при уплате 3/5 обычного фрахта); SM, LVIII, f. 58v–60r: 27/VI 1431; SM, LX, f. 11r–12v: 14/VI 1437; SMar, I, f. 170r–171v: 10/V 1443; SMar, II, f. 3r–4r: 8/V 1444 и др.

[61] SM, XLIII, f. 128v–129r: 25/V 1396; f. 131r–v: 29/V 1396; f. 132v–133v: 3/VI 1396; SM, XLIV, f. 4r–v: 14/VI 1397; f. 44v–45r: 13/VI 1398.

цы нередко просили власти Республики доставить их и принадлежащие им грузы на специальных военных кораблях. Такое прошение, например, рассматривалось Сенатом в 1351 г., во время войны с Генуей. По предложению комиссии «мудрых» было решено поручить капитану объединенного военного флота Венеции и ее союзников (в их числе была и Византия) отправить часть венецианских или греческих галей в Тану и перевезти товары и людей в Константинополь с разрешением доставить их в Корон. Все грузы следовало тщательно зарегистрировать и дальнейшая перевозка их в Венецию могла быть произведена только по специальному разрешению Сената[62]. Здесь преследовалось сразу две цели — обеспечение безопасности и регламентация товаропотоков.

Роль портов Пелопоннеса как распределительных центров усиливалась и тем, что купцы нередко предпочитали брать товарные эквиваленты для обмена в Причерноморье не в Венеции или Далмации, а в портах Мессении, снижая расходы на фрахт и, возможно, выигрывая в ценах. В городах Пелопоннеса на борт брали также наличные деньги и иные средства платежа[63].

Среди основных дорогостоящих товаров, доставлявшихся в Модон, Корон и Кларенцу (особенно когда прямое сообщение Венеции с Причерноморьем при посредстве галей «линии» отсутствовало) были шелк и красители[64]. В конце XIV в. только до Модона или Кандии разрешалось, и то в виде исключения, доставлять рабов из Причерноморья на вооруженных галеях. Общее правило предусматривало запрет транспортировки рабов на галеях[65]. В последующие годы XV столетия разрешения на доставку рабов на галеях из Причерноморья, притом сразу в Венецию, даются свободнее[66].

При благоприятной торговой конъюнктуре, которая была в первой половине XIV в., галеи возвращались из Причерноморья с достаточным количеством грузов. Тогда Сенат стремился ограничить дополнительную погрузку в портах Негропонта и Пелопоннеса. На галеи этого вояжа для доставки в Венецию дозволялось принимать лишь товары и продукты местного производства[67]. В условиях, когда навигация галей «линии» была затруднена или невозможна или когда галеи не могли перевезти всех, даже наиболее ценных товаров, эти грузы доставлялись из Таны, Романии, Александрии и Кипра в Мо-

[62] SM, XXVI, f. 63r: 23/VI 1351.

[63] Напр.: SM, XXIX, f. 1r-v: 30/IV 1359; SM, LIV, f. 140v–142r: 29/I 1400; SM, XLV, f. 53r-v: 11/II 1401; f. 131r–134r: 28/I 1402.

[64] SM, XLIV, f. 110v–111r: 19–21/VI 1399; f. 141r-v: 29/I 1400; SM, XLV, f. 53r–v: 11/II 1401; SM, LIII, f. 48r–51v (RS, N 1773): 1/VI 1420; f. 150r–151r: 7/VI 1421; SM, LX, f. 147v: 30/V 1439; SMar, I, f. 27v–29r: 31/III 1441; f. 90v–92v: 28/IV 1442 и др.

[65] SM, XXXVIII, f. 49r: 27/VI 1383 (разрешение на 30 рабов); f. 131v–133v: 2/VI 1384 (на 40 рабов).

[66] См. *Карпов С. П.* Путями...

[67] DS, lib. XIII, N 136–137, P. 123· август 1323.

дон на частных судах и оттуда перевозились в Венецию на галеях Романии, сохранявших свои привилегии и право на дополнительный более высокий фрахт[68]. Такой же порядок был предусмотрен и в случае отправки государством в Черное море кокк вместо галей[69]. В тех случаях, когда ценные грузы доставлялись из Модона и Корона в Венецию на частных судах, все равно взимался повышенный привилегированный фрахт в пользу галей «линии»[70]. Когда в начале XIV в. спрос на доставку грузов из Причерноморья и Константинополя превышал предложение транспортных средств, венецианским купцам разрешалось даже фрахтовать генуэзские суда, но лишь до Корона и Модона, где товары перегружали на венецианские корабли[71]. Затем эта практика сходит на нет: риск был слишком велик, а вояжи галей и венецианских частных судов в целом обеспечивали потребности во фрахте.

Наконец, Модон и Корон были теми портами, где могло регулироваться взимание фрахта или устанавливаться его нормы, если уплата его не совершалась ранее, в Венеции[72]. В этом случае, ставка фрахта существенно повышалась. Например, в 1386 г. курс 1 дуката в Венеции составлял ок. 80 сольди (или 4 лиры) пикколи[73]. Фрахт же при его уплате в Модоне исчислялся из 4,5 лир за дукат. Представим дальнейшие изменения курса и исчисления фрахта в виде таблицы:

Дата	Источник	Курс дуката в Венеции (в *сольди пикколи*)	Норма фрахта
24/V 1386	SM, XL, f. 29v	80	90
3/VI 1389	SM, XLI, f. 9v–10v	82	100
14/VI 1390	SM, XLVI,f. 84r–85r	80–84	100[74]
27/V 1395	SM, XLIII, f. 63r–v	81–82	105
14/VI 1397	SM, XLIV, f. 4r–v	88–89	100
14/VI 1404	SM, XLVI, f. 138r–v	91–92	125
14/VI 1406	SM, XLVII, f. 55r – v	93	125
13/VI 1411	SM, XLIX, f. 30r–31r	100	130
13/VI 1412	SM, XLIX, f. 117v–118r	100	130
18/VI 1414	SM, L, f. 119v–121r	100	130
16/VI 1419	SM, LII, f. 175r–176r	100	140

[68] SM, XXXI, f. 59v–60v: 7/V 1364; SM, XXXVIII, f. 45v: 18/VI 1383; f. 131v–133v: 2/VI 1384; ASV, V Savi alla mercanzia, 22Ter, f. 13v.

[69] SM, XLVI, f. 31r: 3/VII 1402.

[70] SSCF, IV, f. 24r–v, N 86.

[71] DS, lib. IV, N 320, P. 173: май 1317.

[72] См. *Карпов С. П.* Путями...

[73] Курс дуката в *сольди пикколи* см. в: *Lane F., Mueller R. C.* Money and banking in Medieval and Renaissance Venice. Baltimore; London, 1985. Vol. 1. P. 573–617; *Spufford P.* Handbook of medieval exchange. London, 1986. P. 81–84.

[74] Такая же норма фрахта сохранялась в 1391–94 гг.: SM, XLI, f. 142r: 3/VI 1391; SM, XLII, f. 62v: 1/VI 1392; f. 113r: 29/V 1393; SM, XLIII, f. 8r: 4/VI 1394.

При существовании такой системы взимания фрахта он, как видим, существенно повышался при отсрочке уплаты и при погрузке в Модоне. Иногда долю фрахта галей Романии–Черного моря Сенат разрешал использовать для починки укреплений и мола Модона, заботясь об обеспечении судоходства[75].

Очевидно, что венецианские порты Мессении, как и Негропонта, были опорными базами навигации, местом контроля, сбора информации и принятия важнейших решений по осуществлению и охране плавания вплоть до черноморских проливов. Они были основными распределительными центрами встречных товаропотоков в Восточном Средиземноморье в целом и рубежами в исчислении фрахта по всему маршруту. Они как бы отмечали конец первого этапа плавания к черноморским берегам и начало последнего — при возвращении. Наконец, они играли существенную роль в снабжении судов провиантом, такелажем, вооружением. Навплий, Монемвасия, Кларенца были резервными и вспомогательными портами для венецианской навигации галей «линии», преимущественно с конца XIV в., когда они вошли в состав венецианских владений на полуострове.

Венецианский документ XV в. о торговой навигации в Восточном Средиземноморье[1]

К 40-м годам XV в. Венеция уже доминировала в левантийской торговле, существенно потеснив генуэзцев и других конкурентов на рынках Ближнего Востока[2]. Уже давно изменились географические приоритеты венецианской коммерции: на смену Романии и Причерноморью пришли порты Сирии и Египта, откуда в Европу все в больших количествах доставлялись специи, шелк и хлопок — ценное сырье для текстильной промышленности Запада[3]. Папские запре-

[75] SM, LI, f. 3v (*Sathas C.* Documents..., T, 3. P. 100): 7/III 1415.

[1] Первоначальная публикация: ВВ. 1991. Т. 52. С. 255–260.

[2] См.: *Ashtor E.* L'apogée du commerce vénitien au Levant: Un nouvel essai d'explication // Venezia: Centro di mediazione tra Oriente e Occidente (secoli XV–XVI). Firenze, 1977. T. 1. P. 307–326.

[3] *Ashtor E.* Levant trade in the later Middie Ages. Princeton, 1983; *Idem*. East-West Trade in the Medieval Mediterranean. L., 1986: *Idem*. Studies on the Levantine Trade in the Middle Ages. L., 1978; *Heers J.* Il commercio nel Mediterraneo alla fine del sec. XIVe nei primi anni del XV // Archivio Storico Italiano. 1955. T. 113, N 2. P. 157–209; *Idem*. Les Italiens et l'Orient Mediterranéen à la fin du Moyen Âge // VI Congreso de Historia de la Corona de Aragon. Madrid, 1959. P. 165–173; *Mazzaoui M. F.* The Italian Cotton Industry in the Later Middie Ages, 1100–1600. N. Y., 1981. P. 22–23; *Thiriet F.* Études sur la Romanie Gréco- Vénitienne (Xe–XVe ss.). L., 1977. N 8.

ты на торговлю с мамлюкскими владениями, сурово каравшие за нарушение эмбарго в XIV в., становились достоянием истории[4].

Для обеспечения перевозок венецианцы использовали как галеи, так и парусные, «круглые» суда. На галеях, объединяемых в караваны, шедших под охраной военно-морских судов, перевозили в основном специи, сукно, шелк, драгоценности, меха и другие подобные дорогие и «легкие» товары. Галеи обеспечивали сравнительно быструю и безопасную доставку грузов, но стоимость фрахта на них была вдвое выше, чем на больших парусных кораблях. Ряд товаров (прежде всего перечисленные выше) разрешалось перевозить только на построенных и оснащенных государством галеях «линии», шедших по строго определенному Сенатом Венеции маршруту. Более дешевые и «тяжелые» грузы (сырье, зерно, соль, вино, квасцы, масло, а также рабы) транспортировались преимущественно на частных «круглых» судах, нередко в XV в. грузоподъемностью до 500–700 т.[5] Было бы, однако, неверно думать, что подобные перевозки были делом исключительно собственников судов и грузов. Венецианское государство распространяло и на эти корабли меры по регламентации навигации. Эти меры не были столь же суровы, как для галей «линии», но в ряде случаев копировали некоторые принципы, утвердившиеся для торговых галей. Начиная с XIII в. венецианские статуты по навигации определяли нормы погрузки и разгрузки судов, стандарты оснащения, состав и количество экипажа судна в зависимости от его типа и водоизмещения, нормы снабжения экипажа продовольствием и т. д. Заботясь о безопасности навигации, венецианское государство поручало иногда охрану торговых парусных судов военному флоту и регламентировало отправку их в составе единых караванов (de conserva) под командой назначенного в Венеции капитана (командующего флотом). Так поступали при очевидной угрозе нападения на венецианские корабли. Все суда конвоя были обязаны плыть в порт назначе-

[4] Ср.: *Ashtor E.* Levant Trade... P. 17–103; *Labib S. Y.* Handelsgeschichte Aegyptens im Spatmittelalter (1171–1517). Wiesbaden, 1965. S. 64–80.

[5] См. о венецианской навигации: *Lane F.* Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance. Baltimore, 1934: *Idem*. Venice and History. Baltimore, 1966; *Idem*. Venice: a Maritime Republic. Baltimore; L, 1973; *Idem*. Le Navi di Venezia. Torino, 1983; *Pryor J.* Commerce, Shipping and Naval Warfare in the Medieval Mediterranean. L., 1987; *Sottas J.* Les messageries maritimes de Venise aux XIVe et XVe siècles. P., 1938; Thiriet F. Etudes...; *Hocquet J.-Cl.* Le Sel et la fortune de Venise. T. 2: Voiliers et commerce en Méditerranée, 1200–1650. Lille, 1982; *Idem*. I meccanismi dei traffici // Storia di Venezia dalle origini alla caduta della Serenissima. Venezia, 1997. T. 3. P. 529–616; *Карпов С. П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; *Stöckly D.* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe–milieu XVe siècle). Leiden- N. Y. -Köln: E. J. Brill, 1995 [The Medieval Mediterranean. Peoples, Economies and Cultures. 400–1453. Vol. 5]; *Талызина А. А.* Принципы и методы навигационной политики Венецианского Сената XIII – первой половины XV в. Автореф. канд. дисс. М., 1997.

ния и обратно вместе без права покидать общий караван. Капитан получал в Венеции поручение (инструкцию) по осуществлению навигации и отвечал за безопасность всех судов. Жизнь, однако, вносила свои коррективы. Бури, плохая видимость, нападения врагов и пиратов, просто разные мореходные качества отдельных судов приводили к тому, что парусники могли отдаляться друг от друга на более или менее значительное расстояние. Они должны были в этом случае соединиться с остальным караваном в ближайшем порту, покидать который до их прибытия конвой не имел права. Один из таких эпизодов, потребовавший неординарных решений, и зафиксирован в публикуемом ниже документе.

Документ этот происходит из западноевропейской секции Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (кол. 6. Венеция, карт. 195, док. №18). Текст написан на бумаге с филигранью, изображающей леопарда (тип: Briquet. 1907. T. 3. № 7891), венецианского производства около 1431 г. Состояние документа очень хорошее. Тип письма — итальянский канцелярский курсив XV в. Акт датирован 1 июля 1443 г. Он был составлен в Модоне на венецианском диалекте и содержит скрепу нотария — канцлера Модона Себастиано Борса. Документ подлинный. По содержанию — это Постановление Совета Двенадцати (административной ассамблеи) города Модона на Пелопоннесе, принятое по просьбе и предложению капитана торговых судов, совершавших плавание de conserva из Сирии в Венецию.

Политическая ситуация в бассейне Восточного Средиземноморья в тот год была сложной. В ответ на рост османской экспансии 1 января 1443 г. папской буллой был провозглашен антиосманский крестовый поход, в который папа Евгений IV пытался вовлечь и Венецию. Но если на Балканах войска крестоносцев одерживали победы, то формирование их флота шло с большим трудом[6]. Одна из главных баз строительства военных кораблей на Леванте — венецианский арсенал на Крите — сгорел, денег на его восстановление не хватало[7], и Сенат даже издавал запрет венецианским судам заходить на Крит[8], который являлся одним из узловых пунктов в системе коммуникаций Венецианской Романии. На Кипре венецианцы оказались втянутыми в торговые и территориальные споры с королем Жаном II Лузиньяном[9]. В Эгеиде свирепствовали пираты[10], а флот египетского султана осуществлял угрожающие маневры близ Родоса[11]. Вероятно, все

[6] *Cvetkova B.* La bataille mémorable des peuples. Sofia, 1971. P. 361–321; *Paviot J.* La politique navale des Ducs de Bourgogne 1384–1482. Lille, 1995. P. 105–151.

[7] *Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. P., 1961. T. 3. (Далее: RS). N 2599: 6. III 1443; N 2602: 27. IV 1443.

[8] RS, N 2609: 27. V 1443.

[9] RS, N 2606: 20. V 1443; 2613: 13. VI 1443.

[10] Ср.: RS. N 2629: 6. II 1444; N 2630: 8. II 1444.

[11] RS. N 2617: 4. IX 1443

это вместе и побудило венецианскую Синьорию требовать, чтобы венецианские парусные суда плыли в Сирию в составе специально организованного каравана de conserva. Подобная практика не была исключением, как и право властей венецианских факторий и колоний корректировать (по разрешению Сената) отдельные аспекты предписания по осуществлению навигации. Так, например, в 1422 г. две венецианских кокки должны были плыть в Тану. До Модона они были обязаны идти de conserva, а далее кастелланы Модона и Корона решали — продолжать ли такой тип навигации до Константинополя или же разделиться[12]. В публикуемом документе примечательно то, что Совет XII Модона мог и без разрешения Сената корректировать его решение и оправдывать действия капитана. Этим капитаном был опытный моряк Микеле Донато. Возможно, это тот самый человек, который десятилетием раньше был патроном вооруженной торговой галеи «линии», отправлявшейся в Тану и Трапезунд[13]. Когда по возвращении из Сирии близ Пелопоннеса две навы отделились от каравана, капитан принял решение в строгом соответствии с инструкцией: ждать их в Модоне. Но прошло 13 дней (срок достаточный, чтобы отставшие корабли могли прибыть в порт), а их не было. Напрасной оказалась и посылка небольшого патрульного судна-гриппы до лежащего к югу от Модона острова Китира: никаких сведений о навах не поступило. Зато прибывшие из Венеции и Сицилии в Модон суда, как сообщили их экипажи, возможно, встречали эти две навы у Ионических островов. Справедливо сочтя, что они ушли вперед, капитан просил Совет XII разрешить ему не ждать эти суда в Модоне и отплыть в Венецию с остальными кораблями, что и было единодушно решено этой ассамблеей.

Документ показывает роль Модона как узлового пункта в системе венецианских торговых коммуникаций. Современники не зря называли этот город «оком Романии». Он лежал на пути из Венеции в Эгеиду, Константинополь и Черное море, в Сирию, на Кипр и в Египет. Там встречались, а нередко и догружались галеи Нижней и Верхней Романии; там собиралась информация об условиях навигации в Восточном Средиземноморье, о состоянии торговли на рынках Леванта. Даже за короткий срок стоянки судов М. Донато в порт прибывали корабли из Венеции и Сицилии. В Модоне была небольшая, но активная торговая колония венецианцев[14]. Во главе управления городом стояли представители венецианского патрициата (подписи этих нобилей стоят и под нашим документом).

Публикуемый акт свидетельствует также о вывозе из Сирии хлопка в Венецию на венецианских больших парусных судах — навах.

[12] Archivio di Stato di Venezia. Senato, Misti. (Далее: SM), LIV. F. 23r: 21. IV 1422.

[13] RS, N 2282: 16. V 1432; SM. LVIII. F. 119r: 20. V 1432.

[14] См., например: *Luce S. B.* Modon — a Venetian Station in Mediaeval Greece // Classic and Mediaeval Studies in Honor of E. Kennard Raud. N. Y., 1938 (repr. 1968). P. 195–208; *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au moyen âge. P., 1975.

Многочисленные данные о такой торговле встречаются и в других источниках[15].

D(ominus) Jesus.
Parte prexa nel conseglio di XII. MCCCCXLIIIo di primo luyo, in Modon.

Cun zosia che per la commission fatta per la nostra illustrissima dogal signoria de Veniexia ecc. al spettabel misser Michiel Donado honorevel capetanio de le presente nave del viazo de Soria, lo zsia commandado chel debia andar e tornar in Veniexia de conserva con tute le nave del ditto viazo. Et de la ditta conserva el sia lontanade do nave, patroni luna ser Gaspar Longo, laltra ser Christofal Soligo. Et considerado esser zorni XIII chel ditto misser lo capet(ani)o ha demorado in questo porto de Modon, et haver mandado un gripo con elso armiraio fin a Cerigo a veder circa tuti quei luoghi che se podeva haver visto le ditte nave esser capitade. El qual ritornado ha referido haver cercado, visto et dimandado per tuto, et nulla haver trovado ne sentido de quelle. Apresso el se ha persentido per greparie vegnude de Veniexia zonte qui in Modon, et publicamente per el patro(n) e sta ditto haver visto do nave grosse circa la portada de queste altre, una sopra el Cavo del Ducato, laltra sopra el Paxu. Et ancor per un altra greparia vegnuda de Sicilia in questo porto, esta ditto esser sta verso la Cefalonia et in un porto esserli sta ditto chome do di avanti iera sta li una nave de Veniexia carga de gotoni, laquai vegniva de Soria et andava in Veniexia. Unde per le sopraditte caxon al ditto misser lo capetanio et a tuti i suo naveganti ha parso e par che le ditte do nave sia navegade avanti et chel non sia da dimorar più qui. Per tanto l'andera parte per beneficio de la marcadantia et marcadanti, con el nome de dio et più presto el sia possibele, el ditto misser lo capetanio se possi levar de questo porto et drezar el camin so verso Veniexia con el resto de le nave sono in questo porto de Modon, non ostante che la commission ditta diga chel debia andar de conserva con tute.

Questi sono del ditto conseglio:
misser lo capetanio preditto messe la parte;
misser Tomado Tiepolo
misser Bortolamio Contarini } consieri de Modon;
misser Iacomo Dandolo;
misser Carlo Malipiero capetanio del borgo de Modon;
ser Francesco Sanudo de misser Marin;
ser Piero Pisani condam misser Vettor;
ser Iac(om)o Zorzi de misser Carlo;
ser Ant(oni)o Marcello de misser Donado;
ser Iac(om)o Barbaro de misser Matio;

[15] Ср.: *Ashtor E.* Studies... N 7.

ser Zan Bafo de misser Aloixe;
ser Marco Iustinian;
ser Rosso Marin.
Omnes fuerunt de sic. Et pars fuit capta.
Sebastianus Bursa cancellarius Motoni suprascripsi.

Перевод:

Господи Иисусе!
Решение, принятое Советом Двенадцати 1 июля 1443 г. в Модоне.

Поручением, данным нашей славнейшей дожеской Синьорией[16] Венеции и т. д. почтенному миссеру Микьелю Донадо, высокочтимому капитану этих нав, плававших в Сирию, было предписано, что он должен отправиться и вернуться в Венецию, осуществляя совместную навигацию всех нав указанного плавания. И от указанного совместного каравана судов отделились две навы, патрон первой — сер Гаспар Лонго, второй — сер Кристофаль Солиго. И учитывая, что уже 13 дней указанный миссер капитан стоял в этом порту Модона, и отправил гриппу[17] со своим адмиралом[18] вплоть до Чериго[19], чтобы осмотреть почти все места, где он только мог обнаружить появление этих нав; и что тот, вернувшись, заявил, что искал, осматривал и расспрашивал повсюду, но ничего не нашел и не услышал о них; и что затем он был уведомлен гриппарией[20], идущей из Венеции и прибывшей сюда в Модон, и публично патроном[21] ему было сказано, что тот видел две больших навы, водоизмещением как те две, одну — близ Каво дель Дукато[22], другую — близ Паксу[23] и также, что (люди)

[16] Синьория — Малый Совет, состоящий из дожа, шести его советников и трех глав высшей судебной комиссии — Совета сорока (Кварантии). Готовила проекты решений для высших венецианских ассамблей — Большого Совета и Сената и обладала рядом функций исполнительной власти. Чаще всего предписания по осуществлению навигации давались от лица дожа, Сената и Синьории.

[17] Гриппа (грип, гриппо) — небольшое гребное судно, как правило, с одной мачтой. Использовалось для каботажных перевозок, рыболовства, а также в качестве патрульно-посыльного корабля.

[18] Адмирал — в венецианском флоте первый помощник капитана, выполнявший его наиболее ответственные поручения и следивший за дисциплиной экипажа судов. Капитан — командующий всей эскадрой судов (а не отдельным кораблем).

[19] Чериго — венец, название острова Китира.

[20] Грипария (грипарион) — небольшой одномачтовый транспортный корабль.

[21] Патрон — командир корабля, часто его владелец или один из владельцев, ответственный за осуществление навигации.

[22] Мыс о-ва Лефкас.

[23] Остров Пакси (Ионические острова).

другой гриппарии, прибывшей из Сицилии в этот порт, сказали, что когда она (эта гриппария. — *С. К.*) была у Кефалонии, в одном порту им сказали, что три дня назад там была одна венецианская нава, нагруженная хлопком, которая плыла из Сирии в Венецию, по вышеуказанным причинам этому миссеру капитану и всем его морякам казалось и кажется, что указанные две навы отплыли вперед и что нет смысла дольше здесь оставаться. По этой причине принимается решение ради блага торговли и торговцев, во имя Бога, чтобы указанный миссер капитан мог как можно быстрее отплыть из этого порта и держать свой путь в Венецию с оставшимися в этом порту Модона навами, невзирая на то, что в указанном поручении было сказано, что он должен был осуществлять совместную навигацию всех (нав).

Нижеследующие являются членами указанного Совета:

вышеупомянутый миссер капитан, который предложил это решение;

миссер Томадо Тьеполо
миссер Бартоламео Контарини
миссер Джакомо Дандоло;] советники модонские[24];

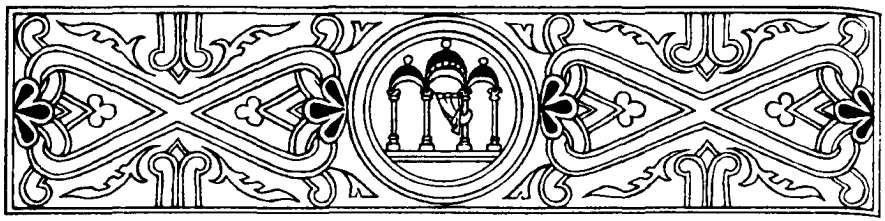
миссер Карло Малипьеро, капитан бурга Модона[25];
сер Франческо Санудо (сын) миссера Марина;
сер Пьеро Пизани (сын) покойного миссера Веттора;
сер Джакомо Дзордзи (сын) миссера Карло;
сер Антонио Марчелло, (сын) миссера Донадо;
сер Джакомо Барбаро, (сын) миссера Матио;
сер Дзан Бафо (сын) миссера Алоиза;
сер Марко Джустиниан;
сер Россо Марин.

Все были «за». И решение было принято.
Себастиано Бурса, канцлер Модона, подписал.

[24] Во главе администрации городов Корон и Модон стояли два венецианских кастеллана. Каждый из них имел по два советника.

[25] Командир гарнизона крепости Модона.

Часть 3

ЛЮДИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Итальянские «бароны» трапезундских императоров[1]

Слово «барон» в средние века значило нечто большее, нежели просто дворянский титул. С возникновением ленного строя баронами называли прямых вассалов короны, пэров (Англия, Иерусалимское королевство, Латинская империя и Франкская Греция) или особый слой знати в системе феодальной иерархии (Франция, Сицилийское королевство и др.).[2] В Северной Италии так обозначали представителей аристократии вообще, административной верхушки других государств, включая Золотую Орду и Византию. Западноевропейцы именовали «баронами» ордынских «беков» («князей»)[3]; в применении к византийцам титул «барон», как кажется, был коррелятом греческого *архон*. Так генуэзцы обозначали и трапезундскую знать[4]. Трапезундский посол в Геную в 1316 г. «благородный муж» *Affecasendi Doriamica* — (видимо, Доранит) был назван там греческим бароном — *grecus baro*[5]. Еще более высоких титулов удостоился другой трапе-

[1] Первоначальная публикация: ВВ. 1996. Т. 56 (81). С. 144–155.

[2] Lexicon des Mittelalters. 1980, Bd. I/8. S. 1476–1484. В Лексиконе, к сожалению, отсутствует характеристика термина для Северной Италии и Латинской Романии. См., в частности: Культура Византии. XIII–первая половина XV в. М., 1991. С. 20–22.

[3] См., напр.: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Ярлык Джанибека от 1342 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1992. Вып. XIV. С. 76.

[4] *Desimoni C.* Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // ASLSP. 1877–84. T. XIII, fasc. 3. P. 516: «...aliquis baronus vel officialis»; P. 518, 525: «...dominus imperator ratificabit... in presentia suorum baronum...»

[5] Ibid. P. 527.

зундский посол — знаменитый философ и протовестиарий Георгий Амирутци[6]: spectatus miles et comes[7]. Именование рыцарем и графом было следствием того, что Амирутци носил самый высокий титул в империи, из тех, что могли получить лица не царской крови[8]. Как видим, и здесь проявляется западная манера определять греческую аристократию привычными для себя категориями знатности. Также, как генуэзцы, мыслили и венецианцы. Один из «мудрых» Сената Фантино Аримондо предлагал в ходе морской экспедиции 1376 г. свергнуть трапезундского василевса Алексея III и заменить его венецианским «ректором», опираясь на местных «баронов», то есть архонтов: «cum voluntate baronum dicti loci». Предложение не прошло, но могущество понтийских «баронов», без содействия которых нельзя было достичь желаемого, было известно венецианским сенаторам[9]. Упоминание об оффициале или бароне императора (official o baron) по имени Aziathim, нанесшем оскорбление венецианскому байло, встречается и в документе Сената 1407 г.[10]

Но иногда в состав господствующего класса Трапезундской империи попадали сами «латиняне». Что происходило тогда с их социальным статусом, насколько органичным было их положение среди инородной элиты, наконец, сохраняли ли они свое прежнее гражданство, становясь подданными греческих василевсов? Решить эти проблемы во всем объеме при скудости имеющейся информации сложно, я попытаюсь лишь обозначить подходы к теме и предложить некоторые предварительные суждения, опираясь в основном на неопубликованные и неизвестные исследователям материалы Генуэзского Секретного архива.

---

[6] См. о нем, напр.: *Карпов С. П.* Трапезундский ученый Георгий Амирутци // ВИ. 1991. N 6. С. 195–199.

[7] Archivio di Stato di Genova (далее — ASG). Archivio Segreto (далее — AS) 1789. Litterarum, 13, f. 407(ex 396)v N 1386: 27/VI 1449; *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1900. T. VIII. P. 58.

[8] Ср. трапезундский клеторологий XV в.: *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / éd. Verpeaux J. Paris, 1966. App. V. P. 344 (доказательства трапезундского происхождения клеторология: *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos. London: Variorum, 1980. N III. P. 171, note 29; N V. P. 140, note 109; *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // АП. 1979. Т. 35. P. 311).

[9] Archivio di Stato di Venezia. (далее — ASV) Senato, Misti (далее — SM), XXXV, f. 100v–102r: 12/III 1376. Публикация части постановления: *Iorga N.* Veneţia in Marea Neagră // Analele Academiei Române. Ser. II. T. XXXVI: Memorile Sec. istorice. 1914. P. 1058–1062, ос. см. P. 1062. Об ук. конфликте см.: *Карпов С. П.* Венецианско-трапезундский конфликт 1374–1376 гг. и неизвестный мирный договор 1376 г. // ВВ. 1978. Т. 39. С. 102–109; *idem.* The Empire of Trebizond and Venice in 1374–76 (a chrysobull redated) // АП. 1979. Т. 35. P. 290–298.

[10] ASV, SM, XLVII, f. 127r : 24/VI 1407.

Еще в первом договоре византийского императора Мануила I Комнина с генуэзцами (1155 г.)[11] было четко оговорено, что генуэзцы в Византии, как и пизанцы, подсудны только своему консулу, но не императорскому суду[12]. Позднее было уточнено положение, что византийский император не должен был принимать генуэзца или лигурийца в «вассалы». Но под этим, как прямо разъяснено, например, в хрисовуле 1304 г., понималась лишь все та же подсудность генуэзцев исключительно собственным консулам или оффициалам и недопустимость нарушения этого правила[13], а отнюдь не запрет состоять на службе у иностранных государей. Этот же принцип зафиксирован и в договоре Трапезундской империи с Генуей 1314 г.[14]

Необходимо сразу сделать оговорку. Мы имеем дело с двумя типами отношений «латинян» с двором Великих Комнинов. В одном случае лица, поступая на службу к императору, наделялись титулами и должностями, натурализовывались в среде греческой знати, в другом — выполняли отдельные, чаще всего — почетные дипломатические поручения василевсов, видимо, не занимая административных постов.

В 1291 г. генуэзец Никколозио Дориа стоял во главе монетного двора Трапезунда (либо как назначенный императором чиновник, либо как откупщик)[15].

---

[11] См. о нем: *Balard M.*, La Romanie Génoise (XIIe-début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978., T. I. P. 22–26; *Origone S.* Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P. 87–88, 275.

[12] I Libri Iurium della Repubblica di Genova. Vol. I/1 / a cura di A. Rovere. Genova, 1992. P. 264.

[13] Liber Iurium Reipublicae Genuensis // Historiae Patriae Monumenta. 1857. T. IX. Col. 443: «Ita quod non recipere debeat de cetero imperium nostrum aliquem Ianuensem vel de districtu Ianue in vassalum ita quod eximatur et non esse debeat sub iurisdictione et examine potestatis vel consulis Ianuensis...»

[14] *Desimoni C.* Intorno... P. 516.

[15] *Cessi R.* La tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del sec. XIII // Archivio Veneto-Tridentino. 1923. T. IV. P. 55; *Caro G.* Genova e la supremazia sul Mediterraneo (1257–1311). Genova, 1975. T. 2. P. 175. Note 32, P. 391, N 75. В документе положение Никколо определено достаточно неопределенно, как «cuius ceche erat dominus»; «dicitur habuisse cecham in dicto loco». К нему обращались также желавшие осуществить обмен иностранной монеты на трапезундские аспры комнинаты. Г. Брэтиану и М. Балар отождествляют этого Никколо Дориа с владельцем дома в Трапезунде, у которого в 1292 г. английское посольство Дж. Лэнгли оставляло свой багаж: *Desimoni C.* I conti dell'ambasciata al Chan di Persia nel MCCXCII // ASLSP. 1879. T. XIII. P. 614. Ср.: *Bratianu G.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. P. 174; *Balard M.* La Romanie... T. 1. P. 134. Вполне вероятно, что глава монетного двора в 1291 г. тоже лицо, что и купец Николо Дориа, активно торговавший в Трапезунде в 1289/90 гг., в частности, доставляя в Каффу квасцы: *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. Paris; La Haye, 1973, NN 166, 167, 574; *idem.* La Romanie... T. 2. P. 775. Если принять обе идентификации (вполне вероятные и по хронологии, и по написанию имени), то будет очевидно, что опыт крупной коммерческой деятельности открыл Ни-

Знатные генуэзцы Гавино де'Маре и Сорлеоне Спинола в 1314 г. были послами трапезундского императора Алексея II в Геную[16]. Флорентийский нобиль Микеле Алигьери также был официальным представителем трапезундского императора и способствовал заключению договора Давида Великого Комнина с Флоренцией в 1460 г.[17] Он вел переговоры с Бургундским герцогом, принимал участие в так называемом посольстве восточных монархов, возглавленном Лудовико да Болонья, к государям Запада. И хотя в составе посольства были явные мошенники и авантюристы, статус Алигьери как подлинного представителя Трапезундской империи не вызывает сомнений[18]. В письме трапезундского императора Давида бургундскому герцогу Алигьери назван «baron et orator meus»[19]. Статус «барона» обеспечил «мессиру Микьелю из Трапезунда» и после падения империи в 1461 г. высокую должность советника и шамбеллана бургундских герцогов Филиппа Доброго и Карла Смелого[20]. Как и Николо Дориа, «рыцарь» (miles,

коло доступ к финансово-административной должности в империи. С другой стороны очевидна прочность обоснования Николо в Трапезунде, владевшего там недвижимостью.

[16] *Desimoni C.* Intorno... P. 513.

[17] *Muller G.* Documenti sulle relazioni delle città Toscane coll'Oriente cristiano e coi Turchi fino all'anno MDXXXI. Firenze, 1879. P. 186–187: 14–15/XII 1460.

[18] См. подробнее: *Bryer A.* Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460–1461 // *idem.* The Empire of Trebizond... N X. P. 178–198; *Richard J.* Louis de Bologne, patriarche d'Antioche, et la politique bourguignonne envers les états de la Méditerranée Orientale // *idem.* Croisés, missionnaires et voyageurs: les perspectives orientales du monde latin médiéval. London: Variorum Reprints, 1983, N XXI. P. 63-69; *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: МГУ, 1981. С. 144, 160–161; *idem.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986. P. 214, 242–244; *Пайчадзе Д.* Антиосманская коалиция европейских стран и Грузия в 60-х годах XV в. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984; *Michaelsen L.* Michael Alighieri, Gesandter Kaiser Davids von Trapezunt, am Hof der Herzoge von Burgund (1461–1470) // АП. 1987. Т. 41. P. 175–200.

[19] Публикация текста письма: *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 147–149. Английский перевод и комментарий, с сомнением в подлинности письма: *Bryer A.* Ludovico...P. 196–198. Убедительные аргументы в пользу подлинности были сформулированы О. Лампсидисом: *Lampsides O.* Το αξιόπιστον της επιστολης Δαβίδ Α΄ Μεγάλου Κομνηνού και το Εγκώμιον Τραπεζούντος του Βησσαρίωνος // Βυζαντιακά. 1982. Т. 2. P. 53–60; *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // АП. 1979. Т. 35. P. 310, 320–321; *Michaelsen L.* Michael Alighieri... P. 176–179.

[20] *Taparel H.* Notes sur quelques réfugiés byzantins en Bourgogne après la chute de Constantinople // Balkan Studies. 1987. Т. 28, N 1. P. 56–57; *Michaelsen L.* Michael Alighieri... P. 194–199. Кроме Алигьери, на службу герцога, как показал Тапарель, были приняты греки Георгий и Антоний из Трапезунда.

chevalier) Алигьери активно занимался торговлей в Каффе, Трапезунде и Синопе[21], получив, вместе с сыновьями, в 1470 г. от генуэзского Банка Сан Джорджо подорожные и привилегии на 10 лет по ведению дел в черноморских факториях Генуи[22].

Генуэзец Доменико д'Аллегро возвысился до положения командующего всего трапезундского флота (протостратора, или, как его называли итальянцы, протокапитана). Начало его карьеры не ознаменовано слишком благородными деяниями, но, вместе с тем, довольно типично: будучи патроном галеотты, он занимался пиратством (или корсарством), ограбил греческий корабль, перевозивший товары венецианцев, плывший в Симиссо, и доставил добычу в Каффу[23]. Свой высокий титул протостратора Доменико получил в 1429 г. за то, что вооружил и предоставил в Каффе свой корабль в распоряжение претендента на трапезундский трон. Переворот Иоанна IV Великого Комнина (1429–1460) завершился успехом, а генуэзец вплоть до смерти этого монарха сохранял его милости и полученную в 1429 г. должность[24]. Он прочно осел в Трапезунде, являлся попечителем по наследству умершего в Тане торгового партнера Бернабо Бояско, имевшего в Трапезунде собственность, включая корабль[25]. Влияние и авторитет Д'Аллегро были столь значительны, что генуэзский дож, желая урегулировать сложные отношения с трапезундским двором, назначил его в 1443 г. генуэзским консулом в городе. Это был невиданный случай, когда генуэзский нобиль являлся одновременно высоким должностным лицом империи и главой итальянской фактории. Дож, Раффаэле Адорно, имел перед этим долгие беседы с Доменико, в 1442–44 гг. трапезундским послом, посетившим Флоренцию, Геную и Милан. Именно во время этого посольства и было отправлено письмо дожа к императору, объявлявшее о консульском назначении. Примечательно, что в нем дож подчеркивает как трапезундское подданство Доменико (maiestatis vestre observantissimus), так и его

[21] Его пребывание в Синопе отмечено в Постановлении венецианского Совета XII в этом городе: *Filiasi G.* Memorie storiche de'Veneti. Venezia, 1797. T. VI. Parte 2. P. 229, note 1(без указания даты постановления).

[22] *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) // ASLSP. 1871. T. VII/1. Doc. 907. P. 677: 28/IV 1470.

[23] *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1897. T. V. P. 189–190; *Banescu N.* Archives d'État de Gênes. Officium Provisionis Romaniae // RESEE. 1967. T. V. N 1–2. P. 245–246: 2/III 1425.

[24] *Laonici Chalcocandylae* Historiarum demonstrationes / ed. E. Darkó. Budapestini, 1927. T. 2. P. 219–220; *Laurent V.* L'assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (+ 1429). Date et circonstances// АП. 1955. T. 20. P. 141–142; *Bryer A.* «The faithless Kabazitai and Scholarioi» // Maistor, 1984. P. 320; также в: *Bryer A.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. London, 1988. N VII; *Карпов С. П.* Трапезундская империя... С. 108–109, 122–123; *idem.* L'impero di Trebisonda... P. 159, 164, 175, 187, 191.

[25] ASV, Cancelleria Inferior, Notai, B. 231, Nicolò de Varsi, f. 2r: 21/V 1436.

принадлежность к генуэзской элите (nobisque haud mediocriter carus)[26]. Интересно сходство социального поведения Д'Аллегро и Микеле Алигьери. Как и Алигьери (с той только разницей, что это произошло ДО падения Трапезундской империи и даже до взятия Константинополя османами в 1453 г.), Доменико стремится быть причисленным к свите могущественного западного правителя. В 1444 г. по его просьбе миланский герцог включает его в состав своих familiares. Быть может, это способствовало политическим целям и торговым занятиям, которые вели посол и его «нунции», добивавшиеся для себя также коммерческих привилегий и подорожных грамот?[27] Как бы то ни было, с 1444 г. Доменико был прямо связан подданством с тремя разными государствами. Это, впрочем, не избавило его от больших долгов, отраженных в массариях Каффы с 1445 до 1459 гг.[28]

Служба «латинян» у трапезундских императоров не ограничивалась отдельными случайными эпизодами, а была, видимо, довольно распространенным явлением, хотя, конечно, далеко не все генуэзцы достигали столь высоких должностей, как Д'Аллегро или Джироламо ди Негро, о котором ниже. На типичность явления указывает его отражение в агиографии и легенде. В Житии св. Иоанна Нового Белгородского, написанном Григорием Цамблаком, читаем, например, что генуэзский патрон, выдавший святого неверным ок. 1340 г., похвалялся, что он именит и принадлежит к числу «вторых из первых вельмож города Трапезунда»[29]. В легенде о Меголло Леркари, приведенной сначала гуманистом Бартоломео Сенарегой, а затем и самыми известными генуэзскими историками XVI–XVII вв., во всех версиях подчеркивается то обстоятельство, что храбрый генуэзец был в дружбе с императором, входил в число его familiares или придворных. Это и вызвало зависть греческого окружения василевса и последующий за тем конфликт[30].

---

[26] ASG, AS, 1788, Litterarum, 12, f. 351 r–v : 15/VI 1443 (краткое изложение: *Iorga N.* Notes ...// ROL. 1899. T. VII. P. 105).

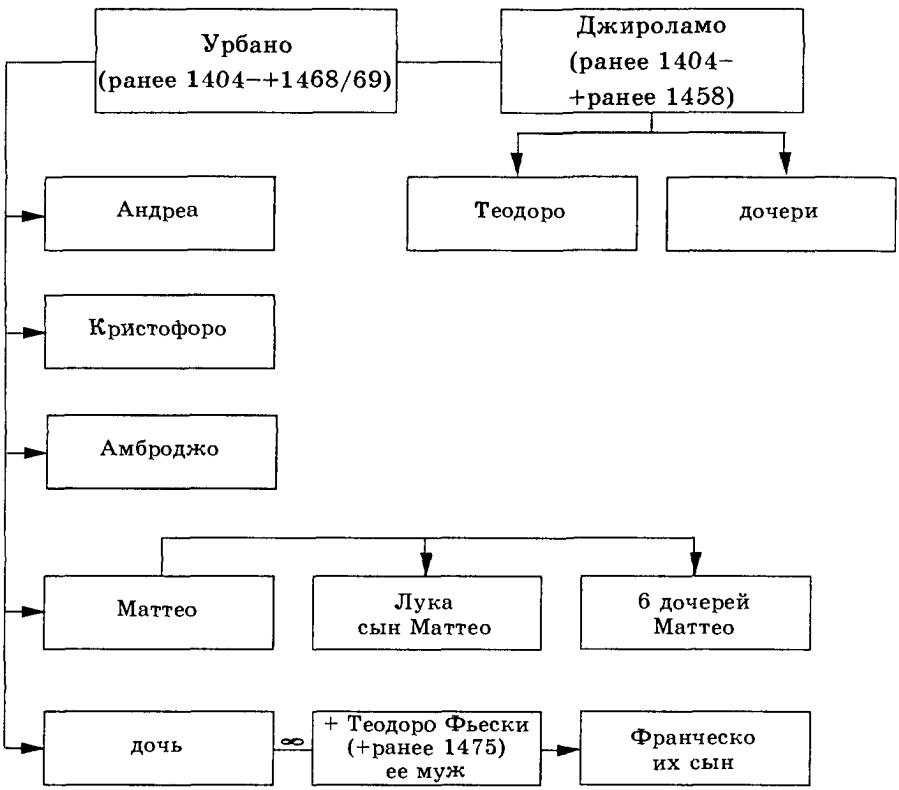
[27] *Bognetti G. P.* Per la storia dello Stato Visconteo. Un Registro di decreti della Cancelleria di Filippo Maria Visconti // Archivio Storico Lombardo. 1927. T. 54, NN 181, 210, 222, P. 323, 327–328.

[28] См. указ. на источники в: *Карпов С. П.* Трапезундская империя... С. 123; *idem.* L'impero di Trebisonda... P. 191, Note 195.

[29] *Русев П., Давидов А.* Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература. София, 1966. С. 92–93.

[30] *Desimoni C.* Intorno... P. 505: «inter aulicos primus habitus est»; *Bizzari Pietro.* Senatus Populique Genuensis Rerum Domi Forisque Gestarum Historiae atque Annales. Antverpiae, 1579, P. 145: «Inter ceteros, qui Caphae... varias negotiationes exercebant et propter mercium commutationem sese in caesaris Trapezuntini *amicitiam et familiaritatem* insinuarant, Megolus Lercarius... precipuum locum obtinebat». Бидзари понимал, что положение Леркари при дворе не было чем-то исключительным и указал на связь его возвышения с торговыми занятиями в Каффе и Трапезунде. См. также: *Interiano Paolo.* Ristretto delle Historie Genovesi. Lucca, 1551. P. 126r–v; *Foglietta Oberto.* Uberti Folietae Patricii Genuensis Historiae Genuensium Libri XII. Genuae, 1585. P. 159v; *Giustiniani Agostino.* Annali della Repubblica di Genova. Genova,

Работа в Генуэзском государственном архиве позволила нам выявить целый комплекс документов, относящихся к истории одного семейства, несколько поколений которого было связано с торговлей в Причерноморье и со службой трапезундским императорам. Речь идет о знатном генуэзском роде ди Негро (де Нигро).

Ди Негро торговали в Причерноморье и в Трапезундской империи еще с XIII в. Андреа (Андреоло) ди Негро в 1289 г. участвовал в торговом обществе, осуществлявшем операции между Каффой и Трапезундом, с такими крупными партнерами, как братья Дзаккариа[31].

1854. T. 2. P. 146: «Era... nella corte dell'imperatore di Trabisonda...». О Мегалло Леркари см.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя... С. 99–100; *idem.* L'impero di Trebisonda...P. 149–151, 182–183 (с ук. литературы вопроса).

[31] *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto... N 166–167: 9/VI 1289; N 323: 16/VIII 1289; *Lopez R.* Genova marinara nel Duecento. Benedetto Zaccaria, ammiraglio e mercante. Milano, 1933. P. 47.

Гальвано ди Негро был примерно в это же время генуэзским консулом в Трапезунде[32]. Андало ди Негро в 1314 г. заключает договор Генуи с трапезундским императором Алексеем II. «Биографический словарь итальянцев» отождествляет его со знаменитым астрономом, математиком и медиком, учителем Боккаччо и другом просвещенного кипрского короля Гуго IV Лузиньяна, преподававшим затем в Неаполе и умершем в 1334 г.[33] Может быть, в большей степени вероятна идентификация посла с одним из двух братьев ди Негро Андало и Карлино, развернувшими бурную предпринимательскую деятельность в Пере и Каффе в конце XIII в. и экспортировавшими квасцы на Запад[34]. В 1470-х гг. на кораблях Ди Негро на Хиос и Левант плавал знаменитый Христофор Колумб, начинавший как коммерческий агент этого дома[35]. Ди Негро известны и как церковные иерархи Латинского Востока. Доминиканский монах из Каффы Агостино ди Негро был в 1432–1455 гг. епископом Солдайи, заслужившим репутацию доброго и справедливого пастыря как у латинян, так и у греков города[36].

Впервые упоминание братьев Урбано и Джироламо ди Негро мы встречаем в счетных книгах — массариях Каффы под 1421–26 гг. В 1421 г. Джироламо ди Негро вместе с компаньонами получил из казны Каффы 100 дукатов на подарки послам из Самсуна, с которыми генуэзские власти вели переговоры в Трапезунде после того, как генуэзская фактория в Самсуне — Симиссо была в 1420 г. захвачена и сожжена турками[37]. В то время он еще не носил никакого трапезундского титула[38]. В 1424–26 гг. Урбано ди Негро, постоянно проживавший тогда в Каффе, выступает доверенным лицом брата Джироламо, которому причиталась уплата 24200 аспров через массарию Каффы за ущерб, понесенный от «подданных государя трапезундского императора», что было нотариально зафиксировано 27 июля 1424 г. Алексей IV Великий Комнин (1416/7–1429) обязался погасить урон всем генуэзцам (Джироламо был одним из многих) по соглашению с Каффой[39]. В записях счетов Джироламо назван великим месадзоном

[32] *Cessi R.* La tregua... P. 55.

[33] *Desimoni C.* Intorno alla impresa di Megollo Lercari in Trebisonda // ASLSP. 1877–84. T. XIII, fasc. 3. P. 513; Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1991. T. 40. P. 126–131.

[34] *Balard M.* La Romanie... P. 236, 526–527, 556, 563 note 115, 866.

[35] См. Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1982, T. 27. P. 169; 1991. T. 40. P. 121.

[36] См.: *Loenertz R.-J.* La Société des frères pérégrinants. Études sur l'Orient dominicain, I. Roma, 1937. P. 121–122; *Fedalto G.* La Chiesa Latina in Oriente. 2a ed. Vol. 1. Bologna, 1981 P. 564; *Delacroix-Besnier C.* Les dominicains et la chrétienté grecque aux XIVe et XVe siècles. Rome, 1997. P. 98, note 68, 127.

[37] См.: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 86–87.

[38] ASG, San Giorgio (далее — SG), Sala 34, N 590. 1229 (Caffe massaria ad a. 1420), f. Lv : 19/V 1421. Мандат консула Каффы — 16/V 1421.

[39] Ibid., N 590. 1232 (Caffe massaria ad a. 1424), f. CXXXIIv: 14/VIII 1425, 22/VIII 1426; f. CCVv: 14/VIII 1425.

(megamesaxius) императора, то есть он был уже в числе высших придворных чинов, наиболее приближенных к императору[40].

Ди Негро были состоятельными людьми. В петиции 1428 г., выступая от имени и по поручению брата, Урбано просит власти Генуи возместить Джироламо долг покойного Вани Монлеоне, избранного консулом в Трапезунд, но скончавшегося по пути к месту назначения во время плавания в Черном море. Ранее Вани взял в займы у Джироламо 10000 трапезундских аспров, предоставив в залог свое имущество, включая доход от должности консула. Так как по генуэзским статутам наследникам оффициала, отправлявшегося на Левант и умершего в пути, выплачивалась половина оклада, при условии, что он проделал путь далее Неаполя, Урбано просит власти Генуи дать консулу в Трапезунде распоряжение об уплате долга. Губернатор Генуи (находившейся тогда под властью Миланского герцога) и старейшины поручили рассмотрение дела Оффиции Романии[41]. Ее рекомендации и последующий ход дела нам неизвестны.

В августе 1429 г. губернатор Генуи архиепископ Миланский Бартоломео Капра отправил специальное рекомендательное письмо, адресованное трапезундскому императору Иоанну IV, в котором отмечалась знатность рода ди Негро и его заслуги перед Генуей и выражалась надежда на благосклонный прием братьев императором. Одновременно консулу Каффы и подеста Перы поручалось со своей стороны, в случае, если император сохранял добрые отношения с генуэзцами и соблюдал договоры, отправить ему письма в поддержку двух ди Негро (в ином случае письмо губернатора Генуи предписывалось сжечь, не передавая василевсу)[42]. Некоторая неопределенность возникала от того, что Генуя, способствуя перевороту Иоанна IV (совершенному только что, в апреле 1429 г.), еще не знала о его позиции по отношению к республике и ее факториям. Письма к императору такого содержания почти не имеют аналогов в генуэзской дипломатической практике. Они были включены в корпус важнейших официальных посланий. Хотя это не выражено явно, видимо, республика, желала укрепить свое влияние на Понте, поддерживая своих граждан — императорских чиновников.

Урбано ди Негро осуществлял постоянную связь с властями Генуи и информировал их о положении дел в Причерноморье и, в частности, в Трапезундской империи. В 1438 г. он взял на себя посреднические функции в переговорах трапезундского императора с дожем в сложный для Иоанна IV момент конфликта с братом Александром Великим Комнином, женатом на дочери правителя Митилены генуэзского нобиля Дорино I Гаттилузи. Александр пытался вовлечь в войну с Трапезундской империей как Дорино Гаттилузи, так и Перу с

[40] О титуле см.: *Verpeaux J.* Contribution à l'étude de l'administration Byzantine: ο μεσάζων // BS. 1955. T. XVI/2. P. 270–296.

[41] ASG, AS, 2024, DF, 4, N 150: 24/III 1428.

[42] ASG, AS, 1799, Litterarum, 3, f. 196r-v (NN 445–447): 2/VIII 1429.

Каффой. Посредничество Урбано ди Негро привело к тому, что дож нейтрализовал эти попытки, запретив властям генуэзских факторий вмешиваться в ссору братьев и рекомендовав Гаттилузи способствовать их примирению. Письмо и позиция дожа Томмазо Кампофрегозо к императору Иоанну основывались и на информации Урбано ди Негро о благорасположении василевса к генуэзцам. Дож рекомендует императору и далее следовать советам Урбано ди Негро[43].

В 1441 г. Урбано по-прежнему находился в Каффе и был (вместе с компаньонами Паоло Джентиле и Симоне ди Леванто) откупщиком двух крупных налогов. За один из них — новый drictus на торговлю с Трапезундом, взятый на 5 лет и 9 месяцев, он внес в 1441 г. 80 тыс. аспров (вероятно, платеж за 1 год). За второй налог — 11-ти процентную пошлину (cabella) на вино — была уплачена огромная сумма — 173 922 аспра. Вновь Урбано представляет в Каффе интересы брата Джироламо, по-прежнему носившего титул великого месадзона[44].

Джироламо верой и правдой служил императору, даже тогда, когда ему приходилось действовать против соплеменников. В 1437 г. *группа генуэзских купцов во главе с жителем* Перы *Филиппо ди Мелоде* (или ди Мероде)[45] зафрахтовала наву грузоподъемностью 1200 модиев (337.7 т.) у гражданина Каффы Мервальдо Спинола для перевозки ок. 600 вегет (св. 315 т.) разных грузов, в том числе — рабов. Корабль прибыл, по-видимому, сначала в Трапезунд, а затем — в Ло Вати (Батуми), порт, принадлежавший тогда Трапезундской империи[46]. Там специально посланные трапезундские военные суда — галера и фусты под командой Джироламо ди Негро захватили наву Спинолы за какое-то нарушение, судя по одному из документов — за пиратские действия — захват имущества у направлявшегося в Трапезунд купеческого каравана «друзей императора» (скорее всего — подданных князя Гурии, Тимурида Шахруха, хана Ак-Коюнлу или др. правите-

[43] ASG, AS, 1784, Litterarum, 8, f. 165r, N 501 (письмо дожа консулу Каффы и подеста Перы); f. 165v, N 502 (письмо трапезундскому императору, см. Приложение 3): 17/III 1438; f. 168r, N 503 (письмо дожа Дорино Гаттилузи, опубликовано в: *Luxoro A., Pinelli Gentile G.* Documenti riguardanti alcuni dinasti dell'Arcipelago // Giornale Ligustico. 1875. T. 2. P. 292–293): 17/III 1438. О событиях см. подробнее: *Карпов С. П.* Трапезундская империя... С. 110, 121; *idem.* L'impero di Trebisonda... P. 173–174.

[44] ASG, SG, Sala 34, N 590. 1233 (Caffe massaria ad a. 1441), f. XLVr: 28/VII 1441; f. CXXXIIv: 27, 31/VII 1441.

[45] Филиппо ди Мелоде, burgensis Перы, упоминается в источниках до 1453 г. См.: *Roccatagliata A.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Pera e Mitilene. T. Pera, 1408–1490. Genova, 1982. N 4. P. 48: 10/ IX 1442; N 9. P. 57–58: 19/IX 1442 (вел дела также в Адрианополе); *eadem.* Nuovi documenti su Pera Genovese // Storia dei Genovesi. Genova, 1991. T. XI. P. 141–143: 31/I 1453. Примечательно, что и здесь он выступает как душеприказчик представительницы дома Спинола, видимо, постоянных партнеров.

[46] О принадлежности Вати Трапезундской империи недвусмысленно сказано в источниках: ASG, AS, 3038, N 49: 5/III 1450 — «in partibus Trapesondarum loco»; AS, 3051, N/n: 12/X, 19/X 1470.

лей Востока, с которыми Трапезунд был связан договорами, в том числе — торговыми)[47]. Мервальдо Спинола попал в трапезундскую тюрьму, откуда был отпущен лишь при условии выполнения определенных обязательств (nunc sub certis promissionibus relaxato). Товары были конфискованы, а захваченная нава Спинолы, натолкнувшись на скалу, затонула в порту. Филиппо ди Мелоде сразу же обратился к консулу Каффы и получил от него письма к императору. Однако император не пожелал его выслушать и даже не прочел этих писем. Тогда Антонио Спинола, родственник Мервальдо и компаньон Филиппо ди Мелоде, имевший от него доверенность, начал ведение судебного дела в Генуе, требуя назначения репрессалий против трапезундского императора. 19 мая 1441 г. им была подана петиция дожу и старейшинам Генуи, которые поручили разбор дела подеста и торговой оффиции Перы[48]. Видимо, в связи с этой петицией, 29 мая 1441 г. дож Генуи Томмазо Кампофрегозо обратился с письмом к трапезундскому императору в поддержку ходатайства консула Каффы и в защиту ди Мелоде и его компаньонов, рекомендуя ему в спорных случаях представить дело в суд и направить его все той же торговой оффиции Перы[49]. Представление не возымело действия и 28 марта 1442 г. Антонио Спинола вновь подает петицию, указывая на несерьезные оправдания императора, из-за чего оффиция Перы приостановила заслушивание свидетелей и ущерб истцам не был возмещен. Власти Генуи ограничились новым письмом подеста и торговой оффиции Перы с просьбой разобраться[50]. Без видимых результатов дело тянулось до 1450 г., когда прокураторами Мервальдо Спинолы была подана следующая петиция с подробным изложением дела и требованием применения права марки, отданная на рассмотрение Оффиции попечения Романии[51]. Примечательно, что в петиции упомянуто обсуждение дела в Генуе в 1449 г. с трапезундским послом Георгием Амирутци, не завершившееся каким-либо решением (как, впрочем, и все переговоры о компенсации ущерба генуэзцам трапезундской стороной)[52]. Ответчиком по искам пока выступает трапезундский император, но не Джироламо ди Негро.

В 1470 г. ситуация изменилась. Трапезундской империи более не существовало, ущерб по делу ди Мелоде и его компаньонов погашен не был, и истцы решили действовать против сына покойного Джироламо ди Негро Теодоро, возложив вину за произошедшее на его отца. Сохранился весьма интересный текст петиции и ответ на него Теодоро[53].

[47] ASG, AS, 3051, N/n — 1470 г.

[48] ASG, AS, 3033, n/n: 19/V 1441.

[49] ASG, AS, 1786, Litterarum, 10, f. 429r, N 916. Краткое изложение содержания в: *Iorga N.* Notes...// ROL. 1899. T. VII. P. 41–42.

[50] ASG, AS, 3033, N 58 (alias 168).

[51] ASG, AS, 3038, N 49: 5/III 1450.

[52] См.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя... С. 114–119; *idem.* L'impero di Trebisonda... P. 167–171.

[53] ASG, AS, 3051, N/n.

Петицию подал Бартоломео *de Opiciis* от имени своей жены Изабеллы, дочери и наследницы покойного Антонио ди Ривароло, пострадавшего некогда от нападения в Ло Вати галеры и фуст Джироламо ди Негро. Истец рассматривал известный нам эпизод как морской грабеж и на этом основании обращался к суду вице-губернатора Генуи и старейшин. Последние, однако, сочли такую интерпретацию дела не корректной, а само дело не относящимся к их компетенции и, заслушав ответчика, поручили вести дальнейшее разбирательство специальным судебным магистратам и синдикам Генуи. В петиции можно выявить явные и преднамеренные искажения фактов. Утверждается, например, что Джироламо использовал захваченное на наве имущество по своей воле (хотя, как явствует из всех документов и предыдущих исков, он исполнял приказ императора о конфискации). Сообщается, что Антонио ди Ривароло находился на *своей* наве, хотя, как мы знаем, ее патроном был Мервальдо Спинола, а большая часть грузов принадлежала Филиппо ди Мелоде. Говорится о том, что Антонио ди Ривароло сразу после этого потрясения скончался, а его дочь, находясь в младенческом возрасте, не могла отстаивать своих прав. Но и это не правда: как нам удалось установить, Антонио ди Ривароло скончался в Трапезунде в 1456 г., то есть почти через 20 лет после этого происшествия, оставив сыну и наследнику Баттиста имущество в разных портах Черного моря[54].

Разъяснения Теодоро ди Негро весьма интересны для нашей темы. Разумеется, он обращает внимание властей на то, что иск запоздал почти на 36 лет (тут небольшая неточность: на 33 года) и что ни Мервальдо Спинола, ни другие генуэзцы, постоянно проживавшие в Каффе, не вчиняли иска против Джироламо, имевшего там собственность и прокураторов. Еще важнее, как определяет сын статус своего отца. Джироламо — барон и один из ближайших придворных императора (baro imperatoris Trapesunde et inter suos primates commoratus), он подданный (subditus) василевса, его чиновник и исполнитель его воли (minister et executor), действующий по приказу его господина (domini sui). Он укоренился в Трапезунде, имел там собственный дом, где и проживал до самой смерти. И хотя он был исконным генуэзским гражданином (esset originarius civis Ianue), власть Генуи не распространялась тогда на него как на слугу императора (nec eo tempore exercebat hec inclita civitas aliquod imperium in ipsum dominum Hieronimum) и он не подлежал тем самым генуэзскому суду, подобно лицам, находящимся полностью под юрисдикцией Генуи (contra eos in quos plenum habet imperium hec inclita civitas), не говоря уже о том, что он действовал не по своей воле и не в своих интересах. Император же мог по праву действовать против тех, кто нарушал мир и торговлю в его стране (et iuste potuisset facere prefactus dominus imperator contra turbantes pacem et mercaturas sue regionis) и тем самым позорил его. Эти аргументы были приняты властями Генуи.

[54] *Vigna A.* Codice...// ASLSP. 1868. T. VI. Doc. N 317. P. 664: 3/XII 1456.

Но тогда возникает показательное противоречие: гражданин Генуи, ставший должностным лицом императора оказывался неподсудным суду метрополии, во всяком случае — по делам его службы. А это явное отступление от прежней практики и основных принципов договорных отношений Генуи с иностранными государями. Правда, может быть, мотивом, побудившим Геную к таким нарушениям, были услуги, оказываемые братьями ди Негро Республике, в том числе — и информирование ее о намерениях императора. Неслучайно и в ответе на петицию истца Теодоро ди Негро подчеркивает, что, когда мог, Джироламо был защитником генуэзцев (fuit semper eorum protector, ubi potuit). Еще ранее, в 1449 г. в письме к Джироламо, названному уже протовестиарием (megavistiarius) трапезундского императора, дож Лудовико ди Кампофрегозо благодарит его за доброе расположение, о котором ему сообщил посол Амирутци, и рассчитывает на его содействие своим планам[55]. Таким образом, Джироламо достиг высших титулов, оставаясь по меньшей мере лояльным Генуе.

Сын трапезундского «барона» был свидетелем взятия Трапезунда войсками турецкого султана в 1461 г., потерял все свое имущество, «голым» (nudus) добрался до Каффы, тогда как его мать и сестры попали в плен к османцам[56]. Рассказывая о захвате в плен матери и сестер Теодоро умалчивает об отце — протовестиарии. В одной выписке из счетов за 1458 г. нам удалось обнаружить упоминание о нем как об уже покойном в 1458 г.[57] Быть может, Теодоро, оставшись после кончины отца в Трапезунде, также служил там последним императорам — Иоанну IV и Давиду (1460–1461)?

Примечателен интерес второго поколения рода ди Негро к торговле между Трапезундом и Каффой, что обеспечивалось положением и имуществом Урбано и Джироламо в обоих городах. Однако в условиях кризиса черноморская торговля не приносила больших дивидендов и, напротив, вовлекала партнеров в длительные и малопродуктивные судебные разбирательства по поводу взаимных долгов и обязательств.

Род ди Негро был связан деловыми и родственными отношениями с другим знатным генуэзским семейством — Фьески. Теодоро Фьески, был зятем Урбано ди Негро[58]. Они были компаньонами и откупщиками налогов (так называемого малого коммеркия и винной габеллы) в Каффе в 1448–1450 гг.[59] Фьески продолжал быть откупщи-

[55] ASG, AS, 1793, Litterarum, 17, f. 182r, N 824: 26/VI 1449.

[56] ASG, AS, 3056, N356: 21/I 1475.

[57] ASG, Notai, 1121, Girolamo de Logia, [N 40]: 3/XI 1458.

[58] ASG, AS, 3051, N (501): 17–19/II 1468.

[59] ASG, Notai, 1121, Girolamo de Logia, [N 40]: 10/VI 1472 (в этом нотариальном акте упоминаются также сыновья Урбано — компаньон Урбано и Теодоро Фьески Маттео, а также 2 других сына и наследника Урбано–Кристофоро, и, впервые, Амброджо. К акту приложена также выписка из торговой книги Фьески со счетами 1458 и 1461 гг., где перечислены должники компаньонов и упомянуты другие операции).

ком коммеркиев в Каффе и в 1454–56 гг.[60] В одну многостороннюю комменду сотоварищами был инвестирован значительный капитал — 383312 аспров. Из них 237872 аспра вложил Теодоро Фьески, 24240 аспров — его родственники Джакомо и Маттео, а 121200 аспров — Урбано ди Негро и его сын Маттео. Компаньоны торговали зерном, тканями, хлопком в Каффе и на Хиосе, занимались финансовыми операциями[61]. Маттео ди Негро в 1450 г. торговал в Тане[62], а в 1460–1462 гг. вел дела в Трапезунде и в Каффе. В 1460 г. он продал в Трапезунде 1/2 фарделла (ок.40 кг.) шелка Франческо Фьески. Уезжая из Каффы в 1462 г., Маттео поручил брату Андреа (как своему прокуратору) взыскать этот и другие долги с Фьески, но безрезультатно: мы располагаем материалами судебного разбирательства спора между компаньонами в Генуе в мае 1473 г.[63] Правда, Урбано и Маттео удалось добиться того, что Теодоро Фьески приговорили к уплате 3600 лир по упомянутой комменде. С него взыскали часть суммы, а за остальную грозила долговая тюрьма. Фьески дважды обращался с петициями в высшие инстанции Генуи, но оба раза получал отказ[64]. Сын Теодоро Фьески, Франческо, и в 1475 г. продолжал торговать в Черном море, был банкиром и судовладельцем в Каффе и Пере. Впрочем, фигурирующие в нотариальных актах суммы в десятки (не сотни) тысяч аспров позволяют думать, что он, скорее, был предпринимателем средней руки[65].

Менее успешным для Маттео ди Негро была тяжба со своим двоюродным братом Теодоро ди Негро. Основанием иска послужило то обстоятельство, что Маттео, будучи прокуратором своего родственника в Каффе, продал там его ценные бумаги, так называемые loca Каф-

[60] *Boldorini A. M.* Caffa e Famagosta nel *Liber mandatorum* dei revisori dei conti di San Giorgio (1464–1469). Genova, 1965. N 129, P. 94; *Balard M.* Note sur la fiscalité génoise à Caffa au XVe siècle // Bulletin de la Société Nationale des antiquaires de France 1993. P. 237.

[61] См. сохранившийся счет операций торгового общества Теодоро Фьески и его компаньонов в Каффе (представлен в суд по случаю споров с Урбано ди Нигро): ASG, AS, 3049, N 130: 10/II 1466.

[62] ASV, CI, 148/2, f. 58: 13/X 1450: «Matheus Nigro ad presens negociator in Tana...».

[63] ASG, Notai giudiziari, Antonio de Percifiano, filza 2 (11), prot. A, B: 11–14/V 1473.

[64] ASG, AS, 3050, N (501): 17–19/II 1468; N 128: 5/V 1469.

[65] *Roccatagliata A.* Notai... NN 93–96, 100, 102: акты с его участием составлены в Пере с 25/X по 15/I 1476. Еще ранее, 23/X 1464 Теодоро Фьески давал прокуру Франческо Фьески на ведение дел в Каффе, всей Газарии, Пере, Хиосе и на Леванте. Дж. Муссо называет, впрочем, Франческо не сыном, а братом Теодоро. Идет ли речь об одном лице или о двух (брате и сыне Теодоро Фьески), нам неизвестно. См.: *Musso G. G.* I Genovesi e il Levante tra medioevo ed età moderna. Ricerche d'archivio (con appendice documentaria a cura di M. J. Jacopino) // Genova, la Liguria e l'Oltremare tra medioevo ed età moderna. Ricerche d'Archivio. Pubbl. dell'Istituto di Scienze Storiche dell'Università di Genova. Genova, 1976, T. 2. P. 139.

фы (доля государственного долга, на которую начислялись проценты), не произведя затем полного расчета с Теодоро, который вернулся в Каффу в 1461 г. из только что взятого турками Трапезунда. Прибыв затем в Геную, Теодоро был изгнан из дома дядей и его сыновьями «аки варвар» и не допущен до отцовского наследия, как он с горечью будет свидетельствовать суду, потеряв средства и не имея возможности, видимо из-за возраста и болезней (может быть, ран?) пóтом своим зарабатывать на жизнь (est etiam non habilis de persona, nec robustus ad victum querendum in sudore suo). Ему оставалось только прибегнуть к третейскому суду родственников, а затем — и государства, ради взыскания долгов[66].

Участь Маттео ди Негро не была более завидной. От долгов и судебного преследования в 1467 г. он бежал на Ривьеру, а затем вернулся в Каффу. Там он владел навой, и в 1469 г. намеревался из Каффы плыть с товарами в Перу — Бруссу — на Хиос. Однако в порту Карпи его корабль потерпел крушение, хотя сам он и экипаж спаслись. Это независимое свидетельство из письма нотария Антонио ди Торрилья[67] подтверждает показания Маттео в суде о том, что он, все потеряв, едва спасся сам, «в одной только рубашке». Но не лукавит ли ответчик, утверждая, что и собранные им солидные доказательства его невиновности погибли во время той же бури, и что влиятельные родственники Теодоро при турецком султане помешали ему собрать новые в Константинополе? (Теодоро категорически отрицал наличие таких родственников... Правда, как мы помним, сам он признавался, что его сестры оказались в плену в Трапезунде в 1461 г. Они могли вместе со знатными жительницами Трапезунда попасть в гаремы Стамбула и породниться с турками. Фактических оснований для такого утверждения, однако, нет, если не считать туманного намека Маттео). Так или иначе, Маттео не смог более заниматься мореплаванием и, имея 5 дочерей и сына, впал, как он утверждал, в бедность и 5 лет провел в бесчестящей его долговой тюрьме[68].

С другим своим братом, Кристофоро, Маттео, как он утверждал, также был в ссоре. Теодоро ди Негро, напротив, свидетельствует, что тот был прокуратором Маттео и всегда действовал заодно с ним против Теодоро. Истину выяснить невозможно, но оба заявления в конце концов не опровергают друг друга... Интереснее другое: возможная идентификация Кристофоро с последним мужественным консулом генуэзской Солдайи (1471–1475)[69].

Итак, мы проследили историю рода, связавшего свою жизнь и судьбу с Причерноморьем в один из самых драматических периодов

[66] ASG. AS, 3049, N 74: 12–15/ VI 1467; AS, 3056, N/n: 21/I 1475; N 356: 21/I 1475.

[67] *Roccatagliata A.* Notai... N 74. P. 174–177: 27/XI 1469.

[68] ASG, AS, 3056, N/n.

[69] См. о нем: *Колли Л. П.* Христофоро ди Негро, последний консул Сольдаи. Последние годы генуэзской Сольдаи. 1469–1475 // ИТУАК. 1905. Т. 38. С. 1–28.

его истории. Очевидно, что «натурализация» в Трапезунде Джиролamo ди Негро и его потомства не носила устойчивого характера и не привела к появлению нового линьяжа трапезундской знати. Но причиной тому было падение империи, а не естественное отторжение чужеземцев местной средой и элитой, с которой он и его семья сосуществовали долгие годы. В статусе иноземного «барона», как мы видели, появились новые черты, не характерные для отношений Генуи с византийским миром до XIV в.Семейная биография ди Негро[70] показывает довольно типичный путь генуэзского предпринимателя на Леванте в середине XV века: от торговли — к политической деятельности, от разочарования к надежде, от надежды — к крушению и судорожным попыткам удержаться на плаву в условиях османского господства (вспомним Франческо Фьески, внука Урбано ди Негро). И все же, прочно осевшие когда-то в городах Причерноморья, ди Негро возвращались в Геную, неся с собой груз потерь, несбывшихся надежд и неоплаченных долгов.

ДОКУМЕНТЫ

1. ASG, AS, 3024, Div. Filze, 4 N 150 24/III 1428

+Yhesus+. Urbani de Nigro.

Reverendissime paternitate vestre vestroque venerabilli conscillio dominorum antianorum umilliter exponitur pro parte devoti servitoris eiusdem Urbani de Nigro tamquam fratris et coniuncta persona Ieronimi de Nigro, quod cum allias ipse Ieronimus mutuaverit Vani de Mon(le)ono asperos decem milla[71] argenti de Trapezomdis, pro securitate quorum idem Vani obligavit sibi omnia bona sua et specialiter officium consullatus Trapezomdarum ac licteram ipsius officii dicto Ieronimo, ut de predict(is) constat quoddam publico instrumento scripto manu Petri Arberici notarii burgensis Trapezomdarum. Et cum eidem Vani fuerit sibi assignatum predictum officium et[72] idem Vani proficisseretur, ut predictum officium exerceret, in itinere decessit in partibus orientalibus. Cumque ex forma ordinamentorum huius civitatis et specialiter regullarum, de quibus constat in actis curie dominorum sindicatorum, quod mortuo officiali in itinere postquam trassiverit partes Neapoli, quod heredibus suis seu habentibus causam ab eo respondeatur de dimidia sallarii et obventionis predictis officii; et dictus Vani decesserit in partibus maris Maioris et sic ultra lochum in regullis comprensum, ex quo debet fieri dicta

[70] История ряда генуэзских знатных семейств, связанных с Левантом (Эмбриачи, Дзаккариа, Джустиниани, Гаттилузи), представлена теперь в сборнике: Dibattito su Famiglie Nobili del Mondo Coloniale Genovese nel Levante. Atti del Convegno, Montoggio, 23 ottobre 1993 / a cura di *Geo Pistarino*. Genova, 1994 (Accademia Ligure di Scienze e Lettere. Collana di monografie, IX).

[71] Следует зачеркнутое: de.

[72] Следует зачеркнутое: cum. Eidem исправлено на:idem.

assignatio, et non habens idem Ieronimus, unde comode sibi satisfieri, possit in bonis dicti Vani et dictum officium ceterum eidem obligatum, et cum decens est, ut fiat eidem satisfacio, quod[73] credit fore intencionis prelibate dominationis.

Eo propter prelibate dominationi et suo venerabilli conscillio humiliter supplicat, quatenus intuitu pietatis et iusticie vellint eidem Urbano dicto nomine de remedio opportuno providere, mandando consulli dicti loci Trapezomdarum, qui fieri faciat creditorem dictum condam Vani sive heredes suos de dimidia sallarii et obventionis predicti officii sive dictum Ieronimum tamquam creditorem dicti condam Vani; et eidem Ieronimo, cui dictum officium obligatum erat faciat integraliter solvi ac responderi, quoque sic faciendo indempnitati ipsius supplicantis iuste succureretur.

+ MCCCCXXVIIIo die XXIIIIa martii.

Responsio reverendissimi in Christo patris et domini domini B(artholomei) Mediolanensis archiepiscopi, ducalis ianuensium gubernatoris et spectabilis consilii dominorum antianorum in legitimo numero congregati est, quod ven(erandum) officium Romanie, sumpta informatione coram que superius narrantur et visa regula de eiusmodi casibus mentionem faciente, consideratis etiam consuetudinibus, provideat in requisitione ipsius supplicantis, prout ipsi officio faciendum videbitur.

2. ASG, AS, 1779, Litterarum, 3, f.196r-v (N 445)
2/VIII 1429
Illustrissimo principi et preclarissimo domino domino Iohanni, imperatori Trapesonte.

Illustrissime princeps et preclarissime domine. Inter claras huius civitatis familias II qui se de Negro vocari voluerunt generosi ac insignes viri semper habiti sunt multisque amplissimis civibus ea familia adornata est, ex quorum numero viros nobiles Hyeronimum et Urbanum fratres in terris imperii vestri nunc diversari credimus, qui cum ob patris propinquorumque suorum meritas, tum ipsi ob virtutes suas admodum nobis cari sunt, successusque commoda eorum plurimum nobis cure sunt, statuimus itaque pro eis maiestati vestre scribere, quam precamur ex animo, ut intuitu // potissimum nostro et dilectionis, qua illos complectimine suscipe dignetur illos propensius recommissos, illos que fovere, sustinere, inviare et honestis favoribus sublevare. In quo preter hoc, quod maiestas vestra benefaciet viris bene promerentibus, faciet insuper nobis rem plurimum gratam. Paratis in queque concernentia gloriam vestram affectu sincero.

Data IIa augusti.

B(artholomeus), archiepiscopus etc. et consilium.

[73] si — над строкой, зачеркнуто.

ASG, AS, 1779, Litterarum, 3, f.196v (N 446)
2/VIII 1429
Egregio ac generoso viro Philipo Cataneo consuli Caffe nobis carissimo.

Generose vir nobis carissime. Scribimus domino imperatori Trapezonte litteras his annexas in favores Hyeronimi et Urbani de Nigro, maiestatem suam precantes, ut illos velit fovere, sustinere, inviare et honestis favoribus extollere. Et quia ignoramus, quo pacto idem imperator nobiscum victurus sit volumus, ut si amice et ut decet cum nostris agit, litteras nostras eim mittatis, vosque illi scribatis in favorem eorum. Si secus autem, quam cum amicis decet, se haberet nobiscum, eo casu litteras igni comburatis.
Data IIa augusti.

ASG, AS, 1779, Litterarum, 3, f.196v (N 447)
2/VIII 1429
B(artholomeus), archiepiscopus etc. et consilium.
Ianoto Spinule, potestati Peire.
Nobilis vir nobis carissime.
Scribimus domino imperatori Trapezonte in favores Hyeronimi et Urbani de Nigro, maiestatem suam precantes, ut illos velit fovere, sustinere, inviare et honestis favoribus extollere. Et quia ignoramus, quo pacto idem imperator nobiscum victurus sit volumus, ut si amice et ut decet cum nostris agit, vos illi scribatis in favorem eorum. Si secus autem, quam cum amicis decet se haberet nobiscum, id nequaquam faciatis.
Data IIa augusti.

3. ASG, AS, 1784, Litterarum, 8, f.165v (N 502)
17/III 1438
Imperatori Trapesonte.
Serenissime et clarissime princeps. Relatu viri nobilis Urbani de Nigro, certiores facti sumus, quam sit maiestas vestra recte et sincero animo affecta in favores nostros et huius inclite comunitatis, quodque constituit Ianuensem nationem fovere, sustinere, humaneque et amice tractare, quod certe nos cupide audivimus, arbitrantes hanc amiciciam et mutuam beneficiorum, prestationem non nostris solum, sed etiam utrique parti fore pro futuram. Ob eam causam scripsimus rectoribus nostris Pere, Caphe et aliarum terrarum, ut excellentie vestre favores exquirant eamque foveant ac sustineant et subditos eius prestent humanam amicumque in cuntis rebus tractationem. Erunt igitur partes excellentie vestre amiciciam Ianuensium non aspernari et erga illos in terras eorum ita se gerere[74], ut verbis ac promissis nobis oblatum est.
Quod ad illustrem dominum germanum vestrum pertinet, scripsimus opportune magnifico domino Mitileni eumque litteris adhortati sumus,

[74] Следует зачеркнутое: ut p.

ne velit inter duos fratres arma sua inserere, enitatur potius illos ad concordiam deducere. Nosque sibi obtulimus dare operam, quod serenitas vestra equas pacis concordi condictiones non renuet. Idem nunc excellentie vestre dicimus optimum esse, ut cum eodem illustri germano vestro in ratiam redeatis et ipso stante vel Mitileni, vel Pere, aut Chii, aut Constantinopoli, ab omni mala suspicione remoto.

Maiestas vestra largos sumptus illi ministret, quamquidem ad rem, si operam nostram utilem putatis, nos quidem non recusamus tam sancti operis curam suscipere. Ad id enim nos hortatur sincerus affectus, quo vestram excellentiam persequemur suasiones quoque prenominati Urbani, quem haud mediocriter amamus, non parum apud nos profuerit.

Data die XVIIa martii 1438.

Thomas, dux etc.

ASG,AS,3033 , Div. Filze,13, N/n 19/V–1441

Antonii Spinule

Yhesus.

Vobis illustri ac excelso domino domino duci Ianuensium ac eorum libertatis defensori et magnifico consilio dominorum ancianorum civitatis Ianue exponitur pro parte fidelissimi servitoris vestri Antonii Spinule condam domini Bartholomei de Luculo, tamquam procuratoris ac commissarii et mandatarii in hac parte ac etiam participis infrascripti Filipi de Morde burgensis Peyre et in rebus ac mercibus[75], de quibus infra fiet mentio, humiliter exponitur, quod cum alias anno de[76] MoCCCCXXXVII Mervaldus Spinula quondam Baptiste civis Caffe patronizaret quandam navem portate vegetum sexcentarum in circa et que erat quasi in totum dicti Philipi, et cum dicta navis quadam die capitasset in partibus Trapesundarum cum capitibus et aliis mercibus et rebus diversarum manerierum, que erant in maiori parte dicti Philipi et rationis sue in magno valore, ibidemque staret tamquam in partibus amicorum in nichilo dubitans maiori parte ihusme existente in terra, prout assolet fieri in similibus consideretque tamquam in loco ianuensium; ecce, quam quidam Ieronimum de Nigro missus ab imperatore dicti loci Trapesundarum cum una galea et una naveta armatis accessit ad dictam navem patronizatam per dictum Mervaldum, improvissam et incautam moreque hostili ac piratico ipsam navem cum omnibus rebus et mercibus ac bonis in ea existentibus et ipsam Mervaldum intercepit. Quo facta, exonustis omnibus rebus ac mercibus predictis ipsoque Mervaldo incarcerato, dum navis in dicti imperatoris potestate seu agentium pro eo existeret. Tanden scopulis collissa fracta fuit et demersa cumque his auditis, que nephanda gesta erant, dictus Philipus pro huiusmodi violentia et preda habuisset recursum ad dominem consulem Caffe obtinuissetque litteras favorabiles pro iustitia dirrectivas prefato imperatori, se ad dictum locum Trapesundarum transtulit et dicto imperatori litteras presentavit prefati consulis, a quo neque lecte, neque visse, ut ita dixerit,

[75] ac mercibus — вставлено над строкой.

[76] Следует зачеркнутое: M.

fuerunt, neque ipse Philipus auditus, nullaque ei iustitia reddita, retento fere usque ad hec tempora dicto Mervaldo in carceribus licet nunc sub certis promissionibus relaxato. Quo fit, ut idem Antonius dictis nominibus iustissimas causas habet conquerendi coram illustris et magnificis dominationibus vestris de tam enormi preda et rapina, ac etiam petendi sibi represalias concedi, tam pro valore dicte navis, scilicet pro eo, quod participabat in ea, quam etiam pro valore dictorum capitum, rerum et mercium eidem spectantium et pro dampnis et interesse, que passus fuit occaxione dicte capture, prede ac violentie et rapine, prout disponitur ex forma capituli,qualiter laudes et represalie concendatur.

Quam ob rem supplicatur devotissime ante dictis dominationibus vestris, ut attentis hiis iustissimis causis, dignemini comittere et delegare venerando offitio mercantie civitatis[77] Peyre, aut alii magistratui, cui melius {melius} videbitur, ut supercontentis in dicta suplicatione et super pretio et valore omnium supradictorum plenas informationes ac declarationes ac testificationes asummat et examinet et omnia et singula, que producere et probare voluerit dictus Philipus, seu agentes pro eo in predictis, quibus sic per actis asumptis et examinatis ea transmittat, sigilata ad dominationes vestras, quibus inspectiset examinatis, si cognoveritis represalias pro supradictis posse iuste concedere ipsi Philipo, secundum formam preallegati capituli, concedatis tam contra prefatum imperatorem et bona ipsius, quam contra omnes subditos ipsius[78] et bona ipsorum, et quas eo casu, ut supra, requirit concedi[79], prout iustitia et honestas postulant et requirunt, et taliter providere, ne deinceps subditi huius inclite comunitatis dampna, iniurias et ignominias indebite patiantur, in quaquidem re exorat, ut ipsum Antonium dictis nominibus benigne recomissum suscipiatis etc.

+ MCCCCXXXXIo die XVIIIIa maii.
Scriptum est opportune potestati et offitio mercantie Pere.

ASG,AS,3033 Div.Filze,13 N 58(alias 168) 28/III 1442
Ihesus Maria.
Pro Antonio Spinulla, condam Bartholomei.

Vobis illustri et excelso domino domino duci Ianuensium et magnifico consilio dominorum ancianorum civitatis Ianue humiliter exponitur pro parte Antonii Spinulle condam Bartholomei procuratoris et comissarii, ac etiam participis rationis Filippi de Molode, civis Pere, quod cum ipse dicto nomine anno proxime preterito de mense mai porrexerit quandam supplicationem vobis, prefacto illustri domino domino duci et magnificis tunc ancianis, continentem querimoniam gravam de quadam navi ac rerum et mertium in ea honestarum ipsius Philippi et sotiorum intercepta in portu Trapezunde more hostili cum mercibus et bonis in ea tunc existentibus de mandato serenissimi domini imperatoris Trapezunde, in

[77] Следует зачеркнутое: Ian(ue).
[78] Ipsius — вставлено над строкой.
[79] Conccedi исправлено на: concedi.

qua requisivit tunc oportune scribi spectabili domino potestati[80] Peire et officialibus offitii mercantie dicti loci, ut de contentis in dicta supplicatione testes et probationes, quas dicti Philippus et socii ac participes producere velent, reciperent et eas probationes seu atestationes Ianuam transmiterent dominationibus vestris, ut ipsis prospectis, possent providere eisdem Philippo et sociis de remedio oportuno, ut foret consultum et satisfactum indemnitati ipsorum, vel per viam reprezariarum, vel alia via, que salubrior videretur prefatis dominationibus eidem, quod imperatori b(enedicto) scriptum fuerit opportune, tan pro parte prefati illustris domini ducis et tunc dominorum ancianorum, quam etiam etiam pro parte prefatorum domini potestatis et officialium mercantie dicti loci Pere. Qui imperator frivolis excuzationibus conatus est per litteras suas se excusare, ex quo effectum[81], ut prefati dominus potestas et officiales mercantie Pere distulerint testes et probationes ipsorum Philippi et sotiorum ac participum recipere in predictis et facere, que eis comissa fuerunt vigore litterarum vestrarum, et sic interim eis d(a)mpnificatus non fuit, nec est provisum pro indemnitate ipsorum, prout debitum fuerat, prout de predictis patet[82] in actis canzelarie scriptis manu Iacobi deBracel(lis) canzelarii[83], quam ob rem supplicatur vobis antedictis illustri domino domino duci, magnificis dominis ancianis, quatenus dignemini iterum et de novo comitere per litteras vestras prefatis dominis potestati et officialibus officii mercantie Pere, ut probationes et exclarationes, quas producere voluerint dicti Philippus et socii coram ipsis supercontentis in dicta supplicatione[84] recipiant et diligenter examinent supercontentis in dicta supplicatione et eas sic // receptas omniaque pertinentia ad causam dicte supplicationis transmitant clausa et obsignata fideliter, ut super contentis indicta supplicatione possit per vos de oportuno remedio providere, prout iustum et honestum est, in qua re dictum Philippum, sotios ac participes recomissos facit antedictio dominationibus vestris, quas Dominus optimus perpetuo feliciter amet.

MCCCCXXXXIIo die XXVIII marcii.

Scriptum fuit potestati Peyre et officialibus mercantie civitatis Peyre, ut in manuale litterarum cont(ent)u(m).

ASG,AS,3038, Div.Filze,18 (1450) N 49r-v 5/III 1450

Nic(ola)i Spin(ule) de <Lucullo> et F<rancisci de Levanto>[85] procuratorum etc

Illustri et excelso domino duci Ianuensium et magnifice consilio dominorum antianorum civitatis Ianue humiliter et reverenter exponitur

[80] Potestate исправлено на: potestati.

[81] Следует зачеркнутое: estitit.

[82] Следует зачеркнутое: pub.

[83] prout debitum fuerat, prout de predictis patet [pub] in actis canzelarie scriptis manu Iacobi de Bracel(lis) canzelarii — вставлено над строкой.

[84] super contentis in dicta supplicatione — вставлено над строкой.

[85] Дефект оригинала.

pro parte Nicolai Spinule de Lucullo quondam domini Bartholomei et Francisci de Levanto civium Ianue, procuratorum Philipi de Morde burgensis Peire, et Mervaldi Spinule olim patroni cuiusdam navis, que pro maiore parte erat dicti Philipi et ad eum spectabat et pertinebat, quod anno de MCCCCXXXVII dictus Mervaldus patronus erat cum dicta navi portate modiorum mille ducentorum vel circa in partibus Trapesondarum loco ubi dicitur in Lo Vathi, que navis erat onusta capitibus et aliis rebus et mercibus magni valoris fere in totum dicti Philipi et racionis sue. Cumque dictus Mervaldus maneret in dicto loco tanquam in loco amicorum et sine ulla suspicione, ut verisimiliter poterat et maior pars plusme navis sue esset in terra, supervenit comissarius serenissimi domini imperatoris Trapesondarum cum certis galeis et fustis et hostiliter more pirraticho ac manu armata et de commissione, voluntate, consensu ac mandato prefati domini imperatoris, qui eum miserat ad capiendum dictam navem, intercepit dictam navem cum universis capitibus, rebus et mercibus in ea tunc existentibus, que res, merces et capita perveneravit in prefatum dominum imperatorem et seu alium pro eo. Navis tamen predicta naufragium passa fuit, facto et culpa illorum, qui dictam navem interceperunt. Quod casus contingens post indebita captura navis spectat et pertinet raptoribus et mandantibus navem capi. Et ultra capturam dicte navis capitum, rerum et mertium predictarum dicti Mervaldus et Philipus plurima danna {plurima danna} et expensas passi sunt ascendentia et ascendentes ad magnam quantitatem pecunie represalie contra prefatum dominum imperatorem, eius subdictos et bona, et tam mari, quam terra, iuxta formam capituli, qualiter laudes et represalie concedantur.

Idcirco dicti Nicolaus et Franciscus dictis nominibus humiliter suplicant celsitudini et dominacionibus prelibatis quatenus dignentur vis dictis nominibus concedere represalias contra dictum dominum imperatorem, eius subditos et bona, tam mari, quam terra, pro precio et valore dicte navis ac dictarum rerum et bonorum, ut supra predatarum et predatorum et etiam pro dannis ex...[86] et interesse passis et factis per dictos Filipum et Mervaldum, vel alterum eorum paciendis et faciendis causa et seu occ(asione) predicta, vel saltem comittere, quibus videbitur per dominaciones prelibatas, ut visis, videndis et auditis audiendis, ac viso dicto capitulo, qualiter laudes et represalie concedantur cognoscant et refferant, an dicte represalie sint concedende, vel non. Alioquin dicti Filipus et Mervaldus invenient se suis rebus et bonis spoliatos sine spe recuperacionis et etiam cum summa iniuria dannificatos, quod non credunt esse intencionis celsitudinis et dominationum prelibatarum.

+ MCCCCL die V a Martii.

Responsio i(llustri) et ex(celsi) domini ducis ianuen(sium) et magnifici consilii dominorum antianorum[87] in legitimo numero congregatorum est,

[86] В оригинале — дыра.

[87] Следует зачеркнутое: est.

quod sp(ectabile) Officium Provisionis Romanie comunis Ianue, auditis supplicantibus suprascriptis et vocatis coram se mercatoribus Trapesundarum diversantibus et intellectis diligenter omnibus // in materia suprascripta intelligendis, sumptisque informationibus super his in supp(licatio)ne narratis referat prefatis i(llustr)i domino duci et consilio, quid in dicta materia invenerit.

ASG, AS, 3051, Div. Filze, 31 N 170 12/X, 19/XI 1470
Pro Isabella de Ripparolia, uxore Bartolomei de'Opiciis.

Magnificis dominacionis locuntenenti et ancianis humiliter suplicando exponit Bartholomeus de Opiciis, tanquam procurator Isabelle uxoris sue, filie et heredis quondam Antonii de Riparolia, quod, cum alias dictus quondam Antonius cum quadam sua navi et cum certis suis bonis et mercibus esset in partibus orientalibus videlicet iuxta locum de lo Vati, supervenit ibi quondam Iheronimus de Nigro cum quadam galea et fustis armatis et dictam navem hostiliter accepit, ac bona in ea existencia ipsaque retinuit et de eis disposuit, prout voluit, ex qua captura et depredacione sic, ut supra, facta ipse Antonius tunc dollore, ut creditur defunctus est, dictaque Isabella, tunc infans seu in minori etate constituta, non potuit ius suum consequi et ideo, cum dicta preda comissa fuerit in mari et ad dominaciones vestras pertineat, ut huismodi casibus providere, requirit magistratum sibi dari, qui ius sibi ministret contra dictum Iheronimum et quencumque sibi obligatum sumarie simplicit(er) et de plano sine strepitu et figura iudicii sola facti veritate inspecta et sine solucione pignoris bandi, ita quod ipse Bartholomeus, qui pauperimus est, possit ius suum consequi, et qui magistratus dictam causam terminet, decidat et expediat et executionem faciat, in quo se comendat dominacionibus vestris, quas conservet altissimus.

+die XII octobris 1470.

M(agnificus) miles dominus Iacobus de Bovarellis, potestas et ducalis in Ianua vicegubernator m(agnificum)que consilium dominorum antianorum in pleno numero congregatum, intellecta dicta supplicatione et contentis in ea, ex adversoque audito Theodoro de[88] Nigro quondam Ieronimi et quicquid tam oretenus, quam in scriptis dicens aut contradicens voluit et mani(fest)e dicente ipsos magnificum dominum vicegubernatorem magnificumque consilium dominorum antianorum non posse se impedire de dicta causa eo, quod non erat causa de preda facta in mari. Demum re ipsa inter se se diligenter examinata atque discussa, statuerunt ac decreverunt dandum esse et dari debent[89] magistratum pub(licum), qui cognoscat de iuribus et exceptionibus quibuscumque

[88] Следует зачеркнутое: Flischo; Nigro — вставлено над строкой.
[89] Следует зачеркнутое: magistratibus.

partium et demum dictam controversiam terminare atque decidat et exequatur procedendo summarie et expedite sine strepitu et figure iuditii.

+ die XVIIII novembris 1470.

M(agnificus) miles dominus Iacobus de Bovarellis, potestas et ducalis in Ianua vicegubernator, et magnificum consilium dominorum antianorum in sufficienti et legitimo numero congregatum[90], volentes procedere ad dationem magistratus super contentis in supplicatione suprascripta et iuxta deliberationem per eis, ut supra sertum factam elegerunt ac constituerunt magistratum et pro magistratu partium predictarum spectabilem dominum vicem gubernatorum et spectabilem dominum Franciscum Marchesium iuri u(triusque) doctorem[91] assumptum confidentem inter ipsas partes una cum d(ominis) sindicatoribus comunis Ianue, qui visa supplicatione predicta et responsione ac exceptionibus partis adverse et utriusque iuribus intellectis ministrent iustitiam summariam et expeditam, revertis cavallationibus et frustrationibus quibuscumque de et super contentis in supplicatione predicta, et quicquid ab eis iudicatum fuerit exequantur.

ASG,AS,3051, Div.Filze,31 N/n <1470>
+I(hesus).
Coram vobis, magnificis doninis vicegubernatori et antianis inclite civitatis Ianue se presentat Theodorus de Nigro causa et occaxione cuiusdam suplicationis producte contra se in effectu per Bartholomeum de Opiciis asserto procuratorio nomine Issabele uxoris sue. Et respondendo dicit, quod asserta suplicatio est reicienda ordinata per preturam et in pernitiem ipsius Theodori et ad finem, ut dominationes vestre, que reg(ula)riter non possunt se intromittere de causis agendis vel agitatis coram magistratibus ordinariis Ianue per indirectum se intromittant.

Nam, ut est notorium in civitate Ianue, dominus Ieronimus eius pater, baro imperatoris Trapesunde et inter suos primates commoratus, longissimo tempore stetit in ea regione subditus et baro imperialis maiestatis obediebat et militabat pro votis illius imperatoris. Et quicquid gesit vel fecit eo tempore, fecit et gesit mandato domini sui non ex suo proposito, sed sic iubente, qui poterat. Verum, num potest dici fecisse, qui iussu domini sui, tamquam nudus minister et executor sic fecerit, nec eo tempore exercebat hec inclita civitas aliquod imperium in ipsum dominum Hieronimum, quia licet esset originarius civis Ianue, destinatione tamen sortitus fuit, usquam ad ultimum vite domicilium in Trapesonda et regula loquitur contra eos in quos plenum habet imperium hec inclita civitas, sic cum non posset vivus convenire, non debet eo mortuo eius hereditas vexari, iuncto maxime, quod iam transacti

[90] et magnificum consilium dominorum antianorum in sufficienti et legitimo numero congregatum — вставлено над строкой и на полях.
[91] Следует зачеркнутое: una cum spectat.

sunt anni triginta sex in circa, et tam Mervaldus Spinula, quam alii Ianuenses, qui dicuntur habuisse merces super dicta navi et al[ii]s consociis et semper habitaverunt in Caffa, ubi dominus Hieronimus habuit bona et procuratores et nusquam eum molestaverunt, ut pote qui nullum ius potuerunt pretendere contra ipsum dominum Hieronimum. Nam, ut afirmatur ipsi Theodoro navis, de qua in asserta suplicatione, super qua dicitur, fuisset dictum, condam Antonium et erat patronizata per subdictum imperatoris et predam commiserat in caravanas amicorum dicti imperatoris, que proficiscebantur Trapesundam mercandi gratia. Et sicut cedebat dampno huiusmodi preda dicto imperatori, quia obviabant lucris et utilitatibus regionis sue, ita cedebat dedecori, nec videretur receptare et manu teneret predones et mercatores depredactos et iuste potuisset facere prefactus dominus imperator contra turbantes pacem et mercaturas sue regionis, aut saltem nichil est, quod possit imputari dicto domino Hieronimo, qui si quid fecit, yd iussu domini sui peregit. Et im omnem eventum excusaretur, nec potest sibi imputari mors dicti Antonii, vel quod male se habuerit cum ianuensibus, imo fuit semper eorum protector, ubi potuit.

Cum ergo obstet exceptio prescriptionis, exemptionis et in omnem eventum pretendatur iussus superioris, nec de aliquo delicto probetur et patronus navis capte esset subditus petit decerni a prefactis dominationibus vestris se non posse intromittere de comtent(is) in suplicatione. Et si dictus Bertholameus pretendat ius aliquod contra ipsum Theodorum fillium et heredem dicti condam domini Hieronimi occaxione premissa sunt magistratus ordinarii in civitate, coram quibus potest de iure suo experiri et sibi ostendebitur oportune.

Консулы генуэзской Каффы перед судом и наветом

С XIII в. Черное море, бывшее до того заповедным бассейном Византийской империи, стало доступным для итальянского купечества. Взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. предоставило такую возможность сначала венецианцам. Но те, занятые освоением доставшегося им после падения Византии большого островного домена в Эгеиде (в составе которого были и Крит, и порты Пелопоннеса Корон и Модон, и многое другое), не спешили обосновываться в еще мало известном для них, но уже носившем название «Великого», море. Да и доходы от торговли там в первой половине века были еще скромными. Основной путь международной торговли проходил южнее — через Багдад и Восточное Средиземноморье. Татаро-монгольские завоевания, разрушения крупных городов на старых путях и возникновение на периферии Византии больших империй —

улуса Джучи на Севере и державы Ильханов на Юге, круто изменили ситуацию. Два главных караванных маршрута с Востока в Европу оканчивались с середины XIII в. в Причерноморском бассейне. Один — в столице Понтийской империи Великих Комнинов — Трапезунде, другой — в устье Дона, где постепенно возникает итальянская фактория Тана[1]. Генуэзцы, как кажется, раньше поняли суть произошедших перемен и поспешили заключить договор с Никейским императором Михаилом VIII Палеологом 13 марта 1261 г., незадолго до возвращения им прежней столицы Византии — Константинополя из рук разваливавшейся Латинской империи крестоносцев[2]. И довольно быстро, с середины 60-х годов XIII столетия берега Черного моря стали покрываться сетью торговых факторий генуэзцев, некоторые из которых превратились в города в полном смысле слова или составляли особое городское ядро в старых городах Крыма, Кавказа, Понта или Пафлагонии[3]. Каффа была самой крупной жемчужиной в этом ожерелье. Завоевав себе место под солнцем как в борьбе, так и путем соглашений с ханами Золотой Орды, Каффа быстро росла, став многотысячным и полиэтничным городом в XIV в. и обогнав по населению даже Константинополь в веке XV[4].

С конца XIV столетия и вплоть до османских завоеваний 1475 г. консул Каффы считался высшим должностным лицом не только этого, самого крупного, города в регионе, но и для всех генуэзских владений в Крыму (так называемой Газарии) и в Причерноморье. Устав Каффы 1449 г. называл его caput et primordium dicte civitatis et totius Maris Maioris in imperio Gazarie[5]. Лишь подеста Перы — пригорода

[1] См., напр.: *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Paris, 1885–86. T. 2. P. 93–95; *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. *Он же.* Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // ВВ Т. 57 (82). 1997. С. 5–18.

[2] *Origone S.* Bisanzio e Genova. Genova, 1992. P. 119–123; *Бахматова М. Н.* Нимфейский договор в системе международных отношений середины XIII в. // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 210–230.

[3] См. подробнее: Культура Византии XIII–первая половина XV в. М., 1991. Гл. 1, 5; *Мурзакевич Н. Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; *Брун Ф. К.* Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. 1–2. Одесса, 1879–1880; *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М., 1973; Феодальная Таврика. Киев, 1974; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe—début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978. T. I–II. *Idem.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe–XVe siècles). London, 1989; *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente. Genova, 1990; *Idem.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988; *Idem.* I Signori del mare. Genova, 1992.

[4] См.: *Balard M.* Caffa «Ianuensis civitas in extremo Europe» // Rivista di Bizantinistica. 1993. T. 3. P. 165–181; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции. На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995. *Он же.* Образование городской коммуны Кафы (до сер. XV в.). Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 1997.

[5] Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. изд. В. Н. Юргевич // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 643.

древней и исторической столицы Византии и оплота генуэзской власти на Босфоре, мог претендовать на сходную роль, распространяя свой контроль на некоторые поселения в Анатолии. Консул Каффы избирался в Генуе из представителей высшего патрициата метрополии, имел свиту и прислугу. Его появления перед народом были сопряжены с особым, торжественным ритуалом. Он представлял власть и персонифицировал могущество и авторитет Генуэзской республики. У него находилась печать и другие атрибуты коммуны. Он, вместе с викарием — доктором прав — вершил суд в факториях. В большой зале консульского дворца Каффы стояло для устрашения и применения в дознании пыточное устройство (tortura seu tormentum)[6].

Обладая высшей административной и судебной властью, консул, вместе с тем, избирался лишь на один год, приносил присягу перед генеральными синдиками Каффы в соблюдении Устава Каффы и законов Генуи. Он был лишен права брать в откуп налоги, заниматься коммерческой деятельностью, за исключением последних четырех месяцев правления, при том на сумму, не превышающую его жалования, брать подарки от каких бы то ни было лиц, включая и государей. Официальные дары он был обязан тотчас же передавать специальной комиссии — Оффиции монеты. Ежемесячно консул Каффы должен был заботиться о том, чтобы глашатай объявлял в Каффе и ее предместьях, что каждый может принести консулу и его совету жалобу на любого оффициала и консул, под угрозой синдикамента, должен эту жалобу расследовать по закону. Но и сам он находился под властью сурового закона. Еще перед своим отъездом из Генуи он был должен оставить специальный залог, из которого могли быть произведены вычеты, а по истечении полномочий он подлежал суду синдиков, вне зависимости от результатов своего правления. Любой человек, недовольный его действиями, мог обвинить его перед синдиками, и те имели право приговорить его к высокому штрафу или иному наказанию. Широта прерогатив при исполнении должности оборачивалась унизительной процедурой сразу по истечении мандата[7]. Метрополия, охваченная постоянным соперничеством олигархических группировок, страшилась узурпации власти в факториях, превышения полномочий должностных лиц и лоббирования ими клановых интересов. Республика нередко была недовольна своеволием консулов, например, при выдаче ими разрешений на применение права марки по отношению к подданным местных государей (царя Грузии. Трапезундского императора, а тем более, хана Золотой Орды или турецкого султана)[8].

[6] Устав... С. 644–648, 650–651.

[7] См. подробнее: *Kressel R. Ph.* The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio. The Univ. of Wisconsin PhD. Univ. Microfilms Inc. Ann Arbor. Michigan, 1966; *Airaldi G.* Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Genova, 1974. P. 14.

[8] Archivio di Stato di Genova (далее — ASG), Archivio Segreto (далее — AS), 498, Diversorum, Registri (далее — DR), 3, f. 94r–97r [N 322]–10/IV 1398.

Власти Генуи тщательно разработали процедуру синдикации[9] и давали поручение специальным судьям и вновь избранным консулам Каффы рассматривать иски против сменяемых консулов[10].

Благодаря обнаружению большого фонда петиций, подаваемых лигурийцами верховным органам власти в Генуе[11], мы имеем редкую возможность увидеть, как на практике действовала эта система.

В 1419/20 г. консулом Каффы был избран юрист, доктор прав, Леонардо Каттанео. Он должен был сначала исполнять должность массария (одного из двух председателей палаты счетов Каффы), а затем через 2 года стать консулом. Юридическое образование не помогло ему избежать приговора синдиков к уплате штрафов за какие-то нарушения, которые сам Каттанео не признавал таковыми. Едва завершился его первый год, когда он еще был массарием, как в июле 1420 г. он был обвинен в злоупотреблениях. Он обжаловал приговор, но в 1421 г. новый консул Манфредо Саули, привел приговор в исполнение и взыскал с Каттанео сумму штрафа. Не помогли и решения дожа Томмазо ди Кампофрегозо от 16 октября 1421 г., и, вслед за тем совета старейшин, собравшегося по настоянию миланского герцога, ставшего верховным правителем Генуи, от 12 ноября 1422 г., признавшие правоту истца, отклонившие обвинения и постановившие к ним впредь не возвращаться, то есть прекратившие дело[12]. Истец не был удовлетворен этим, ибо не получил компенсации, и настоял на назначении в 1424 г. специальной комиссии, в состав которой попал и всемирно известный юрист Бартоломео Боско. Комиссия не смогла решить вопроса, относится ли дело к компетенции губернатора и старейшин, или же нет[13]. И через 11 лет, после долгих и безрезультатных попыток добиться компенсации, Каттанео вновь обратился к губернатору миланского герцога, правителя Генуи, и его комиссарию, которые, вместе со старейшинами, опять признали правоту бывшего консула и вынесли решение о возмещении ему ущерба, но не за счет казны Генуи или Каффы. Подобные приговоры, без указания источников поступления денег, были в Генуе скорее актом морального удовлетворения истца[14].

Преемник Каттанео, Манфредо Саули, также не избежал осуждения. Как кажется, он был честным и строгим администратором. В петиции отмечено, что он похвально и с достоинством (graviter), мудро и хорошо вершил дела, без чего Каффа подвергалась бы явным опасно-

[9] *Kressel R. Ph.* The Administration of Caffa... P. 14.

[10] ASG, AS, 3025, Diversorum, Filze (далее — DF), 5, N 127(старый), 51 (новый): 24–26/III 1429.

[11] См.: *Карпов С. П.* Причерноморье в XV веке по материалам собрания Diversorum, Filze Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., МГУ, 1995. С. 9–19; *он же.* Регесты документов фонда Diversorum, Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3, М. –СПб., 1998. С. 9–81.

[12] ASG, AS, 507, DR,12 f. 5r–v, 7r–8r (N 17): 12 è 17/XI 1422.

[13] ASG, AS, 509, DR,14, f. 65v–67r (N 216b): ранее 7/VI 1425.

[14] ASG, AS, 3026, DF, 6, N 30 (старый) 43 (новый) 18/I 1431.

стям и испытаниям. Ему не повезло потому, что конец его правления был ознаменован крутой переменой в политическом положении самой Генуи. Саули получил назначение от дожа Томмазо ди Кампофрегозо (1414–1421), а сдавал он полномочия уже синдикам миланского герцога Филиппо Мария Висконти, под власть которого перешла Генуэзская республика. Видимо, он и его родственники были в оппозиции к Милану, и лишь спустя 21 год наследники Саули смогли подать жалобу на имя Томмазо Кампофрегозо, дожа, вторично возвратившегося к власти (1436–1442), того самого человека, который его некогда назначил.

В 1421 г., после оставления им должности, его обвиняли «из зависти и ненависти к принятым им мудрым решениям». Четыре синдика пристрастно вели следствие и вынесли, внимая заведомым наветам отдельных горожан (burgenses) и иных жителей Каффы, несправедливый обвинительный приговор. Он и его поручители были приговорены к уплате казначейству Каффы и различным лицам больших сумм денег, на что не хватило средств самого Манфредо Саули. Процесс длился долго и со многими несправедливостями, из которых истцы упоминают лишь две. В консульство Манфредо Саули в Каффе был настоящий голод, так что значительная часть населения питалась скорее травой, чем хлебом. Саули послал некого Джованни ди Сан-Донато, патрона навы, в Ло Коппу для доставки в Каффу зерна. Спустя много дней консул получил известие, что Джованни ди Сан-Донато отправился не в Каффу, а в Трапезунд, в нарушение своих обязательств. Консул приговорил его к штрафу 100 соммов[15], что тот и заслужил. Синдикаторы же за такой вердикт приговорили самого Манфредо к уплате максимальной суммы штрафа, что он счел небывалой несправедливостью.

Второй случай еще интереснее. Некий грек Папакостас был захвачен золотоордынским ханом и передан какому-то татарину для охраны. Грек бежал. Татарин, боясь расправы хана, искал убежища в Каффе и не по доброй воле, но ради корысти, пожелал принять крещение. Консул, учитывая нрав хана и опасности, могущие воспоследовать для Каффы, а также вынужденность, а не свободное желание этого татарина перейти в христианство, устроив совет, выдал татарина хану, испросив для него предварительно прощение. Синдики сочли консула виновным. Истцы же в 1442 г. требовали пересмотра дела и возмещения ущерба наследникам, приводя в качестве примера, между прочим, и решение по делу Леонардо Каттанео, а также других оффициалов Генуэзской коммуны. Впрочем, причастность Саули к делу Каттанео, возможно, также бывшая мотивом его осуждения синдиками, в петиции не упоминается. Дож и старейшины поручили синдикам Каффы рассмотреть казус Саули и представить материалы письменно в Геную[16].

[15] Это была большая сумма. Каждый серебряный сомм содержал более 200 г. серебра.

[16] AS 3033, DF, 13 N 121 (186) 3 и 28/IX 1442.

Не менее четырех лет шел процесс и над консулом Пьетро Бординарио (1426–27), обвиненным Дарио Грилло, так и не закончившись определенным решением. Вместе с синдиками дело последовательно вели консулы Каффы Габриэле Реканелли и Филиппо Каттанео[17].

Другой патриций, Франко Ломеллини, был консулом Каффы в 1431–1432 гг. В день вступления в должность, 8 октября 1431 г. он получил известие от подчиненного ему консула Солдайи[18], что две венецианских галеи потерпели крушение у мыса Меганом. Ломеллини приказал собрать все имущество и товары соперников и передать их в распоряжение массарии Каффы. Конфликт двух морских республик в Причерноморье обострялся[19]. Венецианцы предприняли ответные действия. В необычное для навигации время, 24 декабря 1431 г. они захватили генуэзские галеи близ берегов «генуэзской» Газарии. Это вызвало такую панику в Каффе и других факториях, что консул должен был потратить деньги от конфискованных ранее товаров на подготовку обороны от возможного нападения. Однако 8 месяцев спустя власти Генуи, которые вели с Венецией мирные переговоры, потребовали от Ломеллини перевести эти деньги в метрополию. А так как консул не смог этого сделать, его оштрафовали на 50 соммов. Поданная затем петиция была отправлена на рассмотрение генуэзской Оффиции Романии[20].

Противоположный случай встречаем в петиции Габриэле де'Мари, пострадавшего от консула Каффы Теодоро Фьески (1441–1442). Фьески попросту конфисковал у де'Мари лошадь для своего сына, отправлявшегося управлять консулатом Солдайи, и не вернул ему ни коня, ни 50 дукатов его стоимости[21].

Консулов обвиняли в должностных злоупотреблениях и тогда, когда они явно не имели от этого никаких выгод. Например, одна из оффиций Каффы была на 2 года предоставлена Иснардо ди Кампофрегозо, который столь бесчестно ею управлял, что было необходимо его от управления отстранить. Но так как он ранее получил эту должность в качестве «кормления», отнять ее было возможно, лишь заставив его продать оффицию, что и было сделано. При продаже поручителями (fideiussores) являлись консул Каффы, Антонио Ломеллини, и Паоло Империале, провведитор и массарий[22], которые лишь

[17] ASG, AS 512, DR 17, f. 73r (N 309): 17/IV 1429 — предписание о расследовании дано новому консулу Каффы Филиппо Каттанео; ASG, AS, 3026 DF, 6, N/n: 18/I 1431.

[18] Наиболее полный и обстоятельный обзор истории генуэзской Солдайи, помимо цит. выше монографии М. Балара, содержится в кн.: *Секиринский С. А.* Очерки истории Сурожа IX–XV вв. Симферополь, 1955.

[19] См.: *Dupuigrenet Desroussilles F.* Vénitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noire en 1431 // Cahiers du Monde russe et soviétique, 1979, T. XX(1). P. 111–122; *Vasiliu V.* Sur la seigneurie... P. 306–308.

[20] AS, 3037, DF,17, N 24: 12/II 1448.

[21] AS, 3035, DF, 15, N/n: 12/ X 1444.

[22] Позднее он также стал консулом и был даже, вместе с Баттиста Джентиле, возведен папой в сан графов палатинских за содействие заключению

исполнили общественный долг, ради мирного (pacifica) управления городом. Дож, не зная о произошедшем, ликвидировал саму эту должность на 1 год, чем нанес ущерб поручителям на сумму ее стоимости за год. Консул и массарии, ради общественного блага, заплатили эту сумму стоимости второго года из денег казначейства. Уплата была, однако, кассирована Оффицией Романии без заслушивания прокураторов Паоло Империале и Антонио Ломеллини. Прокураторы наследников умершего консула просили оставить в силе распоряжение, данное им массариями Каффы, до прибытия их преемников и выплачивать надлежащее из возможных поступлений казначейства Каффы, а не из личных средств покойного Антонио Ломеллини, как полагалось по закону. Правильные решения дорого обходились консулам, тем более, что иски передавались, как и в этом случае, чаще всего на доследование[23].

Оливерио Маруффо был консулом Каффы в 1440–41 г. и ввел там несколько сдаваемых в откуп налогов, распределив их, как обычно на квоты — loci. К этому его вынудила скудость городских финансов и заботы о поддержании города. Никакой выгоды, как утверждал истец, он не имел. Но и его ложно обвинили в корысти и присудили к штрафу в 100 соммов. Синдики, осудившие Оливерио Маруффо, были предвзяты и плохо осведомлены. Сын Оливерио Маруффо Марко просил их предусмотреть возможность пересмотра решения (reservari arbitrium), принятого в отсутствие отца, так как оно могло бы быть изменено в результате ознакомления с подлинными документальными свидетельствами и на основании показаний самого Оливерио Маруффо. Синдики голосованием решили допустить возможность такого пересмотра. Но так как после завершения ими своей должности и отъезда в Геную, их было невозможно собрать и обеспечить кворум для принятия решения, дело так и не было пересмотрено. Истец неоднократно просил выслушать его жалобу и восстановить справедливость, освободить его от бесчестия и от уплаты штрафа и издержек по нему, тем более, что много лиц в Генуе, которые тогда были в Каффе, могли бы помочь объективному расследованию. Дож передал дело на экспертизу Оффиции попечения Романии и просил назначить одного из синдиков коммуны для совета о том, как следует ответить на эту петицию[24]. Это означало долгую судебную волокиту.

Консулов карали и за правонарушения, например за проведение расследований по делу их бывших викариев. Такой синдикамент, проведенный уже знакомым нам Паоло Империале по отношению к викарию, состоявшему как при нем, так и при его предшественнике, был признан недействительным[25].

нии с армянами. См.: *Hofmann G.* Die Einigung der armenischen Kirche mit der katholische Kirche auf dem Konzil von Florenz 22 Nov. 1439// OCP. 1939. Vol. 5. P. 175.

[23] AS 3031, DF, 11 N 83 (98): 27/IV 1439.

[24] AS 3034, DF, 14. Без №: 13/V 1446.

[25] AS 3032, DF, 12 N 236:24/X 1440

Консулов чаще осуждали, чем оправдывали. Подчас судебные власти Генуи отвергали наветы на консулов, поданные уже после синдикамента, как это сделали в 1423 г. по отношению к бывшему консулу Антонио Маруффо.[26] И все же оправдания и, особенно компенсаций, приходилось ждать долго. Иногда на это не хватало целой жизни. Да и наследникам приходилось вести частые и нередко бесплодные тяжбы по, казалось бы, уже выигранным искам. Пусть это будет хотя бы частичным и запоздалым оправданием не худшей в истории высшей бюрократии генуэзских факторий.

Бабилано Джентиле / Паллавичино и падение Константинополя в 1453 г.[1]

29 мая 1453 г., после длительной осады, Константинополь был взят османами. Вскоре перед султаном капитулировала и генуэзская Пера, лежавшая на противоположном берегу Золотого Рога. Султан был разгневан на генуэзцев и за тайную помощь византийцам, и за то, что многие их корабли прорвались и покинули город. Он, отвергнул первое посольство Лучано Спинолы и Бальдасаре Маруффо, прибывшее с поздравлениями с победой, но склонился к миру и 1 июня даровал фирман членам второй, достигшей большего, миссии Бабилано Паллавичино и Маркизио де Франки. Пера не была разрушена, но перешла под суверенитет Османской империи. Жители сохранили дома, лавки, конторы, иную недвижимость и корабли. Их освободили от постоя, а их детей — от янычарского «налога кровью», но они должны были платить харадж. Они могли выбирать (но только на месте, а не в Генуе) главу фактории — старшину, но не подеста, как раньше. Они могли торговать в землях султана и иметь специальные привилегии, но при условии подчинения турецким законам[2]. Казалось бы, события тех лет изучены с исчерпывающей полнотой...

Среди многочисленных петиций генуэзских купцов фонда Diversorum, Filze Генуэзского государственного архива[3] есть одна, проливающая новый свет на судьбы жителей Латинской Романии, кому дове-

[26] AS 507, DR, 12, f. 30r (N 64) 14/I 1423.

[1] Опубликовано на англ. яз.: Babilano Gentile and the Fall of Constantinople in 1453 // Il Mar Nero. 1995/96. T. 2. P. 267–271.

[2] См.: *Рансимэн С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983, ос. С. 145–146; *Pistarino G.* La caduta di Costantinopoli: da Pera genovese a Galata turca // *idem.* Genovesi d'Oriente. Genova, 1990. P. 313–318; *idem.* Cinquantacinque giorni a Pera-Galata nel tempo di assedio di Costantinopoli (1453) // ВВ. 1997. T. 57(82). С. 28–31.

[3] Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto. 3021–3075. Diversorum, Filze, 1–55 (далее — AS, DF). Описание фонда и регесты документов см. в

лось стать свидетелями и жертвами штурма Константинополя османами и взятия ими Перы в 1453 г.

Речь идет о петиции горожанина (*burgensis*) Перы Бабилано Джентиле[4]. Бабилано постоянно проживал в Пере по крайней мере с 1439 г. Он может быть достоверно отождествлен с Бабилано Паллавичино, человеком, который вместе с Маркизио де Франки был послан генуэзской общиной Перы для переговоров с султаном Мехмедом II о сдаче Перы и обеспечении привилегий для бывшей фактории. Имена двух послов упомянуты в знаменитом фирмане султана от 1 июня 1453 г. Паллавичино вступил в «альберго» нобилей рода Джентиле возможно, когда альберго был значительно расширен в 1460 г.[7] Бабилано использует свое новое, после вступления в альберго, имя, и тогда, когда он упоминает свои прошлые переговоры с султаном и заключенный им и дей Франки договор — «firmata cum rege Teucrorum pacta et pace». Бабилано гордился своей дипломатической миссией и уверял, что именно этот договор был лучшим решением в той ситуации. Современники, впрочем, не всегда разделяли такое мнение. Венецианский нотарий Джакомо Лангуски, например, утверждал, что договор был бесполез-

---

ст.: *Карпов С. П.* Причерноморье в XV веке по материалам собрания Diversorum, Filze Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века. Вып. 2. М., МГУ, 1995. С. 9–19; *idem.* New Documents on the Relations between the Latins and the Local Populations in the Black Sea Area (1392–1462) // DOP. 1995. T. 49. P. 33–41; *он же.* Регесты документов фонда Diversorum, Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М. - СПб, 1998. С. 9–81.

[4] AS 3050, DF, 30, N 108: 26/II 1468.

[5] *Daleggio D'Alessio E.* Trattato tra i Genovesi di Galata e Maometto II // Il Veltro. 1979, T. XXIII, N 2–4. P. 113–114.

[6] *Miklosich Fr., Müller I.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. T. 3: Acta et diplomata graeca res graecas italiasque illustrantia, Vindobonae, 1865, P. 287–288; *Belgrano L. T.* Prima Serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // ASLSP 1877, T. XIII, fasc. 1, P. 226–229; *Iorga N.* Le Privilège de Mahomed II pour la ville de Péra (1er juin 1453) // Bulletin de la Séction historique de l' Académie Roumaine. 1914, T. II 1, P. 11–32; *Daleggio D'Alessio E.* Trattato... P. 103–118; *Pertusi A.* Testi inediti e poco noti sulla caduta di Costantinopoli / Ed. postuma a cura di A. Carile. Bologna. 1983, P. 177; ср.: *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente, Genova 1990, 305–310; *Olgiati G.* I Genovesi in Oriente dopo la caduta di Costantinopoli // Studi Balcanici, Roma 1989, P. 45–59; *eadem.* Genovesi alla difesa di Costantinopoli. Atti dell' Accademia Ligure di Scienze e Lettere, 1989. T. XLVI, Genova 1990. P. 492–503; *eadem.* The Genoese colonies in Front of the Turkish Advance // Tarih Araştirmalari Dergisi. Ankara Üniversitesi. Dil ve Tarih-Geografya Fakültesi, 1990–91, T. 15, P. 381–389; *eadem.* Angelo Giovanni Lomellino: attività politica e mercantile dell'ultimo podesta di Pera // La Storia dei Genovesi Genova 1989, T. IX, P. 168–169.

[7] См.: *Grendi E.* Profilo storico degli alberghi Genovesi // Mélanges de l'École Française de Rome. Moyen âge — temps modernes. 1975, T. 87/1, P. 253. Еще один Паллавичино, Джироламо из Каффы, также именует себя Джентиле: AS 3058, DF, 38, N 60: 18/ IV 1477.

ным и некогда не исполнялся, «mai...observato»[8]. Помимо всего прочего, цена за выживание была высокой: все генуэзские укрепления Перы должны были быть снесены и унизительная подушная подать была установлена для всех немусульман Галаты. Бабилано, да наверное и не он один, думал иначе.

В своей петиции Бабилано утверждал, что в Пере произвел много расходов ради благополучия и сохранения города, подвергался большому риску и потерял в конечном счете все свое состояние. В частности, во время осады Константинополя, подеста Перы обязал его быть гарантом займов на закупку продовольствия и всего необходимого для обороны. Эти займы Генуя не погасила, и поэтому Бабилано должен был из своих средств выплатить 712,5 перперов, выдав чек, оплаченный на Хиосе его родственником Аллаоне Паллавичино. Скорее всего, речь шла о займе в 9000 перперов византийскому императору Константину XI, гарантированном депозитами великого дуки Луки Нотары в генуэзских банках[9]. Заем был предоставлен подеста Перы Анджелло Джованни Ломеллино и членами *Officium Balie* Перы. Бабилано был одним из тех, кто лично принес деньги в дом Нотары в Константинополе[10].

После захвата Константинополя османами, многие перепуганные беглецы бежали в Перу, сообщает Бабилано. Они принесли сведения об ужасной резне в византийской столице. Обитатели Перы, полуживые от страха, уже не надеялись на спасение. Только Бабилано и покойный Маркизио дей Франки отважились идти послами к султану «среди мечей», когда турки уже занимали ворота города. Все они сделали на свой счет и должны были потратить немало денег на многочисленные подарки султану, его пашам и другим важным лицам при дворе и войске. Послы, как настаивает Джентиле, спасли Перу от разграбления и подписали договор, что казалось невероятным в той ситуации. Бабилано в удивлении сетовал, что Генуэзская республика никак не вознаградила его усердие и даже не погасила расходы, равные 1346,5 перперам. В целом же патриций требовал возмещения ему 2059 перперов, взывая к правосудию и ссылаясь на документы и показания свидетелей. Такая компенсация представлялась ему тем более законной, что другие кредиторы государства, даже подвергавшиеся меньшему риску и сумевшие спасти свое имущество в Пере, как, например, Маурицио Каттанео[11], получили компенсацию.

---

[8] *Pertusi A.* Testi... P. 178.

[9] О семействе Нотара и его связях с генуэзцами см.: *Matschke K.-P.* The Notaras Family and Its Italian Connections // DOP. 1995. T. 49. P. 59–72. В настоящее время обширное исследование о Нотара на основании документов из итальянских архивов подготовлено французским исследователем Тьерри Ганшу.

[10] *Olgiati G.* Genovesi alla difesa... P. 494, 502, note 8.

[11] Маурицио Каттанео был известным генуэзским пиратом и капитаном судов. В 1452 г. он захватил корабль арагонского короля. В 1453 г. он оборонял Константинополь и был одним из флотоводцев, нанесших поражение султанскому флоту: *Olgiati G.* Genovesi alla difesa... P. 497–500.

Безусловно, перед нами не первая петиция Бабилано. 22 мая 1467 г. он просил о компенсации 712 перперов, но старейшины (анцианы) Генуи, не зная как следует обстоятельств (по мнению истца), в спешке накануне истечения их полномочий, решили отклонить петицию 13 голосами против 9.

На этот раз новые анцианы разделили два иска и голосовали за каждый из них в отдельности. Первый из них (по поводу прямого займа коммуне) был отклонен 11 голосами против 10, а второй («pro facto legationis») — 19 голосами против 2. Нам не известны мотивы и аргументы голосовавших. Возможно, они сочли, что расходы должны были покрываться коммуной Перы, а не Генуи, или же что иски недостаточно подтверждены документально, представлены с запозданием и т.п.[12] Главная причина, возможно, еще проще: бюджет Генуи испытывал хронический дефицит[13]. Таким образом, страдания и разочарования героев и свидетелей падения Константинополя продолжались еще многие годы после этого события, и не только по вине османов.

ASG,AS,3050, Div.Filze,30 N 108 26/II 1468

Pro Babilano Gentili.

Illustri et magnificis dominationibus vestris supplicatur et exponitur humiliter et devote parte devotissimi civis vestri Babilani Gentillis, quod, sicut notorium est omnibus Ianuensibus, ipse Babillanus erat burgensis Peire, pro cuius loci et bonorum quorumcumque remanentium ibidem existentium tempore calamitatis Constantinopolitane ipse supplicans pro comuni utillitate et salute varias et multas expensas substinuit, pericullis vite et amissionis omnium bonorum se exposuit adeo, ut pretermissis quibuscumque pericullis et comodis suis de mandato tunc domini potestatis et officialium dicti loci mutuavit et exbursavit plures quantitates pecuniarum, videlicet dominis quatuor officialibus pro provisione et defenssione ac salute dicti loci contra tunc exercitum et castra turcorum, adeo in tantum, quod habere debet a ditis officiallibus perperos septingentos duodecim et karatos duodecim de Peira ocaxione certorum cambiorum per dites officiales captorum pro Ianua, pro quibus ipse Babilanus et certi alii promisserunt; quibus cambiis responsum non fuit, propter quod necesse fuit ypsum Babilanum solvere pro eius promissione perperos antedictos, videlicet in una partita Francisco de

[12] О генуэзском судебном делопроизводстве в факториях и метрополии см.: *Барабанов О. Н.* Судебное дело Бруноро Сальваиго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования // Причерноморье в средние века. Вып. 2. С. 20–36; *он же.* Суд и право в генуэзских факториях Причерноморья (XIII–XV вв.): гражданский судебный процесс. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1996.

[13] *Sieveking H.* Studio sulle finanze genovesi e in particolare sulla casa di S. Giorgio // ASLSP, 1905–1906, T. XXXV, fasc. 1–2; *Heers J.* Gênes au XVe siècle. Activité économique et problèmes sociaux. Paris 1961; *Buongiorno M.* Il bilancio di uno Stato medievale, Genova 1340–1529. Genova 1973.

Prementorio pro uno cambio de Ianua perperos DCXXXXV, quos dito Francisco ipse Babilanus solvi fecit in Chio per Allaonem Palavicinum nepotem suum, prout constat apodixia manu diti Francisci, quam exibet et presentat coram prefata illustri dominatione, et in una alia partita solvi fecit in Chio per dominum Alaonem ditis IIIIor officialibus perperos sexaginta septem ad complementum ditorum perperorum septingentorum duodecim et karatorum duodecim[14]; partitas de muneribus et exspensis factis in ambasata exibet et presentat coram dominationibus vestris, que sic scripte sunt in eius cartulario de Perra, ut omnia videre posit, quod cartularium eidem exibet et producit pro pluria et claratione etc.

Idem Babilanus etiam pro communi utillitate multis periculis se exposuit et amissionis vite, de mandato tunc domini potestatis Pere ceteris aliis fugientibus viza captione miserabillis urbis Constantinopolitane, cum undique clamor, luctus et ocixiones audirentur, stupefactis et timore semimortuis, quia nulla spes superesset salutis, quod, qui viderunt testimonium, periberunt, solus ipse Babilanus cum condam Marchixio de Franchis propriorum comodorum obliti inter hostium gladios, qui iam portas ocupabant, factis multis expenssis et muneribus, ut consuetudo est et, ut res inportabat, tentaverunt animum superbi hostis tunc victoria insanientis pro salute miserande Peire mittigare, et expensis ipsius Babilani et sumptibus factis multisque aliis hinc inde, ut requirit Porta Teucrorum, tandem obtinuerunt, quod incredibille videbatur, ne locus Peire in predam hostium poneretur, prout tempus dabat et ipsius Babilani et soc(iorum) periculis et sumptibus salus dicti loci redempta est et firmatis cum rege Teucrorum pactis et pace, que pro tempore unquam favorabilia facta fuere.//

In quibus quidem quantum periculi, quantum laboris ipse supplicans substinuerit nec facile dici posset, nec sine dificultate crederetur, quibus in rebus si non merces retribuitur, saltem restaurari et restitui dampnum debet et iustum est, nam benemeritis de republica dari solent et premia ac munera, quanto iustius est expensa restitui facille, dominationes vestre intelligunt. Tandem exbursavit et spendidit ipse Babilanus de sua propria peccunia pro muneribus factis domino Teucro, bassadibus et aliis oficialibus, ut consuetum est, perperos mille trescentos quatraginta sex cum dimidio, seu perperos mcccxxxxvi kar. xii, yta quod in toto habere remaneat perperos duomilia quinquaginta novem, seu perperos MMLVIIII, de quibus crudele et inhumanum esset ac iniustum dictum sumptum pati debere et dampnum aliquod, cum igitur ceteris, qui aliquid expenderunt pro dita universitate vel quovis alio modo essent creditores a d(omi)nationibus vestris, iuste provisum fuerit, sicut ex actis cancelarie vestre constat, potissime nobilli Mauritio Cataneo, et causa istius sumptus tanto sit iustior, quanto eius periculis et exppenssis salvatum est, quidquid remanebat in Peira.

Ydeo humiliter supplicatur antedictis dominationibus vestris, quatenus dampnorum ipsius sumptibus miserti, quem constat suis

[14] Post hac continuatio posita est in extrema pagina sequenti: *partitas de...* etc.

facultatibus ex ausis vix, amore patrie, personas, famillie sue de servitute infidelium extrassisse, provideant et providere dignentur satisfationi ipsius sumptibus illis melliori modo et forma, quibus clementiis vestris melius aparebit providendum. In quibus humiliter vestris devotionibus se milliens recomendat, notificando dominationibus vestris, sicut[15] ipse Babilanus Gentilis[16] cum eo requisitione de perperis DCCXII[17] anno proximo preterito die XXIIa maii precessoribus vestris fecit[18] in fine balie eorum[19] qui d(omini) antiani tanquam[20] non bene instructi de re ipsa, ubi ad examen calculorum deventum est, non assenserunt requisitioni dicti Babilani, cum inventi fuerant calculi novem albi et nigri tresdecim, ex quo rursos pro remedio ad d(ominationes) v(estras) recurrit. //

+die XXVI februarii 1468.

In petitione perperorum DCCXII neque obtenta, neque reprobata fuit sub calculis decim albis et XI nigris. In petitione aliorum perperorum pro facto legationis reprobata sub calculis XVIIII nigris, duabus dumtaxat albis.

{Inscr.}:+ Supplicatio Babilani coram antianis, officio monete et sapientibus comunis ac sindichis etc.

Дело об убийстве на Крите в 1382 г.[1]

Шел к концу второй век венецианского господства на Крите (1206–1669). В недалекое прошлое отошли мощные народные движения греческого населения и итальянских колонистов против суровой власти Светлейшей республики. Пойдя на сотрудничество с греческими архонтами и торгово-ремесленной верхушкой, расширив внутреннюю автономию, предоставив определенную самостоятельность православной церкви и временами ослабляя податной гнет, умелая и изощренная венецианская администрация укрепила свою власть над островом. Надежды на возможное возвращение Кри-

[15] Posthac *prout* deletum est, *sicut* inscriptum supra lineam.

[16] Posthac *cum eo* inscriptum est supra lineam.

[17] *de perperis DCCXII* inscriptum supra lineam.

[18] *fecit-* inscriptum supra lineam; posthac deletum est *et*.

[19] Posthac deletum est: *fecit de ipsis perparis DCCXII*.

[20] Posthac deletum est: *b*.

[1] Впервые опубликовано на англ. яз.: Trade and Crime in Venetian Crete (According to an Unknown Document of 1382) // Η Καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1989. Σ. 311–323. Вариант: Дело об убийстве на Крите в 1382 г. // Феномены истории. К 70-летию В. Л. Керова. М., 1996. С. 90–96.

та под власть Византии таяли у местного населения с каждым днем: слабеющая империя Палеологов не обладала ни военными, ни экономическими ресурсами. Одновременно на Востоке в полный рост поднималась грозная сила османцев. Внешнеполитическая обстановка была фактором, цементировавшим Венецианскую Романию. Равным образом, и экономические связи все в большей мере привязывали Крит к созданной итальянскими морскими республиками торговой системе, охватывавшей все Средиземноморье. В этой системе Криту принадлежала двойная роль: и важнейшего центра транзитной торговли, и поставщика зерна и иной сельскохозяйственной продукции на венецианские рынки. Греческие купцы, наряду с венецианцами, активно участвовали и в крупной, и в мелкой торговле. Пользуясь защитой и опекой Венеции, они расширяли свою деловую активность, оставаясь, однако, младшим и более слабым партнером венецианского патрициата.[2]

Но в этом мире, где внутри господствующего класса начинались процессы симбиоза латинского и греческого компонентов, где оба этноса кооперировались в ремесленном производстве и торговле, где разнородные элементы культуры вступали в причудливую взаимосвязь и давали неожиданные результаты, продолжал тлеть огонь социальных конфликтов, сопротивления иностранному завоеванию, ненависти к иноверным и более обеспеченным, как в материальном, так и в правовом отношении, венецианцам. Ни в каком виде Pax Venetiana не была реализована в Венецианской Романии. Преступления и насилия, напротив, множились как в самой Венеции[3], так и в ее колониальных владениях[4]. Материалы фонда суда по торговым искам — «Судей по петициям» — Венецианского государственного архива показывают широкую палитру преступлений на коммерческой основе[5]. В решениях венецианского Сената изобилуют санкции против пиратов. Совет Десяти и Кварантия без устали занимались расследованием уголовных и политических преступлений. В венеци-

[2] См. *Соколов Н. П.* Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтораста лет венецианского владычества // УЗ Горьковского ГУ. 1959. Т. 46. С. 31–51; *Borsari S.* Il dominio veneziano a Creta nel XIII secolo. Napoli, 1963; *Manoussakas M. I.* L'isola di Creta sotto il dominio veneziano, problemi e ricerchi // Venezia e il Levante fino al secolo XV. Firenze, 1973. Vol. I/2. P. 473–514; *Laiou A. E.* Quelques observations sur l'économie et la société de Crète vénitienne // Bisanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi. Milano, 1982. P. 177–198; *Zachariadou E.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venice, 1983; *Gallina M.* Una società coloniale del trecento. Creta fra Venezia e Bisanzio. Venezia, 1989; Venezia e Creta / a cura di G. Ortalli. Venezia, 1998.

[3] См.: *Ruggiero G.* Violence in early Renaissance Venice. New Brunswick, 1980; *Crouzet-Pavan É.* Sopra le acque salse. Espaces, pouvoir et société a Venise à la fin du moyen âge. Paris, 1992. T. 1–2.

[4] *Krekic B.* Crime and Violence in the Venetian Levant: a few XIVth century cases // ЗРВИ. 1975. Т. 16. P. 123–129.

[5] Archivio di Stato di Venezia. Giudici di Petizion. Sentenze a giustizia.

анских владениях, включая Крит, для борьбы с преступностью создавалась система платного осведомительства, шпионажа и сыска[6].

Необычный документ, о котором речь пойдет ниже, также касается расследования тяжкого уголовного преступления на экономической почве. Он проливает свет не только на обстоятельства самого дела, но и на процесс судопроизводства. Он рельефно показывает специфическую среду греко-латинского предпринимательства, позволяет восстановить присущие этой среде элементы ментальности.

Речь идет не об итальянских древлехранилищах. Упомянутый источник хранится в западноевропейской секции Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Как известно, этот Архив заключает в себе коллекцию документов, собранных академиком Н. П. Лихачевым[7]. В Венецианской части собрания хранится 18 картонов подлинников нотариальных актов. Немногие из них относятся прямо или косвенно к истории Венецианской Романии[8]. Изучаемый документ [9] написан на листе пергамена, сложенном вдвое. Видимо, первоначально он находился в составе картулярия. Степень его сохранности удовлетворительная. В центре листа имеются небольшие дыры. В нескольких местах, преимущественно на сгибах, текст стерт и едва читаем. Документ составлен на средневековой канцелярской латыни. Письмо — регулярный итальянский нотариальный курсив XIV в. с традиционными аббревиатурами и контракциями.

Документ содержит протокольную запись следствия, которое велось в судебной курии главы венецианской администрации на Крите, дуки Кандии Пьетро Мочениго. Два протокола дознания датированы 23 августа и 3 сентября 1382 г. Первый из них — протокол свидетельских показаний 14-летнего мальчика, венецианца по происхождению из квартала Сан-Джованни ин Брагора, Орландо. Второй — грека Димитрия с Кипра, обвиненного в соучастии в убийстве. Досье судеб-

[6] *Maltezou Chr.* Καταγγελιοδότες στὴ Βενετοκρατούμενη Κρήτη τὸν 14ο αἰ. // Ροδωνία. Τιμὴ στὸν Μ. Ι. Μανούσακα. Rethymno, 1994. Σ. 299–313.

[7] См.: Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР. М.-Л., 1958; *Рутенбург В. И.* Фонды и коллекции по экономической истории городов Италии // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С. 5–16; Из коллекции академика Н. П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 7–28, 198–233.

[8] Обзор их подготовлен мной и находится в печати: Документы по истории Венецианской Романии из Архива ЛОИИ АН СССР // България Понтика, IV. София. Публикация отдельных документов: *Karpov S. P.* Trade and Crime...; *Карпов С. П.* Венецианский документ XV в. о торговой навигации в Восточном Средиземноморье // ВВ. 1991. Т. 52. С. 255–260; *Он же.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. Вып. 1. С. 191–216; *Близнюк С. В.* Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений // СВ. 1990. Т. 53. С. 191–203.

[9] З. е. секц., карт. 194, док. № 16.

ного дела неполно: по меньшей мере еще один протокол допроса, упомянутый в тексте, соучастника убийства, кипрского грека Иоанна (Яниса) отсутствует. Равным образом, нет и постановления суда.

Суд установил виновность упомянутых греков, а также болгарина Михали (Михаила), совершивших предумышленное убийство двух итальянских купцов и попытавшихся убить мальчика Орландо. Двое из убийц — Димитрий и Янис — были схвачены, судьба третьего остается неизвестной. Суть дела такова.

Около 3 августа 1382 г. небольшой одномачтовый корабль (грипарион или барка) отплыл из Старой Фокеи в Малой Азии к Кандии, столице венецианского Крита. Судно было куплено тремя компаньонами: венецианцем Пьетро да Маттео Бутарио и двумя греками с Кипра — Димитрием и Янисом. На борту находился также подросток Орландо, слуга Бутарио. Первую остановку барка сделала на Хиосе. Там на борт были приняты торговый партнер Бутарио Джованни из Апулии, болгарин Михали и еще одно, не отождествленное в документе, лицо. Далее корабль проследовал до порта острова Ди Ланго (Кос), где Бутарио собирался получить какие-то свои товары, но почему-то не смог этого сделать. Вместо этого, он взял там 2 унции жемчуга (который обычно служил удобным эквивалентом наличности при расчетах на большую сумму или внесении залога), а также плащи и обувь для личного пользования, но не для торговли. На острове Кос сошел на берег не названный по имени пассажир.

Плавание от Коса до Кандии оказалось нелегким: при подходе к Криту сильный встречный ветер отнес корабль к мысу Сидерос, восточной оконечности острова. Затем, медленно продвигаясь на запад вдоль северного побережья Крита, барка вошла в залив Мерабелон, где и бросила якорь недалеко от небольшого порта Колахита. Тогда, а возможно и ранее, и был составлен заговор. Ночью, когда корабль стоял на якоре у Колахиты, Янис (если верить показаниям Димитрия) сказал Димитрию и Михали, что Пьетро Бутарио, якобы, не собирается плыть в Кандию, ибо совершил там какое-то правонарушение, но намеревается идти в Венецию. Он предложил убить Бутарио и его компаньона Джованни из Апулии и захватить корабль. Все трое так и порешили сделать в ту же ночь. Орландо видел, как заговорщики обсуждали план своего преступления, но не понял этого, так как не знал греческого языка, на котором те вели разговор.

После того как два итальянских купца отправились спать, Димитрий вышел на палубу. Застав там мальчика, он спросил его, почему тот не спит. Орландо сказал, что собирался поужинать. После этого, он также лег спать на палубе, тогда как Пьетро и Джованни почивали в другом месте, вероятно — на корме или в трюме. Убедившись, что оба компаньона спят, заговорщики забросали их большими камнями, которые были на судне в качестве балласта. Размозжив им головы, убийцы испугались, что Орландо их выдаст. Тогда они решили убить и его. Димитрий нанес мальчику три или более ударов в голову большим тяжелым ножом или кинжалом, а Михали ранил

его другим, малым кривым турецким ножом. Было темно, и думая, что мальчик мертв, убийцы удалились. Однако Орландо выжил и, истекая кровью, бросился в воду и сумел доплыть до берега. Оттуда он увидел, как два трупа были выброшены за борт убийцами. Последние направились затем в Ситию, второй по величине и значению город Крита, и продали там корабль. Из Ситии, уже пешком, они прибыли в Кандию, где продали жемчуг, принадлежавший Бутарио. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах Димитрий и Янис были схвачены в Кандии и брошены в тюрьму замка, но 23 августа они были опознаны Орландо на очной ставке. Димитрий сначала отказывался давать показания и признать себя виновным. И лишь тогда, когда его подвергли пыткам, сначала при помощи веревки, а затем своего рода дыбы (так называемой «каваллы»), он признался в совершении преступления и рассказал обо всех его деталях. Его показания совпадают с теми, что дал Орландо, во всех главных пунктах.

Рассматриваемый документ содержит множество интересных фактов о повседневной жизни в Венецианской Романии. Мы видим, что греки и венецианцы выступали партнерами в торговле и навигации. Бутарио и два киприота были совладельцами грипариона, купленного в Малой Азии. Очевидно, что Бутарио был самым богатым из партнеров. Он не был жителем Крита, но являлся уроженцем и гражданином Венеции, где он и взял в качестве слуги или ученика, как это часто бывало, своего земляка Орландо. Подросток, видимо, никогда до того не жил в факториях или колониях Романии, так как совершенно не владел греческим языком. Димитрий с Кипра, напротив, был жителем Крита. Он назван habitator Candie. Болгарин Михали не был партнером Димитрия и Бутарио. Он был небогатым жителем Крита низкого происхождения. На острове проживало немало болгар, преимущественно рабов или вольноотпущенников[10]. К счастью, у нас есть возможность восстановить ряд эпизодов в биографии Михали по актам венецианского нотария Антонио Брешано, работавшего в Константинополе и на Крите. В акте от 11 июля 1350 г. упомянут Michael Vulgarius из Ganopoli, т. е. Агатополя на Черноморском побережье Болгарии. Михаил обязуется служить венецианцу Пьетро Марчелло, жителю Кандии, на суше и на море в течение трех месяцев[11]. Возможна его предположительная идентификация с Michali Bulgarus, Michael bulgarus нашего документа. В пользу этого говорит и связь

[10] *Сакызов И.* Новооткрити документи от края на XIV век за Българи от Македония, продавани като роби // Македонски Преглед. 1932. Т. VII. N 2–3. С. 1–62; *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. Gent, 1977. T. 2: Italie. Colonies italiennes du Levant latin. Empire Byzantin; *idem.* Origines de la classe des affranchis en Crète sous la régime Vénitienne // JOB. 1982. Bd. 32/2. S. 45–51.

[11] *Laiou A. E.* Un notaire Vénitien à Constantinople: Antonio Bresciano et le commerce international en 1350 // *Balard M., Laiou A. E., Otten-Froux C.* Les Italiens à Byzance. Édition et présentation de documents. Paris, 1987. P. 111. N 4.

Михали с жителем Кандии. В нотариальном акте от 4 июля 1380 г. болгарин Михали, habitator Candide, упомянут как бывший раб Джованни Скулудо, жителя казалии (деревни) Ставриаки на Крите. В 1380 г. Михали нанялся на работу в качестве мельника в поместье хорошо известного критского поэта Стефана Сахликиса на год, с платой 2 перпера и 2 меры зерна ежемесячно[12]. Затем, как мы могли убедиться, в 1382 г. он уже был на Хиосе, возможно, ведя мелкую торговлю или выполняя поручение очередного хозяина.

Итальянец Джованни из Апулии был торговым компаньоном Бутарио, но не был совладельцем грипариона. Он присоединился к экипажу на Хиосе. Собственно экипаж и состоял из совладельцев судна. Наемных матросов на нем не было, что указывает и на небольшие размеры, и на род профессиональной деятельности совладельцев.

Довольно скромным было и имущество Бутарио в Романии: 64 дуката наличными, жемчуг на сумму 20 дукатов, одежда из сукна и льняного полотна стоимостью более 10 дукатов, да несколько серебряных ложек. Вместе с долей в стоимости корабля, он вложил в торговлю не менее 87 дукатов. Но партнеры извлекали прибыль не только из торговли, но и от фрахта (вспомним пассажира, взятого на Хиосе и высаженного на Косе). Небольшое общество, возглавляемое Бутарио, посещало не только венецианские. но и генуэзские владения в Эгеиде (Фокею, Хиос). Маршрут от Старой Фокеи через Хиос в Кандию был достаточно традиционным и привычным для моряков. И все же, даже летом плавание было сопряжено с трудностями.

Коммерческое предприятие Бутарио, вероятно, изначально не имело успеха: компаньоны не смогли получить нужных товаров на Косе и не достигли морем Кандии. В Ситии убийцы продали корабль за 24 перпера, в то время как в Старой Фокее он был куплен за 9 дукатов. По курсу тех лет 1 дукат равнялся 2,5 перперам[13], то есть в Ситии он был продан за большую сумму, чем он стоил в Старой Фокее (22,5 перпера). Возможно, это свидетельство источника показательно, если учесть, что преступники распродавали свою добычу в большой спешке. Например, они реализовали в Кандии жемчуг, который стоил 20 дукатов (50 перперов) всего лишь за 7 перперов. Возможно, в Старой Фокее суда стоили дешевле, чем на Крите, и именно это было причиной для Бутарио и его греческого компаньона Яниса плыть туда и возвращаться оттуда, приобретя корабль, практически без каких-либо товаров.

Различные слои населения участвовали в торговых операциях в Эгеиде. Но это различие и лежало в основе преступления, совершенного близ Колахиты. Документ наглядно показывает функционирование венецианской судебной курии на Крите, методы дознания, вклю-

[12] *Van Gemert A. F.* Ὁ Στέφανος Σαχλίκης καὶ ὁ ἐποχή τοῦ // Thesaurismata. 1980. T. 17. P. 102–103. Doc. N 7. 4.

[13] Archivio di Stato di Venezia. Senato. Misti, XL, f. 29v: 24/V 1386; *Spufford P.* Handbook of medieval exchange. London, 1986. P. 287.

чая перекрестный допрос, очные ставки, пытки, которые применялись во время следствия. Ценна информация по исторической географии Крита и Эгеиды, по истории торговой навигации. И, в конце концов, причудливая судьба этого критского акта, единственного в своем роде среди венецианских документов санкт-петербургского собрания, не может не вызывать интереса. Ведь это уникальный исторический срез эпохи, где переплелись торговля и преступность. Правда, преступникам было труднее уйти от суровой Фемиды, чем в иные времена.

folio 16r

DOMINI PETRI MOCENIGO

MCCCLXXX secundo, mense augusti die vigesimo tertio indicione quinta.

Inquisitio facta per dominationem super morte Petri de Matheo Butarii de Veneciis et Johannis de Apulea qui fuerunt percussi et interfecti super quadam barcha que erat in quodam portu nomine Colachitha posito in hac insula Creta.

Rolandus de Veneciis de confineo sancti Johannis Bragole qui est puer etatis annorum quatuordecim vel circa coram dominatione constitutus et interrogatus sine sacramento de morte Petri de Matheo Butarii et Johannis socii sui.

Respondit quod sunt circa dies viginti quod iste recessit de Fogia Veteri cum quadam barcha que fuit ibi empta per soprascriptum Petrum Butarium super qua erant duo alii quorum alter vocatur Dimitri et alter Johannes et venit Chium et inde levaverunt alios tres viros quorum primus vocabatur Johannes, secundus Michali Bulgarus et nomine tercii non recordatur, et inde recesserunt et iverunt ad insulam de Lango pro accipiendis certis rebus quas dictus Petrus dicebat ibi dimisisse in salvo, et ibi dimiserunt unum ex illis tribus qui fuerunt levati in Chio, videlicet illum cuius nomen ignorat, et inde postea recesserunt pro veniendo Candidam et repugnante vento iverunt ad qu(endam)[14] locum positum in capite huius insule cuius nomen ignorat, et inde postea recedentes venerunt ad locum nomine Colachitha positum in parte levantis huius insule, et inde postea recesserunt et iverunt ad quendam scopulum cuius nomen ignorat, et ibi posuerunt ferrum in mari, qui quidem scopulus est a castro Mirabeli citra versus civitatem. Et tunc circa horam primam noctis suprascriptus Dimitrius de Cipro dixit huic: «Quare non vadis quiestere?» Et iste tunc dixit ei: «Ego volo prius comedere huvam». Et postquam iste comedit huvam posuit se dormire et ante quam iste poneret se ordine addormiendum, suprascriptus Petrus Butarius et predictus Johannes qui fuerat elevatus in Chio dormiebant. Et circa primum sompnum noctis dum iste dormiret, fuit iste vulneratus in capite pluribus

[14] Дыра в рукописи.

ictibus cum una daga de ponta, tamen non poterat videre quis istum percuciebat, quam percussor extenderat istum ponens vultum suum infra riproda et tenens manus suas ligatas retro schineas suas. El postquam fuit permissus iste voluit se et aspiciens inter barcham vidit dictum Dimitrium recedere de loco ubi iste fuerat vulneratus et ire in medio dicte barche et tenere dagam predictam in manu. Et ob hoc iste habet firmiter dictum Dimitrium percussisse istum et putans ipse interfecisse istum, permisit istum, et iste subito proiecit se in mari, connatavit [in terra et aufugit et dum esset in terra iste *in*volvit[15] inversus barcham et vidit quod unum vel duo corpora mortuorum hominum proiecta fuerunt][16] in mari, unde iste subito imaginatus fuit dictum Petrum fuisse mort[uum][17] a reliquis sociis qui erant in dicta barcha.

Interrogatus, si vidit aliquem percutere vel interficere dictum Petrum et socium suum, respondit quod non. Tamen dicit quod[18] quando iste[19] proiecit se in mari voluit videre dictum Petrum et non vidit eum, et cum iste exivit in terra subito imaginatus fuit eum fuisse mortuum.

Interrogatus, si cognoscit suprascriptos Dimitrium et Johannem, socios, respondit quod si videret illos bene cognosceret eos. Et tunc fuerunt sibi ostensi quidam viri quos iste dixit non fore illos; tamen ostensis sibi duobus viris que presentialiter sunt in fortio dominationis, dixit illos fore[20] predictos, quorum alter qui est minor persona vocatur Dimitrius, alterius longior et iunior vocatur Johannes socius suus.

Interrogatus, si dictus Petrus seu Johannes socius suus habebant penes se aliquam pecuniam seu aliquas alias res alicuius valoris, respondit quod in Fogia Veteri vidit dictum Petrum habere duc(atos) auri LXIV quos ipse habebat repositos in uno borseto facto in venteria sua quam ferebat.

Interrogatus si ex tunc acra vidit dictos duc(atos) in manibus dicti Petri et in quo loco et quando, respondit quod non.

Interrogatus si habebat aliquas alias res ultra predictos ducatos, respondit quod de Lango ipse accepit aliquas perlas, quas ipse fecit ponderari et fuerunt ponderis unc(iarum) duarum et tunc fuerunt extimare dicte perle valere duc(atos) decem pro qualibet uncia; duo vel tria coclearia argenti et mantelum unum pan(n)i blavi qui costitit sibi duc(atos) decem in Lango, componum unum blavum dicti panni et aliquas caligas. Tam(en) de dicto Johanne socio suo nescit dicere aliquid, videlicet ante ipse habebat aliquas res vel ne.

Interrogatus, si vidit vel scit Michaelem Bulgarum percussisse dictos Petrum et Johannem socios, respondit quod non, tamen dicit, quod audiebat eum continue loqui ad invicem cum predictis Dimitrio et Johanne sociis qui sunt in forcia dominationis, tamen nescit quid ipsi loquebantur, quam loquebantur grece, et iste non intelligit linguam grecam.

---

[15] Дыра в рукописи; предположительное чтение.

[16] Вытертый текст на сгибах пергамена.

[17] Дыра в рукописи.

[18] Следует зачеркнутое: postquam.

[19] iste — вставлено над строкой.

[20] fore — вставлено над строкой.

folio 16v

Millesimo trecentesimo octuagesimo secundo mense Augusti die vigesimo tercio indicione quinta.

Dicta et confessiones Dimitrii de Cipro et Johannis de Cipro qui fuerunt inculpati de pro morte Petri de Matheo Butarii et Johannis de Apulea socii sui qui fuerunt interfecti super quadam barcha que erat in portu nomine Colochitha posito in hac insula Creta.

Dimitrius de Cipro habitator Candide coram dominatione constitutus et interrogatus de morte Petri de Matheo Butarii de Veneciis et socii sui, cum ipse nichil diceret positus fuit ad tormentum corde, et cum nichil diceret, data fuit sibi cavala una, et tunc ipse petiit se deponi, et depositus dixit et confessus fuit quod sunt circa dies viginti quod iste recessit de Fogia Veteri cum quadam griparea parva que empta fuit ibi de denariis dicti Petri et etiam de denariis istius et de denariis Johannis de Cipro socii sui. Et super dicta griparea erat eciam quidam puer nomine cuius nescit, et inde iverunt Chium et inde levaverunt quendam virum nomine Johannem et quendam bulgarum nomine Michali ita quod erant inter omnes super dicta griparea persone sex simul cum puero predicto et inde iverunt ad insulam de Lango pro accipiendis certis rebus quas suprascriptus Petrus Butarius ibi habebat. Tamen dicte res non fuerunt sibi date, et inde recesserunt pro veniendo Candidam, et repugnante vento iverunt ad partes levantis insule Crete ad quendam locum nomine Sanctus Siderus, et inde recedentes venire volebant versus portum Candide et venerunt ad quendam locum cuius nomen ignorat, sed dictus locus positus est a castro Mirabelli citra versus civitatem. Et ibi postea Johannes socius istius dixit isti et aliis sociis suis: «Iste Petrus Butarius non pot(est) ire Candidam occasione avendam excessus quem commisit, sed ipse immaginabatur accipere gripream et ire Veneciis, unde consulo, ut occidamus eum et remanebit nobis griparea». Et sic fuit contentus eciam iste Dimitrius et quidam alius nomine Michali bulgarus qui erat super dicta barcha similiter fuit contentus. Et circa horam primi sompni dictus Johannes eccitavit istum et predictum Michali bulgarum ita quod omnes fuerunt contenti interficere predictum Petrum et socium suum. Et tunc dormiente dicto Petro cum socio suo iste cum predictis Johanne et Michali levantes lapides magnos, qui erant in dicta griparea pro savorna, percusserunt dictum Petrum et socium suum in capite cum ipsis[21] lapidibus taliter quod ipsi ambo fuerunt interfecti. Et hoc facto iste et socii, dubitantes ne puer manifestaret hoc factum, voluerunt interficere eciam dictum puerum, et tunc dictus Michael bulgarus percussit et vulneravit dictum puerum cum uno cultelo parvo a pane et credidit eum interfecisse prout ipsemet dixit postea, tamen dictus puer postquam fuit vulneratus proiecit se in aqua et natavit in terra et aufugit. Et post hec iste et alii duo socii sui proiecerunt in mari corpora dicti Petri et sui socii qui fuerunt interfecti. Et postea isti recedentes de dicto loco cum

[21] Дыра в рукописи.

dicta griparea iverunt Sithiam et ibi vendiderunt illam pro perperis viginti quatuor, quibus perperis inde acceptis iste cum aliis duobus predictis venerunt per terram in civitatem Candide.

Interrogatus, qua de causa interfecerunt predictos, respondit quod instigatione inimici hoc fecerunt.

Inlerrogatus, si invenerunt aliquam pecuniam vel aliquam aliam rem alicuius valoris penes ipsum Petrum vel socium suum, respondit quod non aliud nisi quendam mantelum de panno blavo et unum çutonum de sarcia nigra.

Interrogatus, si iste eciam percussit illos homines qui fuerunt interfecti, respondit quod cum propriis suis manibus percussit dictos interfectos et simili modo percusserunt eciam alii duo socii sui.

Interrogatus quid costitit dicta griparea in Fogia, respondit quod ipsa costitit duc(atos) novem. Item dixit iste Dimitrius quod postquam predicti fuerunt interfecti, reperte fuerunt certe perle et duo coclearia argenti que fuerunt suprascripti Petri, quas perlas et coclearia iste et socii acceperunt et vendiderunt perlas hic Candide pro perperis septem et dicta coclearia reposita fuerunt in domo istius.

Item die tertio mensis septembris indicione VI MCCCLXXX secundo suprascriptus Dimitrius constitutus coram dominatione et interrogatus si aliquis alius percussit et vulneravit predictum puerum nomine Rolandus qui erat in dicta barcha, respondit quod iste Dimitrius percussit cum tribus ictibus vel circa cum uno cultelo a pane magno et grosso. Tamen non perpendit in quo loco percussit eum quia erat nox obscura et post istum similiter Michali bulgarus suprascriptus percussit eum cum quodam alio cultello a pane turchesco cuius ferum erat tenerum. Et in percussione ictuum domabatur illud, recedebat ipsum interfecisse a nichil ipse fecit.

Die suprascripto tercio mensis septembris suprascriptus Dimitrius coram dominatione affermavit sacramento omnia vera essere que continentur in suprascripta sua confessione.

Охота за людьми. Черноморское пиратство в XIV–XV веках[1]

История черноморского пиратства в средние века еще не написана. Но уже сейчас ясно, что она имела разные аспекты. Помимо классического нападения на корабли в море и порту с целью получения добычи и ее последующей перепродажи, существовало кор-

[1] Вариант статьи: Hunting for People: Black Sea Piracy in the XIVth–XVth Centuries // 10th Symposium of History and Art. Monemvasia, 1997. Athens, 2000.

сарство на основании «права марки», с санкции государства и с целью компенсации ранее полученного ущерба. К корсарским методам прибегали и в политических целях, направляя их против врагов той или иной морской державы. О таких действиях слагали легенды и впоследствии даже поэтизировали их. К примеру, история генуэзского нобиля Меголло Леркари нашла широкое отражение и в литературе, и в изобразительном искусстве Генуи. Обиженный одним из фаворитов трапезундского императора и не найдя при его дворе справедливости, доблестный лигуриец собрал частный флот, вооружив корабли своего семейного клана и примкнувших к нему любителей приключений и стал опустошать берега Трапезундской империи, включая и укрепленные монастыри, хватая людей, отрезая у них уши и носы и наводя страх на всю округу. Императорский флот оказался бессильным в борьбе с корсарами и василевсу пришлось капитулировать, после получения чаш с отсеченными ушами и носами. Он выдал оскорбителя и подписал мирное соглашение, сделав уступки генуэзцам. Такова легенда, отразившая какие-то реальные факты войн между Генуей и империей Великих Комнинов в XIV в. [2] Ниже мы приведем один из неожиданных вариантов «коммерческого» пиратства, быть может, не столь уж и единичный в Латинской Романии, где отношение «франкских» моряков и колонистов к местному населению (вспомним расцвет работорговли в каталанских Фивах) отнюдь не было идиллическим.

В нотариальных контрактах повсеместно в Средиземноморье встречается формула «periculum maris et gentium», освобождающая торгового партнера от ответственности за утраченные товары и ценности в форс-мажорных обстоятельствах. «Periculum gentium» был опаснее, чем «periculum maris» (бури, непогода и т. п.). Первое выражение подразумевало не только возможные (и нередко прогнозируемые) действия враждебных государств, но в первую очередь неожиданные нападения пиратов и корсаров. Византийцы, а позднее — итальянские морские республики, разработали широкий спектр мер против пиратов. Они были довольно эффективны. Но они никогда не могли полностью устранить пиратство, хотя Черное море, в сравнении с Эгейским, было менее опасным. Сами Генуя и Венеция стимулировали корсарство, выдавая патенты на применение права марки против врагов или должников. Максимум, что генуэзцы могли сделать в контролируемых ими акваториях, была минимизация пиратства и «нелегального» корсарства. После того, как генуэзцы нанесли несколько поражений пиратским флотилиям Синопского эмирата, нападавшего на итальянские суда и фактории в 1310–1340-х гг., генуэзцы стабилизировали ситуацию вплоть до середины XV в. Венецианцам, чтоб

[2] См. подробнее: *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М,: МГУ, 1981. С. 99–101; *Karpov S. P.* L' impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986, P. 149–151.

избежать враждебных действий со стороны их генуэзских соперников пришлось направлять в Черное море, прежде всего — Трапезунд и Тану, караваны вооруженных галей «линии» [3]. Степень риска при перевозках на судах «линии» под контролем Венецианского Сената была столь невелика, что купцы даже не страховали своих товаров на линиях галей, плававших в Черное море[4]. Со второй половины XIV в. пиратство в Черном море резко сократилось, в сравнении со Средиземноморьем[5]. Но, возможно, незамеченной остается другая сторона картины: пиратские методы все более применялись в обычной повседневной практике торгового судоходства «непрофессиональными» корсарами или капитанами военных судов. *Пиратское поведение* распространялось в повседневном отношении к «аборигенам» Причерноморских областей, особенно при благоприятных обстоятельствах, когда местные правители были не в состоянии защитить своих подданных или были вовлечены в региональные конфликты.

Подтверждением этому являются публикуемые и анализируемые ниже документы из фонда Avogaria di Comun Венецианского государственного архива[6]. Этот фонд содержит приговоры уголовного суда (Криминальной Кварантии) по обвинительным актам, вносимым государственными обвинителями.

Итак, вот наша история. В 1348 или 1349 г. венецианский галеон прибыл в небольшой порт Варанго (Варанголимен, Ярылгашская бухта в Западном Крыму). Корабль принадлежал Б. Нидо, а его капитаном был Пьетро Тальяпьетра. На якоре в Варанго стояли еще два корабля, один генуэзский, и один венецианский. Все они пришли для погрузки закупленного зерна. Тальяпьетра решил закинуть невод, но он на следующий день был украден, и никакой рыбой венецианцам не удалось полакомиться. Разъяренный капитан, безо всякого следствия, начал враждебные действия против местных татар, которых счел виновными. Он сошел на берег вместе с несколькими матросами, хорошо вооружившись, захватил корову или быка и стал убивать и ранить скот, а затем отплыл на корабле. Такие действия вызвали волну негодования против венецианцев не только среди татар, но и у генуэзцев. Чтобы избежать резни, капитан другой венецианской навы,

---

[3] См: *Lane F. C.* Venice: a Maritime Republic. Baltimore; London, 1973; *Карпов С. П.* Путями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994.; *Stockly D.* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe–milieu XVe siècle). Leiden; NY; Koln, 1995.

[4] *Nehlsen von Stryk K.* L'assicurazione marittima a Venezia nel XV secolo. Roma 1988.

[5] *Tenenti A.* Venezia e la pirateria nel Levante: 1300c.–1460c. // Venezia e il Levante fino al secolo XV, a cura di A. Pertusi. Firenze 1973. Vol. 1, parte 2. P. 706; *Карпов С. П.* Путями... С. 31–43.

[6] Archivio di Stato di Venezia, Avogaria del Comun, 3642, Raspe, 2 (1341–61), 2 cart., f. 16v: 4/XI 1349. См. о нем: Archivio di Stato di Venezia // Guida generale degli Archivi di Stato Italiani. Roma, 1994. Vol. 4. P. 921–922.

Николо Лион, должен был уплатить за ущерб, нанесенный его соотечественником. В декабре 1349 г. Кварантия (Совет Сорока) Венеции вынесла по делу Тальяпьетры обвинительный приговор. Он был обязан уплатить штраф в 100 лир и покрыть расходы Николо Лиона, равные 10 лирам, что и было сделано[7]. Мы можем только гадать, какие последствия могли бы быть для итальянцев в случае отсутствия в Варанго другого венецианского корабля с более ответственным капитаном.

Работорговля в средние века достаточно хорошо изучена[8]. Наиболее трудной и менее отраженной в источниках является проблема первоначального приобретения рабов. Нам известно, что рабами становились военнопленные, захваченные в полон во время грабительских набегов или междоусобных войн, что родители и вожди племен или кланов продавали детей в рабство в критических ситуациях, что за долги или преступления люди могли попадать во временное рабство. Рост цен на рабов побуждал итальянских работорговцев на Востоке не только покупать рабов у местных перекупщиков, но иногда и предпринимать рискованные операции, отправляясь в татарские или черкесские селения, дабы купить рабов у их первых владельцев, а не посредников, или просто захватывать их в неожиданных вылазках[9]. Пиратство или корсарство также использовались для захвата рабов. Но здесь я остановлюсь на особом случае: как обычные венецианские купцы использовали типично пиратские методы для приобретения рабов в Латинской Романии.

Исключительно интересный документ был найден также в Венецианском государственном архиве среди приговоров уголовного суда, так называемых Raspe[10]. Венецианский корабль, чьим владельцем был Франческо Руджеро, совершал навигацию в Тану. Его капитан, Николетто Марин, по пути в Тану привел судно в небольшой порт на северном побережье Азовского моря, Порто Пизано. Это было место, где корабли пополняли запасы продовольствия и где у местного населения, главным образом, татар, закупали зерно и кожи. Вместе с

---

[7] Из документа неясно, о каких лирах идет речь. Если имеется в виду lira di grossi, Тальяпьетра должен был уплатить большую сумму, 1100 дукатов. Если же подразумевается lira di piccoli, что более правдоподобно, то его платеж составил бы 34, 38 дуката. [В 1349 г. 1 дукат — примерно 64 сольди пикколи. См.: *Spufford P.* Handbook of medieval exchange. London, 1986. P. 82.]

[8] См. сводную работу: *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2:Italie. Colonie italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977.

[9] См., напр.: *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 122–123, 471; другое критическое издание: I Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini / a cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M. F. Tiepolo. Roma, 1973 [Il Nuovo Ramusio, VII]. P. 81–82.

[10] Archivio di Stato di Venezia, Avogadori del Comun, 3643, Raspe, 3 (1361–78), 2 cart., f. 41r–v: 16/XII 1373.

двумя своими матросами, Маттео ди Джакобелло и Иоанном Гавалой (возможно, греком), он пригласил людей, желавших отправиться в Каффу, на свой корабль. Принявшие его предложение и поднявшиеся на борт татары и татарки были доставлены в Каффу или в другое место, но... в качестве рабов. Венецианские моряки попросту продали их. Это особый случай пиратства по отношению к населению Причерноморья и он мог представлять угрозу для отношений самих венецианцев с правителями Золотой Орды, несмотря на смуту там в 60–80-е годы XIV в. Власти Республики узнали о случившемся и уголовный суд, Совет Сорока, или Кварантия, осудил трех преступников. Но приговор вовсе не отличался суровостью и вынесен был судьями почти единодушно. Инициатор «дела» получил 3 месяца карцера и должен был уплатить штраф 50 лир пикколи (около 14,2 дуката[11]). Кроме того, суд запретил ему плавать на каком бы то ни было судне в Черное море, далее Константинополя. Вводя такие ограничения Республика желала исключить возможный адекватный ответ со стороны татар. Николетто Марин, кроме того, обязывался возместить ущерб любому подателю жалобы. Маттео ди Джакобелло и Иоанн Гавала были осуждены каждый на 5 месяцев тюрьмы, но не подверглись штрафу. Такое наказание за подобное деяние нельзя не счесть исключительно мягким, ибо обычные пираты осуждались по закону на смерть, а их корабли сжигались или конфисковывались и продавались на публичных аукционах[12]. Причину такой снисходительности можно найти лишь в том, что ордынские ханы, завязшие в местных конфликтах и династической борьбе, не представили официального протеста венецианским властям и не применили «права марки» по отношению к венецианцам в Тане.

Иначе обстояло дело в 50-е годы XIV в. В годы войны между Генуей и Венецией (1350–55) подданные золотоордынского хана стали жертвами конфликта. Генуэзская торговая кокка Николо или Николозиуса Скотто в 1353 г. была захвачена венецианскими галеями близ Константинополя. Среди пленников оказалось 9 татарских и греческих купцов. Греков, жителей крымских городов, звали *Todoros, Juanes, Stephanos* и *Chalos*, как значится в тексте письма эмира Солхата Рамадана, переведенного на итальянский язык с персидского или монгольского оригинала[13]. В договоре 1356 г. между Венецией и прави-

[11] В конце 1373 г. 1 дукат равнялся 70 сольди 4 денариям пикколи; 1 лира пикколи — 20 сольди. См.: *Spufford P.* Handbook... P. 83.

[12] См., например, случай, когда власти Генуи продали на Хиосе корабль, захваченный у каталанских пиратов: Archivio di Stato di Genova, Archivio Segreto, 3023, Diversorum, Filze, 3, N 193 (251): 22/XI 1426.

[13] Diplomatarium Veneto — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. T. 2: a. 1351–1454 / ed. R. Predelli. Venetiis, 1899. N 15. P. 25–26. О последующем договоре см: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.) // Востоковедение, 19. СПб., 1997. С. 147–157. Григорьевы полагают, что оригинальный текст письма правителя Рамадана был составлен на монгольском

телем Солхата упомянуто, что двое из татар умерли, а двое — *Ydumelich* и *Animandi* находились в тюрьме на Крите, в Кандии в течение двух с половиной лет. Все их имущество было секвестровано венецианцами. Как только Рамадан узнал об инциденте, он потребовал полного возмещения всего имущества от венецианского правительства, но не получил ответа. Тогда он арестовал двух венецианских купцов и захватил их товары. Обоим сохранили жизнь и держали в заточении для обмена на условиях взаимности. Инцидент не был урегулирован к 1358 г. и хан Бердибек (1357–59) приказал преемнику Рамадана Кутлу Тимуру заставить венецианцев произвести 5 купцам, апеллировавшим к хану, полную компенсацию их потерь, 2330 соммов серебра (каждый из соммов содержал более 200 г серебра). Кроме того, хан рассмотрел и еще один случай разбоя. В 1353 или 1354 г. венецианская галея захватила товары другого золотоордынского купца, Бассимата (возможно, Бачмана). Он ехал с Кипра в Крым. Его потери были оценены ханом в 500 соммов. Солхатский правитель Кутлу Тимур, вместе с правителем Азака Зиха-беем должен был добиться от венецианского консула и купцов Таны покрыть эти потери[14].

Продолжение истории мы находим в письме могущественной ханши Тайдулы, бабки Бердибека, от 4 марта 1359 г.[15] Тайдула утверждает, что 9 (а не 16, как в письме Рамадана 1356 г.) венецианских галей захватили кокку Николо Скотто по пути из Крыма в Константинополь. Затем венецианские галеи захватили подданных хана, возвращавшихся с Кипра. Все купцы были освобождены, но их товары были захвачены. Ущерб от двух нападений был оценен в огромную сумму: 2830 соммов. Эта цифра полностью соответствует той, что была указана в предшествующем документе 1358 г. Венецианцы Таны, конечно, не могли уплатить ее, принимая во внимание скромный товарооборот фактории, только что восстановленной после разгрома 1343 г. и длительного перерыва в торговле в 1343–1357 гг.[16] Понимая это, Тайдула заплатила из собственной казны 550 соммов, прося власти Венеции покрыть ее расходы. Маневр был рассчитан на то, чтобы облегчить бремя для Таны и переложить ее на более платежеспособные власти самой Республики св. Марка. Венецианские послы не приня-

языке и написан уйгурским письмом, а затем — переведен на персидский в Солхате, в золотоордынской канцелярии, и передан венецианцам, которые перевели его на диалетто (там же, С. 156–157). См. также: *они же.* Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам в Янгишехре (1356 г.) // Востоковедение. 1998. Т. 20. С. 155–159.

[14] Diplomatarium Veneto — Levantinum... T. 2, N 26. P. 52: 26/IX 1358.

[15] Diplomatarium Veneto — Levantinum... T. 2, N 28. P. 53–54. См. анализ документа в: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.) // Вестник СПбГУ. Сер. 2, 1996, вып. 4. С. 18–23.

[16] См. об этих событиях, напр.: *Карпов С. П.* Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55(80). Ч. 1. С. 121–126; *он же.* Génois et Byzantins face à la Crise de Tana de 1343 d'après les documents d'archives inédits // BF, 1996. Bd. 22. P. 33–51.

ли предложения, однако, платеж уже был произведен Тайдулой, и список получателей был приложен к ее документу. Среди получателей не было греков, но есть мусульмане и армяне[17]. Возможно, эта частичная компенсация, не покрытая впоследствии Венецией, насколько мне известно, урегулировала конфликт, жертвами которого были жители Причерноморья, не принимавшие участия в конфликте между итальянскими государствами.

Другой любопытный эпизод «охоты за людьми» связан с поздними Крестовыми походами. В 1444 г. флот бургундского герцога Филиппа Доброго участвовал, безо всякого успеха, в действиях против османцев. После поражения армии крестоносцев в битве при Варне в 1444 г., его действия в Черном море стали носить чисто пиратский характер и направлялись не только против турок[18]. Бургундцы сожгли анатолийский порт Иней и попытались захватить город Вати (совр. Батуми), принадлежавший грузинскому князю Гуриели, вассалу трапезундского императора. В результате этого набега капитан флотилии, Жоффруа де Туаси, попал в плен к Гуриели и был освобожден лишь при заступничестве императора Иоанна IV Великого Комнина[19].

Еще ранее командующий бургундским флотом Валеран де Ваврэн вооружил в Константинополе одну из бургундских галлиот специально для захвата добычи. Некий *Iacobus Bilia* был назначен ее капитаном. Можно только гадать, был ли он французом Жаком де Вилль или Бийи, как предполагал в свое время Н. Йорга[20], итальянцем по

[17] Diplomatarium Veneto – Levantinum... T. 2. N 27. P. 53.

[18] *Iorga N.* Les aventures «Sarrazines» des Français de Bourgogne au XVe siècle // Mélanges d'Histoire Générale / ed. C. Marinescu Cluj, 1927. T. 1. P. 9–56; *Marinesco M.* Philippe le Bon, duc de Bourgogne, et la Croisade (Première partie, 1419–1453) // Actes du VIe Congr. Int. des Études Byzantines. Paris 1950. T. 1. P. 147–168; *Vaughan R.* Philip the Good. The Apogee of Burgundy. London, 1970. P. 256–257, 270–274; *Taparel H.* Un épisode de la politique orientale de Philippe le Bon: les Bourguignons en Mer Noire (1444–1446) // Annales de Bourgogne, 1983. T. LV. P. 5–29; *idem.* Geoffroy de Thoisy, une figure de la Croisade bourguignonne au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. T. XCIV, N 3–4. P. 381–393; *Paviot J.* La piraterie bourguignonne en Mer Noire à la moitié du XVe siècle // Horizons marins, itinéraires spirituels (Ve–XVIIIe s.). Paris, 1987. T. 2. P. 203–214; *idem*, «Croisade» bourguignonne et intérêts génois en Mer Noire au milieu du XVe siècle // Studi di storia medievale e di diplomatica. 1992. Vol. 12–13. P. 135–162; *idem.* Comment avoir justice des dommages subis en Mer Noire au XVe siècle // Publication du Centre Européen d'Études Bourguignonnes (XIVe–XVIe s.). 1990. N 30. P. 117–125; *idem.* La Politique navale des ducs de Bourgogne, 1384–1482. Lille, 1995. P. 105–126; *Housley M.* The Later Crusades, 1274–1580. From Lyons to Alcazar. NY; Oxford, 1992. P. 91–93.

[19] *Karpov S. P.* L'Impero... P. 238–241; *idem.* Une ramification inattendue: les Bourguignons en Mer Noire au XVe siècle // Coloniser au moyen âge / sous la direction de M. Balard & A. Ducellier. Paris, 1995. P. 186–189, 217–218.

[20] *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // Revue de l'Orient Latin. 1900. T. 8 P. 204; *Paviot J.* La Piraterie... P. 205–207.

имени Джакомо ди Билья, к чему склонился позднее Ж. Павьо[21]. Возможно, последнее утверждение более убедительно, учитывая, что генуэзские власти позднее отрицали за ним бургундские статус или происхождение[22]. В 1445 г. генуэзцы Перы, поняв, что Билья осуществляет пиратские действия, наносящие им ущерб, арестовали его и разоружили его корабль, конфисковали награбленное им и даже в гневе разорвали в клочья бургундский флаг[23]. Это не помогло. Билья вновь вооружил корабль, вступил в союз с генуэзским пиратом Джованни Фонтона, владевшим триремой, и начал враждебные действия. Сначала он захватил трапезундский корабль, затем, близ морских стен Каффы — турецкое торговое судно. Когда он предпринял нападение на саму Каффу, захватив много свободных женщин и детей, очевидно, татар, чтобы продать их в рабство, он был арестован генуэзцами[24]. Корабль его был продан, а сам он был заточен в тюрьму, где провел два года и добился освобождения лишь при личном и настойчивом вмешательстве герцога. Фонтона остался в тюрьме и суд над ним не был завершен и к 1450 г.[25] Бургундцы даже попытались получить компенсацию за «потери» корабля Бильи, оснащенного Ваврэном. После долгих переговоров между властями Генуи и Бургундией и герцогской угрозы применить «право марки» против генуэзских купцов в его стране, Генуя согласилась в 1462 г. уплатить 7000 экю[26]. Но они не спешили с внесением этой «компенсации»: петиции и судебные слушания тянулись до 1466 г.[27] Примечательно, что Билья и Фонтона в середине 40-х годов XV в. применяли те же методы захвата свободных людей в рабство, как Николетто Марин и его соучастники в 1370-х годах. Они пользовались широко распространенным в Европе предубеждением считать татар вне их страны преимущественно рабами. Этот предрассудок между тем полностью отвергался в итальянских заморских факториях, расположенных на территории Золотой Орды, как исключительно опасный. Вот почему «охота за людьми» даже под прикрытием флага крестоносцев, решительно пресекалась генуэзскими властями Каффы, хотя кары за это, и вновь по политическим соображениям, не были адекватными.

[21] *Paviot J.* Comment... P. 123.

[22] *Desimoni C., Belgrano L. T.* Documenti ed estratti inediti o poco noti riguardanti la storia del commercio e della marina ligure // Atti della Società Ligure di Storia Patria 1867. T. 5. P. 424; *Iorga N.* Notes... P. 52: 31/I 1449.

[23] *Paviot J.* Comment... P. 123.

[24] *Desimoni C., Belgrano L. T.* Documenti... P. 424; *Iorga N.* Notes... T. VIII. P. 52: 31/I 1449; *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' Ufficio di San Giorgio (1453–1475) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1868. T. VIII. P. 840–848; *Paviot J.* La Piraterie... P. 206–207; *idem.* Comment... P. 123.

[25] Archivio di Stato di Genova. Archivio Segreto, 1793. Litterarum, 17, f. 481v: 27/VII 1450.

[26] *Карпов С. П.* Путями... С. 39–40; *Paviot J.* Comment... P. 123–124.

[27] *Desimoni C., Belgrano L. T.* Documenti... P. 435–437: 16/V 1466.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ДОКУМЕНТЫ

ARCHIVIO DI STATO DI VENEZIA, AVOGARIA DEL COMUN, 3642, RASPE, 2 (1341–61)

<2 cart. >

f. 16v
4/XI 1349

die IIII novembris

Petrus Taiapiera sancte Agnetis, patronus cuiusdam navis dicte lo galion ser Bitici Niddho contra quem processum fuit in eo et super eo, quod dum ipse foret cum dicta sua navi in partibus Gaçarie in quodam portu vocanto Varango, in quo portu erant etiam due alie naves, una videlicet ser Nicole Lion sancte Barnabe et altero Ianuensium, que omnes erunt illic pro caricando de frumento, et dum quadam die posita fuissent in aqua quedam retia ipsius Petri Taiapetri patroni predicti fuerunt amissa, unde dictus Petrus asserens fuisse accepta per tartaros ipsius loci, accepitur per vim, cum armis cum aliquibus aliis suis marinariis bovem unum sive vacam et ipsam asportavit alias in bestias percuciendo et occidendo[28] propter quod opertuit ser Nicolam Lion predictum solvere per ipsam vaca et aliis et percussis et mortuis propter que eciam tartari que illic erunt et Ianuenses similiter valde conquerebantur et minaberatur Venet(is). Ductus et placitatus fuit in consilio de XL, ubi per ea, que dicta et lecta fuerit, captum fuit de procedendo nam datis et receptis ballotis 39, fuerunt in non sincero 3, de non procedendo 0, de procedendo 36, et captum fuit de procedendo. Et tandem ponitis diversis partibus, capta fuit pars, quod dictus Petrus Taiapetra condemnetur in libris centum, et non possit usque ad annos duos ire ad dictum locum de Varango in penam libris C pro qualibet vice, qua irent. Et insuper teneatur emendare totum id, quod ser Nicola Lion solvit occasione predicta.

[Inscr.] Die VIIII novembris 1349 solvit dictus Petrus Taiapetra in manibus dominorum advocatorum libris centum et libris decem pro ratione ser Nicole Lion, quos libr. decem dictus ser Nicola Lion recepit.

3643, RASPE,3 (1361-1378)

<2 cartul. >

41r-v
16/XII 1373

Die XVI decembris

Ser Nicoletus Marino olim nauclarius navis Francisci Rugerii ad viagium Tane, contra quem processus fuit per dominos advocatores comunis in eo et pro eo, quod, dum ipse esset nauclerius navis Francisci

[28] alias in bestias percuciendo et occidendo — вставлено над строкой.

Regerii ad viagium Tane, de qua navi erant marinarii Mafeus de Iacobello et Iohannes Gavalla, ipsi et quilibet ipsorum essent in Portu Pixano ipsi malo modo honeraverunt aliquos homines tartaros et mulieres dantes eis ad intelligendum de portando eos in Gaffa et decipiendo eos tenentes et vendentes eos pro sclavis, prout de predictis clare patet per processus camare advocatorum comunis, ipso absente, citato et non comparente ductus et placitatus fuit processum in consilio de XL, in quo posita fuit pars, si videtur vobis per ea, que dicta et lecta sunt, quod procedatur contra Nicoletum Marino olim nauclerium navis Francisci de Rugerio, que malo modo fuit ad accipiendum aliquas animas pro sclavis et dando eis ad intelligendum de portando eos in Gaffa, ut est dictum. Nam datis et receptis in ipso consilio balotis 41, fuerunt de non 0, non sinceri 1 et de parte 40. Et captus fuit de procedendo, et tandem positis diversis partibus captum fuit, quod iste Nicoletus Marino stare debeat tribus mensis in uno carcere inferiore et solvat libris L parvorum et non incipiat terminum carceris donec solvatur; et quod privetur, quod a Constantinopoli ultra non possit intrare Mare maius cum aliquo navilio sub penam libris 500 parvorum pro qualibet vice, qua contra faceret, cuius pene tercium sit accusatoris, si accusator fuerit, et teneatur de credencia tercium advocatore et reliquum sit comunis. Et si accusator non fuerit, due partes vadant in comune, reliquum sit[29] officialium. Et quod fit reservatum ius contra dictum Nicoletum, quod si tempore aliquo oporteret aliquid solvere pro dampnum vel expensis pro dictis sclavis acceptis, ipse teneatur solvere illud, quod eidem spectabit secundum partem, quam habuit in dictis sclavis, ut est dictum.

Die predicta

Mafeus de Iacobello olim marinarius navis Francisci Rugerii ad viagium Tane, contra quem processum fuit per dominos advocatores comunis in eo et pro eo, quod dum ipse ivisset marinarius cum dicta navi cuius erat patronus suprascriptus Nicoletus Marino, fuit cum ipso Nicoleto Marino et Iohanne Gavala marinariis dicte navis[30] ad Portum Pixanum ad accipiendum dictas animas pro sclavis dantes sibi ad intelligendum // de portando ipsas in Gaffa, decipientes ipsas et vendentes eas pro sclavis et omnia alia faciendo, prout superius continetur in processu facto contra dictum Nicoletum Marino, ductus et placitatus fuit in consilio de XL, eo absente, citato et non comparente, in quo posita fuit pars, si videtur vobis per ea, que dicta et lecta sunt, quod procedatur contra Mafeum de Iacobello olim marinarium dicte navis, qui fuit cum dicto Nicoleto ad accipiendum dictas animas,ut est dictum. Nam datis et receptis in ipso consilio balotis 41, omnes fuerunt de parte procedendi. Et captum fuit de procedendo. Et tandem positis diversis partibus captus fuit per totum, ut est dicto Nicoleto Marino salvo, quod stet quinque menses in uno carcere inferiore. Et si non compareret usque

[29] Следует зачеркнутое: comunis.
[30] Следует зачеркнутое: ipse.

ad unum mensem proximum ad pariendum terminus sive pena carceris duplicantur.

Die predicta

Iohannes Gavalla olim marinarius Francisci Rugerii ad viagium Tane, contra quem processus fuit per dominos advocatores comunis in eo et pro eo, quod ipse fuit cum Nicoleto Marino et Mafeo de Iacomello ad accipiendum dictas animas et decipiendo ipsas per modum predictum, prout de predictis clare patet per processum camare dominorum advocatorum comunis, ducatus et placitatus fuit processum in consilio de XL, ipso absente, citato et non comparente, in quo posita fuit pars, si videtur vobis per ea, que dicta et lecta sunt, quod procedatur contra Iohannem Gavalla olim marinarium navis Francisci Rugerii, qui fuit cum predictis ad acepiendum dictas animas, ut est dictum. Nam datis et receptis in ipso consilio balotis 41, fuerunt omnes de parte procedendi. Et tandem positis diversis partibus captum fuit in totum, ut supra captum fuerit de dicto Mafeo Iacobelli.

Межэтнические отношения и смешанные браки на окраине Латинской Романии (Тана, XIV–XV вв.)

Приазовье и устье Дона всегда были средоточием особых интересов для Византии. Со времен античности и в средневековый период район Таны был по сути греческим анклавом, снабжавшим византийскую столицу важнейшими для нее продуктами — зерном, рыбой, солью, не говоря уже о многочисленных транзитных товарах, как пушнина, шелк, пряности или драгоценные металлы и камни[1].

[1] *Монографии по истории Таны пока не существует. Разные ее аспекты наиболее полно представлены в следующих работах: Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Изд. 3-е. СПб., 1782; *Ковалевский М. М.* К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905. Т. 2. С. 109–174; *Verlinden Ch.* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di Gino Luzzatto. Milano, 1950, Vol. 2. P. 1–25; *Nystazopoulou Pélékidis M.* Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // Thesaurismata. 1970. Vol. 7. P. 15–51; *Скржинская Е. Ч.* История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России... С. 29–64; *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe–milieu XVIe siècle) // Turcica, 1976, T. VIII/1. P. 110–201; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe–début du XVe siècle). Roma-Genova, 1978., T. I. P. 151–156; *Doumerc B.* La Tana au

В XII столетии эти территории, видимо, находились непосредственно под властью Византии[2]. Греческое население не покинуло их и после татаро-монгольского завоевания.

Роль Северного Причерноморья в международной торговле с середины XIII в. повышалась, по мере того как его порты приобретали все большее значение в товарообмене между Востоком и Западом. Сначала Солдайя (Судак), а затем — Каффа (Феодосия) и Тана (Азак, Азов) стали важными терминалами международной торговли Латинской Романии, Золотой Орды, Византии, Руси, Западной Европы и узлами местной, внутрирегиональной торговли.

Тана стала одним из наиболее колоритных, притягательных и, вместе с тем, опасных поселений, основанных итальянцами в самом дальнем «углу» Латинской Романии. Она заслужила репутацию у хорошо знавших ее венецианцев «пасти врагов наших»[3]. Но она была и источником богатств. Она неоднократно разрушалась и разграблялась во время частых набегов неспокойных соседей, отстраивалась вновь, привлекала новых колонистов из самых разных уголков Европы.

В узком смысле слова Тана — это название двух итальянских факторий (венецианской и генуэзской), расположенных на периферии большого кочевого золотоордынского города Азака, расширительно называемого западноевропейскими писателями также Таной. Разделение итальянской Таны и Азака относительно, хотя я и буду употреблять имя Тана для обозначения итальянских поселений. Дело в том, что итальянская Тана соседствовала не только с менявшим свой облик в зависимости от условий кочевания орд татарским городом, но и с кварталами, населенными греками, зихами, славянами, армянами, евреями. Между ними осуществлялись интенсивные экономические, культурные и личные связи. Сначала греки (чье поселение возникло раньше итальянских), а затем и иные этносы обосновывались и на самой территории укрепленной итальянцами Таны.

Венецианцы стали вести торговлю в устье Дона с середины XIII в., генуэзцы — чуть позже. Поселения купцов обеих морских республик

XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction de M. Balard. Lyon, 1989. P. 251–266; *idem.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. T. 94, N 3–4. P. 363–379; *Martin M.* Some aspects of trade in Fourteenth Century Tana / България Понтика II. София, 1988. С. 128–139; *Карпов С. П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 191–216; Очерки истории Азова. Вып. 1 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992, 1994.

[2] См. указ. на литературу вопроса в: *Карпов С. П.* Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) / ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 5, прим. 1.

[3] *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 29.

стали возникать там во второй половине 60-х годов XIII в. Постепенно они обрели свой юридический и административный статус. Генуэзский консулат сформировался не позднее 1304 г., а вероятнее всего — в конце 1280-х–начале 1290-х годов, венецианский — около 1320 г. В 1332 г. венецианская торговая фактория получила специальные права и привилегии от хана Золотой Орды, и в феврале 1334 г. Сенат республики разработал правила управления факторией. Генуэзцы получили аналогичные права, но точная дата их предоставления ханом неизвестна. Во всяком случае, оба поселения имели обширную автономию, управлялись по законам своих республик и признавали верховный сюзеренитет хана, уплачивая ему специальные налоги[4].

Периоды мирного соседства и конфронтации, вплоть до вооруженных столкновений, между итальянцами и татарами, генуэзцами и венецианцами, «латинянами» и византийскими греками сменяли друга друга. Бывало, Тану разрушали до основания или разграбляли золотоордынские ханы или их противники (как знаменитый Тимур), местные эмиры или отряды кочевников. Так было в 1343, 1395, 1410, 1418 и др. годы. Но с 20-х годов XV в. каменные укрепления лучше защищали поселения, да и сознание большей выгоды от коммеркиев, чем от нападений, руководило ханами Золотой Орды, а потом — и крымскими Гиреями [5]. Встает вопрос: можно ли ситуацию военных конфликтов и грабительских набегов экстраполировать на социо-культурные отношения между западными колонистами, местными православными христианами (греками и славянами) и их степными соседями? Возникали ли брачные союзы между разными этносами и как они воспринимались современниками? Мы постараемся пролить некоторый свет на эти проблемы, прекрасно осознавая частичность и неполноту наших ответов, обусловленную и состоянием источников, и начальным этапом разработки темы.

Помимо немногих традиционных и хорошо известных источников о ситуации в Тане, вроде немногословных и попутных экскурсов византийских историков или, особенно, свидетельств венецианских послов и путешественников Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини,[6] мы располагаем гораздо большим фондом еще неисследованных нотариальных актов, хранящихся в Венецианском и Генуэзском государственных архивах. Из картуляриев нотариев Таны до сих пор опубликован лишь один — Моретто Бона (1407–1408). Между тем, проведенные нами исследования в итальянских архивах в 1977–1999 гг. позволили выявить 1117 нотариальных актов 26 венециан-

[4] См.: *Карпов С. П.* Когда и как возникла Тана... С. 5–18.

[5] О ситуации в XV в. см.: *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? P. 251–266.

[6] I Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini, a cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M. F. Tiepolo. Roma, 1973 [Il Nuovo Ramusio, VII].

ских нотариев и 13 документов 13 генуэзских нотариев Таны. Разумеется, для генуэзцев Каффа представляла большее значение и нам известно пока 1459 составленных там актов 184 нотариев. Все эти цифры, разумеется, носят предварительный характер, работа в архивах продолжается, и новые находки вполне вероятны. Кроме того, мы учитывали лишь документы составленные *in situ*, в то время как упоминания Таны встречаются и в актах, составленных в Генуе, Венеции, других городах Причерноморья. Акты судебного делопроизводства (например, протоколы судей по петициям Венецианского архива[7]) способны дополнить картину. Конечно, латинские нотарии работали в итальянских поселениях и для жителей факторий. Другие местные жители встречаются в актах в том случае, если они были партнерами, участниками или договаривающимися сторонами сделок. Многие из них имели юридический статус *burgenses* или пользовались правами «колониального гражданства» Венеции или Генуи, состоя под защитой их консулатов. Это означает, что лишь часть местных жителей прямо обнаруживает себя в документах, и мы в состоянии рассчитывать на математические реконструкции общего числа жителей фактории только в случае достаточно репрезентативных выборок[8]. Среди попавших в нотариальные акты лиц нелатинского происхождения можно выявить три группы людей: 1) купцы и ремесленники разного имущественного положения; 2) лица, служившие по найму; 3) бывшие или действительные рабы и слуги. Это очевидное сужение поля исследования. Но изредка, особенно в годы конфликтов, или при заключении договоров с местными правителями, когда и их приближенные упоминаются в документах, на страницы источников попадают и иные категории лиц.

Существует и другая, методологическая проблема: различал ли средневековый нотарий расовое, этническое, «национальное» происхождение и имел ли он мотививацию указывать его? В случае работорговли, ответ достаточно ясен: цены на рабов в большой мере зависели от расовых, физических, поло-возрастных характеристик[9]. Но

[7] Archivio di Stato di Venezia. Giudici di Petizion. Sentenze a giustizia.

[8] См., напр.: *Пономарев А. Л.* «Кого нет, того не сосчитать»? или сколько в Византии было знати и купцов // Математические модели исторических процессов. Сб. ст. / отв. ред. Л. И. Бородкин. М., 1996. С. 236–244.

[9] *Ch. Verlinden.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. T. 2: Italie. Colonie italiennes du Levant latin. Empire Byzantin. Gent, 1977; *idem.* La colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle // Studi in onore di Gino Luzzatto. Milano 1950. Vol. 2. P. 1–25; *idem.* Esclaves et ethnographie sur les bords de la Mer Noire (XIIIe et XIVe siècles) // Miscellanea historica in honorem Leonis van der Essen. Bruxelles-Paris, 1947. P. 287–298; *idem.* Orthodoxie et esclavage au bas Moyen âge // Mélanges E. Tisserant. T. V. [Studi e Testi, 235]. (1964), P. 427–456; *Gioffrè D.* Il mercato degli schiavi a Genova nel secolo XV. Genova, 1971; *Balletto L.* Stranieri e forestieri a Genova: schiavi e manomessi (sec. XV) // Forestieri e stranieri nelle città basso-medievali. Atti del Seminario int. di studi. Firenze, 1988. P. 263–283; *Balard M.* La femme esclave à Gênes à la fin du Moyen âge // La femme du Moyen âge. Paris, 1990. P. 299–310.

подчас упомянутое имя раба не соответствует его происхождению или этносу. Бесспорно, были случаи крещения раба с присвоением ему нового имени или ошибочных этнических атрибуций, подчас и ради повышения стоимости раба, и в случае неумения писца отличить, скажем, «куманского» раба от татарина. И все же, как правило, нотарии достаточно точны, ибо они принимали во внимание и соматические характеристики и иные признаки, стараясь отличить, например, монгольского раба (их совсем мало) от татарского.

Для дифференциации других категорий местного населения нотарий не был столь же мотивирован. Обычно он принимал ту атрибуцию, которую давали сами контрагенты и транскрибировал имя так, как слышал его, учитывая и индивидуальный опыт, и традицию написания. Многое зависело от его знания языков, местной ситуации, просто уровня культуры. Конечно, он мог и обобщать, называя, например, «сарацинами» всех мусульман, хотя, как правило, в Северном Причерноморье в XIV в. этим этнонимом обозначали уже татар[10]. Таким образом, главной проблемой является выяснение того, как каждый нотарий работал с его клиентами, как он воспринимал имена и какими буквами передавал непривычные для романского уха звуки. В ряде случаев исключительно трудно без дополнительной информации о месте жительства, семейных связях и т. п. отождествить упомянутое лицо и еще сложнее «реконструировать» подлинное имя армянина или мусульманина в переложении на латинском языке или венецианском диалетто. Но и реальная ситуация была еще более путанной, ибо этно-конфессиональные характеристики, в иных случаях ясные и недвусмысленные, существенно варьировались в Тане. Что можно сказать, например, о еврее с мусульманским именем или о мусульманине — с армянским? Необходим специальный анализ в каждом случае, и далеко не всегда он приведет к успеху...

В данной статье я старался выбрать случаи, когда этно-конфессиональные атрибуции не вызывают больших сомнений. Начнем с греков. Часть из них служила по найму в Тане, получая содержание от венецианской «коммуны». В 1413 г. два портных — грека, *Michali Sachalari* и *Andreas* из Кефалонии — предъявили иск на взыскание долгов по невыплаченным окладам, «pro resto stipendii»[11]. Грек из Кандии, *Georgius Chalotari* нанимает в Тане мальчика-болгарина 14 лет в качестве слуги на 3 года, обязуясь лишь кормить и одевать его[12]. В указанном картулярии венецианского канцлера в Тане Донато а Мано (1413–1417) мы находим 7 греков из Таны, 8 — из Кандии, 4 — из Ретимно на Крите, 1 — из Корона, 3 — из Модона, 2 — из Негропонта, 1— из Кефалонии, 2 — из Патр, 4 — из Константинополя, 1 — с

[10] *Balard M.* «Infidèles» ou Comans? A propos des «Sarraceni» de Caffa // Bulletin d'Études Karantes. 1989. N 2. P. 83–90.

[11] Archivio di Stato di Venezia (далее — ASV), Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, doc. 14: 17/X 1413.

[12] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, doc. 17: 9/V 1414.

Тенедоса. Все они состоят в тесных партнерских связях с итальянцами Таны и, как видим, происходят из различных областей, часто за пределами Черного моря. Одна супружеская пара греков из Таны упоминается несколько раз. Жена — *Iolmelich a Candelis* — была домо- и землевладелицей в Тане, а ее муж *Michali Mitrioti* назван *habitator Tane*[13].

Греческая рабыня *Baracoma* получает новое имя Катерины[14]. Такой случай «переименования» совсем не редок.

Русское население Таны, о котором почти ничего не было известно, также отражено в нотариальных источниках. Разумеется, и здесь возникают проблемы атрибуции. После долгого пребывания в Тане, русские могли усваивать иные имена или получали от итальянцев прозвища, под которыми и фигурировали в документах. *Iohannes de Amadeo*, бондарь в Тане, купил в 1411 г. русскую рабыню Марию. Через три года, в 1414 г., брат Марии, Самуил, прибыл в Тану и постарался освободить сестру. Дело было решено за 200 безантов и кусок сукна, с немедленной выплатой 130 безантов. Остальные 70 должны были быть выплачены в течение года или более. Мария должна была оставаться служанкой в течение двух лет, а затем освобождалась из рабства вместе с возможными детьми. Акт добавляет интересную деталь: в течение двух лет Мария должна была воспитывать дочь, рожденную от ее хозяина. Соглашение пришлось переводить на русский язык (*in lingua rusca*), что и сделал толмач — *drugomanus* Николо Тальяпьетра[15]. К счастью, нам известен конец этой истории. В 1417 г. *Iacobus de Amadeo de Ruscia* женился на Марии, бывшей рабыне и бывшей служанке (*olim serve*) *Iohannes de Amadeo* и получил в приданое 300 безантов звонкой монетой и товарами. И вновь договор нужно было переводить (*interpretatum*) для нотария, который должен был его официально оформить[16]. *Iacobus de Amadeo* ясно идентифицируется как русский, хотя его патроним не похож на русское имя. Это означает, что прежний хозяин Марии, *Iohannes de Amadeo*, также был русским. Имя искажено, но как? Сделки производились несомненно среди русских в Тане. Мы можем лишь гадать, как татары захватили Марию и продали ее соотечественнику в Тане, как она стала его конкубиной и как ее брат, возможно, купец, отыскал ее. История закончилась в Тане через 6 лет после того, как Мария была продана в рабство. Она преумножила состояние, родила дочь, обрела свободу и вышла замуж за возможного родственника ее

[13] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, doc. 19: 4/VI 1414; 37: 24/X 1414; 39:29/III 1415; 76:24/IX 1415; 84: 10/X 1415.

[14] ASV, Cancelleria Inferior, 19, N 7, I cart., f. 5v N 38: 19/IX 1359 [Регеста документа в: *Verlinden Ch.* Le recrutement... N 104].

[15] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 4, doc. 20: 16/VI 1414.

[16] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 17, doc. 103: 28/VII 1417.

прежнего господина. Хотя все события происходили в итальянской фактории, мы имеем дело не со «смешанным браком». Тому были другие примеры. *Anthonius de Ruscia condam Daut, habitator Tane* женился на итальянке Агнесине, дочери покойного Джованни из Тревизо. Он получил хорошее приданое, оцененное в 1100 безантов, но был обязан по договору растить и содержать малолетнего брата Агнесины Джакомо, погашая все расходы на него (*facere expenses*) в течение грядущих 4 лет. Приданое включало лавку и участок земли на территории венецианской фактории[17].

Другой русский, *Cosmas Raphan(ello) de Ruscia, Tane habitator*, получил от жены Марии в качестве приданого 600 безантов. Возможно, это был брак между людьми невысокого социального положения и, к тому же, с плохим знанием латинского или итальянского языков: стороны также прибегали к переводчику[18].

Еврейское поселение в Азаке, возможно, существовало уже во второй половине XIII в.[19] Близ Азака находился еврейский посад или предместье, который в венецианских документах назывался Джудеккой (такое именование отмечено не позднее 1339 г.[20]). В переводе на латинский язык ярлыка хана Джанибека, данного венецианцам в 1342 г., Джудекка появляется в испорченном варианте — Cudencha. Джудекка прилегала к территории, пожалованной ханом венецианцам, но была отделена от нее рвом[21]. Некоторые евреи, как *Azarias Mussa iudeus quondam Iosua, habitator Tane*, были работорговцами[22], другие — купцами и ростовщиками, как *Leo Callazi condam Elye zudeus mercator in Tana*, плававший в Константинополь и ведущий свои счета на еврейском языке (*zedulla banbazina scripta manu dicti Leonis in iudaico*)[23]. Но подчас мы выстречаемся и с евре-

[17] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 16, doc. 90: 11/VII 1416.

[18] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, f. 16, doc. 91: 21/VIII 1416. Мария названа в акте «olim chuma ser Marci de Allega», который и заплатил за нее приданое. Обозначало ли слово chuma служанку или бывшую рабыню?

[19] Ср.: *Хвольсон Д. А.* Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и иные надписи из иных мест. СПб., 1884. С. 208–209, 217–218 (надпись на листе Пятикнижия Торы, подаренной евреями Азака, из синагоги в Каффе/Феодосии) — 1274 г. За указание на этот источник благодарю Н. М. Фомичева.

[20] ASV, Senato Misti, XIX, f. 25v (*Thiriet F.* Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris; La Haye. T. 1. 1958. N 111; публикация: *baron Blanc.* Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896, P. 69): 5/VII 1340.

[21] Diplomatarium Veneto — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia / ed. G. M. Thomas, T. 1: a. 1300 — 1350. Venetiis, 1880, P. 262.

[22] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, N 22: 20/VII 1414.

[23] ASV, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., f. 24r, N 142: 6/VII 1360.

ями-рабами[24]. Однако никаких данных о браках между евреями Таны и лицами иных национальностей и вероисповеданий нами не обнаружено.

Армянское население также проживало в Тане [25]. Нотарий Бенедетто Бьянко даже упоминает армянскую судебную курию там в 1359 г.[26] *Astlan condam Sirim de Arzeron armenus habitator in Tana* в 1360 г.[27] и армянин Ivanes (очевидно, Ованес), *habitator Tane* в 1414 г. были работорговцами[28].

Среди самого большого собрания нотариальных актов, составленных в Тане Бенедетто Бьянко (1359–1364), первым венецианским канцлером после кризиса середины XIV в., когда все итальянцы должны были надолго покинуть Тану (1343–1358)[29], нет упоминаний о смешанных браках между «латинянами» и местными жительницами. И это неудивительно. Слишком мало времени прошло с момента восстановления деятельности фактории в 1358 г. Тем не менее, есть интересный случай квази-брака по контрактному соглашению. Венецианец Джованни ди Бенедетто заключил нотариальный договор с гречанкой Феодорой, которая была замужем за генуэзцем или греком, имевшим генуэзское гражданство по имени *Ieorgius*. Джованни обещал женщине жить с ней и относиться к ней как муж к жене (*«eam tractare...ut maritus uxorem»*). Он был должен уплатить бывшим хозяевам женщины 4 сомма, а ей самой — 6 соммов в случае его брака с *другой* женщиной или при его желании расстаться с Феодорой[30]. Разумеется, Феодора, именуемая в акте жительницей (*habitatrix*) Таны, была служанкой, но не рабыней. Ее соотечественники-греки появляются в качестве свидетелей договора.

Подчас «латиняне» прибывали в Тану вместе с женами. Однако, это редкий случай в «доссье» Бенедетто Бьянко. К примеру, Джирардо Барбафелла, венецианец и житель (*habitator*) Таны, получил 16 соммов от своей жены, венецианки Катерины Боны, находившейся также в Тане[31]. Имеются даже редкие завещания, составленные венециан-

[24] ASV, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., f. 3r N 18 [Регеста: *Verlinden Ch.* Le recrutement des esclaves à Venise aux XIVe et XVe siècles // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. T. XXXIX (1968) N 10]: 14/IX 1359.

[25] См.: *Фомичев Н. М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака — Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова. Вып. 2. Азов, 1994. С. 13.

[26] ASV, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., отдельный лист, после f. 12v: 19/IX 1359.

[27] ASV, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., f. 28v, N 161 [Регеста: *Verlinden Ch.* Le recrutement... N 59]: 28/VII 1360.

[28] ASV, Cancelleria Inferior, 121, Notaio Donato a Mano, N 15: 13/II 1414.

[29] *Karpov S. P.* Black Sea and the Crisis of the Mid XIVth Century: an underestimated Turning Point // Thesaurismata, 1997. T. 27, P. 65–77; *idem.* Génois et Byzantins face à la Crise de Tana de 1343 d'après les documents d'archives inédits //BF, 1996. T. XXII, P. 33–51.

[30] ASV, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., f. 14v: 30/XII 1359.

[31] ASV, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., f. 17v: 15/IV 1360. Аналогичный случай также: ibid.: 24/IV 1360.

ками, проживавшими в Тане с мужьями и детьми[32]. Но и конкубинат с рабынями был весьма распространен. В некоторых случаях, когда женщина рожала ребенка от господина, она получала свободу[33].

По прошествии века ситуация изменилась и стала более сложной. В середине XV в. есть уже много упоминаний смешанных браков[34]. Мария Грасса, принадлежавшая к римско-католической церкви, была замужем за русским по имени Феодор (*Feodor*). В своем завещании она оставляет небольшую сумму денег, 26 безантов, своему духовнику, монаху-генуэзцу Терамо или Эразмо Саломоно. Ее деньги были у некоей Фетинкии, жены другого русского Федора (*Fetinchia uxor alterius Fedoris*). Еще один пример русской или русско-«латинской» семьи в Тане. Семья Марии и Феодора не была бедной. Мария оставила рабыню Олиту своему единственному сыну Андрею. Ее душеприказчица также происходила из той же смешанной православно-католической среды. Ее звали Магдалина, а замужем она была за греком, судебным приставом Янисом (*Ianis plazarius*). Среди тех, кому Мария завещала имущество, была Перина, дочь Марины и покойного Гульельмо, также наполовину славянка. Ей предстояло получить шелковую рубаху[35].

Русский по имени Куна (*Cuna*), имевший брата Минку (*Minca*), женится на Катарине Ландо, дочери покойного *Iohannis Murarii*, служившего баллистарием в Тане и получавшего (а точнее, не получившего) оклад за службу в венецианском замке Таны. Долг в 800 безантов был признан венецианским советом в Тане и местной судебной палатой еще в 1439 г., но до 1452 г. оставался невыплаченным. Безо всякого результата Катарина пыталась получить деньги, назначая своим доверенным лицом сначала бывшего канцлера в Тане нотария Николо де Варсиса, хорошо знавшего обстоятельства дела[36], затем — главу артели плотников Джованни Нигро[37]. Куна упоминает этот невыплаченный долг в качестве обещанного приданого в 1450 г.[38] После составленния завещания, Куна не умер и спустя 2 года выдал поручение своему доверенному лицу Филиппо *Diclai*

---

[32] См., напр.: ASV, Cancelleria Inferior, 19, 1 cart., отдельный лист, после f. 29v: завещание Елизаветы, жены Франческино Элиана, венецианского гражданина (*Elysabet uxor Franciscini filii ser Bonaveri Elian civis Veneciarum habitatrix in Tana*): 29/VII 1360.

[33] Moretto Bon, notaio in Venezia, Trebisonda e Tana (1403–1408) / a cura di S. de'Colli. Venezia, 1963. N 27: 28/VII 1407.

[34] Эта проблема рассматривалась нами также в статье: *Karpov S. P.* Orthodox Christians in Italian — Tartar surrounding: new archival evidences on rich and poor in Venetian Tana, XIVth–XVth Centuries // Ricchi e poveri nella società dell'Oriente Grecolatino / a cura di C. Maltezou. Venezia, 1998 P. 453–472. См. также: *Doumerc B.* La Tana au XVe siècle...

[35] ASV, Notarili, Testamenti, 826, N 11: 28/X 1447.

[36] ASV, Cancelleria Inferior, 148/2, c. N 13: 21/X 1447.

[37] ASV, Cancelleria Inferior,148/2, c. N 31: 10/IX 1448.

[38] ASV, Notarili, Testamenti, 826, N 12: 4/IX 1450.

получить сумму приданого своей жены, названной им совсем по-русски Тиной[39].

Лука Чиврано, носитель вполне венецианского, и даже патрицианского имени, называет себя, тем не менее русским *(ruthenus sive russicus, habitator eiusdem loci Tane)*. Это может указывать на связь его или его предков с бывшим венецианским хозяином по имени Чиврано[40]. Наш Лука Чиврано достаточно состоятелен, хорошо интегрирован в «латинскую» среду и, возможно, католик. Все его душеприказчики — итальянцы. Его жена, Магдалина, также, вероятно, «латинянка». Лука оставляет на службу заупокойных месс *(pro missis sancte Marie et sancti Gregorii dicendis per dictum capellanum)* 3 дуката. Его мастерская *(fabrica)*, где он также проживал, была расположена на территории католической скуолы свв. Марии и Антония, которой он завещал 50 безантов[41]. Но такую же сумму он определил строящейся греческой церкви св. Николая, на ее возведение, ремонт и приобретение всего необходимого *(pro reparatione, aptatione aut edificatione)*. Такого рода дарения как католической, так и православной церкви могут показаться странными. Но в действительности это, возможно, не было таковым в ситуации тесного сотрудничества христиан разных конфессий перед лицом постоянной татарской угрозы, а также в период, после Флорентийской унии и до падения Константинополя (1439–1453 гг.). Возможно, в контролируемых генуэзцами и венецианцами областях Северного Причерноморья уния имела бóльшие успехи, чем на собственно византийской территории. Имущество Луки, оставленное его слугам и благотворительным учреждениям, оценивалось в 200 безантов и 7 дукатов (52,45 дуката в целом). Он также владел мастерской на территории скуолы, которой и завещал ее, с тремя рабами: черкесом Иоанном и двумя русскими — Ориной и ее сыном Костой. Все они были домашними слугами. Иоанн и Коста сразу же получили свободу по завещанию, а Орина должна была быть освобождена через 8 лет, в течение которых она должна была служить вдове покойного. Но и Коста после освобождения также оставался в качестве слуги. Все другое движимое и недвижимое имущество (безусловно, большую часть состояния) Лука завещал вдове и детям, а в случае их смерти — на благотворительные цели. Лука представляется нам богатым ремесленником, славянского происхождения, из семьи бывших рабов, но уже давно осевшей в венецианской фактории Таны.

Словом, число браков между лицами разных христианских конфессий и среди разных социальных слоев в Тане возрастало. Но по-

[39] ASV, Cancelleria Inferior, 148/2, N 76: 11/III 1452; ASV, Cancelleria Inferior, 148/2, N 77–78: 27/III 1452.

[40] Случаи, когда освобожденные рабы принимали родовое имя бывших господ известны со времен античности. Встречались они и в средневековой Тане. См., напр.: *Doumerc B.* Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // Le Moyen Âge. 1988. T. 94, N 3–4, P. 259.

[41] ASV, Notarili, Testamenti, 826, N 48: 5/XII 1450.

добные отношения между христианами и мусульманами или иудеями не просматриваются. В Тане существовал довольно высокий уровень этно-религиозной терпимости на бытовом уровне. Такая ситуация изменилась после османского завоевания Таны в 1475 г.

ASV, CI, Notai, 148/2. Pietro Pelacan

N 13. Tana, 21/X 1447
Die dicto
Catarina Lando relicta Iohannis Murarii condam Antonii et nunc uxor Cune russii, habitatrix Tane rogavit fieri comissionem venerabili viro domino presbitero Nicolao de Varsis ecclesie sanctorum Apostolorum de Venetiis, olim capelano Tane ad petendum, exigendum et recipiendum omne id totum et, quicquid dictus condam Iohannes habere debet et restat, a camera comunis Venetiarum de et occasione sui stipendii balistarie in Tana, quod totum eidem Caterine spectat usque videlicet sumam bixantiorum octingentorum de Tana, que bixantia sunt restum sue repromisse, de qua obtinuit sentenciam coram domino consule Tane contra bona dicti condam Iohannis in 1439 mensis septembris die XVIo indicione 3a Tane, vivam adhuc in manibus dicte Catarine de dicta dumtaxat quantitate bixantiorum 800, et a me notario visam et lectam, que sententia est completa et roborata manu domini presbiteri Ambrosii condam Viti, plebani sancti Vitalis Venetorum notarii necnon capelani et cancelarii Tane, tam a dicta camera, quam a quocumcque alio offitio seu loco quoquo modo, et de receptis cartam securitatis rogandi, et si opus fuerit dicta de causa tam coram serenissimo domino principe et inclita dominatione Venetiarum {quamque} quecumque alio officio comparendi, placitandi, agendi et respondendi, advocandi et advocatos tollendi, summandi, apellandi, necnon in animam suam iurandi, item paciscendi, transigendi et componendi, translatan(di) seu translatari et scribi faciendi, alienandi et etiam donandi tam partem, quam totum dicte restantis pecunie, necnon baratandi et vendendi tam ad terminos, quam ad contatos, tam ad denarios, quam ad quaslibet merces; item substituendi et revocandi et generaliter omnia alia et singula faciendi, exercendi et procurandi in premissis et circa, sicut ipsamet separaliter adesset, etiam si talia forent, que mandatum exigerent speciale. Promittens etc.

Testes magister Iohanes Nigro marangonus et Fantinus Briti.

31. Tana, 10/IX 1448
Die dicto, Tane.
Catarina Lando rel(icta) Iohannis Murarii condam Antonii et nunc uxor Cune russii habitatrix Tane rogavit fieri comissionem magistro Iohanni Nigro marangono ad petendum et cetera omnia alia faciendum prout continetur et superius leg(itur) in comissione per eammet rogata domino presbitero Nicolao de Varsis sub die XXI mensis octobris 1447.

Testes Dominicus Begdoloto et Antonius de Bernardo tabernarius in Tana.

N 64–67. Tana, 29/VI 1451
F. 64
MoCCCCoLImo die martis vigesimonono mensis iunii indicione XIIIIa.
Catarina Iustiniano relicta Georgii Iustiniano presentialiter comorans in castro Tane illustrissime dominationis Venetiarum pro bixantiis de Tana ducentis viginti, que nomine finiti et conventi precii confessa fuit recepisa domino Francisco Cornario condam domini Donati nobile de Venetiis ad presens negociatore Tane suprascripte faciente et solvente, ut asseruit[42] nomine pape Tatulii greci beneficiati in ecclesia sancti Nicolai grecorum eiusdem loci Tane noviter / [F. 65] ab hinc reccessi, renuncians exceptioni non numerate peccunie et non soluti pretii tempore cont...s omnique alii suo iuri eidem pape Tatulio licet absenti, ut supra tangitur, seu dicto domino Francisco eius nomine agenti, prout superius, dedit, cessit, vendidit, tradidit atque mandavit iure proprii quoddam territorium seu terrenum positum in eodem castro Tane ad montem, cui coheretur a mane Dominicus Begdoloto trucimanus curie Tane suprascripte et est longum pichi quindecim de Tana usque murum comunis dicti castri, computata calle, que discurit aut discurere debet secundum usum per prope eum murum a sero[43] via publica, que vadit ad eum montem et est similis longitudinis pichorum[44] quimdecim, computata calle, ut supradictum est in confinio a mane, a meridie cum eo muro comunis seu calle predicta, que discurit aut discurere debet inter eum murum et territorium predictum et est latitudinis terrenum predictum picorum VIII de Tana a septentrione, cum eamet venditrice et est latitudinis pichorum septem et quartarum trium de Tana; et cum territorium seu terrenum ei dedit et cum nobilem dicto nomine recuperationem investivit de territorio seu terreno predicto cum accessione et ingressu, cum introitu et exitu, cum via et servitutibus, cum superioribus et inferioribus et cum omnibus suis adiacentiis et pertinentiis, atque cum omni iure, actione et ratione, reali et personali ipsi territorio seu terreno pertinenti sibi cumque propterea competenti et integrum, ut admodo ipse papa Tatulius eiusque heredes[45] et cui dederint, debeant habere, tenere atque possidere predictum territorium aut terrenum omnemque suam voluntatem et utilitatem ex eo iure proprii facere, asserente dicta Catarina dictum territorium seu terrenum nulli alteri fore datum, venditum, donatum, alienatum, obligatum vel aliquo modo obroxiatum, nisi predicto pape Tatulio. Et si plus valeret de dicto precio ab inde pure et irrevocabilis donationis titulo, que dicitur inter vivos, ei emptori dedit et remisit, propterea dicta Catarina dedit, cessit, tradidit atque mandavit dicto

[42] et solvente, ut asseruit — вставлено на полях.
[43] Следует зачеркнутое: in.
[44] Следует зачеркнутое: quinque.
[45] Следует зачеркнутое: atque ei.

pape Tatulio seu ipsi nobili dicto nomine omne ius, omnes actiones et rationes reales et personales, quod et quas ipsa habet et videbatur habere in suprascripto territorio aut terreno et adversus quemlibet tenentem [F. 66] vel possidentem aut impedientem ipsum territorium sive terrenum ipsum procuratorem *fidelem*[46] in rem suam constituens, ut a modo possit agere et placitare adversus omnem partem et se defendere pro ipso terreno sive territorio, quemadmodum dicta venditrix poterat. Ad huc autem memorata Catarina iam dicto pape Tatulio seu dicto nobili agenti, ut supra fertur, eius nominis et stipulanti promisit ipsum territorium seu terrenum per se et suos heredes eidem pape eiusque heredibus aut successoribus cuive dederit varentare et defendere ab omni homine cum ratione sub pena dupli, sicut pro tempore fuerit melioratum aut in consimili loco valuerit suis expensis cum obligatione suorum bonorum presentium et futurorum se pro emptore possidere constituens. Insuper dicta Catarina predictum terrenum pro iam dicto papa Tatulio se precario possidere constituit donec tenutam et possessionem dicti territorii fuerit adeptus; quam preccariam possessionem in presenti ei remisit et refutavit. Hoc acto et inter dictas partes convento, quod idem papa Tatulius a die prima septembris proxime futura et non ante habere incipiat pensionem seu fictum territorii predicti[47] superius venditi[48] per eam Catarinam Iustiniano. Et hec omnia acta et rogata fuerunt trucimanante eo Dominico Begdoloto.

Acto insuper per pactum expressum solempni stipulatione valatum et firmatum inter eum papam Tatulium licet, ut supra tactum est, absentem seu dictum dominum Franciscum Cornario eius nomine presentem asserentemque in presentia mei notarii et testium infrascriptorum[49] ab eo papa Tatulio habere libertatem omnia infrascripta pagendi et rogandi, necnon de rato et rati habitione promittentem et ipsummet dominum Franciscum uti, ut omnibus fere notum est, patronum dicte ecclesie sancti Nicolai ac Mapheum Marcoffo uti gostoldionem scole sancte Marie et sancti Antonii de Tana pro se dicto nomine et nomine suorum sociorum dicte scole, a quibus dixit habere bailiam hec omnia faciendi, quod si casus daret, quod idem papa Tatulius habeat cum effectu institutionem liberam de ea ecclesia sancti Nicolai, ad quam obtinendam modo Trapesundam perexit ad reverendissimum dominum archiepiscopum Alanie institutorem, ut fertur, ecclesie predicte. Ex nunc prout ex tunc sepe dictus papa sive idem nobilis eius suprascripto asserto nomine[50] titulo donationis, que dicitur causa mortis, dat et donat eidem ecclesie sancti Nicolai sive dicto domino Francisco stipulanti et recepienti vice et nomine

[46] Помарка на слове. Предположительное чтение.

[47] territoriorum predictorum исправлено на: territorii predicti.

[48] venditorum исправлено на: venditi.

[49] in presentia mei notarii et testium infrascriptorum — вставлено на полях.

[50] sepe dictus papa sive idem nobilis eius suprascripto asserto nomine — вставлено на полях.

ecclesie prelibate territorium sive terrenum predictum cum omnibus iuribus actionibus et rationibus realibus et personalibus, que et quas habet in predicto territorio[51] seu quibus emptum est, ut in presenti supra instrumento per ordinem legitur. Si autem institutio ipsa de eo papa Tatulio debitum non sortiatur effectum in et / [F. 67] de iam dicta ecclesia sancti Nicolai ex nunc prout ex tunc et ergo dictus Mapheus Marcoffo uti gastaldio pro se et nomine sociorum suorum iam dicte scole asumpsit et assumit in scolam predictam territorium seu terrenum predictum, promittens nomine antelato sub obligatione bonorum omnium et singulorum predicte scole[52] eidem pape Tatulii vel de eo ius habenti de bonis dicte scole debitam et integram solutionem eorum bixantiorum ducentorum viginti facere cum effectu per se dicto nomine et successorum suorum, qui pro tempore in dicto offitio fuerint, de quo territorio aut terreno ex nunc supradictus dominus Franciscus vice dicti pape Tatulii iam dicte scole adveniente causa venditionem facit cum omnibus iuribus, rationibus et actionibus et aliis omnibus et singulis clausulis et articulis coniunctim et particulariter ac divisim contentis et annotatis supra in hoc presenti emptionis instrumento de eo territorio ab ea Catarina sibi pape Tatulio vendito et tradito dans et concedens tunc scole iam pluries dicte iammet[53] auctoritatem et vigorem per supradictum emptionis instrumentum de eo territorio, quam et quem qualem et quantum habet, aut visus fuerit habere idem papa Tatulius in terreno predicto[54] vel quemadmodum a principio in scolam (predicta)m instrumentum ipsum confectum fuisset. Que omnia et singula promiserunt ipsi nobilis et Mapheus predictis nominibus sibi invicem et vicisim perpetuo firma, rata et grata habere, tenere, attendere et observare et in nullo contrafacere vel venire per se vel alium seu alios aliqua ratione vel causa de iure vel de facto sub pena dupli totius eius in quo vel de quo questio mota fuerit seu contrafactum in quolibet huius instrumenti articulo[55] per solempnem stipulationem promissa, et insuper refectionis et emendationis dampnorum, expensorum et interesse litis et extra. Qua pecunia soluta vel non et expensis dampnis et interesse reffectis vel non nichilominis presens instrumentum et omnia et singula in eo contenta robur obtineant. Et pro observationem suprascriptorum omnium et singulorum dictus nobilis bona dicte pape obligavit sibi ecclesie et idem gastoldio bona dicte scole ipsi pape obligavit tam presentia, quam futura. Renuntiantes ipsi ambo contrahentes exceptioni non sic vel aliter celebrati contractus non sic geste rei et omnibus et singulis exceptis privilegiis, auxilio et beneficio per quas vel que promissis vel aliquibus premissorum possent quolibet excipi, obici vel opponi.

[51] territoribus исправлено на territorio.

[52] sub obligatione bonorum omnium et singulorum predicte scole — вставлено на полях.

[53] eammet — вставлено над строкой.

[54] in terreno predicto — вставлено на полях.

[55] in quolibet huius instrumenti articulo — вставлено на полях.

Actum in dicto loco Tane circa ipsum terrenum presentibus Iohanne Memo apothecario et Petro de Baldasare calafato ad soldum balistario, testibus ad hec habitis, vocatis, rogatis et aliis.

Petrus Pelacan, notarius suprascriptus.

ASV, Notarili Testamenti 826
PIETRO PELACAN

N 11. Tana, 28/X 1447

1447, mensis octobris die XXVIIIo indicione XI Tane.

Ego, Maria Grassa uxor Fedoris rutheni sive russici languens corpore et mente sana cogitans etc. et nolens etc. ad me vocari feci presbiterum Petrum Pelacan notarium Venetiarum nunc capelanum et cancelarium in Tana, quemque rogavi ut hoc meum scriberet testamentum cum clausulis etc., salvis etc. in quo instituo meam solam fideicomissariam Magdalenam uxorem Iohannis greci plazarii, ut secundum, quod hic ordinavero darique iubsero, sic exequutioni mandet.

In primis, dimitto domino fratri Herasmo sive vulgariter nuncupato fratri Theramo Ianuensi ordinis minorum paterno meo bixantios XXVI de illis scilicet bixantios centum, que mihi tenetur Fetinchia uxor alterius Fedoris. Item demicto pur(e) de illis bixantios centum notario suprascripto in presentia testium infrascriptorum ducatum unum pro suo labore. Reliqua bixantia volo expendi in meam sepulturam secundum discretionem dicte mee commissarie. Item dimicto Perine filie Marine et condam Guielmi unam de meis camisiis sirico laboratam. Interrogata de pietate et Nazareth locis de Veneciis respondi non me[56] de his locis longuinquis impedire. Residuum vero omnium aliorum meorum bonorum mobilium et immobilium et specialiter Olitam sclavam meam, lectum et vestes ac omnia alia bona mea dimitto Andree filio meo. Et si ante legiptimam etatem decederet deveniat totum in dictam Magdalenam comissariam meam, cui animam mea recomitto. Preterea etc.

Testes Dominicus Begdoloto trucimanus.

Iacobus magistri Antonii calegarii filius.

N 12. Tana, 4/IX 1450

1450, die IIIIo septembris, ind(ictione) XVa Tane.

Cum vite sue terminum etc. Quapropter ego, Chuna ruthenus sive russicus frater Minche, sanus corpore et mente adivi presbiterum P(etrum) Pelacan notarium Venetorum ipsumque rogavi, ut hoc meum scriberet testamentum pariter et compleret cum clausula etc.

In quo instituo meum solum fideicomissarium ser Filipum Diclai, ut secundum quod ordinavero exequutioni mittat. Interogatus de postumis dixi(t) uxori non fore spes filiorum quia uxor antiqua. Residuum omnium aliorum pro meorum bonorum[57] etc. dimitto medietatem ecclesie sancti

[56] Зачеркнуто: se, над строкой написано: me.

[57] Следует зачеркнутое: di.

Nicolai grecorum de Tana et aliam medietatem dispensari pro anima mea secundum discretionem dicti mei commissarii, cui animam meam recomitto preterea etc.

Trucimano Nicolao Butario rutheno.

Testes Iacobus Rizzo et Benedictus Malipiero.

Dixit habere in manibus dicti ser Filepi ducatos 30, item martires 29, et de ratione dicti fratris sui[58] martires 20. Item in manibus uxoris Roma(ni) rutheni ducatos 30. Item, in manibus Ceni de ratione dicti sui fratris b(esantios) 400.

N 48. Tana, 5/XII 1450.

In nomine Dei eterni, amen. Anno ab incarnatione Domini nostri Yhesu Christi milesimo quadrigesimo quinquagesimo, mensis decembris, die quinto indicione XIIIIa Tane.

Divine inspirationis domini Dei est et provide mentis arbitrium, ut antequam superveniat mortis iudicium, quilibet se et bona sua sit ordinare solicitus. Igitur ego, Lucas Civrano, ruthenus sive russicus, habitator eiusdem loci Tane infirmus corpore sanam tamen per Dei graciam habens mentem integrumque consilium cogitans quam fragilis sit hominium vita nolensque ab intestato decedere et bona mea inordinata derelinquere, ad me vocari feci presbiterum Petrum Pelacan sancte Marie Formose de Veneciis, Venetiarum notarium et nunc capelanum et cancellarium in eo loco Tane ipsumque rogavi, ut hoc meum scriberet testamentum, pariter et compleret cum clausulis necessariis et opportunis per morum Venetiarum, salvis semper statutis et consuetudinibus comunis Venetiarum. In quoquidem meo testamento instituo et esse volo meos fideicomissarios ser Galeatium Dragano ad presens in Tana ad stipendium balistarium, Iohannem Metuo habitatorem in eo loco Tane et Magdalenam uxorem meam, ut secundum, quod hic ordinavero darique iubsero, sic adimplere debeant.

In primis, dimitto pro missis sancte Marie et sancti Gregorii dicendis per dictum capellanum ducatos auri tres in presentia infrascriptorum testium. Item, dimitto scole sancte Marie et sancti Antonii de Tana meam fabricam, in qua nunc habito, sitam super terreno eius scole, et bixantia quinquaginta. Item, dimitto pro reparatione, aptatione aut edificatione ecclesie sancti Nicolai grecorum de Tana bixantia quinquaginta. Item, dimitto Margarite, quam presentiale in domo teneo bixantia quinquaginta. Item, dimitto pro exoneratione consciencie mee nobili viro domino Francisco Cornario condam domini Donati ducatos auri quatuor, quia alias a quodam domus sue quem suspectum habeo eo precio emi et solvi peciam brunate. Item dimitto Iohannem geticum sive zerchassium servum meum liberum et franchum ab omni vinculo servitutis et ultra hoc sibi dimitto omnes suos pannos et bixantia quinquaginta. Item dimitto Costam filium Orine ruthene servum meum liberum et franchum et in gubernatione dicte uxoris mee. Atque Orinam similiter servam meam

[58] sui — вставлено над строкой.

postquam servierit dicte uxori mee annis octo liberam et francham dimitto, verum si ante completum dictum tempus annorum octo deficere contingerit dictam uxorem meam et filias ex eam et me nascituras, volo quod tunc ipsa Orina sit libera et francha et ultra hoc habeat secundum discretionem meorum comissariorum aliquid de residuo meo. Si in pias causas dispensare contingerit eccl(esie) M(arie) dicte Nazareth et pietatis de Venetiis respondi nescire de his rebus. Residuum vero omnium aliorum meorum bonorum mobilium et immobilium, presentium et futurorum, caducorum inordinatorum et pro non scriptorum et, quicquid ad caducum inordin(atum) et pro non scriptum posset quolibet devenire, dimitto equaliter dicte uxori mee et filiis aut filiabus uni vel pluribus ex nobis nascituris et decedente uno aut pluribus ex eis tam mascul(is), quam feminis sine testamento et absque heredibus pars sua aut partes deveniat seu deveniant in superstitem aut superstites ex eis, decedentibus vero omnibus suprascriptis absque testamento et sine heredibus *vero* quod dictum res(iduum) dispensetur in missis et aliis orationibus ac piis elimosinis secundum discretionem meorum comissariorum, quibus animam meam comitto. Preterea do, tribuo etc. prout in primo huius folii testamento. Signum suprascripti Luce Civrano, qui hec fieri rogavit.

+ Ego Dominicus Bedelotto testis manu mea subscripsi.

+ Ego Petrus de Baldasare testis manu mea subscripsi.

Ego presbiter Petrus Pelacan sancte Marie Formose de Venetiis Venetiarum notarius et presentialiter capelanus et cancelarius in Tana complevi et roboravi.

Testis Dominico Begdoloto, trucimanus curie Tane et Petrus Baldasaris calafatus ad stipendium balistarium Tane.

Иск брата Георгия: неизвестные документы Генуэзской судебной курии в Трапезунде[1]

Генуэзская фактория в Трапезунде, столице империи Великих Комнинов, была в конце XIII–XV в. одной из наиболее крупных в Причерноморье[2]. Однако даже в таком богатейшем собрании

[1] Первоначальная публикация в: ВВ. 1992. Т. 53. С. 171–176.

[2] См.: *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. Т. 2; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe–début du XVe siècle). Genova; Roma, 1978. Т. 1. P. 134–138; *Pistarino G.* I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. P. 60–62, 71–73; *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981; *Он же.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.

средневековых документов, как Генуэзский архив, публичные или частные акты, составленные непосредственно в Трапезунде или других городах Южного Причерноморья, — большая редкость. Нам неизвестны документы официального делопроизводства генуэзской фактории в Трапезунде, книги финансовой отчетности, подобные знаменитым массариям Каффы, Перы и Фамагусты. Тем важнее представляется находка выписки из «книги петиций, свидетельских показаний и иных дел» (de foliatio peticionum, testium et aliorum diversorum negociorum) генуэзской судебной курии в Трапезунде в XV в.

Выписка из «книги петиций» была обнаружена нами в бумажной рукописи XV в. Генуэзского государственного архива, содержащей копии документов и завещаний разного происхождения[3]. Выписка была сделана по заказу католического монаха, брата Георгия из Симиссо, викария церкви св. Франциска Ассизского в Трапезунде, который вчинил иск наследникам знатного генуэзского купца Анфреоно Спинола ди Лукулло. Копия документов содержит следующие тексты: петицию брата Георгия, поданную генуэзскому консулу в Трапезунде 1 сентября 1444 г.; акт о принятии иска к производству и предписание консула писцу курии вызвать свидетелей; акт оповещения и присяги свидетелей, совершенные в тот же день; свидетельские показания, данные 2 сентября 1444 г., и, наконец, помета нотария Антонио ди Регоредзо об изготовлении копии этих судебных документов 15 мая 1445 г. В «досье» нет никакой информации о приговоре консула или решении курии; видимо, процесс не завершился в Трапезунде в течение 8,5 месяцев и брат Георгий пожелал продолжить его в Генуе, запасшись необходимой документацией.

Публикуемые ниже документы дают возможность яснее представить жизнь, способ мышления и поведения генуэзских колонистов в далеких факториях Латинской Романии, их повседневные отношения с местным греческим населением, функционирование колониальной администрации и роль католической церкви, систему денежного обращения и возможную стоимость жизни в Трапезунде во второй четверти XV в. Благодаря этим документам устанавливается имя неизвестного ранее генуэзского консула в Трапезунде, Андриоло Дориа, управлявшего факторией в 1444 г.[4] Примечательно, что именно род Дориа имел прочные и давние связи с Трапезундом, экономические интересы на Понте, равно как и в Крыму[5].

История, отраженная в документах, началась еще в 1426 г. Гражданин Генуи купец Анфреоно Спинола ди Лукулло, торговавший в

[3] Archivio di Stato di Genova. Sezione Manoscritti. Ms 105. f. 105–108 Выражаю искреннюю признательность д-ру Дж. Ольджати (Генуя), обратившей наше внимание на эту рукопись.

[4] Список консулов приведен в кн.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя... С. 172–173.

[5] См.: *Balard M* La Romanie... T. I. P. 340–341; *Карпов С. П.* Итальянские... P. 269–270.

Трапезунде, пожелал возвратиться на родину. Было, однако, «небольшое» препятствие: его служанка ждала от него ребенка. Видимо, это была местная жительница, гречанка: ее родители жили в Трапезунде и имели там собственный дом вне территории итальянских факторий. Спинола не собирался брать женщину с собой в Геную. И не только тяготы предстоящего пути и долгое плавание были тому причиной. Спинола заявил о своей готовности забрать ребенка, когда он подрастет (и только его, без матери!) в Геную, если это будет мальчик. В случае же, если родится девочка, ее надлежало воспитать и выдать замуж в Трапезунде за лицо, равное ей по социальному положению. Опеку над ребенком и временное содержание своей бывшей служанки Спинола доверил францисканскому священнику, викарию католической церкви в Трапезунде, брату Георгию из Симиссо.

Судя по имени, этот человек уже долго проживал на Понте. В Симиссо (Амисе), где были генуэзский замок и фактория, действовали католический епископат и францисканский монастырь[6]. Перемещение из Симиссо в Трапезунд для священника-францисканца дело неудивительное: между городами была тесная связь, в Трапезунде была одна из трех кустодий францисканского Восточного Викариата[7], действовало несколько католических храмов. До сих пор было известно посвящение лишь трех из них: св. Маргариты, св. Елевтерия и, возможно, св. Креста[8]. Публикуемые документы позволяют добавить к ним еще и миноритскую церковь св. Франциска.

После рождения ребенка (оказалось, что это была девочка) брат Георгий содержал его вместе с матерью в течение 14 месяцев в доме своей сестры. Затем служанка Спинолы возвратилась в дом своих родителей, а девочка воспитывалась священником, который через 17 лет выдал ее замуж в соответствии с пожеланиями отца. Брат Георгий утверждал, что опека и приданое обошлись ему в 250 золотых турецких дукатов, которые не были возмещены умершим к 1444 г. Спинолой. Священник возбудил иск против его наследников, желая получить названную сумму.

250 турецких дукатов были значительным капиталом. В 1437 г. в Трапезунде турецкие дукаты продавали по 80 трапезундских аспров за штуку[9]. Точных данных о курсе, существовавшем в 1444 г. у нас

---

[6] *Fedalto G.* La Chiesa Latina in Oriente. Verona, 1973. T. I. P. 467; Verona, 1976. T. 2. P. 216; *Civezza M. da.* Storia universale delle missioni francescane. Roma, 1859. T. 3. P. 360; *Карпов С. П.* Итальянские... С. 84–89.

[7] *Matteucci C.* La missione Francescana di Costantinopoli. Firenze, 1971. P. 27; *Bryer A.* Trebizond and Rome // АП. 1964. Т. 26. P. 290–307; *Карпов С. П.* Трапезундская империя... С. 124–146.

[8] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. 1. P. 204–250; *Janin R.* Les églises et les monastères des grands centres byzantins (Bythynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique). P., 1975. P. 251–297 (особенно P. 258).

[9] Il Libro dei conti di Giacomo Badoer (Constantinopoli, 1436–1440) / A cura di U. Dorini e T. Bertele. Roma, 1956. P. 103.

нет. 250 турецких дукатов составляли примерно около 20 тысяч трапезундских серебряных аспров, основной монеты, обращавшейся в империи Великих Комнинов. Золотые монеты, как известно, не чеканились в Трапезундской империи, как и в Византии в тот период[10]. Поэтому большие суммы исчисляли в золотых дукатах — венецианских и турецких, обращавшихся в регионе.

Брат Георгий в своей петиции указывал, что его траты включали расходы на одежду и питание (de victu et vestitu) и на приданое девушки. В Латинской Романии существовал обычай, по которому итальянские хозяева давали приданое своим греческим служанкам, когда те выходили замуж. Но обычно эти суммы не были велики: 600–800 аспров Каффы (равные 375–500 трапезундским аспрам) в 1289–1290 гг. или 1675 трапезундских аспров в 1412 г.[11] Социальный статус незаконной дочери Спинолы не был высоким и не слишком отличался от положения служанок. В петиции подчеркнуто, что девушку венчали «in loco convenienti ad ipsius puelle qualitatem». Не присущее благородным людям достоинство, dignitas, а простое «качество», qualitas, определяло место девушки в обществе. Возможно, брат Георгий завысил сумму иска. Кроме того, он не упомянул о частичной уплате 10 000 трапезундских аспров, произведенной Анфреоно Спинолой при посредничестве Джорджо ди Кварто, *burgensis* Перы, и Джованни ди Кукурно, *burgensis* Трапезунда, свидетеля обвинения.

По вопросу о статусе *burgenses* существует большая специальная литература[12]. В наших документах упоминание о том, что свидетели являются *burgenses* Trapesundarum, явно связано лишь с их постоянным проживанием в замке генуэзской фактории, Леонтокастроне, где и были составлены акты.

Еще один интересный штрих: генуэзские купцы в Трапезунде плохо знали или не знали вовсе латинский язык, так как нотарий курии

---

[10] Общий краткий и точный обзор византийской монетной системы в последнее время был сделан Ф. Грирсоном: *Grierson Ph.* Byzantine coinage. Washington, 1999 (см. ос. таблицу на С. 45). Наиболее полный каталог византийских монет при Палеологах: *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. V: Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453. Washington, 1999.

[11] *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. P.; La Haye, 1973. T. I: Les Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. N 406–407, 514; Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior. Notai, Busta 132, f. 3r: 28. IV 1412.

[12] Из новейших работ см.: *Balard M.* La Romanie... T. I. P. 328–334; *Idem.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe–XVe siècles). L., 1989. N 13. P. 233–253; *Pistarino G.* I Gin dell' Oltremare. Genova, 1988. P. 116–123 и др.; *Jacoby D.* Les Génois dans l'Empire Byzantin: Sujets et Protégés (1261–1453) //La Storia dei Genovesi. Genova, 1989. T. IX. P. 245–284; *Nicol D.* Byzantium and Venice. Oxford, 1989. P. 89 и др.; *Карпов С. П.* Генуэзцы в городах Понта (XIII–XV вв.) // ВО. 1991. С. 112–149; *Барабанов О. Н.* Новые материалы о burgenses генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века. СПб., 1998. Вып. 3. С. 117–125.

должен был читать и переводить свидетелям, Пьетро ди Путео и Джованни ди Кукурно, текст иска брата Георгия.

Представители генуэзских семейств Кукурно и Путео хорошо известны в Трапезунде в XV в. Пасквалино Кукурно в 1446 г. был прокуратором (доверенным лицом) генуэзских *burgenses* Трапезунда в Каффе[13]. Баттиста ди Путео в 1431 г. был направлен правительством Генуи к трапезундскому императору в качестве посла и синдика республики для подтверждения договоров с империей и привилегий генуэзцев, а также чтобы обеспечить реконструкцию генуэзского замка[14]. Базилио ди Путео habitator in Trapexunda et burgensis in dicto loco продал в Трапезунде в 1411 г. своего раба-еврея[15]. Наконец, Антонио ди Путео получает в Каффе 3000 трапезундских аспров, причитавшихся другому знатному генуэзцу, жителю Трапезунда Урбано ди Нигро[16].

Публикуемые ниже документы написаны нотариальным курсивом XV в. За исключением поврежденного верха 106-го листа рукописи, степень сохранности хорошая.

ASG. MS 105. F. 105-108
1. IX 1444–15. V 1445

f. 105

Copia

Coram vobis nobili domino Andriolo de Auria, honorabili consule januensium in imperio Trap(e)s(undarum) in iure et in vestri iusticia constituto.

Reverendus dominus frater Georgius de Simiso vicarius ecclesie sancti Francisci de Trapes(unda) dicit et reverenter exponit, quod anno de MCCCCXXVI de mense junii Anfreonus Spin(ul)a de Luculo civis Janue existens hic in Trapesunda, mercator, du(m) vellet recedere de presenti loco habens un(am) eius famulam pregnantem, ipsam dimissit pen(es) prefatum dominum fratrem Georgium cum commissione, ut ipsam gubernaret usquemquo peperisset, et postea filium vel filiam, quam haberet, gubernaret, usquemquo ad etatem proveniret, et essendo filia sibi micteret monetam tam pro gubernat(ione) ipsius, quam etiam pro maritac(ione), et essendo mas(c)ulo etiam ipsum gubernaret, usquemquo

[13] Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. N 590. 1234. Caffae massaria 1446. f. XIVr-v.

[14] Archivio di Stato di Genova. Archivio Segreto, 1780. Litteraram, 4, f. 40v: 7. III 1431; *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1898. T. VI. P. 101.

[15] Archivio di Stato di Venezia. Cancelleria Inferior, Notai. B. 132, Nicolò, prete di S. Silvestro, f. 2r: 30. IX 1411; *Карпов С. П.* Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV–начало XV в.) // ВО. 1982. С. 206.

[16] Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. N 590. 1233. Caffae massaria 1441, f. XLVr.

esset de etate, ut posset ipsum facere conducere in Januam, et quod etiam de expensis ipsius sibi provideret; id est, quod ipso Anfreono recesso, dicta famula peperit filiam, cum qua dictam famulam tenuit in domo sororis sue pro menses quatuordecim et sibi fecit omnes expensas necessarias. Postmodum ipsa famula recessit et ivit ad domum parentum suorum[17], et ipse dominus frater Georgius retinuit dictam filiam, et gubernavit usque ad etatem annorum decem septem in circa. Deinde ipsam maritavit in loco convenienti ad ipsius puelle qualitatem. Et cum veritate tam in guberno matris et filie, quam in maritacione ipsius expendidit in valore[18] de[19] ducatis ducentis quinquaginta auri turchi, ut digne probare intendit per testes fidedignos, quos habet informatos de predictis.

f. 106

...[20] vos requirit per vos prefatum dominum consulem summare... [21] plano recipi deberet in curia vestra, ne fides viri pe... et[22]. Et ut possit de predictis consequi solutionem suam in bonis et hereditate dicti Anfreoni, quem audivit ab hoc seculo transmigrasse, ex quo non missit sibi, ut promisserat, monetam, pro posse solver(e) expensas et dotes predictas.

Et predicta dicit ad presens etc.

Salvis sibi etc.

Protestants de expensis etc.

+MCCCCXXXXIIII die martis prima septembris in terciis in Leocastro Ianuen(sium) ad bancum iuris.

Deposita in iure et in publico presencia domini consulis per dictum dominum fratrem[23] Georgium.

Qui dominus consul predicta admisise et in quantum de iure tenentur et deberit et non aliter nec alio modo et mandavit per me notarium infrascriptum et scribam dicte curie prosequi ad riceptionem dictorum testium sic summarie et de plano.

Ea die.

Admoniti fuerunt per me, notarium infrascriptum, de mandato prefati domini consulis infrascripti testes product(i) per dictum dominum fratrem Georgium super dicta requisicione, quatenus hodie in vesperis compareant coram predicto[24] domino consule ad iurandum de veritate dicenda de eo,

[17] Следует зачеркнутое: et ipse.
[18] Следует зачеркнутое: duc.
[19] вставлено над строкой: de.
[20] Угол листа оторван, текст утрачен.
[21] Угол листа оторван, текст утрачен.
[22] Текст утрачен.
[23] Следует зачеркнутое: Gregorium.
[24] Presdicto исправлено на: predicto.

de quo fuerint interrogati supra dicta requisicioni tam pro una parte, quam pro alia revoc(ati) etc.

Quorum nomina sunt hec:

d(omini) Petrus de Puteo et lohannes de Cucurno.

Ea die in vesperis.

Supradicti domini Petrus et lohannes constituti in presencia prefati domini consulis in observatione dicte admonicionis iuraverunt ad sancta Dei Evangelia corporaliter tactis scripturis de veritate dicenda supra dicta requisicione, tam pro una parte, quam pro alia, revoc(ati) etc. presente et instante dicto domino fratri Georgio.

+MCCCCXXXXIIII die 2 sept(embris).

Dominus Petrus de Putheo, burgensis Trapes(undarum), testis, receptus de mandato prefati domini consulis supra dicta requisicione per me notarium infrascriptum et scribam curie Trapes(undarum) ad instantiam dicti domini fratris Georgii admonit(us) etc., qui jur(avit) etc. dicta requisicio sibi test(i?) prius lecta et vulgarizata etc.

Suo iuramento testificando dixit se tantum scire de contenta

f. 107

in dicta requisitio, videlicet quod verum est, quod dicto tempore contento in dicta requisicione, volendo dictus Anfreonus Spinula hinc recedere pro Janua, dimisit penes dictum dominum fratrem Georgium dictam eius famulam pregnantem, ut ipsam gubernaret. Qua post recessum dicti Anfreoni peperit filiam, quam dictus testis baptizavit. Eo, quod magnam conventionem et amicitiam habebat con dicto Anfreono, quam famulam con filia dictus dominus frater Georgium tenuit in domo sororis sue per spatium temporis. Postea, recessa dicta famula, retinuit dictam filiam et gubernavit usque ad etatem debitam et ipsam maritavit in loco convenienti ad ipsius puele qualitatem. Cui puele et sic matri de tempore, quo steterunt in dicta domo, fecit dictus dominus frater Georgius omnes expensas necessarias de victu et vestitu, et sic in maritac(ione) dicte puele. Tamen quantum expendidit in predictis, ignorat ipse testis, et sic est rey veritas.

Int(errogatus) de causa su(mm)e, respondit pro ea, qua ut supra dixit et testificatus fuit.

Super generalibus recte respondit.

Ea die.

Iohannes de Cucurno burgensis Trapesundarum, testis, ut supra, receptus de mandato prefati domini consulis supra dicta requisicione per me, notarium infrascriptum et scribam dicte curie, ad inst(antiam) dicti domini fratris Georgii admonitus etc., qui iuravit etc. dicta requisicio sibi testi prius lecta et vulgarizata etc.

Suo iuramento testificando dixit se tantum scire de contenta in dicta requisicione, videlicet quod verum est, quod tempore contento in dicta

requisicione, volendo dictus Anfreonus Spinulla hinc recedere pro Ianua, dimisit penes dictum dominum fratrem Georgium dictam eius famulam pregnantem, ut ipsam gubernaret. Qua post recessum dicti Anfreoni peperit filiam, quam cum filia dictus dominus frater Georgius tenuit in domo sororis sue per spatium temporis. Postea, recessa dicta famula, retinuit dictam filiam et gubernavit usque ad etatem debitam et ipsam maritavit in loco convenienti ad ipsius puelle qualitatem. Cui puele et sic matri de tempore, quo steterunt in dicto domo, fecit dictus dominus frater Georgius omnes expensas necessarias de victu et vestitu, et sic in maritacione dicte puele. Tamen quantum expendiderit in predictis ignoret ipse testis. Dicit enim, quod post recessum dicti Anfreoni

fol. 108

dominus Georgius de Quarto burgensis Peyre per suas litteras scripsit dicto testi versus Peyram, ut de moneta[25] ipsius domini Georgii existentis pen(es) ipsum testem tunc in Pe(yr)e daret dicto domino fratri Georgio asperos mille de Trapesundis pro dicto Anfreono pro guberno dicte puelle, quos asperos mille dictus testis viso scribere dicti domini Georgii illo tunc dedit dicto domino fratri Georgio. Et hoc est quod sit de predicta.

Int(errogatus) de causa su(mm)e respondit per ea, que ut supra dixit et testificatus fuit.

Super generalibus recte respondit.

+MCCCCXXXXV die XV madii.

Extractum est ut supra de actis publicis curie Trapesundis, videlicet de foliatio peticionum, testium et aliorum diversorum negociorum mei notarii infrascripti et scribe dicte curie ad instantiam dicti domini fratris Georgii cuius interest.

Antonius de Regorezo, notarius

Что и как праздновали в Каффе в XV в. ?[1]

В XV в. генуэзская фактория Каффа, получившая от римских пап официальный статус civitas, стала крупнейшим городом Причерноморья. Генуэзские власти стремились превратить ее не только в административный центр всех своих поселений и владений в бассейне «Великого моря», что было закреплено Статутом Каффы 1449 г.[2],

[25] слово moneta вставлено над строкой, вместо зачеркнутого слова.

[1] Первоначальная сокращенная публикация в: СВ. 1993. Т. 56. С. 226–232.

[2] Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Изд. В. Юргевич // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 632—815; Statuto di Caffa / Ed. A. Vigna // ASLSP. 1879. T. VII. Pt 2. P. 567–680.

но и добивались от пап возведения ее епископа в архиепископский сан, «attenta urbis celebritate»[3]. По различным оценкам современников, в том числе, в зависимости от того, включались ли жители пригородов и предместий в общее число, население Каффы в XV в. составляло от 10 до 70 тыс. человек[4]. Это население было полиэтничным. В Каффе проживали латиняне (не только генуэзцы и лигурийцы, но и другие западноевропейцы, в основном из Северной Италии), греки, армяне, татары, русские, зихи, грузины, евреи, валахи, арабы, персы, представители иных народностей и нескольких конфессий[5]. Население говорило на разных языках (при очевидном существовании и некоего общего «лингва франка»), придерживалось разных традиций и обычаев[6]. Подлинной скрепляющей основой были торгово-предпринимательские занятия горожан, особая торгово-распределительная роль Каффы в регионе[7]. Впрочем, и эта основа не была прочной: раздоры и конфликты, особенно при ухудшении экономического и политического положения, сотрясали город и в конечном счете привели к его сдаче османам в 1475 г.[8]

[3] Archivio di Stato di Genova. Archivio Segreto. (Далее: ASG, AS), 3026. Diversorum, Filze. 6. Doc. 296: инструкция губернатора Генуи и Оффиции Балии Генуи генуэзскому послу к папе Евгению IV от 4 июля 1431 г. [*Карпов С. П.* Регесты документов фонда Diversorum, Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.-СПб, 1998. С. 21]; *Iorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. 1898. T. VI. P. 106: 30/ VI 1431 — просьба правительства Генуи к кардиналу Пьяченцы ходатайствовать перед папой о том же.

[4] *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Moyen âge. Leipzig, 1886. T. 2. P. 174; *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. М. 1973. С. 110–114; *Balard M.* Les Formes militaires de la colonisation génoise (XIIIe–XVe ss.) // Castrum 3. Paris; Rome, 1988. P. 68–70; *idem.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe–XVe siècles). L., 1989. N 3, 12, 13; *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente. Genova. 1990. P. 484–485.

[5] См.: например: *Heyd W.* Histoire... T. 2. P. 166–174, 370–372, 392; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe–début XVe siècle). Genova; Roma, 1978. T. 1. P. 229–289; *idem.* La Mer Noire... N 4, 5, 13; *Schreiner P.* Bizantini e Genovesi a Caffa: Osservazioni a proposito di un documento latino in un manoscritto greco // Mitteilungen d. Bulgar. Forschungsinstitutes in Osterreich. 1984. N 2/VI. S. 97–100; *Pistarino G.* Genovesi d'Oriente... P. 485, 494, 515; *Еманов А. Г.* Латиняне и нелатиняне в Каффе (XIII–XV вв.) // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. проф. Г. Л. Курбатова. Л., 1991. С. 107–116.

[6] См. подробнее: *Balard M.* La Romanie Génoise... T. 1. P. 310–354.

[7] См.: *Heyd W.* Histoire... T. 1–2; *Balard M.* La Romanie Génoise... T. 2; *Бадян В. В., Чиперис А. М.* Торговля Каффы в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 174–189; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции. На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995; *он же.* Восточное направление торговли Каффы в XIII–XV вв. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1986. Вып. 3. С. 99–102.

[8] См.: *Зевакин А. С., Пенчко Н. А.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // Исторические

В историографии высказывалось мнение об известной толерантности администрации всей Генуэзской Романии, включая и Каффу, к верованиям и обычаям местного населения[9]. В принципе мы не ставим под сомнение эту прагматическую позицию как самую общую систему отношений, особенно в сравнении с другими регионами, оказавшимися под властью «франков» после IV Крестового похода (Афино-Фиванским герцогством каталанцев или Латинской империей, например), где господствовал принцип сегрегации греков и завоевателей. И все же, такой подход нуждается в акцентуации: толерантность генуэзцев не была всеобъемлющей. Юридически она оформлялась (если вообще оформлялась) не как принцип равноправия разных этносов и конфессий, а как принцип допущения к определенной сумме прав и привилегий. Публикуемый ниже документ показывает, что она сочеталась со вполне определенной ориентацией на системы ценностей, выработанные Римско-католической церковью и стремлением к их утверждению даже в городах с явным преобладанием нелатинского населения, как Пера и Каффа.

После того как власть Миланского герцога в Генуе (1421–1435 гг.) была свергнута, Республика предприняла ряд реформ. В их ряду был и пересмотр календаря общеобязательных праздников с фиксацией нерабочих дней, произведенный дожем Томмазо Кампофрегозо (1436–1442) с согласия архиепископа Генуи. Соответствующее постановление было издано 2 января 1437 г. и ратифицировано анцианами 2 августа того же года с включением в корпус статутов коммуны[10]. Текст постановления и новый каталог праздников сохранились в Секретном архиве Генуи и были изданы Дж. Бальби[11]. Бальби упомянула и то, что этот каталог был направлен 4 января 1440 г. для жителей Каффы и Перы, но не опубликовала и специально не проанализировала это постановление[12].

Общегенуэзская реформа календаря 1437 г. существенно уменьшила количество праздничных дней — с 82 (в 1375 г.) и 69 (1410 г.)[13] до 51 (из которых 5 было полупраздничных). Сокращению подверглись главным образом некоторые дни памяти местных лигурийских святых. Ряд дат был объявлен полупраздничными. Помимо целей способ-

Записки. 1940. Т. 7. С. 3–33; *Чиперис А. М.* Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50–70-х гг. XV в. // Учен. зап. Туркмен. гос. ун-та. 1962. Вып. 21. С. 245–266; *Pistarino G.* Genovesi... P. 479–511.

[9] Например: *Airaldi G.* Etnie e strati soclali negli insediamenti medievali italiani del Mar Nero // Byzantino-Bulgarica. 1981. T. 7. P. 249–252; *eadem.* Genova e la Liguria nel Medioevo. Torino, 1986. P. 42–44.

[10] *Balbi G.* Il catalogo festale genovese del 1437 // Documenti sul Quattrocento genovese. Genova, 1966. P. 189.

[11] ASG, AS 518, Diversorum, Registri (далее — DR), 23, f. 56v–58r. Публ. и комментарий: *Balbi G.* Il catalogo... P. 189–201.

[12] *Balbi G.* Il catalogo... P. 189.

[13] Общее исследование генуэзского литургического календаря см.: *Cambiaso D.* L'anno ecclesiastico e le feste dei santi a Genova nel loro svolgimento storico // ASLSP. 1917. T. XLVIII, oc. см. P. 12–19.

ствовать деловой активности граждан находившейся в кризисе республики, преследовалась и чисто церковная цель — увеличить подаяния в церквах в дни наиболее торжественных праздников и избежать сильного их сокращения при обилии праздников, как это было раньше[14]. Исполнение праздничных дней считалось обязательным. С каждого нарушителя статуты Перы, например, предусматривали штраф в 1 перпер. Трудиться без специального разрешения подеста в эти дни было запрещено[15].

Документ, направленный в Каффу, отчасти повторил текст генуэзского постановления 1437 г. Публикуемый документ находится также в фонде Diversorum, Registri Секретного архива Генуи[16]. Этот фонд содержит картулярии важнейших постановлений высших властей республики, мандаты чиновникам и другие официальные документы. Наш документ датирован 4 января 1440 г. и является канцелярской копией предписания дожа Томмазо ди Кампофрегозо и Совета старейшин Генуи о том, какие праздники следует отмечать в Пере и Каффе как нерабочие дни. Преамбула постановления 1440 г. существенно отличается от текста 1437 г. Она содержит маргинальную помету: «о том, какие дни следует праздновать в Каффе». Упомянутые в постановлении 1437 г. имена членов комиссии, предложивших реформу, а также мотивация отсутствуют. Зато указаны имена анцианов, принявших решение в 1440 г., введена специальная пространная преамбула, относящаяся к Каффе и Пере и разъясняющая устанавливаемый порядок и обязывающая подеста Перы и консулов Каффы строго соблюдать предписанное. В самом каталоге праздников отличий от генуэзского прототипа 1437 г. нет.

В постановлении 1440 г. указывается, что в Пере и Каффе проживают латиняне, греки, армяне, евреи и всем им надлежит знать, какие дни для всех, независимо от конфессий, являются выходными. В прилагаемый список, помимо всех воскресений, попал 51 католический праздник.

В эти дни всем жителям Перы и Каффы, любого вероисповедания, запрещалось трудиться, в то время как в остальные дни жители сами определяли отмечать ли им, или нет те или иные праздники, и никто не мог принуждать их к этому. Таким образом, обязательным для всех проживающих в Каффе и Пере был набор ряда католических праздников. Часть из них полностью совпадала с православными (24), часть не совпадала по датам (18), некоторые полностью отсутствовали в православном церковном календаре того времени (9)[17].

---

[14] *Balbi G.* Il catalogo... P. 190–195. Издательница ошибается, считая общее количество праздников по реформе 1437 г. равным 40 (P. 190).

[15] *Promis V.* Statuti della colonia genovese di Pera // Miscellanea di storia italiana, edita per cura della R. Deputazione di Storia Patria, vol. IX. Torino, 1870. P. 756, cap. CCXXXVI.

[16] AS 521, DR, 26, f. 195v–197r.

[17] Византийская церковь не отмечала дней памяти св. Григория I, папы римского, св. Дезидерия, св. Сира, св. Доминика, св. Августина, св. Иеро-

Армянские[18], мусульманские и иудейские праздники никак не фигурируют в списке, но, разумеется, они не запрещались и допускались сверх общеобязательных католических празднеств.

Помимо большинства двунадесятых праздников (исключение составили Вход Господень в Иерусалим, Преображение, Воздвижение Креста, Введение во храм), в каталог попали дни памяти святых патронов Генуи: свв. Георгия, Лаврентия, апостолов Симеона и Иуды, а также наиболее чтимых генуэзских святых — Сира, Ромула и основателей орденов нищенствующей братии — Франциска Ассизского и Доминика. Явно просматривается тенденция к унификации праздников в метрополии и факториях. Это приводило к тому, что даже престольный праздник соборной церкви Каффы, св. Агнессы, или храма св. Клары, не попали в каталог обязательных празднеств.

Статут Каффы 1449 г. показывает, что наиболее торжественно там отмечались Рождество, Богоявление, Пасха, что вполне традиционно для всего христианского мира, а также предпразднество Рождества Иоанна Предтечи и праздник св. Георгия. Расходы казначейства (массарии) на празднование сочельника и Рождества составляли 1470 серебряных аспров, на Пасху — 606, на Богоявление — 487, на канун Дня Иоанна Предтечи — 303, на праздник св. Георгия —144 аспра. Кроме того, массарии разрешалось ежегодно тратить на иные праздники, главным образом дни поминовения, от 1000 до 2000 аспров[19]. Подобные же расходы производили и казначейства других крупных генуэзских черноморских факторий, например, Солдайи, Чембало, Таны[20]. Кроме того, небольшие суммы (от 80 до 160 аспров) ассигновывались нескольким храмам Каффы на покупку свечей в престольные и некоторые великие праздники. В числе церквей, перечисленных по этому поводу в Уставе Каффы 1449 г. — храм св. Марии на Базаре, собор св. Агнессы, церкви свв. Лазаря, Иоанна Предтечи, Петра и Павла, Марии Магдалины, Клары, Иакова, Лаврентия и др.[21]

На праздники Рождества и в канун Рождества Иоанна Предтечи (24 июня) в Каффе устраивалась иллюминация и фейерверк. Они проходили на площади близ дворца консула и на набережных. На площади большое бревно ставилось в центре костра, привозился воз дров и все необходимое для ludo ignis — фейерверка. Во дворце в сочельник устраивался прием, на котором гостям подавали как сухие вина, так и ароматную крепкую мальвазию, изюм и миндаль, конфеты. На площади раздавался звук труб, выходил консул со свитой,

нима, св. Франциска Ассизского, св. Ромула, а также праздник Тела Христова, в Римско-католической церкви отмечавшийся в первый четверг после Пятидесятницы. См., например: *Grumel V.* Traité d'études byzantines. P., 1958. 1: La Chronologie.

[18] Они имели переходящий характер и в основном не совпадали ни с византийским, ни с католическим календарем. См.: ibid. P. 328—329.

[19] Устав... С. 707–710, 755.

[20] Устав... С. 782–783, 789–790, 808.

[21] Устав... С. 704–707.

воинским и полицейским отрядами, слугами и принимал участие в церемонии, всех действующих лиц которой угощали за счет казначейства вином, другими (видимо, горячими, по сезону) напитками — роxione, хлебцами, яблоками и виноградом. 500 аспров выделялось специально на Рождество для раздачи милостыни, и эта сумма составляла более трети всех расходов на праздник[22].

Праздник Богоявления отмечался иначе. Звонили колокола. Греки приходили во дворец консула и пели там калимерас, желая многие лета праздновавшим. Во внутреннем дворе (in palacii platea) аллилуйю пели и католические священники. Существовал также один интересный обычай. Мальчики, получив благословение священников (видимо, греческих, они названы pape), бросались в море. Так как Богоявление приходилось на 6 января, купание происходило в холодной воде и вознаграждалось небольшими денежными подарками. Праздник завершался пиром во дворце консула[23]. Разумеется, совершались и торжественные богослужения.

На Пасху широко раздавалась милостыня, торжественный колокольный звон плыл над городом, свои laudes пел хор священников во дворе консульского дворца[24]. В день св. Георгия 23 апреля в алтаре дворцовой церкви зажигались большие восковые свечи. На прием в канун праздника подавалось вино, изюм, миндаль и зелень[25]. В июне, в канун Рождества Иоанна Предтечи, «меню» менялось: к вину на десерт подавали вишни или изюм и шербет[26].

На всех праздниках играла музыка. В свите консула были трубачи, флейтист, музыканты на тамбурине (lembus), рожке, гуслях или цитре (salterio). Они играли во дворце консула. Трубачи трубили когда консул садился за стол и вставал, на торжественных выходах его, а флейтист — вечером, когда консул шел в церковь[27].

Есть в Уставе Каффы глухие упоминания и о чисто светских праздниках, для которых шили из дорогих тканей попоны для лошадей, рисовали гербы, украшали атласом небольшие суда-барки, покупали лисицу и петуха. В. Н. Юргевич полагал, что речь шла о скачках, гонках барок и сценических обрядах[28]. Но сам текст источника не дает оснований для столь определенных выводов и мы бы не рискнули переводить expendi... in blavio equorum как «следует издержать... на цветную материю для *конской скачки*» или in blavio barcarum как «на цветную материю для *гонки барок*». Допуская возможность подобной интерпретации, мы оставим ее все же за скобкой перевода...

Возвращаясь к публикуемому документу, еще раз подчеркнем его нормативный характер и явную тенденцию в полиэтничных и поли-

[22] Устав... С. 707–708, 710–711.
[23] Устав... С. 708.
[24] Устав... С. 708–709.
[25] Устав... С. 709.
[26] Устав... С. 710.
[27] Устав... С. 702–704.
[28] Устав... С. 708–710, 825.

конфессионных факториях следовать привычной, выработанной в метрополии католической модели праздников, с допущением, однако, для жителей не ограничиваться этим набором праздников. И все же, мусульманин, обязательно отмечавший Пасху или Богоявление, а православный грек или армянин — память св. Доминика — ярко свидетельствуют о типе синкретической культуры средневековой Каффы.

ASG, AS. 521. Div. Registri, 26. N 473, F. 195v–197r
4. 1. 1440

F. 195v

+MCCCCXXXXo die quarta ianuarii.

In marginis: Dies feriandi Caphe.

Illustris et excelsus dominus Thomas de Campofregoso, Dei gratia dux Ianuensium et libertatis defensor, et magnificum dominorum antianorum comunis Ianue consilium in legitimo numero congregatum, quorumque interfuerunt hec sunt nomina:

Antonius Badinella, prior,
Petrus de Mari,
Nicolaus de Auria, quondam Dominici,
Thomas Iudex,
Georgius Grillus
Peregrus de Prementorio,
Alaonus Cibo,
Antonius Rasperius,
Borvel de Grimaldis,
Bartolomeus Parrisolla et
Iohannes Cassicius.

Volentes, ut populi, qui Peram et Capham incolunt, seu latini sint sive greci vel armeni, aut hebrei, et demum omnis religionis ac ritus sciant, quibus diebus operari liceat et rursus quibus sit: statuerunt, declaraverunt et iusserunt, quod nulli cuiusvis religionis ac ritus liceat operari diebus inferius descriptis, immo dies ipsos pro sacris habeant, illisque ab omni[29] ministerio et opere prohibito ferientur. Reliquis vero diebus nemo prohiberi possit, quin operetur arbitrio suo, nec quisquam possit aliquem cogere ad feriandum, nisi diebus inferius declaratis. Committentes auctoritate huius decreti potestatibus Pere et consulibus Caphe presentibus et futuris, ut hoc decretum et normam servari faciant inconcusse sub pena sindicamenti.

[29] Следует зачеркнутое: et.

Dies feriandi sunt hi:

Primum diebus omnibus dominicis.

Mense autem ianuario:

Dies circuncisionis domini nostri Yhesu Christi,
Epiphanie,
Sancti Antonii. //

F. 196r
Februario:

Purificationis beate virginis Marie,
Sancti Mathie.

Martio:

Sancti Gregorii saltem usque ad expletum officium,
Incarnationis domini nostri Yhesu Christi,
Resurrectionis domini nostri cum duobus diebus sequentibus.

Aprili:

Sancti Georgii,
Sancti Marcii.

Maio:

Sanctorum Iacobi et Ph(ilipp)i,
Inventionis Sancte Crucis,
Ascensionis domini nostri,
Penthecostes cum duobus diebus proximis,
Sancti Desiderii.

Iunio:

Corporis Christi,
Sancti Barnabe,
Nativitatis sancti Iohannis Baptiste,
Sancti Petri,
Commemmorationis sancti Pauli saltem usque ad expletum officium.

Iulio:

Sancti Siri,
Sancte Marie Magdalene,

Sancti Iacobi. //

F. 196v
Augusto:

Sancti Petri ad vincula,
Sancti Dominici,
Sancti Laurentii,
Assumptionis beate virginis Marie,
Sancti Bartolomei,
Sancti Augustini saltem[30] usque ad expletum officium,
Decollationis sancti lohannis Baptiste.

Septembri:

Nativitatis beate virginis Marie,
Sancti Mathei,
Dedicationis sancti Michaelis,
Sancti Hyeronimi saltem usque ad expletum officium.

Octobri:

Sancti Francisci, Sancti Romuli, Sancti Luce,
Sanctorum Simionis et Tadei.
Novembri:

Commemorationis omnium sanctorum,
Sancti Martini,
Sancte Caterine,
Sancti Andree.

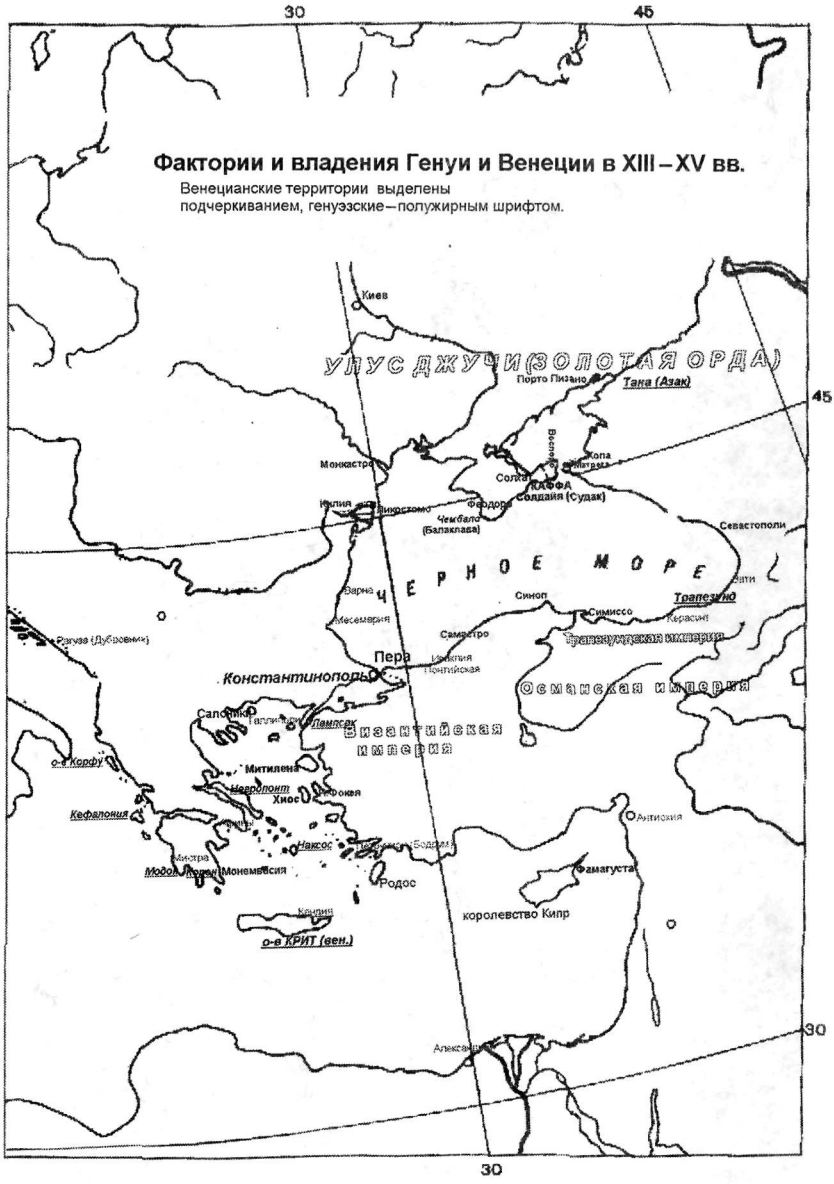
Decembri:

Sancti Nicolai,
Sancti Ambrosii saltem usque ad expletum officium,
Sancte Lucie,
Sancte Thome, //

F. 197r
Nativitatis domini salvatoris nostri,
Sancti Stephani,
Sancti lohannis Evangeliste,
Sanctorum innocentium,
Sancti Silvestri.

[30] вставлено над строкой: saltem.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

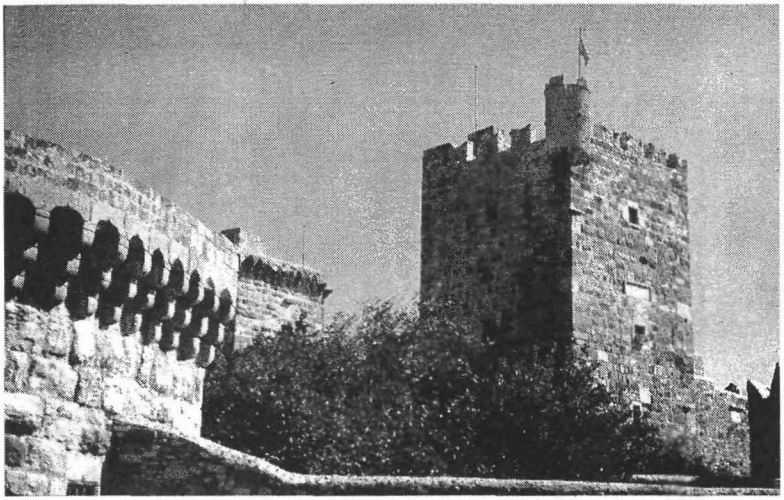
Составитель — С. П. Карпов.

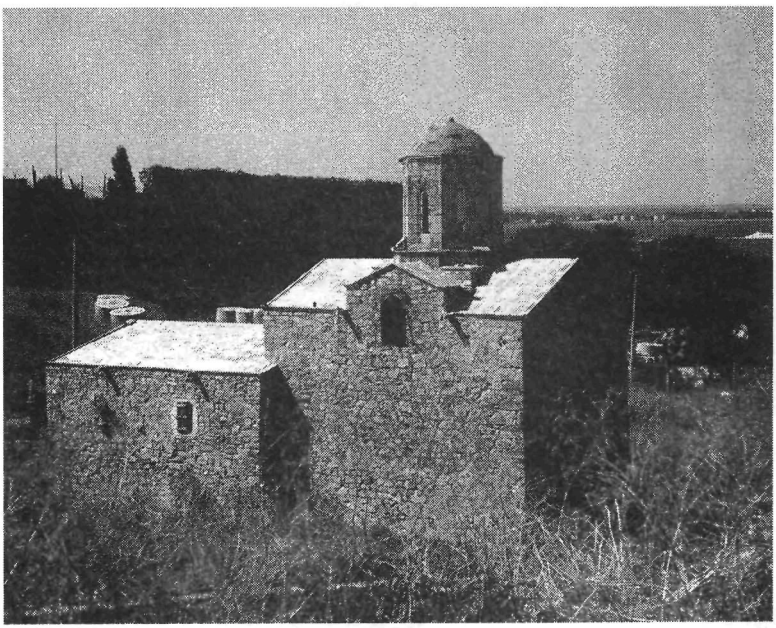
Рыцарь IV Крестового похода. Мозаика пола церкви Сан-Джованни Еванджелиста (Равенна). Фото С. П. Карпова.

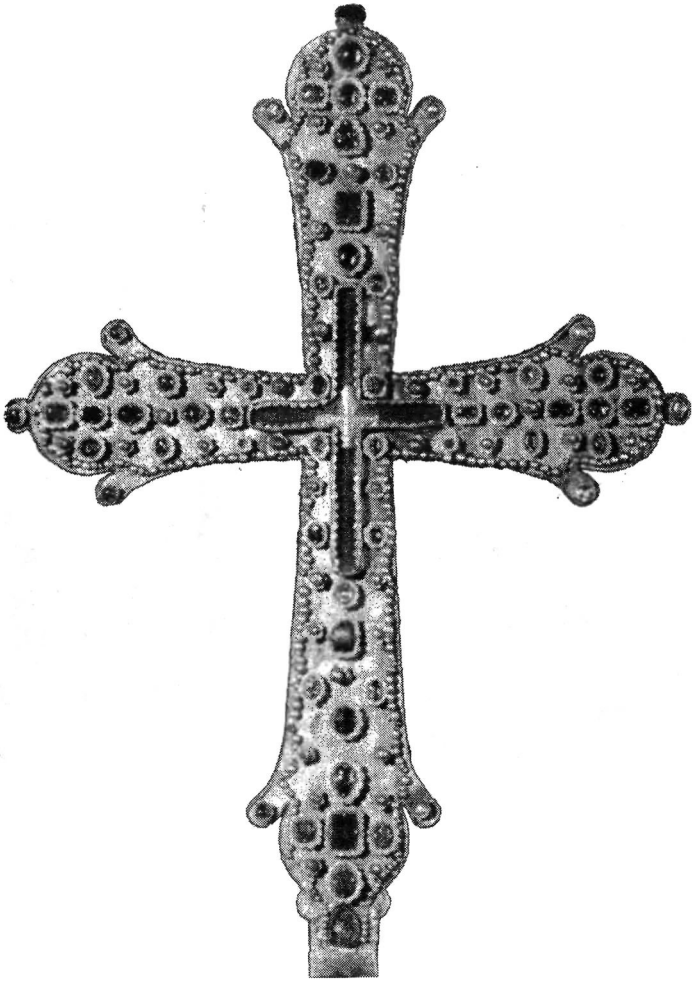
Генуэзская крепость. Мраморная плита XIV в. В клуатре храма Сан-Маттео (Генуя). Фото С. П. Карпова.

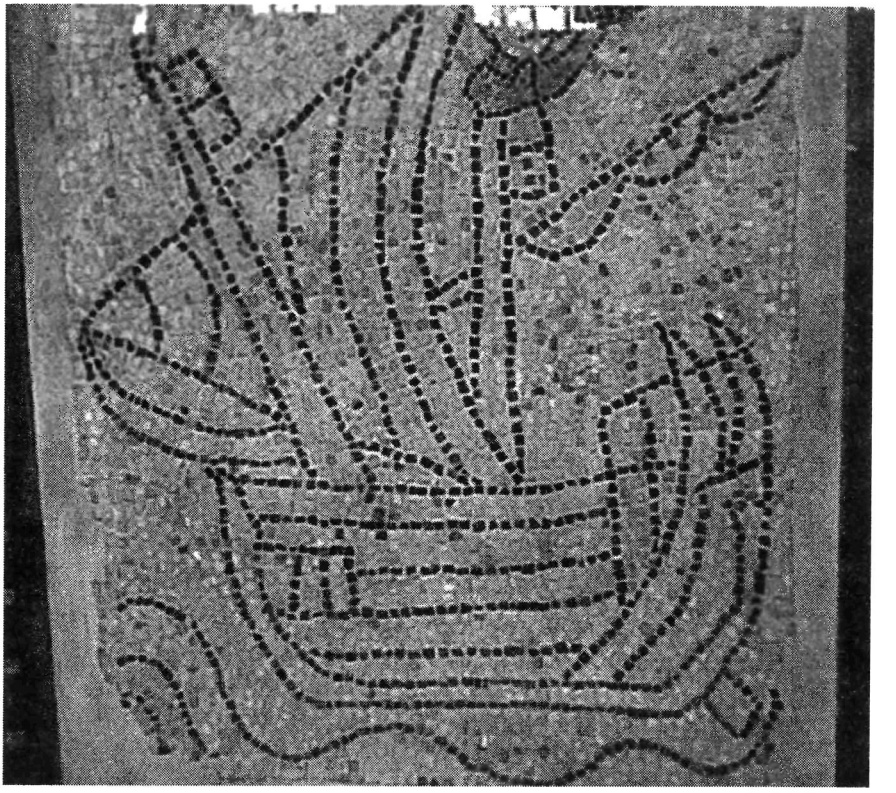
Бодрум. Крепость Св. Петра. Фото И. К. Фоменко.

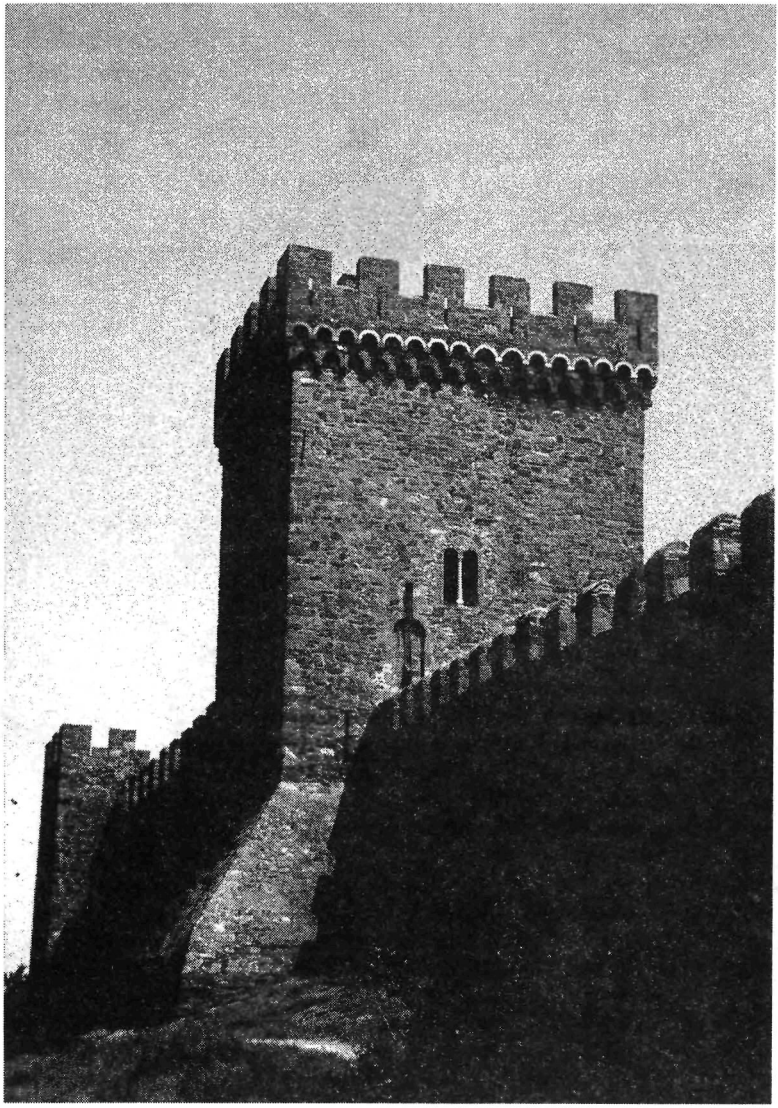
Каффа (Феодосия). Храм Иоанна Предтечи (XIV в.). Фото И. К. Фоменко.

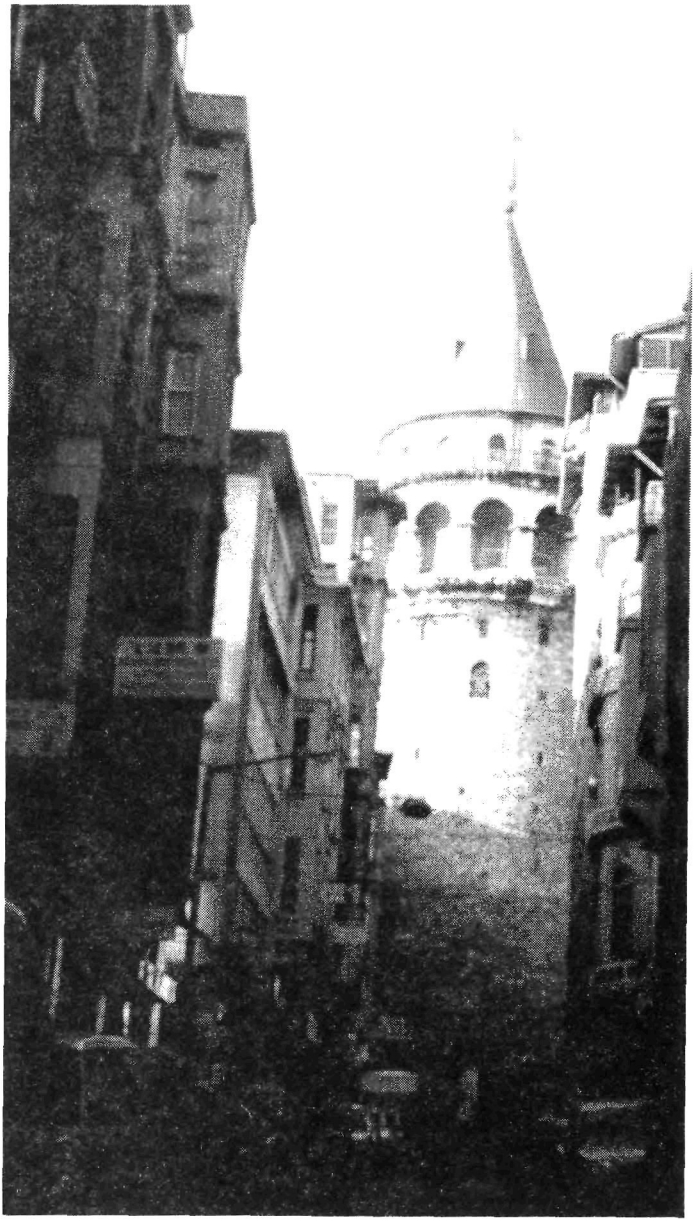
Крест рода Дзаккариа (XIII в.). Музей собора Сан-Лоренцо (Генуя).

Венецианская нава начала XIII в. (сцены IV Крестового похода). Мозаика пола в церкви Сан-Джованни Еванджелиста (Равенна). Фото С. П. Карпова.

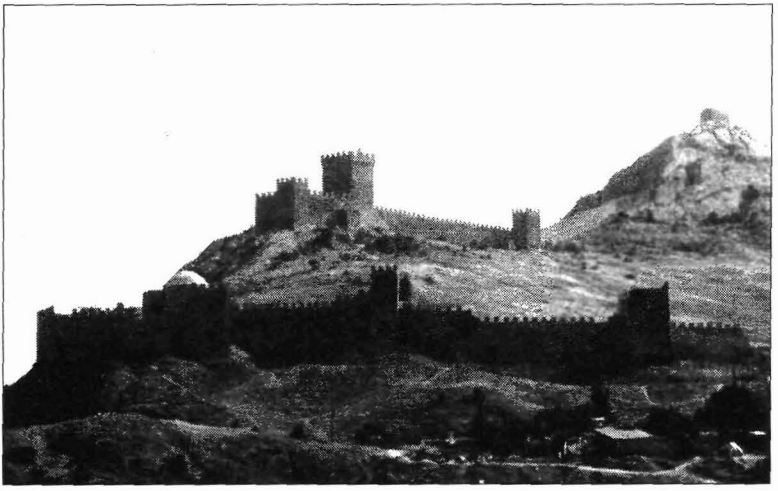
Судак. Цитадель. Фото И. К. Фоменко.

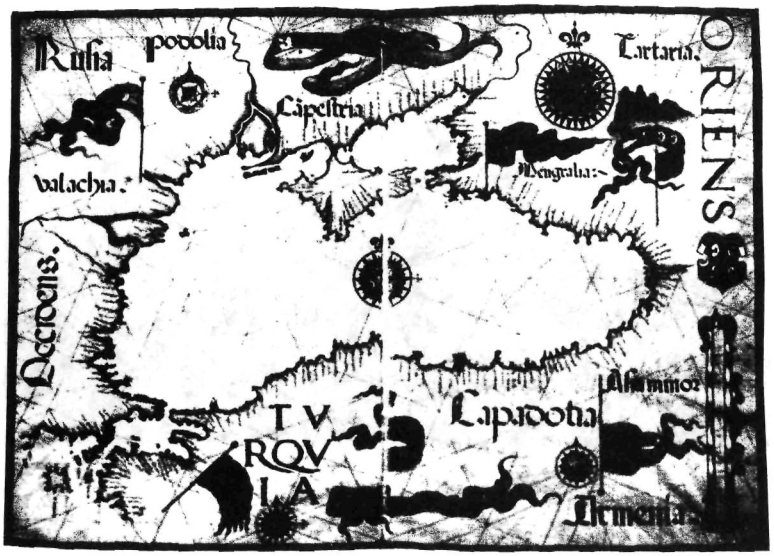
Пера (Галата). Башня Христа. Фото И. К. Фоменко.

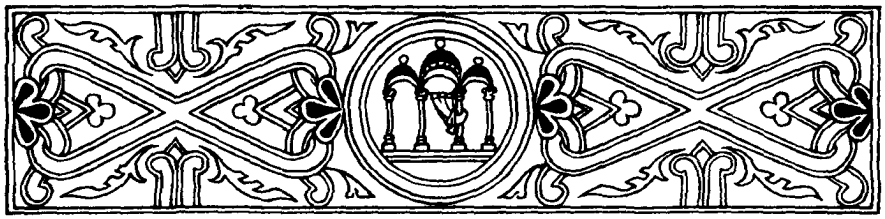
Судак. Башня Джудиче. Фото И. К. Фоменко.

Панорама Судакской крепости. Фото И. К. Фоменко.

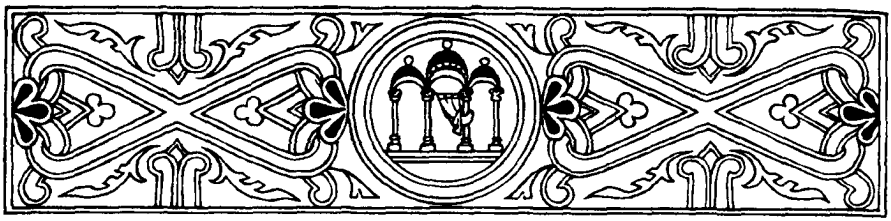

Портулан Черного моря (конец XV в.).

Список сокращений

АДСВ — Античная древность, средние века. Свердловск/Екатеринбург
АП — Αρχεῖον Πόντου
ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ВО — Византийские очерки
ЗООИД — Записки Одесского Общества Истории и Древностей
ЗРВИ — Записки Радова Византолошког Института
ИТУАК — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии
СВ — Средние века
УЗ — Ученые записки
ASLSP — Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BF — Byzantinische Forschungen
BS — Byzantinoslavica
Byz — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
DOP — Dumbarton Oaks Papers
JHS — Journal of Hellenic Studies
JOB — Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik
JOBG — Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinischen Gesellschaft
MHR — Mediterranean Historical Review, Tel Aviv — London
MM — *Miklošich F., Muller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana
OCP — Orientalia Christiana Periodica
PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca / ed. J. Migne
REB — Revue des Études Byzantines
RESEE — Revue des études sud-est européennes
RHC, HOcc. — Recueil des Historiens des Croisades, Historiens Occidentaux. Paris
RIS — Rerum Italicarum scriptores, ed. L. Muratori
ROL — Revue de l'Orient Latin
SV — Studi Veneziani
TM — Centre de Recherche d'Histoire et du Civilisation de Byzance. Travaux et Mémoires

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

a Candelis, Iolmelich, 188
Amadeo, de Iohannes, 188
Andreas из Кефалонии, 187
Astlan de Arzeron, 190
Aziahim, 129
Baracoma, 188
Bilia
(Билья, Джакомо?), 179
Callazi, Leo, 189
Chaloari, Georgius, 187
Dazinas, Антонио, 110
*Diclai, Филипп*о, 191
Ieorgius
грек, 190
Mitrioti, Michali, 188
Murarius, Iohannes, 191
Murarius, Iohannis, 193
Mussa, Azarias, 189
Opiciis, de, Изабелла, 139
Opiciis,de, Бартоломео, 139, 150, 151
Ruscia, de, Anthonius, 189
Ruscia, de, Cosmas Raphan(ello), 189
Sachalari, Michali, 187
а Мано, Донато
нотарий, 187

Августин, 209
блаженный, 70, 71, 94
Аверроэс, 70
Авиньон, 45, 66, 81, 92, 107
Агатополь, 168
Агнесина, 189
Адорно
род, 100, 132

Адорно, Антониотто
дож Генуи, 99, 100
Адорно, Раффаэле
дож Генуи, 132
Адорно, Якопо, 100
Адриан
римский император, 38
Адрианополь, 16, 18, 77, 81, 137
Адриатика, 38, 103, 110, 113, 114, 115
Азак, 178, 184, 189, 190. См. Тана
Азов, 13, 102, 107, 110, 184, 190
Азовское море, 14, 30, 107, 176
Айостефаниты
род, 25
Айральди, Г., 71
Акарнания, 86
Ак-Коюнлу, 137
Акрокоринф, 41
Акрополит, Георгий, 98
Акротири
полуостров, Крит, 44
Албания, 29, 93
Александр (Скантарий), Великий Комнин, 136
Александр Македонский, 77
Александрия, 38, 91, 92, 112, 117, 118, 119
Алексей II
трапезундский император, 131, 135
Алексей III
трапезундский император, 129
Алексей III Ангел
византийский император, 63
Алексей IV
трапезундский император, 135
Алеман, л', Жанна, 88, 89
Алигьери, Микеле, 131, 132, 133
Аллегро, д', Доменико, 132, 133
Алмалык, 106, 108
Альфьери, Альберто, 99, 100
Амади, Филиппо, 91
Амвросий Медиоланский, 71
св., 71
Амирутци, Георгий, 129, 138, 140
Амис. См. Симиссо, Самсун
Амфисса. См. Салона
Анапа, 13
Анатолия, 13, 154
Ангелина, Елена, 63
Ангелы, 22
византийская династия, 73

Англия, 45, 46, 92, 128
Андравида, 36, 39, 54
Андрей, 191
Андрос, 11, 95
Андруса, 41
Анжуйская династия, 65
Анкара, 93
Антиохия, 78
Аполлоний Родосский, 69
Арагон, 38
Аргирополь, 102
Аргос, 10
Арзерон, 190
Аримондо, Фантино, 129
Аристотель, 38, 66, 69, 70
Армения, 93
Ародафнуса, 89, 90
Арта, 14, 64, 85
Арханис, 59
Архипелага
  герцогство, 11
Асину
  деревня, 60
Ассизи, 107
Астрахань, 106, 110. См. Хаджитархан
Аттика, 28, 29, 36, 37, 58, 65, 68, 112
Атумано, Симоне, 66
Атуса, 96
Афино-Фиванское герцогство, 28, 208
Афины, 9, 10, 11, 15, 16, 30, 36, 37, 38, 54, 57, 63, 65, 66, 69, 83
Афон, 55, 94
Африка, Северная, 93
Ахайя, 40, 63, 82, 83
Ахейское
  княжество, 9, 39, 116
Аччайуоли
  флорентийский род, герцоги Афин, 35, 37, 65
Аччайуоли, Антонио
  герцог Афинский, 65
Аччайуоли, Франческа, 35

Багдад, 152
Байбурт. См. Пайперт
Баккер, В. Ф., 97
Балаклава, 12
Балар, М., 51, 130
Балдуин I

латинский император, 16, 18, 67, 75, 81
Балдуин II
латинский император, 18, 37
Балканы, 5, 10, 15, 18, 19, 22, 32, 123
Бальби, Дж., 208
Бар, 83
Барбаро, Джакомо, 127
Барбаро, Иосафат, 185
Барбаро, Франческо, 69, 98
Барбафелла, Джирардо, 190
Бартоломей
монах, 67
Бассимат (Бачман), 178
Батуми, 13, 137, 179
Баффо, Дзан (Джованни), 127
Баязид I
турецкий султан, 93
Беатрис из Монферрата, 73, 74
Бейрут, 91, 112
Белгород Днестровский, 13
Беллапэ
аббатство, 52
Бенедетто, ди, Джованни, 190
Беотия, 28, 36
Бердибек
хан Золотой Орды, 178
Биндо Инконтри, ди, Филиппо, 67
Бишкек, 106
Бланш
королева Франции, 18
Блуа, де, Робер, 73
Бодрум, 46, 47
Боккаччо, 37, 66, 90, 135
Болгария, 81, 93, 168
Бон, Моретто
нотарий, 185
Бона, Катерина, 190
Бонифаций Монферратский, 10, 63, 73, 75, 77, 78
Бординарио, Пьетро, 157
Борил
болгарский царь, 101
Борса, Себастиано, 123, 127
Боско, Бартоломео, 155
Босфор, 154
Бояско, Бернабо, 132
Брагадин, Джакомо, 109
брат Георгий, монах в Трапезунде, 200, 203
Брежиль, де, Гуго, 73, 75

Брешано, Антонио
нотарий, 168
Бриен, де, Жан, 73
Британские острова, 14
Брусса, 142
Брюйер, де, Жоффруа, 83
Буондельмонте, Кристофоро, 69
Бургундия, 16, 73, 131, 180
Бургундцы, 179, 180
Бусико, Жан ле Менгр, 99, 100
Бустрон, Георгий, 88
Бутарио, Пьетро да Маттео, 167, 168, 169
Буффавенто, 42, 89
Бьянко, Бенедетто
нотарий, 190

Ваврэн, де, Валеран, 179, 180
Вакейрас, 75
Валерий Максим, 100
Варанго, 175, 176
Вараццо, да, Якопо, 71
Варлаам из Калабрии, 98
Варна, 179
Варсис, де, Николо
нотарий, 191
Венгрия, 92, 103
венецианцы, 14, 26, 42, 44, 48, 58, 94, 95, 98, 105, 110, 111, 121, 122, 166, 169, 175, 184, 187, 189, 192
Венеция, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 17, 20, 23, 24, 25, 30, 31, 34, 35, 37, 38, 43, 44, 55, 58, 65, 73, 79, 88, 92, 94, 98, 101, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 127, 157, 165, 166, 167, 168, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 184, 186, 203
Веньеры
род, 11, 26
Вергилий, 95
Вианнос
деревня, 60
Видаль, Пейро, 73
Византийская империя, 31, 152
Византия, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 18, 20, 22, 29, 34, 35, 36, 40, 48, 53, 55, 56, 57, 62, 63, 66, 67, 68, 72, 82, 91, 92, 93, 128, 130, 152, 153, 154, 165, 183, 184, 185, 186, 202, 207
Виллардуэн, Агнесса, 54
Виллардуэн, Гийом II
князь Ахайи, 40, 63, 72, 81
Виллардуэн, Жоффруа, 14, 19, 32, 35
маршал Шампани, 76

Виллардуэны
  династия, 16, 19, 32, 40, 72, 82
Вильгельм II
  король Сицилии, 9
Виньозо, Симоне, 21
Висконти, 89, 100, 156
Висконти, Бернабо, *100*
Висконти, Габриэле, 99
Висконти, Джангалеаццо
  герцог Миланский, 99
Висконти, Джованни, 89
Висконти, Филиппо Мариа
  герцог Миланский, 156
Водица, 14
Водоница, 41
  графство, 9
Воклюз, 75
Волга, 106, 108
Воспоро, 12
Врана, Феодор, 18

Гавала, Иоанн, 177
Газария, 12
Газна, 106
Галата, 12, 48, 49, 64, 161
Гален, 66
Галикарнас. См. Бодрум
Галлиполи, 11
Гаргано, 83
Гасконь, 16
Гаттилузи
  династия, 13, 99, 136, 137, 143
Гаттилузи, Дорино I, 136
Геллеспонт, 11
Гемерт, ван, А. Ф., 97
Генрих I
  латинский император, 15, 16, 18, 32, 36, 78, 79, 81, 100, 101
Генрих VI
  император, 73
Генуэзская
  республика, 5, 13, 156, 161, 177, 199
Генуэзцы, 5, 12, 13, 14, 17, 21, 30, 48, 49, 50, 51, 72, 79, 93, 94, 100, 104, 114, 115, 121, 128, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 140, 142, 143, 152, 153, 154, 157, 159, 160, 174, 175, 180, 184, 185, 186, 200, 202, 203, 207, 208, 209
Генуя, 9, 12, 17, 43, 48, 72, 99, 100, 103, 104, 106, 119, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 162, 174, 177, 180, 186, 200, 201, 203, 206, 207, 208, 209, 210

Германия, 45, 92
Геродот, 63
Гете, И. В., 40
Ги де Лузиньян
  король Кипра, 9
Гизи
  род, 11, 20, 80, 95
Гизи, Агнесса, 95
Гизи, Бартоломео, 80
Гийом II Алеман
  барон Патр, 38
Гийом IV де Бо, 73, 74, 77
  принц Оранский, 73
Гийом из Мербеке, 66
Гиппократ, 66
Гиреи
  династия Крымских ханов, 185
Гольф, 113, 114, 115, 117. См. Адриатика
Гомер, 66, 69, 98
госпитальеры
  орден, 9, 45, 46
Грасса, Мария, 191
Греко
  род, 59
Греция, 5, 9, 10, 16, 20, 28, 29, 32, 35, 37, 40, 41, 42, 53, 55, 57, 63, 72, 73, 76, 79, 111, 128
Григора, Никифор, 49, 90
Григорий Богослов
  св., 70
Григорий Назианзин
  св., 70, 71
Грилло, Дарио, 157
Грузия, 154
Гуго III
  король Кипра, 90
Гуго IV
  король Кипра, 90, 135
Гуго де Бо, 74
Гуриели
  князь, 179
Гурия, 137
Гюмюшхане, 102

Давид
  трапезундский император, 131, 140
Далмация, 117, 119
Дамаск, 77

Амиетта, 90
Андоло, Андреоло, 108
Андоло, Джакомо, 127
Андоло, Марино, 11
Андоло, Энрико
дож Венеции, 76
Данте Алигьери, 99
Дафни
монастырь, 54
Де ла Рош, Жан
герцог Афинский, 63
Дели, 106
Деллапорта, Леонардо, 93, 94, 95, 96, 98, 99
Делле Барке, Франческо
архитектор, 43
Дельвуа, Ш., 59
Де'Маре, Гавино, 131
Демус, О., 57
Джакобелло, ди, Маттео, 177
Джакомо, 189
Джанибек
хан Золотой Орды, 128, 189
Джентиле, Паоло, 137
Джентиле/Паллавичино, Бабилано, 159, 160
Джеффриз, М., 80
Джованни из Апулии, 167, 169
Джустиниан, Марко, 127
Джучи, улус. См. Золотая Орда
Дзаккариа
род, 134, 143
Дзено, Карло, 111
Дзено, Пьетро, 95
Дзено, Флоренция, 96
Дзено, Якопо
архиепископ, 111
Дзордзи, Бартоломео, 79
Дзордзи, Джакомо, 127
Ди Ланго. См. Кос
Ди Регоредзо, ди, Антонио
нотарий, 200
Димитрий
грек с Кипра, 166, 167
сын Бонифация Монферратского, 77
Днепр, 13
Додамор, 91
Додеканес, 9
Дон
река, 6, 102, 107, 153, 183, 184

Донато, Микеле, 124, 126
Доранит, 128
Дориа
  род, 200
Дориа, Андриоло, 200
Дориа, Никколозио, 130
Дориа, Николо, 130, 131
Дубровник, 104
Дука Комнин Феодор
  правитель Эпира, 79
Дукиня, Анна. См. Виллардуэн, Агнесса
Дунай, 13, 103

Евгений IV
  папа, 123
Еврипид, 66, 98
Египет, 43, 121, 123, 124
Ефрем
  хронист, 101

Жак II
  король Кипра, 88
Жан II
  король Кипра, 63, 87, 123
Журни, де, Жан, 91

Задар, 104
Закинф, 8, 14
Занта. *См.* Закинф
Зара. См. Задар
Зарака, 54
Захариаду Э., 84
Зиганский
  перевал, 102
Зиха бей
  эмир Азака, 178
Золотая Орда, 12, 102, 106, 128, 153, 154, 177, 180, 184, 185
Золотой Рог, 48

Ибелин, Балиан, 91
Ибелин, Ги, 70
Ибелин, Жан, 90
Ибелины
  род, 91

Иераки, 41, 57
Иероним
  блаженный, 70, 209
Иерусалим, 55, 61, 77, 87, 210
Иерусалимское королевство, 43, 65, 128
Илличе, 13
Иль де Франс, 52
Ильханов держава, 102, 153
Имврос, 13
Империале, Паоло, 157, 158
Индикоплейст, Косьма, 104
Индия, 102, 106
Иннокентий III
  папа, 15, 18, 67, 70
Иоанн
  раб-черкес, 192
Иоанн IV
  трапезундский император, 132, 136, 137, 140, 179
Иоанн Дамаскин
  св., 70
Иоанн Новый Белгородский
  св., 133
иоанниты
  орден, 9, 21, 44, 66, 80, 91
Иоахим Флорский, 70
Ионические
  острова, 6, 8, 14, 17, 124, 126
Ираклий
  византийский император, 92
Ираклион. См. Кандия
Ираклия, 11
Исидор Севильский, 70
Исова, 54
Испания, 45, 53
Истрия, 103, 117
Итака, 8, 14
Италия, 6, 30, 32, 42, 45, 51, 53, 61, 62, 66, 67, 68, 69, 71, 73, 76, 78, 83, 92, 100, 166
Италия, Северная, 17, 73, 128, 207
Италия, Южная, 65

Йорга, Н, 179

Кавказ, 6, 153
Каво дель Дукато. См. Левкас
Кадзуритис, Михаил, 61

Кадмея, 41, 42
Каир, 76
Кайрель, Элиас, 73, 77, 78
Каламита, 41
Калапанайотис
деревня, 61
Каливия
деревня в Аттике, 58
Каллерги
род, 25, 26
Калоян
болгарский царь, 18, 81
Кальво, Бонифаччо, 79
Кампос
долина, Хиос, 50, 51
Кампофрегозо, Иснардо, 157
Кампофрегозо, Лудовико
дож Генуи, 140
Кампофрегозо, Томмазо
дож Генуи, 137, 138, 155, 156, 208, 209
Кандия, 26, 33, 36, 43, 44, 47, 60, 68, 70, 93, 94, 98, 119, 166, 167, 168, 169, 178, 187
Канеа, 44, 47, 48
Кантакузины
династия, 85
Капра, Бартоломео, 136
Каритена, 40, 55, 83
Карл I Анжуйский
король Сицилии, 69, 83
Карл V
король Франции, 92
Карл VI
король Франции, 92
Карл Великий, 77
Карл Смелый
герцог Бургундский, 131
Карло I Токко
граф, 14, 35, 85
Карпи, 142
Карпини Плано, 104
Каспийское море, 108
Каталанская компания, 28
каталанцы, 5, 16, 17, 28, 29, 32, 37, 40, 41, 65, 89, 104, 114, 208
Каталония, 46, 66
Каттанео, Леонардо, 155, 156
Каттанео, Маурицио, 161
Каттанео, Филиппо, 157
Каттапан, М., 59

Каффа, 12, 13, 14, 17, 21, 33, 36, 49, 50, 55, 72, 99, 100, 102, 104, 106, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 162, 177, 180, 184, 186, 189, 200, 202, 203, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212
Кварто, ди, Джорджо, 202
Квирини, Лауро, 98
Кедрин, Георгий, 95
Кельн, 108
Керчь, 12
Кефалония, 8, 14, 64, 84, 127, 187
Кея, 11
Кидонис, Димитрий, 68
Кидония, 59
Киклады, 11
Килия, 13
Кипр, 6, 9, 10, 11, 13, 18, 21, 24, 27, 29, 32, 42, 52, 53, 55, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 70, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 100, 114, 117, 118, 119, 123, 124, 166, 167, 168, 178
Кипрское королевство, 10
Кирения, 42, 52, 88
Китай, 102, 106, 107, 108
Китира, 11, 26, 124, 126
Кларенца, 39, 54, 104, 113, 119, 121
Клермон, 39, 40
Клюни
  монастырь, 78
Кодер, Й, 84
Колахита, 167, 169
Колумб, Христофор, 135
Комнин, Михаил
  правитель Эпира, 81
Комнины, 22, 153, 174
Комнины Великие, 130, 199, 202
Конон де Бетюн, 35, 73, 75
Константин I
  св., византийский император, 92
Константин XI
  византийский император, 161
Константинополь, 5, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 48, 49, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 73, 75, 76, 77, 81, 92, 93, 98, 101, 103, 107, 109, 110, 113, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 124, 133, 142, 152, 153, 159, 160, 161, 162, 168, 177, 178, 179, 187, 189, 192
Константинопольский патриархат, 30
Контарини, Амброджо, 185
Контарини, Бартоломео, 127
Коринф, 19, 22, 66, 69
Корон, 10, 17, 24, 38, 47, 79, 103, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 124, 127, 152, 187

Корсанего, Григорий
католический епископ в Трапезунде, 71
Корфу, 10, 17, 24, 100, 103, 112
Кос, 46, 167
Коста
раб-русский, 192
Крак де Шевалье, 40
Крит, 6, 10, 17, 20, 24, 25, 26, 29, 32, 36, 38, 42, 43, 44, 47, 55, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 68, 69, 70, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 104, 116, 117, 118, 123, 152, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 178, 187
Крым, 6, 12, 13, 49, 100, 107, 153, 175, 177, 178, 189, 200
Кукурно, ди, Джованни, 202, 203
Кукурно, Пасквалино, 203
Куна
русский, 191
Кутлу Тимур
эмир Солхата, 178
Кьоджа, 94

Ламия, 79
Лампсак, 11
Лангуски, Джакомо
нотарий, 160
Ландо, Катарина, 191
Лапиф, Георгий, 90
Ластин, Жан де
великий магистр ордена иоаннитов, 45
Латинская империя, 5, 6, 9, 11, 16, 18, 21, 30, 34, 37, 56, 57, 62, 64, 73, 76, 128, 153, 208
Левант, 6, 24, 117, 124
Леванто, ди, Симоне, 137
Левкадия, 14
Лемнос, 11, 13
Леонардо I Токко
граф, 14
Лепанто, 10, 48
Леркари, Мегодло, 133, 174
Лесбос, 13
Лигурия, 17
Ликостомо, 13
Лимассол, 42, 70
Линдос, 46
Лисипп, 101
Лихачев, Н. П., 166
Ло Вати, 13, 137, 139, 179
Ло Коппа, 156
Ломбардия, 16

Ломеллини, Антонио, 157, 158
Ломеллини, Франко, 157
Ломеллино, Анджелло Джованни, 161
Лонг, ле, Ж., 104
Лонго, Гаспар, 126
Лоос, де, Тьерри, 75
Лудовико да Болонья, 131
Лузиньяны, 10, 27, 52, 63, 86, 87, 88, 90
  короли Кипра, 32, 42
Лука, евангелист, 15
Лукиан, 69
Людовик IX
  король Франции, 72

Магдалина, 191
  жена Луки Чиврано, 192
Майна, Великая, 82
Малая Азия, 11, 18, 94, 167, 168
Малипьеро, Андриоло, 109
Малипьеро, Карло, 127
Мандевиль, Джон, 104
Мануил I Комнин
  византийский император, 130
Мануил II Палеолог, 14
Мануссакас, М., 94
Манфред
  король Сицилии, 83
Мапа, 13
Мари, де', Габриэле, 157
Марин, Николетто, 176, 177, 180
Мария, 189
  рабыня, 188
Мария Шампанская
  графиня, 73
Мартони, Николо
  нотарий, 38, 65
Маруффо, Антонио, 159
Маруффо, Бальдасаре, 159
Маруффо, Марко, 158
Маруффо, Оливерио, 158
Марчелло, Антонио, 127
Марчелло, Пьетро, 168
Матрега, 13
Матфей
  епископ Неопатр, 69
Махера, Леонтий, 86, 87, 88, 89, 90
  хронист, 63, 88

Машо, де, Гийом, 91
Меганом
мыс в Крыму, 157
Мезьер, де, Филипп, 92, 93
Мелиссины
род, 25
Мелоде, ди, Филиппо, 137, 138, 139
Ментеше
эмират, 94
Мерабелон
залив, 167
Мероде, ди. См. Мелоде, ди
Мессения, 55, 112, 113, 119, 121
Мехмед I
турецкий султан, 46
Мехмед II
турецкий султан, 160
Микелоцци, Микелоццо, 50
Миконос, 11
Милан, 71, 99, 100, 132, 133, 136, 155, 156, 208
Милон Брабантский, 76
Милос, 11
Минка
русский, 191
Мистра, 9, 40, 55, 62, 82, 85, 94, 113
Митилена, 13, 136
Михаил VIII Палеолог
византийский император, 12, 33, 40, 48, 63, 81, 82, 153
Михали
болгарин, 167, 168, 169
Модон, 10, 17, 24, 38, 39, 47, 48, 79, 103, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 126, 127, 152, 187
Молдова, 103
Молин, де, Бенедетто, 96
Момбель, 78
Моначи, ди, Лоренцо, 98
Монгизарт, 78
Монемвасия, 10, 82, 104, 113, 116, 121
Монкастро, 13, 103
Монлеоне, Вани, 136
Монтолиф, де, Жан, сеньор Хулу, 88
Монферрат, 16, 73, 74, 77, 78
Морейское
княжество, 9
Морея, 16, 19, 20, 22, 23, 24, 29, 30, 32, 36, 39, 40, 41, 42, 45, 55, 64, 65, 69, 72, 80, 81, 82, 83, 113
Морозини, Марино
дож Венеции, 44

Горозини, Томмазо, 15, 30
Гочениго, Пьетро, 166
Гурад I
 турецкий султан, 93, 94
Гутулла
 деревня, 60

Гавагайозо, Филокало, 11
Гаварин, 48
Гаварра, 16
аваррцы, 29, 41
Гавпакт, 10, 48
Гавплий, 10, 22, 48, 77, 116, 117, 121
Гаксос, 11, 47, 58
Геаполь, 135
Гегро, ди
 род, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 143
Гегро, ди, Агостино, 135
Гегро, ди, Андало, 135
Гегро, ди, Андреа, 134, 141
Гегро, ди, Гальвано, 135
Гегро, ди, Джироламо, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 143
Гегро, ди, Карлино, 135
Гегро, ди, Кристофоро, 142
Гегро, ди, Маттео, 141, 142
Гегро, ди, Теодоро, 138, 139, 140, 141, 142
Гегро, ди, Урбано, 135, 136, 137, 140, 141, 143, 203
Гегропонт, 11, 31, 33, 47, 77, 103, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 121, 187
Геопатры
 герцогство, 28, 63, 69
Гигро, де, 141, 203. См. Негро, ди
Гигро, Джованни, 191
Гидо, Б., 175
Гикея, 12, 22, 63, 153
Гикита Хониат, 15, 98
Гикосия, 42, 43, 52, 53, 91
Говар, де, Филипп, 65, 90, 91
Говара, 90
Годеро, ди, Франческино, 108
Горес, де, Жан, 86
Готара, Лука, 161

вернь, 46
ккам, 70
лита
 рабыня, 191

Орина
рабыня-русская, 192
Орландо, 166, 167, 168
Орсини
династия, 9
Османская империя, 159
османы, 5
Отрар, 106

Павьо, Ж, 180
Пайперт, 102
Пакси, 126
Палеолог, Иоанн
севастократор, 63
Палеолог, Феодор
деспот Мистры, 94
Палеологи
династия, 12, 40, 63, 82, 94, 153, 165
Палеологиня, Елена, 63
Палестина, 93
Паллавичино, Аллаоне, 161
Папакостас
грек, 156
Париж, 67, 106
Парос, 11
Пасхалий
монах, 107, 108
Патры, 38, 41, 57, 187
Пафлагония, 153
Пахимер, Георгий, 33, 98
Пеголотти, Франческо Балдуччи, 105, 106, 107, 108, 109, 110
Педро IV Арагонский
король, 37
Пекин, 106
Пелагония, 72, 84
Пелатия, 94
Пелопоннес, 9, 10, 19, 24, 39, 42, 58, 63, 68, 83, 103, 110, 111, 112, 115, 116, 119, 123, 124, 152
Пера, 12, 17, 21, 36, 48, 49, 54, 64, 67, 69, 71, 72, 104, 135, 136, 137, 138, 141, 142, 153, 159, 160, 161, 162, 180, 200, 202, 208, 209
Перигор, 78
Перина, 191
Персия, 108
Пертузи, А., 69, 98
Петр I Лузиньян
король Кипра, 87, 88, 91, 92
Петр Томас
св., 92

Петрарка, Франческо, 94, 98
Петрунион, 46
Пиза, 16
Пизани, Пьеро, 127
пизанцы, 130
Пилат, Леонтий, 69, 98
Пиренеи, 93
Пистарино, Джео, 14
Платон, 66, 100
Племеняна
деревня, 59
Плутарх, 66
Пола, 103
Поло, Марко, 104, 105
Польша, 92, 103
Понт, 94, 110, 153, 202
Понтийские Альпы, 102
Понтийские ворота, 102
Понтираклия, 13
Порденоне, Одорико, 104
Порто Пизано, 176
Порфирий, 70
Поти, 13
Потула, 96
Приазовье, 183
Причерноморье, 5, 6, 12, 13, 30, 33, 50, 55, 102, 103, 104, 107, 110, 113, 117, 118, 119, 120, 134, 135, 136, 142, 143, 153, 155, 157, 159, 162, 166, 177, 179, 184, 186, 187, 192, 199, 200, 202, 206, 207
Прованс, 45, 46, 73
Прокл, 66
Псевдо-Дионисий, 71
Птолемей, 66, 68
Путео, ди, Антонио, 203
Путео, ди, Базилио, 203
Путео, ди, Баттиста, 203
Путео, ди, Пьетро, 203

Равенник, 79
Рагуза, 38, 104
Раймбаут Вакейрасский
трубадур, 63, 73, 74, 75, 76, 78
Рамадан
эмир Солхата, 177, 178
Реймс, 110
Реканелли, Габриэле, 157
Ретимно, 44, 187
Риваролo, ди, Антонио, 139
Риваролo, ди, Баттиста, 139

Ривьера Лигурийская, 142
Риккардо
  граф Кефалонии, 64
Риццо, Андреа
  художник, 59
Ричард Львиное Сердце
  король Англии, 9
Ришар, Ж., 71, 104
Робер де Клари, 14
Роберт Гвискар, 78
Родопы, 75
Родос, 9, 21, 44, 45, 46, 47, 66, 80, 123
Роланд, 77
Романия, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 17, 19, 20, 21, 22, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 58, 59, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 77, 78, 79, 82, 83, 85, 86, 99, 100, 101, 102, 103, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 128, 136, 138, 157, 158, 159, 165, 166, 168, 169, 174, 176, 183, 184, 200, 202, 208
Россо, Марино, 127
Рубрук, Г., 104
Руджеро, Франческо, 176
Русь, 6, 58, 184

Сабеллико, М.-А., 98
Саллюстий, 71
Саломоно, Терамо, 191
Салона
  графство, 9, 41
Салоник, де, Гийом, 73
Салютати, Колюччо, 66
Самофракия, 13
Самсун, 13. См. Симиссо
Самуил, 188
Сан-Донато, ди, Джованни, 156
Сан-Джорджо
  банк, 14
Санкт-Петербург, 123, 166
Санудо
  род, 11, 33, 47, 127
Санудо, Марино, 33
Санудо, Марко, 11
Санудо, Франческо, 127
Сарай, 102, 106, 107
Сарайчик, 106, 108
Сарлат, 78
Саули, Манфредо, 155, 156

Сахликис, Стефан, 97, 169
Святая Земля, 10
Сгур, Лев, 22
Севастополис, 13
Сенарега, Бартоломео, 133
Сен-Кантен, де, Гуго, 73
Сен-Мор, де Бенуа, 65
Сент-Омер, де, Никола, 57
Сербия, 56, 93
Серифос, 11
  пролив, 115
Сидерос
  мыс, 167
Симиссо, 13, 55, 132, 135, 200, 201
Симон Константинопольский
  доминиканец, 64
Синай, 57, 62
Синоп, 13, 132, 174
Сирия, 16, 38, 42, 57, 76, 77, 91, 93, 118, 121, 123, 124, 126, 127
Сития, 168, 169
Сито, 78
Сифнос, 11
Сицилийское
  королевство, 5, 128
Сицилия, 69, 124, 127
Скандинавия, 93
Скиафос, 11
Скирос, 11
Скопелос, 11
Скордилы
  род, 25
Скотто, Николо(зио), 177, 178
Скулудо, Джованни, 169
Смирна, 46, 92
Солдайя, 12, 49, 50, 135, 157, 184, 210
Солиго, Кристофаль, 126
Солхат, 102, 106, 177, 178
Спарта, 40
Спинола ди Лукулло, Анфреоно, 200
Спинола, Антонио, 138
Спинола, Лучано, 159
Спинола, Мервальдо, 137, 138, 139
Спинола, Сорлеоне, 131
Спорады, 11
Средиземноморье, 5, 6, 10, 27, 29, 30, 36, 107, 123
Средняя Азия, 102, 110
Ставриаки
  деревня, 169

Стамбул, 142
Стимфалия
  озеро, 54
Студеница, 56
Судак, 12, 184
Сухуми, 13, 33

Тавриз, 102
Тайгет
  горы, 24, 40
Тайдула
  ханша Золотой Орды, 178
Тальякоццо, 83
Тальяпьетра, Пьетро, 175
Таманский
  полуостров, 13
Тамерлан, 110, 178, 185
тамплиеры
  орден, 39, 42
Тана, 12, 13, 17, 33, 47, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 116, 117, 118, 119, 124, 132, 141, 153, 166, 175, 176, 177, 178, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 210
Тебриз, 102. См. Тавриз
Тенедос, 115, 188
Тивчев, П, 86, 87
Тинос, 11
Тира, 11
Тирье, Ф., 17
Тмутаракань, 13
Токко
  род, 14, 35, 39, 84, 85, 86
Торрилья, ди, Антонио
  нотарий, 142
Тохтамыш, 110
Трансторн, Гонсальво, 107
Трапезунд, 12, 13, 17, 47, 48, 56, 71, 93, 94, 102, 104, 105, 110, 118, 124, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 153, 156, 175, 199, 200, 201, 202, 203
Трапезундская империя, 129, 130, 131, 133, 134, 136, 137, 138, 174, 202
Тревизо, 94, 189
Тревизо, ди, Джованни, 189
Триполи, 40
Троя, 57, 65
Труа, 52
Туаси, де, Жоффруа, 179
Тунис, 94
Туркестан, 108

Узбек
  хан Золотой Орды, 108
Ургенч, 102, 106, 107, 108, 110

Файдит, Гаусельм, 73
Фальер, Марино, 95, 96, 97
Фальер, Марко, 97
Фамагуста, 13, 42, 43, 52, 53, 87, 200
Фасос, 13
Фассо, 13
Феодор
  русский, 191
Феодора
  гречанка, 190
Феодосий Великий
  византийский император, 92
Феодосия, 12, 184. См. Каффа
Феофан Критский, 62
Феофилопул, Георгий, 18
Фермопилы
  ущелье, 40, 41
Фессалоники, 6, 10, 77, 79, 104
Фессалоникское королевство, 9, 40, 73, 78
Фетинкия, 191
Фивы, 10, 15, 28, 38, 57, 66, 80, 174
Филипп Добрый
  герцог Бургундский, 131, 179
фламандцы, 17
Фландрия, 16, 34
Флоренция, 16, 37, 131, 132
Фокея, 13
Фокея Старая, 167, 169
Фома Аквинский
  св., 66, 67, 70, 90
Фонтона, Джованни, 180
Форьер, де, Гийом, 73
Фотий
  патриарх, 68
Фракия, 13
Франки, де, Маркизио, 159, 160, 161
Франциск Ассизский
  св., 48, 56, 70, 200, 201, 209
Франция, 6, 18, 23, 42, 52, 53, 61, 82, 88, 92, 128
Франция, Северная, 45
Франция, Южная, 17, 45
Франческина, 108
Фрескобальди, Леонардо, 109

Фридрих II
германский император, 77, 91
Фукидид, 69
Фьески, Джакомо, 141
Фьески, Маттео, 141
Фьески, Теодоро, 140, 141, 157
Фьески, Франческо, 141, 143

Хаджитархан, 106
Хадзикадис, М., 60
Халки, 54
Ханбалык, 106
Харфф, фон, Арнольд, 108
Хилл, Дж., 52, 87
Хиос, 13, 14, 17, 21, 28, 36, 50, 135, 141, 142, 161, 167, 169, 177
Хлемутци. См. Клермон
Хониат, Михаил
архиепископ Афинский, 15, 58, 64
Хофманн, Г., 70

Цамблак, Григорий, 133
Цицерон, 100

Чембало, 12, 210
Чериго, 126. См. Китира
Черное море, 12, 30, 38, 102, 110, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 120, 121, 124, 139, 152, 153, 174, 177, 188
Черути, А., 100
Чиврано, Лука, 192
Чириако из Анконы, 38, 66

Шампань, 14, 16, 91
Шамплит, Гийом де, 19
Шарлотта
королева Кипра, 61, 63
Шартр, 73
Шахрух Тимурид, 137
Шотландия, 92

Эвбейский пролив, 115
Эвбея, 11, 31, 47, 54, 58, 65, 103. См. Негропонт
Эврип, 15, 65

Эгеида, 10, 11, 20, 26, 32, 57, 58, 64, 66, 95, 99, 111, 114, 116, 117, 123, 124, 152, 169, 170
Эгейское
  море, 13, 114
Эдесса, 76
Элеонора Арагонская
  королева Кипра, 88
Элида, 19, 40
Эллада, 33. См. Греция
Эль Греко, 6
Эмери Нарбоннский, 77
Энлар, К., 53
Энос, 13, 99
Эпир, 14, 22, 35, 79, 81, 84, 85, 86
Эрегли, 13
Эредиа, де, Хуан Фернандес, 66, 81
  магистр ордена иоаннитов, 66
Эрзерум, 102

Юргевич, В. Н., 153, 206, 211
Юстиниан I
  византийский император, 92

Якоби Д., 12, 16, 17, 80
Янина, 14, 84, 85
Янис
  грек из Таны, 191
  грек с Кипра, 167, 168, 169
Янус
  король Кипра, 61
Ярылгашская бухта, 175

Оглавление

Введение 5

Часть 1. Феномен Латинской Романии 8
Латинская Романия 8
Культура Латинской Романии 36

Часть 2. Дороги Латинской Романии 102
Из Европы в Азию через Черное море 102
Порты Пелопоннеса в системе навигации венецианских торговых галей в Черное море (XIV–XV вв.) 110
Венецианский документ XV в. о торговой навигации в Восточном Средиземноморье 121

Часть 3. Люди и обстоятельства 128
Итальянские «бароны» трапезундских императоров 128
Консулы генуэзской Каффы перед судом и наветом 152
Бабилано Джентиле / Паллавичино и падение Константинополя в 1453 г. 159
Дело об убийстве на Крите в 1382 г. 164
Охота за людьми. Черноморское пиратство в XIV–XV веках 173
Межэтнические отношения и смешанные браки на окраине Латинской Романии (Тана, XIV–XV вв.) 183
Иск брата Георгия: неизвестные документы генуэзской судебной курии в Трапезунде 199
Что и как праздновали в Каффе в XV в.? 206

Иллюстрации 215
Список сокращений 229
Указатель личных имен и географических названий 230

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»

Телефон редакции: (812) 567–2239,
fax: (812) 567–2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru
Пишите нам по адресу: Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13, издательство «Алетейя»

Для получения книг почтой
заказы направляйте по адресу:
199034: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»
факс (812) 218–4422, тел. (812) 218–7763,
а также заказав их через отдел «Книга — почтой»
Санкт-Петербургского Дома Книги,
прислав заказы по адресу:
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 28